

Влад СТИФИН

МЯКИН

Влад Стифин Мякин

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70534126
SelfPub; 2024*

Аннотация

У Мякина, героя этой книги, нет имени, нет лица, весьма неопределенно обозначены возраст и род занятий. Можно подумать, что фамилия у него говорящая – этакий безвольный, податливый человек. Но читателю легко понять, что это не так, наблюдая с какой целеустремленностью, с какой твердостью крушит он собственную жизнь. Он хочет найти в себе нового, свободного человека. Но что такое свобода? От чего свободен Мякин, нужна ли ему эта свобода и куда она его приведет?

Содержание

Вместо предисловия	4
Санатория	7
Клиника	211
Либертория	394

Влад Стифин Мякин

Вместо предисловия

Здравствуйтесь, уважаемый Влад! Позвольте мне вас так называть, так как являюсь искренней вашей почитательницей и думаю, что вправе обратиться к вам таким образом.

Только вчера завершила чтение вашего нового произведения и, честно сказать, расстроилась. Я бы даже сказала – огорчилась.

Читала, как всегда, на одном дыхании, возвращалась к отдельным моментам, перечитывала. И что же я обнаружила? Слабого, никчёмного человека – главного героя. Мне даже не хочется называть его главным героем – он совсем не мужчина, ни капельки мужественности. Какой-то мямля – нерешительный и безвольный человек! Я, конечно, понимаю ваш замысел. Вам, вероятно, захотелось описать такого «маленького человечка», какие всё-таки встречаются в реальной жизни. «Но, – говорю, я и еще раз: – Но!» Вы же – талантливый человек, неужели вам ни разу в жизни не встретились достойные подражания, я бы сказала, описания, примеры? Их полно, только надо оглянуться, посмотреть по сторонам, не заикливаться на нашей, ещё встречающейся, серости. Он

– ваш главный герой, даже не может удержаться в должности начальника, что совсем, как говорили раньше, нетипично.

Нынешние начальники, и это вы знаете лучше меня, если устроятся в кресле, то уж оттуда их ничем не выкуришь, а ваш герой – слабак. Расстроился и сник, не проруководив коллективом и года, а ведь, кажется, работать умеет.

Простите за резкость, но это от эмоций, без которых невозможно читать вашу книгу о Мякине.

Уважаемый Влад! Всё, что я изложила ранее, всё это сущие пустяки по сравнению с главным. А главное – вот в чём. Вы совсем забыли про любовь, то есть кое-что там у вас есть, но это кое-что так мало, так незначительно и, право же, так далеко от жизни, что диву даёшься, как вам это не заметили. Ваш герой то ли глубоко равнодушен, то ли, извините, чем-то болен, потому что всех женщин он проигнорировал.

Всех оставил в недоумении: и умницу в санатории, и собственную супругу (заботливую, тихую женщину, которой он явно недостоин), и сослуживицу. О ней особо. Ведь она любит его, любит самоотверженно, терпеливо ждёт от него взаимности. По сюжету спасает его от гибели. И вот, казалось бы, счастливый конец, но нет. Вы как автор решили обойтись без «хеппи-энда». Что ж, это ваше право, но Раису жалко. Жалко до слёз, да и супругу тоже. Я бы не взяла его, вашего героя, то есть не приняла обратно, но в вашем произведении конец открыт. Открыт, как всегда, без продолжения, а жаль.

С глубоким уважением, ваша бессменная почитательница

Санатория

Мякин впервые в жизни попал в санаторий. Получилось это почти случайно. Зима была в самом разгаре, и, как положено, снега да морозы не располагали к отпускам в данной местности. Трудящиеся массы суетились в ожидании новогодних праздников, и редко кто из них был готов отправиться в очередной отпуск. Как правило, в те времена население стремилось отдыхать летом, когда тёпленькая погода уж совсем не вдохновляла на интенсивный труд во благо.

Как-то после обеда, когда конторские ещё не углубились в тягомотину бумаг, Мякина вызвал начальник. Мякин сразу заподозрил неладное: обычно в такие часы начальство тихо отсиживалось по кабинетам, в спокойствии перерабатывая обеденные яства.

– Заходи, заходи, Мякин, – подозрительно ласково обратился к нему начальник.

Мякин насторожился до предела и мысленно, лихорадочно перебирал все возможные промахи, которые мог сотворить вольно или невольно за последние два дня.

– Ну что, Мякин, как дела? Как... – Начальник, видимо, хотел ещё что-то спросить, но послеобеденная расслабленность ликвидировала быстроту мысли, которая бывала у начальника по утрам, особенно когда он вставал, так сказать, не с той ноги.

– Как здоровье? – продолжил начальник.

Мякин совсем сник.

«Ну, сейчас начнётся», – подумал он и приготовился к самому худшему.

Самым худшим среди конторских считалось состояние, когда начальник начинал учить, как надо работать. В этих случаях он монотонно говорил и говорил про то, как необходимо оформлять документы, как готовить заключения. Приводил множество примеров нерадивого отношения к конторским обязанностям и иссякал только тогда, когда подчинённый, вытянувшись в струнку у стола, втягивал голову в плечи, опускал её и молчал, затаившись, как мышь в норке, на всё время поучения.

Но в этот раз начальник удивил Мякина, пригласив его сесть.

– Да ты, Мякин, садись! В ногах правды нет. Вижу, устал маленько. Работы-то много?

Мякин с перепугу остолбенел и сначала никак не отреагировал на это предложение. Он подумал, что ослышался, и остался стоять.

– Садись, садись, Мякин, – повторил начальник. – Мы тут решили в санаторию тебя отправить.

Мякин окончательно остолбенел. С трудом приоткрыл рот и, с усилием двигая языком, изрёк то ли звук удивления, то ли вопроса:

– А?

– Никакого «А», – строго отреагировал начальник. – Заслужил. Заслужил самоотверженным трудом. Уж сколько лет у нас?

Мякин вернулся в действительность и с дрожью в голосе ответил:

– Больше десяти.

– Вот видишь, – удовлетворённо подтвердил начальник. – Заслужил санаторию!

Мякин с испугу присел на краешек стула и тут же вскочил, словно наткнулся на что-то острое.

– А отчёт? – произнёс он с некоторой тревогой.

– Отчёт передашь Казлюку, – ответил начальник и, хлопнув ладонью по столу, добавил: – Отчёт передашь и оформляйся. Всё.

Мякин не помнил, как оказался в коридоре. Ноги плохо слушались, и он с трудом добрался до своего стола. Сел и некоторое время пытался сосредоточиться на происшедшем.

– Меня посылают в санаторий. Отчёт передать Казлюку. Что бы это значило? – Мякин огляделся по сторонам. Казлюк пристально следил за ним из угла комнаты, и Мякину даже показалось, что тот как-то странно улыбается.

О Казлюке в конторе ходили разные слухи. Одно время поговаривали, что он чей-то родственник и что скоро займёт место начальника. Потом этот слух сменился на другой: будто бы Казлюка натаскивают на какую-то высокую должность и сидит он здесь временно – как говорится, для созда-

ния хорошей анкеты. Во всяком случае, конторские Казлюка немного побаивались, то есть относились к нему с осторожностью – мало ли что. А Казлюк всего за месяц работы сумел втиснуться во все конторские дела. Водилась за ним одна неприятная привычка. Бывало, встанет за спиной у кого-нибудь и наблюдает за работой. Мякина это ужас как раздражало, но сделать он ничего не мог – терпел этого Казлюка, как и все. А ещё у Мякина был индивидуальный повод опасаться Казлюка. Лишь у одного Мякина была высшая категория, а у Казлюка – только первая. И теперь в неожиданно сложившихся обстоятельствах в голове у Мякина зрела страшная мысль: а ну как передадут Казлюку его, мякинскую, высшую, а ему, старейшему работнику, первую оставят?

Жутко стало Мякину от этой мысли – аж холодок по спине пробежал, – а тут ещё учуял он спиной, что кто-то стоит сзади и дышит ему в затылок.

«Никак опять этот Казлюк подкрался?» – подумал Мякин и затаился ни жив ни мёртв. Бумаги тихо перелистывает, обернуться опасается.

– Мякиша, ты чего дрожишь весь? – услышал он сзади.

Расслабился Мякин – отлегло у него, не Казлюк это.

– Ты, Мякиша, чего у начальника-то делал? – услышал он снова и обернулся.

Она с лукавой улыбкой потрепала его по затылку, заглянула в бумаги и спросила:

– Корпишь? Смотрю, отчёт уж почти готов.

– Ага, – втянув голову в плечи, ответил Мякин. Ему совсем не хотелось обсуждать с кем-то тему санатория.

– Чего молчишь, Мякиша, премию, что ли, тебе обещали?

– Не-е... – нехотя произнёс Мякин. – В санаторий меня отправляют.

– Ну ты, Мякин, даёшь! Это ж надо! В санаторий! И ты это скрываешь от коллектива? – затараторила она. – Нехорошо это, Мякиша, – скрывать от коллектива такое событие!

– Я и не скрываю, – пробубнил Мякин. – Вот, отправляют. – Он кивнул в сторону начальственного кабинета. – Даже отчёт не дают доделать.

– Да ну его, этот отчёт, Мякиша! – Она обняла его за плечи. – Отдохнёшь от бумаг наших, от этой пыли вечной. – Она мечтательно зажмурилась. – Будешь в ванне лежать, блаженствовать. Хорошо!

– Буду, – как-то неуверенно ответил Мякин.

– Ах да, забыла сказать тебе, – наклонившись к его уху, прошептала она: – это Казлюк, пока ты у шефа торчал, всё тут распинаялся – намекал, что скоро повысят его в должности. Противный этот Казлюк, не то что ты, Мякиша! – Она снова потрепала его по затылку, а он, услышав слова про Казлюка, снова втянул голову в плечи, и мысли его опять стали нехорошими.

– Когда едешь-то? – спросила она.

Он вздрогнул от её вопроса, сообразил, что надо как-то

ответить, и наконец-то произнёс:

– Вот отчёт передам – и в понедельник меня здесь не будет.

– Да ты что, а банкет?! Отвальная должна быть обязательно! Ты что, Мякин, так без проводов и слиняешь? Сейчас организуемся. – Она повернулась к нему спиной и громко, на всю комнату объявила: – Товарищи, минуточку внимания! Наш Мякиша, то есть товарищ Мякин, убывает в заслуженный отпуск. Отбывает в санаторий. Это дело, товарищи, надо отметить.

– Мякин, ты молодец! В санаторий! Это ж надо! Надо отметить! Надо отметить! – раздались голоса.

– Щас я сбегаяю. – Вихрастый молодой парень вскочил из-за стола. – Гроши давайте!

Через полчаса на центральном столе появились закуски в одноразовой посуде и несколько бутылок спиртного. Коллектив радостно шумел в предвкушении небольшого конторского праздника. Когда разлили вино в бумажные стаканчики, дверь начальственного кабинета распахнулась и в проёме образовалась крупная фигура шефа.

– Это что за мероприятие? – хмуро спросил он.

– Герасим Ильич, извините, но наш Мякин, наша гордость и слава, в санаторию отправляется! Без отальной никак нельзя. – Раиса искренне улыбнулась, подошла к шефу и протянула ему стаканчик с вином.

– Да-да, – прогудел шеф. – Но только аккуратно и недолго.

– Мы тихонечко, – ответила за всех Раиса. – Присоединяйтесь.

– Нет-нет. Я попозже, – ответил Герасим Ильич. – А вы, Раиса, зайдите ко мне. – И шеф, не приняв стаканчик, вернулся к себе.

Раиса тихонечко поставила стаканчик на стол, оглядела притихших сотрудников и негромко произнесла:

– Я сейчас, подождите меня. – И аккуратно прошла в начальственный кабинет.

Коллектив в нерешительности застыл у стола.

– Товарищ Мякин, доложите трудящимся, как вы добились таких успехов? – Вихрастый обратился к Мякину и, не зная, как поступить со стаканчиком, полным вина, хотел бы-ло чуточку отхлебнуть содержимое, но не решился и продолжил держать стакан в двух руках.

– Я не знаю, – ответил Мякин.

– Он не знает. – Бородач поддержал Мякина. – У нас санатории выделяют в тайне. Мякину просто повезло – вот и весь ответ.

– А мне что-то не везёт, – заявила нервная, худая женщина. – Сколько лет сижу здесь, а санаторий ни разу не дали!

– Так вам, мадам, – отреагировал бородач, – ещё рано. Мякин-то уж более десяти лет здесь корпит. Вот и повезло.

– Безобразие! – громко заявил Казлюк. – Мы что, так и будем стоять здесь насухую?! Давайте пить! – И он залпом опустошил свой стаканчик.

Остальные молча отпили немного вина. Разговор не клеился. Мякин никак не походил на виновника торжества – угрюмо смотрел на стол с бутербродами и бутылками вина и думал о чём-то своём.

– Ты, дружище Мякин, почему не радуешься? – произнёс Казлюк. – Выпей вина и доложи коллективу, как ты дошёл до такой жизни!

– До какой? – пробубнил Мякин.

Казлюк открыл вторую бутылку, налил себе и весело сказал:

– Ну уж совсем «трагедь» получается! Никто не пьёт. Так, господа и дамы, совсем не годится! Мякина следует в санаторий проводить как положено.

– А как положено? – спросила худая женщина.

Вихрастый отхлебнул немного вина и, покачав головой, заявил:

– Мы что же, Раису ждать не будем? Просила подождать.

– Сколько же ждать? – нетерпеливо произнёс бородач. – Там, – он кивнул в сторону кабинета, – можно надолго задержаться.

– Мякин, ну ты-то что молчишь? Расскажи, как он тебе объявил про санаторий? Нам интересно! – Бородач допил содержимое стаканчика и подхватил со стола бутерброд.

– Да, коллега, разъясните коллективу, как наш Герасим Ильич вручает путёвки! Это ж редкое явление! – Худая женщина понюхала стаканчик и в нерешительности поставила

его на краешек стола.

– Не мучайте товарища Мякина, – заявил Казлюк. – Он у нас выдающийся человек. Человек с путёвкой. Мы должны его поздравлять, чествовать и радоваться его успехам. Давайте выпьем за его здоровье.

Дверь кабинета открылась, и весёлая Раиса произнесла:

– Не утерпели, черти! Пьёте без меня. Как же это некультурно!

– Прости, Раечка, не удержались, – ответил за всех бородач. – Такое событие! Мякин в санаторию отбывает! Быстренько к нам! – Он засуетился, налил полный стаканчик и с поклоном подал его Раисе.

– Ну, Мякин, за тебя! – сказала Раиса и сделала несколько глотков. – Там, в санатории, веди себя хорошо. Здоровья набирайся, а мы уж тут... – Она долго выбирала бутерброд, взяла с сыром и добавила: – Сиди там на диете. Питайся рационально. Тебе, Мякиша, надобно отдохнуть от этого. – Она свободной рукой обвела пространство конторы.

Мякин молча кивнул, попробовал вина, поставил недопитый стакан на стол и вздохнул.

– Не вздыхай, Мякиша, не пропадём, дождёмся тебя, – сказала Раиса и приступила к поеданию бутерброда. – Герасим Ильич тобой доволен. Хвалил тебя. Ты, Мякин, незаменимый у нас!

Она замолчала, доела бутерброд и без улыбки, неожиданно грустно произнесла:

– Все мы незаменимые, только не знаем об этом.

– Ты-то, Раечка, у нас точно незаменимая! – пробасил бо-
родач. – Только ты Герасима можешь успокоить. Никто боль-
ше.

– Да уж, да уж, – добавила худая женщина и, недобро
улыбнувшись, прибавила: – Куда уж нам в незаменимые
лезть! Физиономией не вышли.

– А чего это не вышли? – возразил вихрастый. – Все вы-
шли, каждый по-своему.

– Конечно, конечно вышли, – произнёс Казлюк. – Как это
поётся: «Не родись красивой, а родись счастливой». Вот наш
именинник, Мякин, счастливый! Почти месяц отдыхать бу-
дет. Правда, будешь отдыхать, товарищ Мякин?

Мякин пожал плечами и ничего не ответил. Он подумал,
как это известие воспримут его домашние.

Вечером, когда супруга Мякина увидела его угрюмое ли-
цо, она всплеснула руками и испуганно спросила:

– Что-то случилось?

– Еду в санаторий, – тихо ответил Мякин.

– Как в санаторий? – настороженно произнесла супруга. –

А отчёт?

Вся семья Мякина уже давно знала, что в это время у Мя-
кина отчёт и в доме должна быть тишина и созданы ком-
фортные условия для папы.

Снимая пальто, Мякин буркнул:

– Отчёт велено передать Казлюку. То есть я его уже пере-

дал.

Супруга, подхватив пальто, в расстройстве села на стул и минуту, пока Мякин переоблачался в домашнее, не могла произнести ни слова.

– Это что означает? – тихо спросила она.

– Не знаю, – нехотя ответил Мякин и прошёл в ванную.

Супруга встала, повесила пальто и, стараясь не шуметь, осторожно прошла за ним. Под шум воды она, стараясь быть спокойной, произнесла:

– Может быть, это и хорошо. Наконец-то отдохнёшь.

Мякин закрыл кран, долго возился с полотенцем, вышел из ванной и, не взглянув на супругу, прошёл на кухню.

– Я тебе вкусенькое приготовлю, – вслед ему сказала супруга и засуетилась у стола.

Мякин привычно разместился на своём месте, уныло оглядел кухонную обстановку и вспомнил напутственные слова Раисы: «Ты, Мякин, не унывай. Санатория – весёлое местечко, если только не унывать».

– Мякиша, вот яишня, глазунька. Как ты любишь! – Супруга поставила перед ним тарелку с тремя только что зажаренными яйцами.

Мякин вздрогнул и неожиданно сам для себя проворчал:

– Не называй меня так больше никогда!

Супруга застыла в недоумении. Она открыла рот, и у неё машинально вырвалось:

– А... а... – а затем она растерянно произнесла: – А как

же, Мякиша... – На этом она осеклась и через несколько секунд продолжила:

– А как же называть?

Мякин, угрюмо оглядев яишню, подумал: «Что это я бросаюсь на неё? Нервы, что ли, разгулялись?» – и примирительно произнёс:

– Извини. Это я нечаянно. Достала меня эта санатория.

Он машинально поковырял яичницу. Один желток протёк на тарелку и испортил кулинарную картинку. Мякин вздохнул и без аппетита приступил к поеданию ужина. Супруга терпеливо стояла у стола и не решалась о чём-то поговорить с ним. Она убрала за ним пустую тарелку, подала горячий чай и покорно спросила:

– Когда?

– Что «когда»? – размешивая чай, спросил Мякин.

– Когда ехать-то? – снова спросила супруга.

– В понедельник, – сухо ответил Мякин.

– Я тебя соберу, – предложила супруга.

– Всё потом, – ответил Мякин и спросил: – Что дети?

– У себя, – ответила супруга.

Мякин молча допил чай, поднялся из-за стола и направился в детскую.

– Как учёба? – спросил Мякин, появившись на пороге комнаты с двумя кроватями и письменными столами, за которыми у мониторов сидели мальчишки лет десяти.

– Нормально, па, – услышал он синхронный ответ.

– Нормально, – вслух повторил Мякин и попытался вспомнить, когда же в последний раз занимался с сыновьями.

«Когда же это было?» – спросил он сам себя, и как-то стыдно и грустно ему стало.

– А чем занимаетесь? – снова спросил Мякин.

– Играем, па. Не мешай, – услышал он в ответ.

«Вот и ответ тебе, па, – подумал Мякин. – Не мешай».

Он тихонько отступил назад и аккуратно закрыл за собой дверь. Супруга тихо хлопотала на кухне. Мякин прошёл в гостиную, уселся в своё любимое кресло, хотел было включить телевизор, но передумал – закрыл глаза и попытался представить себя в санатории, как он лежит беззаботно в тёплой ванне, ни о чём не думая, а вокруг бегают санаторный персонал в белых халатах и заботится о нём. Раиса, вся в белом, трогает его лоб, промокает белоснежным платком капельки пота, выступившие на нём от тёплой ванны, и ласково треплет его по затылку:

– Мякиша, что с тобой, не заболел ли?

Он открыл глаза – тревожный взгляд супруги устремлён на него:

– Ты задремал. Что-то бормотал во сне. Плохой сон?

– Да, что-то снилось, – вяло ответил Мякин. – Что-то я совсем расклеился. Пойду-ка я спать.

– Да, конечно, отдохни, – согласилась супруга. – После завтра тебя соберём, а там отдохнёшь от дел, здоровье по-

правишь.

Супруга удалилась в спальню, приготовила постель и снова появилась в гостиной. Мякин, сидя в кресле, спал. Она решила его не будить – накрыла пледом и, стараясь не шуметь, прошла на кухню. А Мякину снился сон про санаторий.

– Мякин! Товарищ Мякин! Ну где вы? Ванна уж давно готова!

Мякин в одних трусах стоял в комнатухе, отделанной белым кафелем, и лихорадочно соображал, стоит ли снимать трусы или остаться в них, бултыхнувшись в тёплую, бурлящую пузырьками воду.

– Мякин, вы наконец-то ляжете в ванну или так и будете стоять?

Этот голос Мякина насторожил – что-то знакомое было в нём. Он обернулся и крайне удивился, просто остолбенел, потому что сзади него стояла его коллега – худая женщина, – но почему-то в белом халате и с очень строгим лицом.

– Да, – пролепетал Мякин и нерешительно дотронулся до резинки трусов.

– Не бойся, Мякиша, мы отвернёмся, – услышал он второй голос.

Дружелюбно улыбаясь, Раиса плавно помешивала рукой бурлящую воду.

Мякин зажмурился и неожиданно для себя оказался в ванне. Тёплые пузырьки приятно щекотали голое тело. Лежать было комфортно, и Мякин на некоторое время успоко-

ился, открыл глаза и обнаружил себя в окружении конторских в белых халатах, а у самых его ног за ванной, почему-то с закрытыми глазами, стоял сам Герасим Ильич. Конторские с серьёзными лицами что-то обсуждали, иногда трогая руками воду, и укоризненно поглядывали на Мякина. Мякину это совсем не нравилось, и он как можно глубже погрузился в воду, оставив на поверхности только одно лицо.

В самый разгар обсуждения Мякин услышал противный голос Казлюка, повернулся в его сторону, для чего ему пришлось немного приподняться, и с удивлением обнаружил, что Казлюк в чёрном замызганном халате, как-то странно извиваясь, пытается устроить под ванной костёр, подбрасывает туда поленья одно за другим и каждый раз чиркает при этом спичкой, бросая её, зажжённую, вниз. У Мякина от этого зрелища ноги заледенели, а тут ещё этот чёрный Казлюк визгливо завопил:

– Он не доделал отчёт! Его срочно надо вернуть!

Мякин испуганно догадался, что Казлюк хочет то ли его сварить в бурлящей воде, то ли заставить выскочить наружу из приятных пузырьков. Мякину совсем не хотелось покидать ванну, тем более голым предстать перед дамами, и он решил не сдаваться. Опустился на самое дно и затаился не дыша, полагая, что его не заметят и наконец-то отстанут от него. Но не тут-то было – вихрастый набрал полную грудь воздуха и, словно пароходная труба, взревел:

– Надо его достать. Он где-то здесь!

При этих трубных возгласах конторские наклонились над ванной и голыми руками принялись шарить по пузырящейся поверхности. Мякин снизу испуганно наблюдал за их манипуляциями.

– Так нам его не найти! – заверещал Казлюк. – Его голыми руками не возьмёшь!

– Подбавим в воду скипидару, – предложила худая женщина. – Я знаю, что скипидар он долго не выдержит.

«Ну, уж это совсем... – подумал Мякин. – Изверги какие-то, скипидар кусаться будет», – и осторожно поджал ноги к животу.

– Раиса, принесите скипидару, – не открывая глаз, приказал Герасим Ильич.

Раиса проникновенно улыбнулась Мякину и еле заметно подмигнула: мол, не бойся про скипидар. У Мякина отлегло – он сразу догадался, что Рая вместо скипидара принесёт что-нибудь помягче. Он снова почувствовал себя хорошо, только пузырьки воздуха несколько беспокоили – щекотали в носу.

«Вот ведь настырные! – подумал Мякин. – Не дадут насанаториться!» – и стал вырабатывать план побега из ванны. Но план как-то не складывался, и он пожалел, что перед ванной снял трусы, – бежать голым ему совсем не хотелось.

– Я его не вижу! Я его не вижу! – не открывая глаз, удивительно жалостливо пропищал Герасим Ильич, и в этот момент Мякину послышалось, что кто-то из конторских рявк-

нул:

– Зенки-то раскрой, идиот! Не видит он...

– А вот и раскрою, – совсем не обидевшись, ответил Герасим Ильич и сразу запищал: – Вот он! Вот он, под водой!

Мякину опять стало нехорошо. Ноги замёрзли, словно он прижал их ко льду, а голове почему-то стало жарко.

«Всё это сон, это всё во сне...» – подумал Мякин и открыл глаза.

Супруга потрогала его лоб.

– Мякиша, тебе нездоровится? – спросила она. – Может быть, переберёшься в постель?

– Да, конечно, – как-то рассеянно ответил Мякин и осмотрелся по сторонам, будто впервые обнаружил себя в кресле.

Сзади неярко светился торшер. Мягкий свет от лампы освещал его лысеющую макушку. Босые ноги Мякина касались прохладного паркета. Он медленно освободился от пледа, встал и прошлёпал в ванную. Наскоро ополоснувшись, плюхнулся в постель и сразу же уснул.

Оставшуюся часть ночи Мякин крепко спал без сновидений и, проснувшись, как обычно рано, тронул рукой постель, где должна была находиться супруга. Её место пустовало. Мякин лёг на спину, благодотно вытянул ноги и обрадовался тому, что сегодня не надо бежать в контору. Он вспомнил ночной сон. Особенно его поразили эти грубые слова: «Зенки-то раскрой, идиот!». Слова эти Мякину совсем не понравились, особенно потому, что относились они к его ше-

фу – Герасиму Ильичу, – но он почему-то не очень сильно расстроился и даже, можно сказать, немного развеселился. Так, всего лишь самую малость – как может развеселиться какой-нибудь подданный, когда его нелюбимого начальника кто-нибудь со стороны обидит.

– Зенки-то раскрой, идиот! – прошептал Мякин и, улыбнувшись, решительно встал с постели.

В понедельник супруга хлопотала на кухне.

– Встал... Доброе утро, – произнесла она немного насто-роженно. – Чемодан я тебе уже собрала, – и, улыбнувшись, добавила: – Мойся, завтрак уже готов.

– Я сейчас, – дружелюбно ответил Мякин и направился в ванную.

– Ну вот, товарищ Мякин, вас ждёт заслуженный отдых! – сказал он сам себе, глядя в зеркало, и добавил: – Лицо-то у вас, Мякин, уже немолодое, и глаза потускнели – огоньков и искорок нетути.

Он выдавил малую толику пасты на зубную щётку и занялся чисткой зубов. При этом, как обычно, попытался погудеть какую-нибудь любимую мелодию, но мелодия не складывалась. Он снова вспомнил позавчерашний сон и подумал:

«Интересно: как конторские меня называют за глаза? Ну не идиотом же!»

Белая паста заполнила весь рот.

«Может быть...» – подумал он, но, ничего не придумав, стал вспоминать, как конторские называют за глаза друг дру-

га.

«Раису худая женщина иногда называет Цыщей, – подумал он. – Цыца – совсем неплохое имя». А худую Рая как-то раз при нём назвала: «Наша дощечка».

«“Дощечка” – это совсем уж обидно», – решил Мякин и занялся бритьём.

Бриться, в отличие от остальных утренних дел, Мякин любил. Эта процедура требовала аккуратности и имела особенное свойство – результат работы был налицо.

– Мякиша, завтрак стынет! – услышал он голос супруги.

Мякин угукнул в ответ и остальные дела закончил довольно быстро.

– А где пацаны? – спросил он, усаживаясь за стол.

– Уже в школе, – ответила она. – Сегодня у них там что-то раннее. Экскурсия какая-то.

– Экскурсия... – повторил Мякин, помешивая кашу в тарелке. – Экскурсия – это хорошо. Мы-то с тобой давно на экскурсии не были.

– Да, – немного грустно ответила супруга и добавила: – Вот отдохнёшь, и после санатория можно куда-нибудь пойти.

Мякин попробовал кашу и ответил:

– Да, может быть, – а про себя подумал: «Забросил я их совсем. Менять надо всё. Менять...»

– Я заказала тебе такси, – услышал он голос супруги. – Так будет удобнее, да и чемодан немаленький.

– Спасибо, – ответил Мякин, заканчивая завтрак.

Через полчаса машина перемещала несколько расслабленное после волнения тело Мякина и его поклажу в виде большого чемодана на колёсиках в сторону санатория. Мякин аккуратно и незаметно наблюдал за таксистом с несколько угрюмым лицом. Таксист ему не понравился, потому что на мякинское, как казалось самому Мякину, радушное приветствие последовал невнятный ответ типа: «Здрасте». А ещё Мякина насторожило то обстоятельство, что такси двигалось не через центр города, где, как считал Мякин, дорога к санаторию была короче, а по окружной трассе. Мякин хотел было спросить водителя: «Почему не через центр?», но, немного подумав, не стал этого делать, полагая, что его дело – сидеть тихо и не мешать водителю рулить.

По окружной трассе машины с приличной скоростью мчались вперёд. Некоторые обгоняли мякинское такси, а некоторые шли с той же скоростью. Постепенно мякинское беспокойство сменилось утренней лёгкой дремотой. Он машинально смотрел вперёд, иногда закрывая глаза, и на какие-то несколько секунд проваливался в сон. Сны ему снились короткие – он даже не мог отличить их от обычных мыслей, которые лениво появлялись и исчезали в дремотной голове.

Он подумал о супруге, которая собрала ему чемодан, проводила его до самой машины, поправила воротник на шубе, когда он садился на заднее сиденье. Её кротость ему уже давно была привычна, а когда-то, по молодости, супружница была моторной и весьма энергичной. Это она женила Мяки-

на на себе, а он даже не сопротивлялся. Чему уж тут сопротивляться, если молодая, энергичная девушка так активно заботится о тебе, – и перспектива спокойной, безмятежной семейной жизни явно вырисовывалась перед ним.

Машина свернула вправо и ушла с трассы на небольшое шоссе, уходящее вглубь лесного массива. Высокие заснеженные ели замелькали вдоль дороги. Мякину пришла в голову сумасшедшая мысль:

«Вот водила завезёт в чашу и – стук по голове, и ограбит. Тук – и нет меня».

– Тук – и нет меня, – повторил он вслух.

Таксист, не отрывая взгляда от дороги, спросил:

– Отдыхать?

Мякин, услышав чужой голос, вернулся в действительность и односложно ответил:

– Да.

Ему совсем не хотелось развивать эту мысль об отдыхе, но водитель, видимо, вырвавшись с загруженной трассы на пустую дорогу, жаждал общения.

– В санаторий. Это хорошо. Я вот не был в таком заведении уж лет десять.

К неудовольствию Мякина, эта фраза таксиста явно приглашала к продолжению разговора. Мякин долго размышлял, как ответить. Сказать, что он впервые будет отдыхать в таком заведении, ему показалось как-то несолидно для его возраста. Соврать, что это его не первая поездка в санаторий,

тоже было неудобно, и он пробурчал что-то неопределённое:

– Отдыхать хорошо, даже зимой.

– Зимой даже лучше: народу меньше, – сразу же согласился таксист. – А там у вас тем более. Заведение шикарное.

Мякин догадался, что водитель знаком с его санаторием. Ему, наверное, известно, что отдых там дорогой, и Мякин решил не уточнять, что ему этот дорогой отдых достался бесплатно в виде премии за хорошую работу.

– Да, там неплохо, – ответил он.

К счастью для Мякина, дорога завияляла среди лесных холмов – и водитель замолчал, сосредоточившись на вождении. Мякин взглянул на часы: по его расчётам, они скоро должны оказаться у цели. Он ещё раз вспомнил, какую сумму ему назвала супруга, чтобы заплатить таксисту, и, удовлетворённый тем, что поездка скоро закончится, откинулся на сиденье.

Дорога сделала последний крутой поворот, и машина остановилась у глухих железных ворот. Из будки выглянул охранник. Таксист опустил стекло дверцы и строго крикнул:

– Заезжаем!

– Фамилия? – спросил охранник.

Мякин с заднего сиденья ответил:

– Мякин.

– Как? – снова спросил охранник.

– Мякин к вам заезжает, – громко повторил таксист.

Охранник скрылся в будке, и через несколько секунд во-

рота начали медленно открываться. Машина прокатила по дорожке к большому белому зданию и остановилась у широкого крыльца. Мякин как-то суетливо сунул водителю деньги и выбрался наружу. Таксист молча достал чемодан и сухо произнёс:

– Хорошего отдыха.

Мякин ответил: «Спасибо» и, поднявшись на крыльцо, открыл стеклянную дверь.

Просторный вестибюль встретил его тишиной и неожиданным уютом. У больших окон расположились громадные комнатные растения. Рядом с ними кресла и диваны как бы приглашали посетителя отдохнуть на фоне сочной зелени. Прямо у дверей за стойкой почти незаметно скучал солидный дядька в тёмной форме с табличкой на груди.

Мякин, несколько растерянно повертев головой, обратился к дядьке:

– Я вот приехал. Мне куда?

Дядька встрепенулся, ожил и, радостно улыбнувшись, произнёс:

– Здравствуйте. Мы рады приветствовать вас в нашем санатории. Оставьте ваши вещи здесь и пройдите в кабинет... – Дядька назвал номер и, продолжая широко улыбаться, указал рукой, куда Мякину следовало пройти.

Мякину понравилось радушие дядьки, и, хотя некоторая насторожённость, присутствовавшая в нём почти всю дорогу, ещё не прошла, но предчувствие хорошего обхождения

с ним в санатории стало Мякина расслаблять. Он перестал вертеть головой, осматривая интерьер холла, и неожиданно для себя уверенно двинулся по направлению, указанному дядькой. В коридоре он вступил на мягкую ковровую дорожку и сосредоточился на номерах дверей, дабы не пропустить номер нужного кабинета. Навстречу ему попала парочка санаторных жителей с удовлетворёнными, расслабленными лицами, в одеждах, явно указывающих на то, что они только что посетили какие-то процедуры, и хотя парочка почти не обратила на Мякина никакого внимания, в их спокойных взглядах он обнаружил отсутствие постоянной тревоги, которая ощущается в глазах горожан, спешащих по утрам занять свои рабочие места.

В указанном кабинете ему довольно быстро оформили необходимые бумаги, и буквально минут через пять-десять милостивая медсестра с добрым круглым лицом проводила Мякина до его номера, кратко изложила, что ему надлежит сделать в ближайшее время, и удалилась, пожелав ему спокойного отдыха в его номере, который, как он сам себе представил, теперь на двадцать дней станет его домом.

Мякин огляделся вокруг. До посещения врача оставался почти час, а до обеда – и того больше. Его номер представлял собой довольно большую комнату с широкой кроватью, маленьким диванчиком в углу. Длинный стол с зеркалом напротив кровати, шкаф, тумбочка и пара кресел завершали мебельное убранство его нового дома. Мякин несколько от-

решённо пошатался среди незнакомой обстановки, заглянул в туалет и душ, осмотрел шкаф и все ящики стола, сел в кресло и, взглянув на солидный чемодан, решил до посещения доктора разобрать всё, что супруга приготовила ему для санатория.

Через полчаса шкаф был заполнен рубашками, свитерами, брюками и прочей одеждой, которая обычно необходима мужчине средних лет в зимний период. Мякин, удовлетворённый разборкой чемодана, подошёл к большому окну и мечтательно взглянул на заснеженные ели и сосны санаторного пейзажа. Он попытался вспомнить, когда же в последний раз посещал лесную природу, и его воспоминания остановились в далёком детстве, когда он ещё совсем мальчишкой, учеником начальных классов, отморозил нос и щёки, катаясь на лыжах в сильный холод, а мать с причитаниями, охами и вздохами оттирала ему побелевшие места чем-то тёплым. Он с того случая запомнил только её вздохи и покалывания кожи на щеках и носу. А ещё он вспомнил, как из любопытства лизнул на морозе железяку и как язык прилип к замороженной поверхности, – и ему пришлось срочно бежать домой, держа в руках этот железный прут, и в тепле ожидать, когда железяка отлипнет от языка.

Мякин взглянул на настенные часы – пора было отправляться к доктору. Он переоделся в мягкие брюки и любимый тёмный свитер, забрал со стола санаторную карту и талон на питание, вышел в коридор и не спеша зашагал по светло-зе-

лёной ковровой дорожке.

У кабинета врача в двух креслах расположились две угрюмые личности. Мякин вежливо поздоровался и спросил:

– Все к врачу?

Пузатый мужчина, сделав чуть приветливое лицо, ответил:

– Все туда.

– Тогда я за вами, – бодро сказал Мякин и расположился рядом с пузатым.

Пузатый поёрзал в кресле и пробурчал:

– Уже пятнадцать минут сидим.

Вторая мрачная личность – тощий мужчина – кивнул в подтверждение слов пузатого и добавил:

– Дамочка вошла проблемная. Такая любого доктора заговорит!

Мякин не знал, стоит ли ему включаться в разговор, и молча разглядывал дверь кабинета врача. В это мгновение дверь приоткрылась и немолодой женский голос, видимо, продолжая разговор, произнёс:

– Так я эту процедуру приму три раза и потом...

Из глубины послышался мужской баритон:

– Потом зайдёте ко мне, и по самочувствию мы определимся.

– А если я почувствую себя плохо... – Окончательно не открывая дверь, женщина осталась в кабинете.

– Тогда сразу ко мне, – ответил доктор.

– То есть сразу? – переспросила посетительница.

– Ну да, – послышался уверенный ответ.

– А если вас не будет? – спросила женщина.

– Тогда к дежурной сестре, – ответил доктор.

– Да, конечно, к дежурной, – неуверенно согласилась по-

сетительница и вновь спросила: – А если ночью, что тогда?

Наступила пауза – видимо, доктор подбирал нужные слова.

– Тогда к сестре. Там у вас в книжечке есть номер телефона.

– Доктор, вы знаете, – послышался настойчивый голос пациентки, – я приехала одна. Мой муж – очень занятый человек. А если плохо станет ночью, кто позвонит по телефону?

В кабинете вновь возникла пауза.

– Нечего одной шляться по санаториям! – тихо прошептал тощий мужчина.

– А вы бы поторопили её, – предложил пузатый.

– Почему я? – ответил тощий.

Пузатый задумался и некоторое время соображал, что ответить.

– Хорошо, хорошо, – послышался докторский баритон, – я предупрежу дежурного врача и медсестру, чтобы за вами проследили.

– У меня номер... – Пациентка назвала цифру, которая показалась Мякину знакомой.

Пузатый ответил тощему:

– Потому что вы первый – сейчас ваша очередь.

– Я не думаю, – возразил тощий, – что мне следует вмешиваться. А вот молодой человек мог бы вмешаться. – И он взглянул в сторону стоявшего рядом с пузатым Мякина.

Тот напрягся и вспомнил, что пациентка назвала номер, находившийся рядом с ним, но ближе к лифту, и подумал:

«Вот беспокойная соседка мне ни к чему».

– Вы почему молчите? – обратился к нему пузатый. – Вы последний, то есть крайний в очереди, поэтому вам и следует её поторопить. В ваших же интересах побыстрее попасть к врачу.

Мякин как можно вежливее и даже с некоторой веселостью ответил:

– Я не тороплюсь. До обеда ещё далеко. Все успеем пройти. – И для большей, как ему показалось, убедительности добавил: – Обедом надо делиться, а ужин вообще отдать.

Пузатый с удивлением повернулся к Мякину:

– Вы на что намекаете?

Мякин растерянно посмотрел на пузатого и сообразил, что тот страдает от ожирения.

– Нет, что вы! Я ни на что не намекаю, – испуганно ответил Мякин. – Это есть такая поговорка. Я её ещё от бабушки слышал. Извините, если что не так.

– Так я пойду, – послышался голос из-за двери.

– Да, конечно, – громко ответил доктор.

– Ну, наконец-то! – недовольно прошептал тощий. – Ин-

тересно: как её терпит муж, очень занятый человек?

– Вот потому и занят, – тихо добавил пузатый, – что терпеть её не может.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась дама – женщина средних лет в элегантном тёмном платье, изящно подчёркивающим её аппетитную фигуру.

– Прошу прощения! Я, наверное, задержала вас, – обратилась она к сидящим в креслах и, скользнув независимым взглядом по напряжённым фигурам тощего и пузатого, повернулась лицом к Мякину.

– О! Да вы ещё и стоите! Ради Бога, извините за то, что заставила вас ждать! Надеюсь, теперь очередь пойдёт быстрее.

Тощий вскочил со своего кресла и неожиданно заявил:

– Ничего страшного! Всё хорошо. Мы понимаем, что с врачом общаться надобно не спеша.

– Да, вы правы, – спокойно отреагировала дама и не торопясь зашагала по коридору. Присутствующие долго смотрели ей вслед, пока её фигура не скрылась за поворотом.

Первым заговорил тощий:

– Обратили внимание, как движется – словно на подиуме?

– Вы намерены войти в кабинет или потеряли интерес к процедурам? – возмутился пузатый.

– Да, – утвердительно ответил тощий и скрылся за дверью.

Мякин, переминаясь с ноги на ногу, как-то сразу не решился занять пустующее кресло и продолжал стоять.

– Присаживайтесь, молодой человек, – пробурчал пуза-

тый и раздражённо добавил: – Посмотрим, сколько времени займёт он, понимающий женскую натуру!

Мякин осторожно разместился в кресле и неподвижно уставился в кабинетную дверь.

– Вы, я вижу, впервые здесь? – успокоившись, спросил пузатый.

Мякин молча кивнул.

– А я каждый год, уж раз десять сюда наведываюсь, – продолжил пузатый.

Мякин, дабы не поощрять развитие разговора, молчал, но пузатый, в предчувствии скорого свидания с доктором, не умолкал.

– Заведение это прекраснейшее! Думаю, здесь вам понравится. Просите врача назначить вам побольше процедур. Используйте эту санаторию на всю катушку.

– Санаторий, – поправил Мякин.

– Да, конечно, санаторий. Мы же интеллигентные люди – мы понимаем эту милую шутку: называть санаторий санаторией.

Пузатый замолчал, прислушиваясь к звукам из-за двери.

– Что-то у них там тихо, – произнёс он. – Вот дорвётся человек до врача – за уши не оттащишь!

Мякин, подумав, что не стоит выглядеть нелюдимым, кивнул головой в знак согласия, а вслух добавил:

– Врачебная консультация не терпит суеты.

– Да, конечно, вы правы, – неожиданно сухо произнёс пу-

затый. – Тем более что чем старше, тем больше проблем. Вам, молодым, что: занимайся физкультурой и будь здоров! Поддерживай организм, а вот когда появятся болячки, то и физкультура не помогает.

Пузатый вздохнул и продолжил.

– Нам с вами ещё повезло. Доктор у нас хороший – внимательный и опытный. А вот попадётся какой-нибудь скорый на руку – и толку от общения никакого.

Мякин за свою сознательную жизнь нечасто обращался к докторам – старался лечить себя самостоятельно. Простуды лечил по-домашнему и в медицинских заведениях появлялся неохотно. Всего лишь однажды, уже взрослым, провалялся в клинике по причине острой боли в спине. Тогда ему определили радикулит и через две недели выперли с остаточными явлениями домой. Точнее, он сам вырвался, как выразился потом, из лап отечественных медиков.

– Вот уже двадцать минут как сидит там! – недовольно произнёс пузатый. – Все болезни мне здесь объяснил, пока сидел, – чего же там-то торчать так долго?

Мякин не знал, как ответить, пожал плечами и из вежливости произнёс:

– Наверное, скоро закончит.

– Вы говорите «скоро» – а как скоро? Вот в чём вопрос. Нам давно уже обещали рай на земле. Вот, мол, скоро прогресс так жизнь улучшит, что только живи – не хочу! А что-то не получается с прогрессом-то. Вы, я думаю, трудитесь на

благо, не то что мы, пенсионеры, – уже своё, так сказать, отбарабанили. Отдали, как говорится, все силы и здоровье для счастливого будущего и, наверное, для вашего тоже.

Пузатый на несколько секунд замолк и добавил:

– А теперь позволено нам будет спросить у вас: вы счастливы в этом будущем?

Мякин заёрзал в кресле, взглянул на часы и пожалел, что ввязался в общение с пузатым. Ему не раз приходилось встречаться с приставучими ворчунами, но в тех, других обстоятельствах он всегда ловко уходил от ответа, точнее – вежливо ретировался. А сейчас здесь он попытался по памяти перебрать все ранее использованные варианты ухода от неудобного общения, но ни одного эффективного не подобрал. Разве что просто встать и уйти, но это было бы крайне нежелательно – остаться без посещения доктора.

Мякин почесал лоб, изображая, что задумался над ответом, и в это мгновение дверь приоткрылась и в проёме появилось довольное, но несколько озабоченное беседой с доктором лицо тощего. Тощий равнодушно взглянул на пузатого и Мякина, словно и не видел их раньше, и засеменял прочь по коридору.

– Ну, теперь пора мне, – поднимаясь с кресла, произнёс пузатый и, подойдя к двери, посмотрел внимательно на несколько растерянного Мякина. – Я надеюсь, что мы скоро встретимся и продолжим наше интересное общение.

Когда пузатый скрылся за дверью, Мякин облегчённо вы-

дохнул, огляделся и радостно констатировал про себя, что остался один и что потом он как-нибудь постарается избежать интересного общения с пузатым.

Мякин несколько раз прошёлся мимо дверей по пустому коридору, размышляя о том, какова же его судьба – в первый же санаторный день нарваться на пузатого, когда ещё сам Мякин не отошёл от рабочих дум об отчёте, Герасиме Ильиче и обо всех, кто его провожал в конторе, а главное – от этого крайне неприятного во всех отношениях Казлюка. Мякин вспомнил эту неприятную личность. Вспомнил, как Казлюк язвительно подмигивал и непонятно шутил по поводу санатория. Говорил, что Мякин забудет там, в санатории, обо всём на свете и что им, конторским, придётся объяснять Мякину, как надо делать отчёты.

Мякин от таких мыслей загрустил, остановился около кресел, и в это время дверь кабинета отворилась и в коридоре образовался пузатый.

– Прошу! – торжественно произнёс он, широким жестом приглашая Мякина пройти к доктору.

Мякин нервно посмотрел на пузатого, отвёл взгляд в сторону и, стараясь его не задеть, прошмыгнул в кабинет. Обстоятельный облик врача, седого мужчины далеко за пятьдесят, несколько успокоил Мякина. Он тихо поздоровался с доктором и остановился у двери.

– Присаживайтесь, – по-деловому предложил доктор и, взглянув на мякинскую фигуру, спросил: – Вы у нас первый

раз?

– Да, – сухо ответил Мякин.

После измерения мякинского давления доктор спросил:

– На что жалуетесь?

Мякин, удовлетворённый тем, что давление у него оказалось в норме, не задумываясь выпалил:

– На Казлюка.

Доктор удивлённо приподнял выцветшие брови и, прищурившись, спросил:

– Казлюк – это что?

Мякин понял, что совершил глупость, и быстро заговорил:

– Простите. Я не хотел. Это так, случайно выскочило. Это всё он, который только что был у вас. Это он заговорил меня – вот я и разволновался.

Доктор заглянул в папку и произнёс:

– У него другая фамилия, то есть он не Казлюк.

– Я знаю, – ответил Мякин.

Доктор в знак согласия кивнул головой и предложил Мякину раздеться по пояс. Он послушал мякинское дыхание, затем молоточком постучал по локтям и коленкам и произнёс.

– А всё же, что вас беспокоит кроме Казлюка?

Мякин задумался – он давно не отвечал на такие вопросы. Доктор, выждав некоторое время, снова спросил:

– Вы чем-нибудь болели раньше?

Мякин наморщил лоб и вспомнил своё детство. В детстве он болел, как и все ребяташки его двора. Один раз он ещё до школы попал в больницу и лежал в палате с несколькими пацанами его возраста. Кто-то из них, что был пошустрее, объявил, что если по утрам у них будет нормальная температура, то их не будут колоть в попу лекарствами. Пацаны с энтузиазмом включились в эксперимент. Для начала решили держать температуру в термометрах до красной цифры на шкале. Технология была примитивно простой: необходимо было следить за градусником и как только температура дойдёт до цифры «тридцать семь», протолкнуть градусник за подмышку, чтобы он не грелся. Но уколы продолжались. Тогда решили не доводить температуру до красной цифры. Но, как всегда, мальчишек подвела беспечность: медсестра через стеклянные двери палаты обнаружила манипуляции с термометрами. Юные экспериментаторы получили нагоняй не только от врача, но и от родителей.

Мякин не включил этот эпизод в свой рассказ о перенесённых заболеваниях и остановился на последнем, радикулитном. Доктор дослушал его до конца, кивнул, как бы подтверждая окончание мякинского монолога, и, перелистывая санаторную книжку, ненавязчиво предложил Мякину множество процедур – как он выразился, весьма полезных для мякинского организма.

Мякин слушал доктора, молча соглашался с ним и только иногда успевал вставлять короткие реплики, типа: «А я

успею это всё?» На что доктор уверенно отвечал:

– В диспетчерской девочки вам всё спланируют. Да, и не забывайте о прогулках на свежем воздухе. Походите на лыжах. У нас прекрасные виды.

Хотя Мякин уже очень давно не вставал на лыжи, но перечить доктору не посмел и на предложение «походить на лыжах» утвердительно кивнул.

В кабинет заглянула медсестра и с озабоченным лицом произнесла:

– Она очень жалуется.

Доктор нехотя оторвался от мякинской санаторной книжки, взглянул на озабоченную медсестру и ответил:

– Скажите ей, что я сейчас её приму. Только вот закончу с молодым человеком. Пусть подходит.

Через минуту Мякин, весьма довольный результатами общения с доктором, бодро шагал по длинному коридору к себе в номер. Он даже что-то мурлыкал себе под нос из классики – настроение у него было приподнятое, скоро обед, а с пузатым он решил разобраться очень просто: вежливо отказать ему в беседе ввиду чрезвычайной загруженности процедурами. А уж Казлюк и прочие неприятные мысли после перспективы вновь встать на лыжи вообще отошли даже не на второй план, а куда-то очень далеко и вряд ли могли помешать ему приятно провести время среди санаторных процедур.

Навстречу ему появилась женщина – весьма средних лет,

с унылым и ужасно постным лицом. Она мельком, словно не видя Мякина, скользнула по всей его фигуре и, не останавливаясь, целеустремлённо прошагала мимо.

«Наверное, это та недовольная», – подумал Мякин, и ему стало жалко хорошего и внимательного доктора. А самому Мякину стало как-то неловко и даже стыдно за свою болтовню в кабинете, и он решил, что теперь будет отдыхать на всю катушку и выбросит все грустные мысли из головы, а главное – будет дисциплинированно посещать все процедуры, рекомендованные этим приятным доктором.

В номере на тумбочке Мякин обнаружил несколько бумажек и пластмассовую баночку. Пересмотрев всё, он понял, что ему завтра с утра предстоит сдать несколько анализов, и всё натошак. Разложив бумажки по назначенному времени, Мякин почувствовал, что отдых его будет весьма интенсивным, и, чтобы не опоздать на обед, направился в диспетчерскую для получения плана посещения процедур.

У девочек в диспетчерской стояла очередь из четырёх человек, и, к великому счастью Мякина, пузатого там не было. Выяснив, за кем ему следует занять очередь, Мякин углубился в изучение своей санаторной книжки. На обложке он прочёл аккуратно выведенные свои фамилию, имя и отчество. Остальные записи, сделанные доктором, он разобрал с большим трудом, и то не все. В одном месте, где был схематично изображён обнажённый человек среднего пола, он только по круглым каракулям в области поясницы понял,

что ему это место чем-то помажут для излечения ещё не проявившейся болезни. Вся книжка была исчиркана докторскими иероглифами, и Мякин с любопытством подумал, как диспетчерские девочки справятся с созданием плана его процедур.

Очередь двигалась довольно быстро, и минут через пятнадцать Мякин вышел из диспетчерской с распечатанными листиками на все дни его пребывания в санатории. Он не стал углубляться в изучение полученных от девочек бумаг и поспешил в столовую на обед, тем более что после активной утренней деятельности по вживанию в санаторный быт у него прорезался такой зверский аппетит, какого он не испытывал уже давно.

В столовой уже был народ. Разнообразие лиц и одежд несколько удивило Мякина – ему почему-то представлялось, что в таком солидном заведении и отдыхающие должны быть солидными, но отнюдь; кинув беглый взгляд поверх сидящих за столами, он обнаружил ряд личностей, одетых сверхдемократично, словно они заявили в спортивный зал, а не в столовую для солидных персон.

Дежурная провела его к столику у окна, за которым напротив уже расположилась его соседка по номеру – загадочная дама в чёрном, которую он встретил у врача, – остальные два места пустовали. Мякин тихо поздоровался и аккуратно занял своё место. Соседка ответила Мякину: «Добрый день!» и молча продолжила ждать официантку.

Мякин заволновался. Он подумал, что совсем не знает этикета. Не знает, как в таких случаях должен поступить мужчина. Ждать, когда дама сама соизволит заговорить с ним, или вступить первому в беседу на какую-нибудь отвлечённую тему? От этих лихорадочных раздумий у него снова испортилось настроение, он даже вздрогнул, когда сзади появилась официантка и подала соседке блюдо с салатом, а у него, поздоровавшись и мило улыбнувшись, спросила:

– Что вы желаете? Поскольку вы только что заехали, то у нас на выбор сегодня только три блюда. – И она перечислила весь набор первых и вторых блюд, включая салаты.

Мякин не очень внимательно выслушал официантку и попросил первое, что ему запомнилось из перечисленного перечня. Минуты через две-три на столе и у Мякина, и у соседки сосредоточились тарелки с заказанным обедом. Мякин попробовал первое – что-то густое тёмно-красного цвета – и, наверное, от некоторого смущения перед незнакомкой сделал угрюмое лицо. Дома он привык к прозрачным супам. Супруга досконально знала вкусы Мякина, а здесь оказалось нечто новое для него, а соответственно, вначале непонятное. Соседка, заметив замешательство Мякина, как бы размышляя вслух, произнесла:

– Раньше готовили лучше. Я бы сказала даже, изысканней. Теперь постепенно всё упрощается.

Мякин проглотил очередную ложку густого супа, кивнул и выдавил из себя что-то вроде «Пожалуй». Соседка отложи-

ла недоеденное первое блюдо и, внимательно рассматривая тарелку со вторым, произнесла:

– А я догадываюсь, о чём вы сейчас подумали.

Мякин чуть не подавился какими-то варёными овощами, оказавшимися у него во рту.

– Вы подумали, что вот, мол, незнакомка затеяла со мной скучный разговор.

Мякин с полным ртом супового набора молчал. От неожиданности он не знал, как ему быть дальше: прожевать содержимое и проглотить или потерпеть и выслушать соседку до конца. Ему стало совсем неудобно, он даже хотел тихо встать и ретироваться, то есть остаться без обеда, но что-то подсказало ему, что это будет воспринято уж слишком невежливо, – и он еле заметно постарался прожевать всё, что скопилось во рту.

– Я прошу прощения, если причинила вам некоторое неудобство, – продолжила соседка. – Дело, видите ли, в том, что я экстрасенс. Точнее, была экстрасенсом.

Мякин наконец-то проглотил суповую смесь и попытался тактично отреагировать на слова соседки, которая с многозначительной паузой ждала его реакции.

– Интересная профессия – экстрасенс, – произнёс он и подвинул к себе тарелку со вторым.

Соседка чуть заметно улыбнулась и сказала:

– Хотите, я вас обучу этой технике?

– Какой технике? – переспросил Мякин, отчаянно пере-

жёвывая кусок мяса.

– Экстрасенсорной, какой же ещё! – несколько недовольно отреагировала соседка.

Мякин с усилием проглотил кусок и неожиданно для себя прямолинейно ответил:

– А мне-то это зачем?

Соседка изобразила удивлённое лицо, пожала плечиками и пару минут молчала, попивая маленькими глотками принесённый официанткой сок.

– Я, наверное, надоела вам, – опустошив стакан, произнесла соседка. – Не буду вам мешать. Приятного аппетита! – И она удалилась из столовой.

Мякин угрюмо добивал второе и уже не так радостно, как до обеда, оценивал своё существование в санатории. Проникновенный, приятный женский голос из репродуктора, поприветствовав посетителей столовой, рассказал о проводимых мероприятиях, сообщил об экскурсиях и где желающим следует собраться, объявил, что отдыхающих ждут кафетерий и банкетный зал и что вечером состоится сеанс кинофильма и будут организованы танцы.

Мякин решил вечером ещё раз посмотреть объявленный кинофильм и тут же вспомнил, что с супругой смотрел его очень давно и обругал себя за то, что не позвонил ей, а она, наверное, уже сильно беспокоится. Он залпом допил сок и поспешил к себе в номер.

Грустный, знакомый голос в трубке ответил ему:

– Алло, это ты, Мякиша?

– Это я, у меня всё в порядке, – ответил Мякин.

– Да? – услышал он в ответ. – Я очень рада.

– Только... – Мякин попытался как-то единым термином обозначить пузатого и соседку. – ... только встречаются ненормальные.

– Ненормальные? – удивилась супруга.

– Да, ненормальные. Пристают ко мне, – ответил Мякин.

– Ты, Мякиша, потерпи. Потом всё наладится, – услышал он.

– Я потерплю, – ответил Мякин. – А как дети?

– Дети хорошо. К ёлке готовятся. Скучают без тебя, – ответила супруга.

– Скучают? – переспросил Мякин.

– Ну да, скучают, – повторила супруга и добавила: – Мякишенька, родной, не беспокойся за нас! Отдыхай, а мы будем тебя ждать.

– Да, конечно. Целую всех, – ответил Мякин, и на этом разговор закончился.

Мякин вновь успокоился, настроение улучшилось, и он заглянул в свой план процедур. Буквально через пять минут ему следовало сидеть в ванне. Мякин стремглав бросился в ванный корпус.

Две добродушные бабульки в беленьких халатах радостно встретили его.

– Что у вас, посмотрим, – сказала одна из них, принимая

от него санаторную книжку. – У вас... – И она назвала вид процедуры. – Проходите в пятую.

Мякин прошёл в назначенную комнатку и разделся. Выглянул во вторую дверь – одна из бабулек готовила ему ванну.

– Как вы будете? Без трусов? – спросила она.

Мякин задумался и вспомнил свой страшный сон.

– А можно и без трусов? – спросил он недоверчиво.

– А как хотите, – услышал он в ответ. – Без трусов полезнее.

– Тогда без трусов, – согласился Мякин.

– Готово, проходите, – пригласила его бабулька и удалилась.

Мякин решительно снял с себя последнее одеяние и осторожно опустился в тёплую воду с мелкими бурлящими пузырьками. Давно не ощущавшаяся Мякиным нега разлилась по всему телу. Бабулька откуда-то сбоку спросила:

– Всё хорошо? Не холодно?

Мякин расслабленно и почему-то на иностранном языке ответил:

– Аллес гут.

– Гут так гут, – согласилась бабулька и добавила: – Отдыхайте.

Мякин лежал в побулькивающей воде, смотрел в окно на заснеженные сосны, иногда поглядывал на песочные часы, которые бабулька поставила на краю ванны, и тихо размыш-

лял о незаметном движении времени. Ему было одновременно и грустно, и радостно от созерцания падающей струйки песка.

«Сколько песчинок упало вниз за всю мою жизнь? Не считать», – думал он, и глаза его машинально закрывались, и тело в тёплой воде стало почти невесомым, и подумал он: «Хорошо бы так провести всё оставшееся время в санатории!»

Голос бабушки вывел Мякина из нирваны:

– Всё. Пора подниматься.

Мякин с большим сожалением выбрался из тёплой воды, промокнулся белоснежным полотенцем и уже через десять минут лежал на клеёнчатой кушетке, готовый к грязевой процедуре. Энергичная, не очень старая женщина залепила ему указанное доктором место тёплой чёрной субстанцией и, закутывая Мякина для сохранения тепла, спокойно, наверное, уже в который раз озвучила фразу:

– Наша глина – лучшая глина во всех окрестностях! Она излечивает даже те болячки, которые ещё неизвестны.

Мякин, довольный таким индивидуальным обслуживанием своего тела, поддакивал ей и говорил, что всё это ему нравится, и часто повторял одно и то же слово: «Спасибо». Затем он минут двадцать лежал, завёрнутый в кокон из одеял, слушал пение птиц из какого-то репродуктора сверху и, наверное, был счастлив. Он вспоминал те далёкие детские годы, как когда-то летом его вывезли на море и он, почти так

же как сейчас, лежал, заваленный тёплым крупным песком, на ласковом солнышке, а где-то рядом плескалось южное море и кричали неугомонные чайки, лениво охотящиеся за рыбьей мелочью на мелководье.

До ужина Мякин успел полежать на какой-то ребристой кровати, предназначенной для расслабления позвоночника, и еле успел на ужин, поскольку некоторое время потратил на переодевание. По настоянию супруги на вечер он облачился в свой любимый костюм со свежей рубашкой и галстуком. К его удивлению, стол, за которым он должен был ужинать, пустовал. Экстрасенсорной соседки не было. Это обстоятельство несколько не расстроило Мякина, а наоборот, он легко и с большим удовольствием разделался с вечерними блюдами и, насытившись в полной мере, приступил к уничтожению сдобной булочки, запивая её горячим чаем. Столовая постепенно пустела. Отдыхающие, заканчивая ужин, видимо, спешили на вечерние мероприятия. Мякин взглянул на часы – до киносеанса оставалось ещё тридцать минут. Так, в одиночестве завершив вечернюю трапезу, Мякин направился в кинозал.

Предстоящее кино он уже видел два раза. В последний раз давным-давно с будущей супругой они устроились на последнем ряду маленького кинозала, и там он впервые её поцеловал, точнее она сделала так, что они целовались почти весь сеанс. Народу в зале было немного, и в полумраке их, конечно, никто не смущал. В кино показывали известную ис-

торию о том, как простая, угнетенная мачехой девочка превратилась в прекрасную принцессу и вышла замуж за прекрасного принца. Тогда этот фильм был ещё чёрно-белым, а теперь (Мякин слышал это от конторских) киношники эту картину раскрасили.

Мякин подошёл к полуоткрытым дверям кинозала, заглянул внутрь – зал был абсолютно пуст. Ни одного зрителя в креслах он не обнаружил.

«Странно, – подумал Мякин. – До начала сеанса оставалось всего пять минут, а у них никого! Наверное, сеанс отменили».

Мякин повернулся, чтобы выйти наружу, и, к великому неудовольствию, столкнулся с экстрасеншей.

– О! Я вижу, вы тоже любитель старых фильмов! – дружелюбно произнесла она.

Мякин чуть-чуть растерялся; экстрасенша выглядела великолепно, словно собралась на какое-то торжество, и на её фразу в адрес Мякина, конечно, следовало что-нибудь ответить. Мякин ответил:

– Хотелось посмотреть, но кино отменяется. – И он как-то неловко пожал плечами.

– Что вы, что вы! Кино состоится при любой погоде, даже с единственным зрителем! – весело произнесла экстрасенша. – Тем более нас уже двое.

Она подхватила Мякина под руку и смело вошла в зал. Они – единственные зрители – расположились в центре, и

кто-то сзади произнёс:

– Ну что же, начнём?

– Конечно начинайте, – громко ответила экстрасенша и только для Мякина тихо добавила: – Люблю пересматривать старые фильмы. Вы, я вижу, тоже.

Мякин в некотором напряжении ответил:

– В первый раз смотрю.

«С чего это я соврал? – подумал он и сам себе объяснил: – Наверное, для того, чтобы хоть чуть-чуть дистанцироваться от неё».

Но дистанция была невелика – они сидели рядом. Поначалу Мякину даже захотелось отсесть от неё подальше, но он подумал, что это будет невежливо, и остался на своём месте.

На экране промелькнули титры и появились давно знакомые Мякину кадры. Он углубился в просмотр цветной сказки.

– Ну как? Вам нравится? – услышал он шёпот со стороны, когда падчерица попала на королевский бал.

Мякин сухо ответил:

– Ага.

– А ведь вы обманули меня, не правда ли? Зачем? – услышал он минут через пять.

Мякин глубоко вздохнул и, надув щёки, с силой выдохнул из себя воздух.

– Очень жаль, что обманули, – шёпотом произнесла экстрасенша. – Придётся вас за это наказать.

– Угу, – машинально ответил Мякин.

Оставшуюся часть киносеанса они сидели молча. На экране появилось слово «конец», и в зале зажёгся свет. Экстрасенша встала первой и осталась стоять в ожидании, когда Мякин поднимется из кресла.

– Пойдёмте, – решительно произнесла она.

Мякин с нехорошими чувствами двинулся вслед за ней. В соседнем зале уже звучала танцевальная музыка. Мякин хотел было пройти мимо, но экстрасенша настоятельно объявила:

– Вы за обман должны подарить мне один танец!

Мякин остановился, занервничал от такого напора, за секунду перебрал в голове все возможные варианты отказа и, взяв себя в руки, довольно спокойно ответил:

– Сегодня мой первый день в санатории. Очень много процедур. Извините меня, ради бога! Мне хочется отдохнуть.

Экстрасенша сделала удивлённое лицо и, немного улыбнувшись, ответила:

– Хорошо. Сегодня я вас отпускаю, но завтра танец за вами!

Мякин неуверенно кивнул головой, сказал: «До свидания» и, ускоряясь, удалился в свой номер. Номер встретил его уютом и тишиной, и впервые за весь вечер Мякин снял напряжение, разоблачился и юркнул под одеяло. Кровать ему показалась огромной, и он, прежде чем заснуть, несколько раз менял своё положение, вспоминал весь прошедший

день: и ворчливого тощего, и пузатого со своим вопросом о счастье, а главное – эту странную соседку-экстрасеншу. И так, вспоминая одного дневного персонажа за другим, наконец-то крепко уснул.

Под утро пришёл к Мякину нехороший сон. Будто бы он проснулся рано-рано, за окном забрезжил рассвет. Сквозь густую зелень хвойных кое-где пробивались молодые листочки берёз. Пейзаж за окном напоминал скорее раннюю весну, чем зиму. Снаружи на разные голоса свистели птицы. Мякина это обстоятельство крайне удивило; он повернулся на другой бок и обнаружил, что рядом лежит пузатый и, ехидно улыбаясь, спрашивает:

– Ну как, принесли мы вам счастье?

Мякину стало противно. Он вернулся в прежнее положение и там, рядом с собой, увидел лежащего тощего, и вроде бы тощий только что умер, но его ещё не успели забрать из санатория.

Мякину стало страшно, он хотел закричать, но язык плохо слушался и издавал только глухие хрипы. Мякин лёг на спину, лежащие рядом исчезли, и только-только он стал приходить в себя, как у кровати в ногах появилась экстрасенша и строго обратилась к кому-то копошившемуся в мякинском шкафу:

– Он не хочет осваивать экстрасенсорику!

– Тише, тише, – раздался знакомый голос у шкафа, – я ещё не всё рассмотрел.

Мякин мучительно пытался вспомнить, где он слышал этот голос.

«Да это же Казлюк! – молнией мелькнуло в голове. – Вот зараза – и сюда он проник!»

Мякин открыл глаза, в номере было темно. Он осторожно нащупал часы – цифры показывали пять утра. Мякин встал и подошёл к окну. Там в свете фонарей падал снег. Крупные хлопья тихо опускались на землю. Зимнее спокойствие завораживало. Мякин долго стоял у окна и тихо размышлял:

– Почему так странно получается? Я никому не мешаю, ни к кому не лезу с дурацкими вопросами и предложениями. Живу скромно и тихо, как подобает служащему конторы, а вокруг мне попадаются приставалы, липучки и просто какие-то ненормальные! Может быть, это я ненормальный и мне следует в корне изменить себя?

Припомнились детство и строгая мать, осуждавшая отца за его мягкий, покладистый характер.

«Я, наверное, весь в отца», – подумал Мякин. Включил свет, подхватил пластмассовую баночку для анализа и с минуту раздумывал, целиком наполнить её утренней жидкостью или только наполовину. Баночку он наполнил почти до краёв – ему показалось, что так анализ будет точнее. Ещё раз пересмотрел все бумажки, где было указано, что ему предстоит утром сделать, выключил свет и улёгся в постель. Остаток ночи Мякин спал без сновидений.

Проснулся он, почувствовав какую-то суету в коридоре, и

взглянул на часы.

– Боже мой! Всё проспал! – Он спохватился и резко вскочил с постели; несколько секунд, озираясь по сторонам, соображал, за что хвататься и куда бежать. Вспомнил прошедшую ночь и остановился.

– Всё, Мякин, – сказал он. – Сегодня ты начинаешь новую жизнь.

Он энергично привёл себя в порядок, довольно демократично оделся, взглянул в большое зеркало и спросил сам себя: «Вы, молодой человек, готовы к новой жизни?», подмигнул своему отражению и вышел из номера.

У кабинета, где ему предстояло сдать на анализ кровь, он, как ни странно, оказался в точно назначенное время. Мякин постучал в дверь, чуть приоткрыл её и услышал голос:

– Секундочку подождите!

Мякин в ожидании приглашения закрыл дверь. Сзади неожиданно образовалась энергичная старушка, втиснувшись между Мякиным и дверью и гордо заявила:

– Молодой человек, вы будете за мной.

Мякин мысленно напомнил себе, что он теперь новый человек, и поэтому, нисколько не удивившись демаршу старушки, довольно резко ответил:

– Я пришёл в назначенное время. Вот, смотрите. – Он показал старушке свой талон и спросил: – А позвольте узнать: на какое время назначено вам?

Старушка как-то неуверенно пробормотала:

– Мне значительно раньше.

Дух нового человека в Мякине не сдавался.

– Будьте добры, покажите свой талончик!

– Фу! Какой невоспитанный молодой человек! – возмутилась старушка и презрительно повернулась к Мякину спиной.

Из-за двери послышалось:

– Следующий!

Мякин осторожно отодвинул старушку и вошёл в кабинет.

– Присаживайтесь, – пригласила его медсестра. – Что там у вас за шум?

– Очерёдность нарушается, – спокойно ответил Мякин.

– Всех обслужим, – уверенно произнесла медсестра. – Не волнуйтесь.

– А я и не волнуюсь, – ответил Мякин, обнажая левую руку, а про себя подумал: «Пожалуй, старушек я отстранять не буду. Новым человеком буду только с ровесниками, ну разве что плюс-минус лет десять, не больше».

У кабинета кардиолога расположилась в некоторой напряжённости очередь из трёх санаторных жителей: две женщины сидели в креслах, а один мужчина скучал у стены. Мякин бегло оценил возрастные характеристики ожидающих и понял, что здесь он может быть новым человеком без ограничений.

– Мне назначено на... – И Мякин, заглянув в талончик, назвал своё время.

Очередь молчала, отреагировала только дама, сидевшая ближе всех к двери:

– Здесь живая очередь. Занимайте за последним.

– Хорошо, – согласился Мякин. – А кто последний?

Стоявший рядом с ним мужчина в спортивном костюме сухо ответил:

– Будете за мной.

Мякин кивнул и притулился у стены. Минут через десять осторожно спросил:

– Что-то там долго? Так и завтрак можно пропустить!

Дама, первая в очереди, уверенно ответила:

– Успеем. Ещё целый час остался.

Стоявший рядом мужчина с сомнением добавил:

– Очередь-то не движется.

Наступило напряжённое молчание. Мякин взглянул на часы. В дальнем конце коридора появилась серая фигура, медленно приближающаяся к ожидающим кардиолога. Поначалу на её приближение никто из присутствующих не обратил внимания, и только когда невзрачная личность женского пола прилепилась к желанной для всех двери, по очереди прошло некоторое волнение. Личность, прищурившись, долго рассматривала номер кабинета и, не обращая внимания на сидевших у стены, что-то изрекла вроде «ага», а уж когда рука её потянулась к дверной ручке, дама, что была первой, спохватилась.

– Здесь живая очередь! – с нескрываемой тревогой про-

изнесла она.

Личность тихонько приоткрыла дверь. Из-за двери донеслось:

– Подождите минуточку!

Вновь появившаяся прикрыла дверь и осталась стоять спиной к остальным. Мякин решил пока что не проявлять в себе нового человека и с интересом наблюдал за дальнейшими событиями. А события развивались не то чтобы стремительно, а поначалу весьма медленно, но с каждой минутой беспокойство в очереди росло. Первым не выдержал мужчина в спортивном костюме:

– Это надо же! Мы здесь стоим, а некоторые нарушают весь порядок! Безобразие!

Тирада «спортивного» на появившуюся личность никакого впечатления не произвела. Единственное, что она сделала, – так это, повернувшись лицом к очереди и прищурившись, осмотрела всех и снова отвернулась.

– Да! – нервно произнесла первая дама. – Здесь есть мужчины, которые могут навести порядок?

Поскольку «спортивный» свою роль уже отыграл, Мякин догадался, что это обращение, скорее всего, относится к нему. У Мякина почему-то наступила некоторая апатия. Он подумал, что включать нового человека ради всей очереди резонов особых нет. Был бы он один – тогда другое дело, а здесь можно оказаться врагом для всех.

– Что такое очередь? – рассуждал он. – Это самооргани-

зованная группа людей, связанная единой целью. А ну как цель поменяется? Самоорганизация нарушится – что тогда?

И всё же в Мякине проявилось некое сочувствие к первой даме, тем более что она выглядела весьма интеллигентно. Мякин подошёл вплотную к новенькой и громко заявил:

– Мадам, вам же сказали, что здесь живая очередь! Вам это понятно?

Новенькая вздрогнула от громкого голоса, с прищуром посмотрела на Мякина, пробурчала: «Тогда я потом» и скоренько скрылась в коридорной дали.

Очередь облегчённо вздохнула, а Мякин стал её героем. Конечно, не весть какое звание, но всё же... Первая дама посмотрела на него с благодарностью и произнесла:

– Большое спасибо от всех нас! Если вы торопитесь, то я могу пропустить вас вперёд.

Мякин заметил некоторую насторожённость, появившуюся у второй дамы, и гордо ответил:

– Я не тороплюсь! – И торжественно занял своё место у стены.

Дверь распахнулась, из неё с трудом вышел древний дедок, и очередь пошла быстрее.

Прощаясь с кардиологом, Мякин осторожно спросил:

– Ну, как оно стучит?

В ответ симпатичная молодая женщина в белом халате дружелюбно произнесла:

– Не волнуйтесь, стучит, а как стучит, вам скажет ваш

врач. Расшифровка будет у него.

Мякин, довольный ответом, а заодно и собой, отправился завтракать.

«Что нужно для счастья?» – подумал он, двигаясь в сторону столовой, и сам себе коротко ответил:

– Чтобы оно стучало и быть кому-нибудь полезным.

В столовой было немногочисленно. Скорее даже пустовато. Последние посетители заканчивали завтракать. Мякин ещё издали заметил, что его стол свободен. Отсутствие экстра-сенши сильно обрадовало его, и он подумал:

«Позавтракаю спокойно», – и обратил внимание, что только на его месте оставались столовые приборы.

«Может быть, съехала?» – с осторожной надеждой добавил он к своим размышлениям.

Мякин с аппетитом употребил два своих любимых блюда – овсянку и яичницу – и до обеда, не жалея сил и здоровья, выполнял процедурный план. Он был доволен собой, и единственное, что его беспокоило, – так это мимолётная мысль, даже скорее мыслишка: неплохо бы было мало-мальски подышать свежим воздухом. Тем более что из окна наблюдалась великолепная зимняя погода.

Обычная конторская предновогодняя суета и подготовка к отчёту не давали Мякину получить удовольствие от зимних красот – таких, которые он обнаружил ночью, стоя у окна. А сегодня с утра, энергично продвигаясь от процедуры к процедуре, он лицезрел за окном подсвеченный ярким

солнцем зимний пейзаж, завораживающий своей заснеженной неожиданностью. Громадные, искрящиеся шапки снега нависали повсюду, где только можно было зацепиться. Мякин подумал, что вот, как всегда, в этих местах задует ветер с залива, принесёт тучи и слякоть – и исчезнет вся эта красота, и останется серый лес с грязноватым снегом под деревьями.

Обеденная столовая сдержанно шумела от множества посетителей. По рядам двигались расторопные официантки с тележками заказанных блюд. В центре зала у небольшой стойки с овощными салатами хаотично двигался народ, самостоятельно затариваясь зимними витаминами. Мякин в нерешительности остановился у входа, определяясь, куда пойти: то ли к своему столу, то ли за салатами. Он взглянул в сторону своего места. Там уже расположились экстрасенша и ещё незнакомая ему пара молодых людей – девушка и парень. Даже отсюда, издалека было видно, что возраст молодых людей разительно отличается от среднего возраста отдыхающих в это время года. Экстрасенша, увидев Мякина, помахала ему рукой, как бы приглашая к столу. Мякин изобразил лёгкую улыбку и поплёлся на своё место. Приблизившись, он настолько широко улыбнулся, что соседи могли подумать: встречаются старые, закадычные друзья – ну, если не с пелёнок, то уж точно со школьной скамьи.

– Присоединяйтесь, – радушно пригласила его экстрасенша. – У нас тут образовалась весёлая компания. А кстати, где вы были утром? На завтраке мы вас не обнаружили.

– На завтрак я припозднился, еле успел, – оправдываясь, ответил Мякин. – Дела срочные задержали.

Сказав это, Мякин подумал:

«Какие срочные дела? Что это я себе здесь срочные дела приписал? Сейчас пристанут с вопросами».

Он ошибся: с расспросами к нему не пристали. Экстрасенша сделала вид, что пропустила его объяснение мимо ушей.

– Рекомендую вам обзавестись овощными салатами. – Она взглянула в центр зала. – А то сейчас всё разберут – столпотворение жуткое! И быстренько к нам. Молодёжь интересуется экстрасенсорикой – так мы вместе это и обсудим.

Мякин понял, что без экстрасенсорики ему сегодня не отобедать, и направился за овощами. Экстрасенша была права: в некоторых ёмкостях для салатов остались лишь жалкие остатки. Мякин обзавёлся маленькой тарелочкой и хотел было наполнить её тёртой морковкой, но не тут-то было: прямо из-под носа у него вилочную цапку перехватила кругленькая бабулька. Мякин терпеливо выждал, пока она наполнила свою посуду, но тут неожиданно с другого бока, немного его оттеснив, к морковке присоседился упитанный мужичок с вилкой, изъятой из капустной ёмкости, и, не замечая Мякина, скоренько заполнил свои две тарелочки. С противоположной стороны стойки раздался ровный и знакомый Мякину голос:

– Господа, соблюдайте очередь! Ведь нельзя же так тол-

каться.

Мякин поднял глаза и узнал в говорившей ту утреннюю интеллигентку у кабинета кардиолога. По её виду можно было понять, что ей никак не удаётся добраться до тёртой свёклы. Мякин включил в себе нового человека.

– Дамы и господа! – громко заявил он. – Давайте соорганизуемся! Начало очереди у края стойки – и так, по одному, мы без суеты удовлетворим свои желания.

Упитанный мужичок злобно взглянул на Мякина и постарался побыстрее отодвинуть от него свои тарелочки, словно опасался, что тот может их у него отобрать. Интеллигентка с благодарностью посмотрела на Мякина и наконец-то добралась до вожделенной свёклы. Мякин соскрёб со дна остатки тёртой морковки и с чувством собственного достоинства удалился – его ждала обеденная экстрасенсорика. Его соседи не спеша потребляли первые блюда. Мякин расположился за столом и, ожидая официантку, пытался вспомнить, что же вчера заказал на обед. Через минуту официантка поставила перед ним глиняный горшочек с чем-то горячим и вкусно пахнущим. Мякин сглотнул слюну и приступил к поглощению содержимого. Когда в горшочке осталась половина первого блюда, он услышал голос экстрасенши:

– Вот мы можем на примере нашего друга кое-что продемонстрировать.

Мякин, не отрываясь от горшочка, понадеялся, что эта реплика к нему не относится, но не тут-то было! Экстрасенша

продолжила:

– Прямо сейчас – можно сказать, в полевых условиях – я могу раскрыть мысли нашего друга, то есть сказать, о чём подумал наш сосед, войдя в этот зал.

Мякин насторожился – похоже это говорили о нём.

– Хотите узнать? – спросила экстрасенша, обращаясь к молодой паре.

Мякин косо посмотрел на молодёжь. Девушка пожала плечами и, смущённо улыбаясь, ответила:

– Если ваш друг не возражает, то пожалуйста.

– Наш друг не возражает? – спросила экстрасенша.

Мякин угрюмо добивал первое блюдо. Не обращая внимания на молчащего Мякина, экстрасенша продолжила:

– Так вот, войдя в залу, он решал сложнейший вопрос: взять ли ему салатик или сначала подойти сюда к нам.

– Почему вы так думаете? – вмешался парень. – Может быть, он думал о чём-то другом. Да и как мы проверим, правы вы или нет? Ваш друг может просто, не возражая, согласиться.

– Вы согласитесь не возражая? – спросила экстрасенша.

Мякин упорно молчал. Он отодвинул пустой горшочек и взял второе блюдо. Парень, приступая к поеданию второго, заметил:

– Вы, наверное, давно знаете друг друга и можете с нами шуточки разные сотворить про вашу экстрасенсорику. Лучше попробуйте угадать что-нибудь про нас.

У Мякина отлегло на сердце – теперь, пока экстрасенша занимается молодёжью, он успеет отобедать.

Экстрасенша задумалась и, строго поглядывая на склонившегося над тарелкой Мякина, серьёзно ответила:

– Могу поработать и с вами. Вы молодожёны, недавно поженились. Этот санаторий – вроде вашего свадебного путешествия. Вы, молодой человек, не гуманитарий, скорее человек технический, а вот ваша молодая супруга – гуманитарий или по профессии, что-то вроде нашего друга, работает с бумагами. Наш друг может подтвердить, что он не технарь.

Мякин срочно допил компот и, кивнув, встал из-за стола.

– Извините, мне пора. До вечера.

– До вечера, – ответила экстрасенша и добавила: – Вечером будут танцы.

Мякин никак не отреагировал на эту реплику и стремительно вышел из столовой.

«Что же у меня такое на лице, что указывает на мои мысли и род деятельности? – подумал он. – Надо взглянуть в зеркало и срочно тренировать лицо нового человека – человека с непроницаемой физиономией».

В номере Мякин, взглянув на план процедур, обнаружил, что именно сейчас у него есть минут сорок свободного времени. Он поторопился переодеться, набросил шубейку, надел шапку и решил подышать хотя бы эти минут сорок. Выходя из вестибюля, он почти столкнулся с пузатым, стоявшим у входа с какой-то дамой.

– Добрый день! – радушно кивнул ему пузатый. – Желаем подышать свежим воздухом?

– Да, – коротко ответил Мякин.

– Хотел было вчера подойти к вам, но вы были с дамой, – продолжил пузатый.

– С какой дамой? – удивился Мякин, но, вспомнив киносеанс с экстрасеншей, промолчал.

– О! Это вы, – произнесла знакомая пузатого, и Мякин сразу узнал в ней интеллигентную даму из очереди к кардиологу.

Поняв, что растолкать стоящую у входа парочку не удастся и что придётся как-то реагировать на них, Мякин решил произнести фразу подлиннее, чем предыдущие:

– Вот, решил прогуляться. Образовался небольшой перерывчик в процедурах – так я и вышел.

– И правильно сделали, – одобрил его действия пузатый. – Процедуры процедурами, а свежий воздух тоже необходим.

– Ну, я пойду, – неуверенно произнёс Мякин.

– Минуточку, – вмешалась интеллигентка. – Алексис, – она обратилась к пузатому, – мы можем приобщить? Ведь это наш спаситель – я сподобилась уже дважды видеть этого героя!

– О! Мадам! – нарочито торжественно произнёс пузатый. – Если рекомендуете вы, то я просто не имею права не приобщить.

Мякин, ничего не понимая, продолжал стоять и вновь

неуверенно буркнул:

– Так я пойду?

– Да, конечно, – строго по-деловому произнесла интеллигентка, – но обещайте, что вечером, после ужина, мы встретимся в банкетном зале. Ну, скажем, часов в восемь.

Мякин утвердительно (а что ему было делать?) кивнул и быстро, не оглядываясь сбежал вниз по ступенькам в парк, где его ждала изумительная зимняя погода. Прошагав по заснеженной дорожке в глубину парка, он задумался:

«Любопытно: они сумасшедшие на самом деле или притворяются? И что это значит – “приобщить”?»

А ещё он подумал, что здесь он оказался нарасхват, – уже сегодня вечер занят и танцами, и банкетом.

– А что же будет дальше, когда я стану новым человеком? – спросил он сам себя и вышел на солнечную поляну.

Лучистый сверкающий диск клонился к горизонту. Мякин взглянул на часы – до галокамеры оставалось не более пятнадцати минут. Он повернул назад и поторопился на очередную процедуру. В галокамеру Мякин проник почти последним; сзади него топтался всего лишь один дедуля, долго возившийся с белым халатом, в который необходимо было обязательно облачиться.

Мякин вошёл в помещение, напоминающее пещеру, огляделся по сторонам и занял свободное кресло рядом с субъектом неопределённого возраста. Субъект, видимо, уже приготовился дышать целебным воздухом – закрыл глаза и, скре-

стив руки на выдающемся животике, приступил к сладкому посапыванию. Медсестра тихонько прикрыла дверь – наступила тишина, в которой из репродукторов, замаскированных в стенах, слышались щебет и пение птиц, словно посетители оказались в весеннем лесу, когда в предрассветный час на востоке появляется лёгкая полоска жёлто-оранжевого цвета.

Мякин лежал с закрытыми глазами и пытался определить, что за птицы распелись здесь в полумраке небольшого помещения. Но, кроме далёкого голоса кукушки, ничего не мог распознать. Сосед сладко похрапывал, и ему птичьи голоса, наверное, совсем не мешали видеть какие-то хорошие сны, а Мякин не спал. Он вспоминал своё заурядное житьё за последние несколько лет, пытаясь обнаружить в нём что-нибудь яркое, заметное. Он перебирал прошедшие события и ни на чём не смог сосредоточиться. Вспомнил похороны дядьки. Дядьку отпевали в старинной церкви. Мякин тогда ещё был молодым парнишкой лет шестнадцати. Он появился в церкви, когда дядьку для отпевания уже разместили внутри. Гробов с покойниками в центре оказалось почему-то штук три. Дядька лежал в самой середине. Кто-то из присутствующих произнёс:

– Лежит совсем как живой.

Мякин посмотрел на заплаканное лицо тётки, и великая грусть проникла в него. Дядька умер молодым – лет сорока. Говорили, будто они там, на заводе, выпили что-то плохое, – вот дядька и помер.

Мякин решил пока что выбраться из церкви, обогнул парочку гробов с чужими покойниками и вышел за колонну, а там скромно стоял ещё один гробик со старушкой. Мякин совершил неудачный манёвр и зацепил головой лампадку на колонне. Лампадка упала ему на спину, масло вылилось на рубашку, и вся лампадная конструкция с грохотом оказалась на полу.

– Что же это за безобразие! – услышал он от пожилой женщины, стоявшей у гроба.

Лицо говорившей было явно недружелюбным. Мякин растерялся окончательно. Светлая рубашка сзади пропиталась церковным маслом – он почувствовал это всей спиной. Разорённая лампада лежала у его ног, а сам Мякин, опустив голову, застыл как статуя, не зная, что ему делать.

– Не волнуйся, милоч. Сейчас всё поправим, – услышал он сзади. – Давай-ка поставим всё на место.

Мякин сразу даже не понял, кто к нему обращается, молча поднял лампадку и всё крепление к ней, обернулся. Доброе лицо светлой, маленькой, уже немолодой женщины смотрело на него.

– Вот, давай-ка это сюда вставим, а это сверху. – Женщина руководила Мякиным. – И это теперь наверху разместим, – продолжала она. – И маслица ещё осталось немного. Ты, милоч, возьми свечу и лампадочку-то засвети.

Мякин безропотно исполнял команды женщины.

– Вот и всё. Хорошо получилось. Спаси Христос! – тихо

произнесла женщина и перекрестилась.

Мякин тихонько ретировался из церкви, встретил у входа родственников, подъехавших к отпеванию. Они поохали, глядя на его спину, рекомендовали вернуться домой и быстренько застирать рубашку. Мякин так и сделал.

После этого случая у Мякина с церковью отношения как-то не сложились. Он долго помнил своё неуклюжее поведение и разгромленную лампадку, в церкви заживал редко, да и то из любопытства и с великой осторожностью. Однажды заглянул с пацанами в «не свою», где не было икон, а посетители сидели рядами на деревянных лавках. Церковный проповедник с кафедры монотонно что-то излагал. Мякин прислушался, проповедник говорил:

«Вчера в городе был сильный ветер. Он срывал с прохожих головные уборы и одежду, ломал ветки деревьев, и только памятники стояли незыблемыми, потому что стояли они на прочных фундаментах. Вот так и у нас: когда на нас обрушиваются житейские невзгоды и беды, что помогает нам преодолеть их? Крепкий фундамент нашей веры».

Мякин под щебетание птиц вспомнил эти слова и подумал:

«А что есть у меня? Какой фундамент есть у меня? У меня есть вера в светлое будущее. В научно-технический прогресс. По крайней мере, так меня учили. Прогресс должен принести счастье для всех. Вот это и есть мой фундамент».

– Всё. Поднимайтесь. Сеанс закончен, – услышал Мякин.

Птицы уже не пели. В помещении зажётся свет. Посетители потихоньку поднимались со своих мест.

До вечера Мякин обежал ещё несколько плановых процедур, затем собрался на ужин, оглядел себя в зеркале, остался доволен одеждой, подмигнул сам себе и попытался изменить выражение лица.

– Сделай неприступную морду, – приказал он сам себе, глядя в зеркало. – Неприступную и безразличную, – повторил он.

– Уберите, молодой человек, этот удивлённый испуг! Что-бы я его больше не видел! – грозно изрёк Мякин.

Из зазеркалья на него смотрело глупое лицо с непонятным выражением глаз.

– Эх вы! А хотите стать новым человеком! С такой физиономией у вас ничего не получится. – От этих слов лицо Мякина почти не изменилось. Он улыбнулся сам себе и с большим усилием изобразил безразличие. Что-то еле уловимое, серьёзное появилось в его глазах, он вспомнил старую юношескую обиду, когда чужие парни ударили его за нежелание отдать мелкие деньги.

– Вот, уже лучше, – сказал он своему отражению и добавил: – Будете вспоминать какую-нибудь гадость, чтобы сделать серьёзное лицо.

Когда Мякин вошёл в столовую, ужин был в самом разгаре. Экстрасенша и молодая пара уже что-то потребляли. Мякин ещё раз вспомнил юношескую обиду.

– Что с вами, на вас лица нет? – спросила экстрасенша

Мякина, когда он подошёл к столу и буркнул:

– Добрый вечер. Приятного аппетита!

– Замучили процедуры? – ещё раз спросила экстрасенша и продолжила: – Это они могут. Я вот взяла себе самую малость – так только, чтобы получить небольшой релакс. А вы, я думаю, нахватали процедур и сами себя мучаете, издеваетесь над собственным организмом.

– Наверное, – нехотя согласился Мякин и уселся за столом.

Экстрасенша настороженно взглянула на Мякина и сочувственно произнесла:

– Я бы рекомендовала вам, как и нашим новым друзьям, – она кивнула в сторону молодых соседей, – бросить эту погоню за здоровьем и просто всласть отдохнуть, посетить кино, банкетный зал, танцы, наконец.

При этих словах она с прищуром посмотрела на Мякина.

«Ну началось! – подумал он. – Что же у меня такое есть, отчего ко мне все пристают? Может быть, оттого, что я помазанный лампадным маслом? Так это было давно».

Экстрасенша, прямо глядя в глаза Мякину, спросила:

– Вы помните, что у нас сегодня танцы?

Мякин втянул голову в плечи и подумал:

«Наверное, строгое лицо моё снова куда-то исчезло».

Он уткнулся в принесённую официанткой тарелку и, стараясь быть невозмутимым, ответил:

– Угу.

– Это прекрасно, что вы помните о своём долге! – улыбнувшись, сказала экстрасенша. – А то я было подумала, что вы опять хотите мне изменить.

Девушка удивлённо посмотрела на Мякина, усмехнулась и обратилась к юноше:

– Может быть, мы тоже сегодня потанцуем?

Юноша оторвался от поглощения чего-то мясного и покорно ответил:

– Можно и танцы устроить.

– Чудесно! – обрадовалась экстрасенша. – Будем вечером танцевать до упаду вчетвером.

Мякин занервничал – он вспомнил, что пузатый Алексис и интеллигентная дама будут ждать его в банкетном зале.

– Мне до упаду нельзя, – возразил Мякин. – У меня дела.

– Какие это ещё дела? – несколько возмущённо произнесла экстрасенша и иронично добавила: – Наш друг совсем не умеет отдыхать! Молодёжь, – обратилась она к соседям, – давайте возьмём над ним шефство.

Юноша пожал плечами и неохотно, скорее из вежливости, ответил:

– Мы, конечно, можем, но у нас может быть и своя программа, свои планы.

Мякин мысленно поблагодарил юношу за такой ответ и, вспомнив юношескую обиду, серьёзно произнёс:

– У нас у всех могут быть свои дела, так что один танец

я ещё смогу, но не больше.

– Ого! – сказала экстрасенша. – Это бунт! Мы, женщины, – она взглянула на девушку, – как всегда, подчиняемся силе, но не разуму.

Девушка смущённо потупила глаза. За столом наступила долгожданная для Мякина тишина. Он не спеша разделался с печёным яблоком, выпил чаю и как-то покорно произнёс:

– Я готов.

Экстрасенша кивнула, поправила прядь волос и ответила:
– Отлично, встречаемся внизу через час.

Мякин посмотрел на часы, встал из-за стола и вышел из столовой. Оставшееся время он усердно тренировался перед зеркалом, и только через полчаса ему наконец-то удалось сделать надменно-равнодушное выражение. Но сколько он сможет продержатъ это состояние у себя на физиономии, ему знать было не дано. Мякин минут двадцать подбирал под это выражение разные случаи из своей жизни, но всё, что припоминалось, явно не годилось для закрепления достигнутого успеха.

– Эка вы, молодой человек, какой неинтересный! – говорил он сам себе. – Неужели ничего такого в жизни у вас не случилось надменно-равнодушного?

– Не случилось, – отвечал он сам себе, и мысли в голове его сбивались, и лицо вновь приобретало тихий застенчивый вид.

Она ждала его при полном параде. Мякин, конечно, не в

лесу провёл свою жизнь – повидал он много разных женщин, да и в кинематографе, в фильмах множество раз наблюдал разные дамские роскошества, но такой экстрасенши он ранее не видел. Глубокое декольте и обнажённые плечи, чёрное длинное бархатное платье и сверкающее ожерелье на шее, можно сказать, несколько ошеломили его. Он в своём скромном деловом костюме почувствовал себя крайне неудобно. Никакие воспоминания о юношеской обиде никак не влияли на выражение его лица, и он как бы изнутри ощутил свою удивлённую, глупую нелепость рядом с этим торжественным сиянием.

Танцы уже начались. Несколько пожилых дам уютно устроились в креслах вдоль стены и с великим любопытством наблюдали за одинокой парой, медленно двигавшейся в ритм музыке посередине зала. Седенький худощавый старичок вёл под музыку элегантную старушку. Они молча, совсем не замечая любопытных глаз, двигались строго в соответствии с ритмом, как бы показывая образец поведения танцоров на публике прошлого века.

Мякин с непонятым выражением лица настороженно приблизился к сверкающей экстрасенше, судорожно предчувствуя, что ему предстоит выдержать в ближайшие минуты на этом вечернем мероприятии. Увидев Мякина, экстрасенша подхватила его за руку, вывела в центр зала, поставила перед собой и, в ожидании его ответных действий, заявила: – Хорошая музыка – можем потанцевать.

Но, как назло, музыка закончилась. Пожилая танцующая пара с достоинством прошла к стене зала и застыла в ожидании продолжения танцев. Ведущий засуетился возле аппаратуры, а Мякин стоял в нескольких сантиметрах от экстрасенши с опущенными по швам руками и, ожидая нового танца, угрюмо уставился на сверкающее ожерелье партнёрши. Краем глаза он видел, как оживились наблюдатели в креслах, как некоторые из них совершили срочные попытки незамедлительно обсудить друг с другом вновь появившуюся пару. Мякин на несколько секунд зажмурился и мысленно решил стоять до конца, до полного разгрома или победы, совершенно не понимая, чем может закончиться его существование в этом помещении.

Наконец-то ведущий расправился с аппаратурой, и в зале зазвучал быстрый фокстрот. Мякин открыл глаза, ухватился вытянутой правой рукой сбоку за талию экстрасенши, левую машинально отдал в её правую руку и повёл образовавшийся тандем, как образцовый дуэт, по малому кругу. Ноги Мякина, как бы самостоятельно от него, вспомнили необходимые движения, которые он разучил очень давно, ещё в школьном танцевальном кружке, куда по настоянию матери записался для развития застенчивой личности.

Гремела музыка. Мякин вёл партнёршу и скоротечно перебирал прошлые жизненные случаи, чтобы придать своему лицу подходящего выражения для данной ситуации. Понимая, что желаемое выражение на его физиономии как-то не

закреплялось, он не смотрел на экстрасеншу и неожиданно остановился только тогда, когда она по собственной инициативе прижалась к нему и, коснувшись головой его уха, обдав Мякина незнакомым ему запахом, тихо сказала:

– Вы прекрасно танцуете.

Музыка закончилась, и они остались стоять в центре внимания сидящих пожилых женщин. Мякин отпрянул от экстрасенши и, чтобы вывести её из танцевального пространства, неловко подал ей руку. Она покорно подчинилась ему и, когда они оказались у выхода, произнесла:

– Пожалуй, я буду брать у вас уроки танцев. Вы не возражаете? А за вашу услугу я буду платить обучением экстрасенсорике. Вы согласны?

Мякин кивнул головой и ответил:

– Извините, мне пора.

– Прощайте, – сказала экстрасенша. – До завтра.

В уютном банкетном зале было практически пусто, за двумя дальними столиками разместились тихая компания. Справа у окон за средним столом сидели уже знакомые ему фигуры пузатого и интеллигентки. Мякин осторожно приблизился к ним и негромко поздоровался:

– Добрый вечер!

– А, это вы! Добрый вечер, добрый вечер, – наперебой ответили ему сидящие. – Наконец-то, ждём, ждём! Присаживайтесь, располагайтесь.

Мякин уселся на свободный стул.

– Чего желаете? – спросил пузатый.

Мякин пожал плечами, огляделся вокруг и предложил:

– Может быть, просто водички.

– Просто водички! – усмехнулся пузатый. – Нет, «просто водички» для серьёзного разговора не годится. Вы согласны, мадам? – обратился он к интеллигентке.

– Вы, Алексис, действуйте, как считаете нужным, – ответила она.

Когда на столе появились бокал вина и два фужера с коньяком, пузатый взял слово.

– Ну что ж, начнём! Давайте выпьем за наш успех! За наш священный союз! За наше правое дело!

Чокнулись. Мякин сделал маленький глоток, поставил фужер на стол и замер в ожидании дальнейших слов пузатого.

– Алексис, – обратилась к пузатому интеллигентка, – объясните молодому человеку суть дела. Видите, как он сосредоточен.

– Сосредоточенность – это хорошо, – продолжил пузатый. – Она, эта сосредоточенность, нам очень может пригодиться. Дело, видите ли, в том, что мы вам предлагаем приобщиться к нашему общему делу. Вступить, так сказать, в наше тайное общество.

– Алексис, не пугайте молодого человека! Скажите просто, что мы боремся за свои права. Это ведь как игра, но игра по-серьёзному. Игра, приносящая пользу обществу.

– Да, мадам, вы, как всегда, правы, – согласился пузатый. – Мы за свои права, то есть мы «заправцы» – несём людям, обществу улучшения. Точнее, мы, как санитары, чистим и уничтожаем разгильдяйство и хамство, и тем полезны.

Мякин внимательно слушал, пытался уловить общую идею, основной смысл, но пока что всё услышанное представлялось ему какой-то бессмыслицей и бредом.

– Алексис, вы должны говорить проще! Молодой человек не совсем понимает ваши теоретизирования. – Интеллигентка отпила немного вина и добавила: – Объясняйте на практических примерах.

– Слушаюсь и повинуюсь, мадам! – покорно ответил пузатый и продолжил: – Вот вы давеча навели порядок в очереди...

Пузатый вопросительно взглянул на мадам. Она утвердительно кивнула головой и пояснила:

– Молодой человек ликвидировал нарушение со стороны хамоватой личности в очереди к кардиологу.

– Да, совершенно верно, ликвидация нарушений, – подхватил эту мысль пузатый. – Мы, можно сказать, ликвидаторы нарушений. Вы понимаете, что это значит?

Мякин кивнул головой и, оглянувшись по сторонам, почему-то почти шёпотом спросил:

– То есть вы боретесь с теми, кто всё время лезет без очереди?

– И не только, – ответил пузатый. – Видите ли, молодой

человек, кто-то должен замечать недостатки – любые, вплоть до мелочей. Вот, к примеру, видите – левая штора чуть искривлена, то есть карниз несколько не горизонтален?

Мякин повернул голову влево и, присмотревшись, всё-таки заметил, что действительно, у одного из карнизов левая сторона на какие-то сантиметры ниже правой.

– Заметили? – спросил пузатый.

– Да-а-а-а... – протяжно ответил Мякин и неуверенно добавил: – Недостатков так много. Вас на всё не хватит.

– Нас? Нас хватит, если ряды «заправцев» будут множиться! – отреагировал пузатый.

Мякин поднял фужер, принюхался к содержимому и, не пробуя, поставил на место.

– Так что же делать с карнизом? – тихо спросил он. – У вас есть при себе инструмент, чтобы исправить ситуацию?

– Наш инструмент всегда с нами, – улыбаясь, ответила интеллигентка. – Мы должны сделать замечание, не молчать.

– И вы думаете, это поможет? – с сомнением произнёс Мякин.

– А пройти мимо, сделав вид, что не заметили, – что лучше? – парировал пузатый. – Конечно, бывает, что «капэдэ» крайне низкий, но кто-то должен это делать! Вы же сделали замечание и даже, более того, добились своего.

– Да, – согласился Мякин. – Но что же всё-таки делать с карнизом?

– Это мы решим, – ответил пузатый. – Но сейчас главный

вопрос в другом. Приобщаетесь ли вы лично к нашему общему делу? Да или нет?

Мякин напрягся и снова, уже в который раз, подумал:

«Опять им что-то надо от меня, а я ведь ничего ни от кого не требую».

Он потёр ладонью лоб, машинально поднял фужер, отпил небольшой глоток – тёплая жидкость немного обожгла гор-тань, и к Мякину пришла новая мысль: «Новый человек должен вести себя по-новому».

«Да», – мысленно ответил он сам себе, а вслух спросил:

– А почему общество тайное? Мы что, должны бояться кого-нибудь?

– Да, должны, – утвердительно ответил пузатый. – Должны бояться издевательского смеха, несправедливых ярлыков. Разве вам будет приятно, когда в вас будут тыкать пальцем и язвительно шипеть вам вслед: «Скандалный зануда»?

Мякин мысленно примерил на себя это прозвище, и ему стало неприятно. Пузатый Алексис, выдержав паузу, спросил:

– Ну так как? Вы с нами или...

Мякин собрался с мыслями и решительно ответил:

– Да, с вами.

– Прекрасно! – радостно заявила мадам. – Я знала, что вы согласитесь! Алексис, скажите тост.

Пузатый поднял фужер.

– Выпьем, друзья, за правду, какая бы горькая она ни бы-

ла!

– За правду – так за правду, – согласилась интеллигентка.

Чокнулись. Глотнули спиртного. Пузатый встал и объявил:

– Одну минуточку, я сейчас разберусь с карнизом.

Он исчез минут на пять где-то за стойкой в дальнем конце зала и появился с упитанной официанткой. Они вдвоём, стоя у кривого карниза, довольно долго что-то обсуждали. Затем официантка удалилась, а пузатый возвратился на своё место.

– Исправить сразу они не могут, – проворчал пузатый. – Обещала, что дня за два поправят – вызовут мастера. Выпьем за мастеров, – предложил он.

Никто не возражал. Чокнулись, допили оставшееся спиртное. Мякин взглянул на часы – пора было расходиться. Пузатый, заметив мякинское нетерпение, загрустил, оглядел зал и тихо произнёс:

– Пусто. Совсем нет молодёжи. Не сезон.

– Алексис, – встрепенулась интеллигентка. – Завтра нам непременно следует встретиться.

– Да, конечно. Предлагаю после обеда в холле. Вы не возражаете? – Пузатый взглянул на Мякина чутьочку захмелевшими глазами.

Мякин кивнул головой в знак согласия. Расходились молча, как и подобает членам тайного общества.

Эту ночь Мякин спал без сновидений. Может быть, ему что-то и снилось, но, проснувшись очень рано, он ничего

не помнил. В голове, в подсознании какие-то разрозненные картинки след

вроде бы оставили, но эти обрывки в сюжеты не складывались. Он тихо встал, подошёл к окну. Тёмные сосны, слабо освещённые уличными фонарями, потихоньку, спонтанно сбрасывали на землю бесформенные куски намокшего снега.

«Затеплело, – подумал Мякин. – Наверное, к вечеру эта мокрота уничтожит всю зимнюю красоту».

Тёплое утро предвещало серый, сырой день. С утра Мякин мотался по процедурам и примерно за час до обеда принял кардинальное решение – посетить бассейн. Скоростным образом подхватив всё необходимое для бултыхания в тёплой воде и проигнорировав пару процедур, он появился в раздевалке.

В помещении висел предупреждающий плакат о том, что прежде, чем погрузиться в бассейновую воду, необходимо принять душ. Мякин с удовольствием подставил измотанное процедурами тело под тёплые струи и обратил внимание, что крупный экземпляр любителя поплавать прошёл мимо душевых кабинок, даже не удосужившись помочить хотя бы часть своего весьма солидного тела.

«Непорядок! – подумал Мякин. – Надо бы сделать замечание».

Когда Мякин осторожно спустился в воду, крупный экземпляр, фыркая по сторонам, медленно пересёк бассейн. Мякин посторонился, пропуская пловца, и в момент его

остановки у стенки сделал ему вежливое замечание:

– Вы не приняли душ перед бассейном, то есть нарушили правила!

Крупный экземпляр сначала не понял, что некто в плавках обращается к нему. Мякин бесстрастным тоном повторил замечание. До экземпляра наконец-то дошло, что Мякин борется за исполнение правил поведения в бассейне. Экземпляр выпучил на Мякина глаза, показал ему язык, кроме того, повертел у виска указательным пальцем и с брызгами бросился в очередной заплыв. Мякин скромно побарахтался в углу и минут через десять снова стоял под тёплым душем. На выходе из раздевалки он пожаловался на нарушителя дежурной: мол, крупный экземпляр не принял душ перед посещением бассейна. Дежурная сочувственно покачала головой, посетовала на то, что ещё встречаются у нас незнательные экземпляры и что она лично не может по этическим причинам организовать контроль в мужском душе. Мякин согласился с доводами дежурной, но всё же попросил её сделать замечание нарушителю при выходе его из раздевалки. Дежурная сделала недовольное лицо, пожала плечами и уклончиво ответила, что она постарается, если узнает по описаниям Мякина этого нарушителя. И Мякин, весьма довольный исполненным долгом члена общества «заправцев», покинул территорию бассейна.

За обедом экстрасенша заявила:

– У нашего друга сегодня какой-то праздник. Обратите

внимание: он весь сияет!

Мякину пришлось вспомнить юношескую обиду, и экстрасенша, заметив разительные перемены на его лице, извиняющимся тоном добавила:

– Простите, я несколько бестактна. Ради Бога, простите! Это всё атавизмы моей старой профессии.

В разговор вступил юноша и, скорее всего, просто из любопытства спросил:

– А можем мы узнать, что это за профессия такая, за которую приходится извиняться?

«Ай, какой молодец!» – подумал Мякин и сосредоточился на ответе экстрасенши, которая, несколько не смутившись нахальному вопросу юноши, ответила:

– Я бывшая профессиональная ведунья. Работала частным образом. Ныне являюсь психоаналитиком в одном из медцентров. Этого вам достаточно?

– Вполне, – проглотив кусок мяса, ответил юноша. – Психоанализ – занятие, наверное, очень интересное?

Экстрасенша улыбнулась и ответила:

– Наверное, каждому своя профессия нравится. Даже тогда, когда юношеские мечты не сбываются. Мы же больше всего любим себя, а уж потом – всё остальное.

Юноша, заканчивая второе блюдо, возразил:

– А как же героизм, жертвенность ради других?

Лёгкая улыбка сошла с лица экстрасенши – оно приняло серьёзное выражение.

– Героизм – слабо изученное явление, да и герои редко встречаются. Согласитесь: мы все в серой своей массе заурядные люди, и никто из нас не знает, как он проявит себя в экстремальной ситуации.

– Я бы ради любимого человека могла совершить нечто героическое, – сказала девушка и, немного смутившись, добавила: – Мне так кажется.

– А вы что скажете о героизме? – обратилась экстрасенша к Мякину.

Мякин постарался вспомнить, что он знает о героях, и, ничего умного не придумав, ответил очень просто:

– Я точно знаю, что я не герой, а в остальном мне сложно ответить на вопрос, что такое героизм.

Выдержав паузу в несколько секунд, он тихо продолжил:

– Мне кажется, мы все можем быть героями – маленькими героями в каких-то маленьких поступках. Даже иногда незаметных для окружающих. Только надо быть честными перед самим собой. Например, сказать себе: «Я это сделал не ради себя, а ради других. Я чуточку пожертвовал своим “Я”, я победил своё эго и совершил хотя бы маленький подвиг».

Мякин замолчал, молчали и все остальные. Экстрасенша внимательно посмотрела на Мякина и тихо произнесла:

– Очень интересная мысль. Преодоление самого себя свойственно всем, но не все делают это осознанно.

«А как делаю это я?» – подумал Мякин, встал из-за стола и, сухо попрощавшись, вышел из столовой. В холле его уже

ожидали члены тайного общества.

– Салют, камарадос! – не вставая с кресла, строго произнёс пузатый. – Располагайтесь! – И указал на свободное место.

Мякин поздоровался, уселся в удобное кресло и подумал.

«Что-то смешное и нелепое есть в этой компании заговорщиков. Вот и это “Салют, камарадос!” К чему? Просто глупо и как-то по-детски».

– Алексис, не напрягайте молодого человека иностранщиной! – вступила в разговор интеллигентка. – Лучше подведите итоги сегодняшнего утра.

– Да, мадам, подытожим, – по-деловому отреагировал пузатый. – Итак, два замечания в очереди на ингаляцию. А у вас?

– У меня, – ответила интеллигентка, – сегодня ничего. Пусто. Сплошная идиллия!

– А как обстоят дела у молодёжи? – Пузатый повернулся в сторону Мякина.

– Одно замечание в бассейне, – скромно ответил Мякин.

– Негусто, – подытожил пузатый.

– А у нас что, есть план по замечаниям? – улыбаясь, спросила интеллигентка.

– Мадам, вы же знаете, что плана нет! Здесь нечего обсуждать, а вот эффективность работы следует повисить.

Мякин расслабленно наблюдал за ходом беседы и, когда после темы «эффективность» возникла короткая пауза,

спросил:

– Нас только трое, или «заправцы» представляют собой целую тайную сеть?

– Тайную сеть? – улыбнувшись, повторила интеллигентка. – Раз-два и обчёлся! Вот и вся тайная сеть.

Мякин укоризненно покачал головой. Пузатый, энергично заёрзав в кресле, заметил:

– Потенциально нас может быть и много, но как выявить наших союзников?

– Выявлять легко, приобщать сложно, – ответил Мякин. – Но приобщать необходимо, а то не общество будет, а подпольная ячейка. Детский сад какой-то!

– А что вы предлагаете? – резко спросила интеллигентка. – Критиковать каждый может.

Мякин насупился, вспомнил Герасима Ильича, и стало ему как-то боязливо – он опустил голову и замолчал. Интеллигентка настойчиво повторила вопрос:

– Вы, молодой человек, не молчите! Мы ждём от вас предложений.

Мякин мысленно напомнил себе, что собрался стать новым человеком, и, не поднимая головы, громко произнёс:

– Надо, чтобы каждый из нас приобщал по одному человеку в день, а приобщённые делали то же самое, – тогда нас станет много.

Пузатый почесал лысину и произнёс что-то невнятное:

– Это надо серьёзно... То есть обсудить.

Мякин поднял голову, широко открытыми глазами осмотрел, словно просверлил, мадам и пузатого и продолжил активничать:

– Если мы серьёзные личности, то только так и надо действовать. Нечего миндальничать с недостатками! Наш девиз – «Не проходите мимо!». Конечно, я понимаю ваши сомнения. Приобщать сложно, но меня-то вы приобщили – значит, можно приобщить ещё немало без толку слоняющихся в этих помещениях. Наша сила – в правде!

Мякин последнюю фразу произнёс как можно торжественнее и чуточку удивился, что может так пафосно изъясняться. Он на несколько секунд остановился, а затем добавил:

– Конечно, всех мы не приобщим, да это и не нужно. Вот с десятка два за неделю – это будет большим прогрессом. Или вы хотите играть в детские игры?

Интеллигентка недовольно повела бровями, словно Мякин сказал нечто нехорошее в её адрес. Пузатый вторично почесал лысину и осторожно, с сомнениями, как бы извиняясь, пролепетал:

– По сути, то есть если на это посмотреть со стороны... Как бы вам это сказать? Предположим, мы разовьём эту бурную деятельность – а успех-то будет? Я вот что-то не уверен.

– Алексис, – интеллигентка подавила небольшое раздражение, оставшееся от мякинского спича, – а молодой человек, наверное, прав. Может быть, он нам покажет, как это

делается? За один день приобщить трёх членов.

Мякин понял, что его опять хотят использовать.

– Нет, камарадос, – решительно заявил он. – Я приобщу вам сегодня к вечеру только одного человека, а уж вы, ну, скажем, завтра, предъявите своих новеньких.

– Хорошо, – поджав губки, ответила интеллигентка. – Алексис, нам пора. Встретимся, как всегда, вечером.

Она поднялась, вслед за ней поторопился пузатый, и они удалились по боковому коридору.

Мякин не спеша встал и направился к себе в номер, на ходу размышляя о том, что вечером, за ужином, ему предстоит исполнить сложную миссию – увлечь экстрасеншу в банкетный зал. Проходя мимо санаторной библиотеки, он из любопытства заглянул в приоткрытую дверь. Небольшое помещение, заставленное вдоль стен стеллажами с книгами, пустовало, и только у окна он разглядел худенькую женщину с книгой в руках.

– Добрый день. Заходите, заходите, – заметив его, дружелюбно произнесла женщина и продолжила: – Вы у нас впервые, а ведь знаете, у нас неплохой каталог, рассчитанный на разные вкусы отдыхающих.

– Здравствуйте, – ответил Мякин и огляделся по сторонам.

Библиотекарша не торопилась, она дала возможность Мякину окинуть взглядом разнообразие книг и только когда он, сделав круг, снова повернулся к ней, заговорила:

– Мы можем вам подобрать что-то интересное, только

дайте мне возможность вас кое о чём спросить.

Довольный таким обращением, Мякин ответил:

– Спрашивайте.

– Вы хотите отдохнуть или поразмышлять? – спросила библиотекарша.

– Поразмышлять, – без сомнения ответил Мякин.

– Мысли должны быть женские или мужские?

– Конечно, мужские, – последовал ответ Мякина.

– О смысле жизни или практические?

Мякин на секунду задумался и ответил:

– Лучше практические.

Теперь задумалась библиотекарша.

– Вы хотите знать, как себя вести, точнее – как себя ведут на практике антиподы или просто разные люди и что из этого получается?

– Да, пожалуй, так, – ответил Мякин.

– Хорошо, – сказала библиотекарша и уверенно направилась к угловому стеллажу.

Она несколько суетливо, помогая себе правой рукой, пробежалась глазами по корешкам книг, сказала: «Да, это она» и достала не очень толстый экземпляр в твёрдом чёрном переплёте. Подала его Мякину со словами:

– Я думаю, вас это заинтересует.

Мякин принял книгу из рук библиотекарши и вслух прочёл на обложке: «Два в одном».

– Это что, роман? – машинально спросил он.

– Нет, это повесть, – ответила библиотекарьша.

Мякин, поблагодарив за книгу, поспешил к себе в номер.

До ужина он посетил четыре процедуры, но, к сожалению, релакса не получил. Все мысли Мякина были заняты вербовкой экстрасенши в тайное общество, и чем больше он об этом думал, тем больше опасений, что ничего не выйдет, у него возникало. В контрастной ванне он всё-таки придумал нечто вроде алгоритма приобщения экстрасенши. Она наверняка клюнет на приглашение посетить банкетный зал, а уж там он будет действовать по обстоятельствам. Но как изложить ей суть дела, какие привести аргументы для вступления в эту игру? Это в голове у Мякина никак не укладывалось.

Вечером, перед ужином, Мякин обнаружил в номере талончик – приглашение к доктору. Появиться у него следовало на следующее утро.

«Готовы все анализы, – подумал Мякин. – Вот и хорошо. За ужином начну разговор на медицинские темы, потом перейду к банкетному залу, может быть, и к танцам. Расскажу о своих друзьях, которые являются замечательными людьми – такими, которые замечают недостатки, – а там, глядишь, как-нибудь и разрулится».

Он тщательно готовил себя для ужина. Белая рубашка с тонким стильным галстуком, тёмный, почти клубный пиджак, который супруга купила ему по случаю и который он ещё ни разу не надевал, тонкого сукна брюки цвета «ас-

фальт» и, конечно, лакированные ботинки должны были, по мнению Мякина, ошеломить экстрасеншу. Он ещё раз взглянул на себя в зеркало, вспомнил студенческие годы, когда на него иногда заглядывались девчонки-однокурсницы, и сделал соответствующее, довольное собой, но без излишней самовлюблённости лицо. Удовлетворённый своим видом, подумал:

«Сохранить бы эту физиономию, донести её до столовой», – и заставил себя решительно выйти в коридор.

Дверь соседнего номера неожиданно отворилась, и Мякин чуть ли не столкнулся с экстрасеншей.

– Ой! – увидев его, произнесла она и спросила: – На ужин?

– Да, – ответил Мякин, стараясь изо всех сил сохранить зафиксированное у зеркала выражение лица.

– Меня возьмёте? – весело спросила экстрасенша.

Мякин кивнул и заговорщицки добавил:

– А у меня для вас сюрприз.

Сказав эту фразу, он немного испугался и даже почувствовал, что на его лице происходят нежелательные перемены. Оперативно вспомнив своё активное поведение на последней сходке «заправцев», Мякин восстановил подобающий вид. Так, по крайней мере, ему показалось, потому что экстрасенша произнесла следующее:

– О! Какой у вас сегодня торжественный вид! Наверное, предстоит грандиозный праздник?

Мякин не раздумывая ответил:

– Ну, может быть, и не очень грандиозный, а вот в банкетный зал я вас вечером приглашаю.

Экстрасенша закрыла за собой дверь и, скрывая некоторое смущение – она никак не ожидала от Мякина такого, – ответила:

– С радостью принимаю ваше приглашение! – И подхватив Мякина под руку, направилась с ним в сторону столовой.

Мякин почуял успех. Он даже подумал, что надо бы немного добавить информации о замечательных друзьях, но какое-то внутреннее чувство подсказало ему, что не надо торопиться, и он промолчал.

В зале столовой они оказались в первых рядах. Соседи за столом ещё не появились, и экстрасенша, не выдержав длинной паузы, которую Мякин взял ещё в коридоре, конечно, из любопытства, спросила:

– А по какому случаю торжество?

Вот тут-то все мякинские заготовки испарились из его головы, и он решил действовать искренне и напролом.

– Встреча друзей-заговорщиков. Хотелось бы и вас, такую замечательную женщину, познакомить с ними. Совместно провести время и обсудить кое-какие проблемы.

В глазах экстрасенши промелькнули подозрительные искорки. Мякин сразу это заметил, мысленно отругал себя за торопливость, но отступить было поздно и, как только принесли тарелки с первым блюдом, продолжил:

– Не беспокойтесь, эти проблемы не связаны с вашей про-

фессией. Эти проблемы общечеловеческие, и если вам не захочется их в лёгкой беседе обсуждать, мы будем просто танцевать.

Экстрасенша улыбнулась, подозрение её рассеялось, и она, пожелав Мякину приятного аппетита, приступила к ужину. Попробовав несколько кусочков, отодвинула тарелку и заявила:

– Вы не только хороший танцор, а ещё и умный человек! Это очень интересно. Я буду вас изучать. Вы не возражаете?

Мякин вынужден был согласиться. Ещё бы – ведь он получил шанс с наилучшей стороны зарекомендовать себя перед «заправцами».

Остальную часть ужина они провели молча и только к самому окончанию перекинулись парой слов с молодыми соседями, когда те, явно опаздывая, явились к столу. Молодёжь, разгорячённая вечерней прогулкой, игрой в снежки и изготовлением снежной бабы, посетовала на такие резкие перемены погоды, которые их всё равно радуют и создают новые развлечения. Мякин поддакивал и кивал, украдкой посматривая на экстрасеншу, которая находилась в таком прекрасном настроении, что он подумал:

«Ох, не доведёт меня до добра эта затея с приобщением!»

Когда Мякин с экстрасеншей поднялись в банкетный зал, заговорщики уже были в полном составе. Мякин подвёл экстрасеншу к столу и представил гостью:

– Профессиональная ведунья-экстрасенс!

– О! – сказал пузатый. – Очень рады видеть вас в наших рядах! Мы пока ещё ничего не заказывали. Располагайтесь, сейчас организуем столик.

Пузатый убежал к стойке, и через несколько минут на столе появились лёгкие вина для дам, фужеры с коньяком для Мякина и пузатого, конфеты и фрукты. Пузатый поднял фужер:

– За милых дам!

Выпили по чуть-чуть. Пузатый взял слово:

– А вы знаете, дамы и господа, карниз они исправили! Взгляните! – И пузатый махнул рукой в сторону вчерашней кривой шторы.

Компания устремила взоры в направлении руки пузатого.

– То есть я хочу сказать: слово было сказано – дело было сделано.

Экстрасенша не очень поняла слова пузатого и включилась в разговор со своей темой.

– Очень приятно познакомиться с друзьями такого интересного человека! – Она кивнула в сторону Мякина.

Мякин с серьёзным лицом затаился меж двух дам.

– Да и нам приятно увидеть здесь нашего нового члена, – поддержал тему пузатый. – А мы давеча с вами, кажется, встречались у кабинета доктора.

Экстрасенша ещё раз мельком взглянула на пузатого и как-то безразлично произнесла:

– Да, кажется, у доктора. Мы потанцуем? – обратилась она

к Мякину.

– А и правда, Алексис, организуйте музыку! Здесь это должно быть, – предложила интеллигентка.

– Хорошо, хорошо, мадам. Но я предлагаю сначала решить все формальности.

Экстрасенша вопросительно взглянула на Мякина, а он, в свою очередь, глотнув немного коньяка, заговорил:

– Видите ли, вокруг нас очень много недостатков. Во всех сферах, а главное – недостатки кроются в поведении людей. Кто-то где-то что-то недоделал, сделал плохо, и не только физически, а зачастую морально-психологически. Влез без очереди, нахамил соседу, посетителю и так далее, и тому подобное. Это отравляет нашу жизнь, вносит в неё дискомфорт.

Мякин сделал небольшую паузу, чтобы перевести дух.

– Продолжайте, молодой человек, у вас это хорошо получается, – одобрительно произнёс пузатый.

– Итак, я продолжу, – произнёс Мякин. – Потерпите, я буду краток. Наше движение за порядок начинается с малого. Мы боремся за свои права нормальных людей. Наш лозунг – «Не проходите мимо!». Не проходите мимо недостатков! Нас сейчас четверо, а будет всё больше и больше.

Мякин остановился и подумал, что для начала этих эмоциональных слов вполне достаточно, и поднял свой фужер.

– Хороший спич, – похвалила его экстрасенша. – Предлагаю поднять тост за борьбу и перейти к танцам.

– Давайте выпьем за успех нашего дела, – добавил Мякин. Выпили. Пузатый организовал музыку, и Мякин пригласил экстрасеншу.

– Удивили вы меня! – прошептала экстрасенша Мякину в ухо. – Это всё зачем? Вы можете пояснить?

– Это такая игра для взрослых, – ответил Мякин.

– И они в это играют? – снова спросила экстрасенша.

– И они, и я вместе с ними. – Мякин вёл партнёршу в ритме медленного танца, и, когда они удалились на приличное расстояние от столика с пузатым и интеллигенткой, экстрасенша спросила:

– Так вы хотите, чтобы и я играла с вами – так сказать, боролась с недостатками?

Мякин подобрал подходящее выражение лица и ответил:

– Мне думается, что это неплохое занятие – бороться с недостатками.

Музыка закончилась, наступила неожиданная пауза. Танцоры в нерешительности остановились, решая: то ли ожидать начала следующей мелодии, то ли вернуться к столу. Мякин, взглянув в сторону заговорщиков, предложил вернуться на свои места. Партнёрша покорно согласилась с ним.

– Почему вы не танцуете? – спросила она пузатого. – Здесь так уютно, и карнизы исправлены.

– А действительно, Алексис, что мы сидим? Надо брать пример с молодёжи!

– Согласен: надо, – ответил пузатый. – Только вот музыка

заглохла. Надо бы их опять расшевелить. – И он кивнул в сторону стойки. – Да, кстати: оргвопросы мы, как я понимаю, все решили. То есть нас теперь четверо?

– Всё решено положительно, – ответил Мякин.

Экстрасенша улыбнулась, подняла бокал и произнесла:

– А всё-таки, за борьбу!

– За борьбу! – Остальные присоединились к ней.

Снова зазвучала танцевальная музыка. По требованию дам «заправцы» приступили к танцам.

Банкетный зал, как ни странно, в этот вечер постепенно заполнялся посетителями, и через час официантка сбилась с ног, обслуживая веселящийся контингент отдыхающих.

Мякин затанцевал экстрасеншу до того, что она, улыбаясь, попросила отдыха. Беседа за столом «заправцев» не утихла. Говорили обо всём и, конечно, прежде всего – о тайном обществе, о недостатках и о том, как их можно искоренить. Болтали о санатории и хвалили его, и осуждали некоторых, которые плохо обслуживают. Поговорили и о такой изменчивой погоде и о том, что скоро Новый год, и так быстро летит время, и так много ещё надо успеть. Расходились поздно – санаторий уже весь спал. Мякин проводил экстрасеншу до её номера, пожелал спокойной ночи и, не задерживаясь, прошёл к себе. Уже будучи в постели, он открыл книгу и прочёл: «Два в одном. Повесть». Имя автора ему ничего не говорило. Мякин перелистнул титульный лист и прочёл несколько первых абзацев:

«Тишина раннего утра поглотила весь дом семьи Орбодины. Солнце ещё не встало. Летний пейзаж с его сочной зеленью, яркими красками цветника возле крыльца и разноцветьем дальних лугов и полей, слегка подсвеченный только-только занявшейся зарёй, ещё спал в предвкушении яркого, знойного дня начала лета.

В этот год весна пришла рано. Ещё в мае отцвела сирень, порадовав местных жителей буйством оттенков и красок. Тёплые, по-настоящему летние дни как-то сразу перешли в летнюю жару.

Старший Орбодин – глава семейства, ещё нестарый мужчина – был хорош собой (окружение находило в нём даже некоторое сходство со знаменитым актёром), любил себя, свой быт и очень ценил тот уют и спокойствие, которые постоянно царили в его доме».

– «Спокойствие, которое постоянно царило в его доме...» – Мякин вслух прочёл эти слова, отложил книжку и выключил настольную лампу. Слабый свет от уличных фонарей полумраком окутал его. Мякин несколько раз повторил понравившуюся ему книжную фразу: «Спокойствие, которое постоянно царило в его доме» и тихо заснул.

Красавец Орбодин стоял в полумраке у его ног и настороженно всматривался в мякинскую физиономию. Мякин обратил внимание на то, что лицо Орбодина точь-в-точь совпало с лицом любимого мякинского актёра. Мякин замер от удивления – его как будто разбил паралич. Он попытался

приветливо улыбнуться неожиданному гостю, но мышцы лица не поддавались никаким командам. Мякин испугался: как же он останется без лица нового человека? А Орбодин стоял и не мигая смотрел прямо Мякину в глаза, и что-то недоброе было в этом взгляде, беспокойное, и беспокойствие как будто передавалось Мякину. У него задрожали руки, затем эта дрожь перешла на всё тело. Мякин сначала замёрз, потом ему стало жарко и он открыл глаза.

В номере царил полумрак. Мякин ощупал всего себя; ноги не были закрыты одеялом и немного подзамёрзли.

«Не следует на ночь читать повести», – подумал он и с некоторой опаской взглянул на библиотечную книгу. В сумраке на чёрной обложке виднелось пока что ещё непонятное название: «Два в одном».

Утром подморозило – не растаявший за день снег превратился в твёрдую корку. Когда немного рассвело, из серых туч посыпалась мелкая снежная крупа. Дорожки парка побелели, но той снежной роскоши, что встретила Мякина по приезде, уже не было.

После вчерашнего активного вечера и дурацкого ночного сна Мякин чувствовал себя не очень, да и погода не способствовала хорошему настроению. Очереди у врача не было. Мякин приблизился к двери, несколько секунд стоял в ожидании какого-нибудь звука и, ничего не услышав, тихонько постучал в дверь. Из-за двери донеслось:

– Заходите.

Доктор встретил пациента доброй, деловой улыбкой.

– Присаживайтесь, посмотрим, что тут у нас. – Он открыл папку с мякинскими бумажками и, полистав заключения, уверенно заявил: – Анализы неплохие. Посмотрим кровь.

Минут пять он объяснял Мякину, какие у него компоненты в норме, а какие на пределе.

– Ну, вот это чуть повышено, но понимаете, для вашего возраста это терпимо, то есть можно попробовать попринимать... – И он назвал незнакомый Мякину препарат. – Но можно и обойтись. Главное в вашем случае – движение, но без фанатизма. Больше бывать на воздухе. Я вам впишу в книжечку велосипед.

– Велосипед? – удивлённо повторил Мякин.

– Ах да! Зима у нас ныне! – спохватился доктор. – Тогда извольте лыжи.

– А лыжи вы мне уже написали, – уточнил Мякин.

– Вот и хорошо – катайтесь на лыжах, – обрадовался доктор.

– А остальное? – спросил Мякин.

Доктор развернул кардиограмму.

– Ничего криминального не вижу. Всё как у спортсмена. Посмотрим мочу.

Он полистал бумаги, прищурившись, изучил заключение и почти торжественно произнёс:

– Как слеза... Так что вот, продолжайте отдыхать, принимайте процедуры, побольше гуляйте, дышите свежим возду-

ХОМ.

– Мне, доктор, как-то некогда. Много процедурной работы, – посетовал Мякин. – Может быть, что-то проигнорировать? Пропустить?

Доктор несколько озабоченно полистал мякинскую книжечку и произнёс:

– Вы уж сами варьируйте. Если что не по душе, так игнорируйте. Правда, процедуры наши весьма полезны. Давайте посмотрим давление. – Доктор достал тонометр. – Ну вот, и здесь всё прекрасно. Вас, может быть, что-то ещё беспокоит? – спросил он. – Лицо у вас как-то грустит.

– Ай! Пусть грустит лицо, лишь бы органы не грустили! – ответил Мякин.

– Ну вот и прекрасно! Хорошая шутка здоровью не вредит, – улыбнувшись, заключил доктор.

За завтраком экстрасенша была строга и молчалива. Молодёжь, как всегда, опаздывала. Мякин потреблял утренние блюда в присутствии какой-то новой, неожиданно задумчивой соседки и чувствовал себя не в своей тарелке. Он несколько раз пытался заговорить о чём-нибудь отвлечённом и каждый раз, мельком взглянув на сосредоточенное лицо экстрасенши, останавливал себя.

Практически машинально закончив завтрак, Мякин решил испить кофейку из автомата. Как сказала официантка, это нововведение в санатории появилось совсем недавно. Мякин подался в дальнюю часть столовой, где ещё вче-

ра заметил несколько человек, толкущихся возле разноцветного автомата. С чашкой в руке он занял очередь и приступил к наблюдению за кофеманами. Ассортимент напитков представлял собой более пяти наименований. Страждущие не сразу выбирали желаемое и, задерживая продвижение очереди, вызвали некое внутреннее напряжение, точнее – нервозность, у стоящих сзади. Кроме того, окончательный заказ напитка завершался двойным нажатием итоговой кнопки. Не все очередники это знали и из-за этого, по мнению стоящих последними, задерживали очередь ещё сильнее.

Мякин терпеливо ждал, имея тайное желание испить кофе в одиночестве, поэтому он совсем не торопился, изредка поглядывая на свой стол, где экстрасенша и опоздавшая молодёжь ещё не закончили завтрак. К удовольствию Мякина, его кофейное мероприятие произошло так, как он задумал: свой кофе он смаковал в одиночестве.

На выходе из столовой Мякин сделал вежливое замечание дежурной, пожаловался на долгое обслуживание у кофейного автомата и предложил работникам столовой написать чёткую инструкцию для посетителей, где указать поэтапно, когда и какие кнопки надо нажимать, выбирая напиток. При этом особо выделить пункт, гласящий о двойном нажатии на последнюю кнопку. Дежурная терпеливо выслушала мякинскую речь, чем он остался доволен.

Весь день Мякин провёл вяло. До обеда он решил забро-

сить все процедуры и нагуляться до изнеможения. Он тупо наматывал круги по самому длинному маршруту и весьма преуспел в этом деле. По его расчётам, он прошёл не менее десяти километров. За время этой упорной прогулки Мякин встретил лишь одну старушку с палками, которая, видимо, как и он, поставила себе цель – уморить себя размеренной ходьбой.

Экстрасенша за обедом не появилась. После обеда Мякин полежал на разгрузочной лежанке и, не получив никакого удовольствия из-за интенсивного храпа соседа за ширмой, кинулся в бассейн. Бассейн ему тоже не показался с хорошей стороны. Набежало много народа. Спокойно побултыхаться в уголке ему не дала тройка атлетов, осуществлявших заплыв на длинную дистанцию, из-за чего порядка на воде не было. Плавали кто как и в разных направлениях. Даже в мякинском якобы тихом уголочке обосновалась пара кругленьких дамочек. Они упорно дрыгали ногами – видимо, пытаются восстановить давно забытые девичьи формы.

Мякину уже минут через пять это всё крайне надоело. Он, как говорится, мысленно плюнул на эту водяную суету и решил заглянуть в турецкую баню при бассейне. На стене у входа висел плакат с изображением чёрных плавок, переречёркнутых двумя жирными красными линиями. Всё было ясно и просто: в баню в трусах не соваться. Мякин снял плавки и вошёл внутрь. В белом пару на каменных скамьях сидели несколько угрюмых мужиков, мокрых с головы до ног, и

если бы не абсолютно голая обстановка, можно было бы подумать, что мужики сидят в очереди для получения какой-то не очень приятной процедуры. Мякин осторожно присел на горячую склизкую скамью и затих в той же позе, что и все остальные.

Мокрый горячий пар то рассеивался, то снова сгущался, и Мякин подумал:

«Как всё просто: картинка с перечёркнутыми трусами висит у входа – и все соблюдают порядок. Чего же проще – сделать картинку по поводу принятия душа перед бассейном?»

Мякин тихо вдыхал горячий, влажный воздух и мысленно рисовал такую картинку: на правой части листа голый человек стоит под душем. Рисунок в виде схемы, а слева – всё то же самое, но нет водяных струй, и эта левая картинка перечёркнута красными линиями.

Часть мужиков – видимо, уже изрядно перегретых, вышли из бани, и свободное пространство увеличилось. Мякину стало комфортнее, но он почему-то забеспокоился:

– Не перепутали бы мужики плавки, а ну как мои заберут фирменные!

И ещё в этом туманном, жарком пространстве он подумал о том, что на его мысленной картинке человека под душем и без душа фигуры должны быть в плавках, – ведь в бассейн надо входить мало-мальски одетым.

Жаркие, влажные мысли Мякина потихоньку как-то смазывались, разглаживались – пора было выбираться наружу.

Свои плавки он нашёл на том же месте, где и оставил. Мужики ничего не перепутали и мякинскую веру в людей не разрушили. После бани Мякин с часик отлёживался в номере, позвонил супруге, кратко доложил о ходе отдыха, поинтересовался домашними делами. Дома, со слов супруги, дела шли своим обычным чередом. Перед самым ужином совершенно неожиданно позвонила Раиса.

– Мякиша! Ну как ты там? – услышал он знакомый голос. – Отдыхаешь?

Мякин поначалу несколько растерялся и пробормотал в трубку что-то нейтральное, вроде: «нормально», а затем уже более развёрнуто изложил собственную оценку своего пребывания в санатории. Получилось хотя и сухо, как в отчёте, но зато всё точно и скрупулёзно.

– Молодец! – услышал он голос Раисы. – Так держать! А у нас суета. Этот Казлюк твой отчёт замусолил, то есть ничего не может. Гера ходит насупленный, недовольный. Мы уж опасаемся, как бы тебя не отозвал из отпуска.

Мякин молча слушал.

– Мякиша, алло! Ты где? – забеспокоилась Раиса.

– Я здесь, – ответил Мякин.

– Ах, да, – продолжила она. – Герасим Ильич просил привет передать. Так прямо и сказал: «Будете звонить Мякину – непременно от меня передавайте привет». Ну вот я и передаю.

Раиса ещё несколько минут излагала Мякину мнения и

оценки поведения конторских по отношению к происходящим событиям и, не получая от Мякина ответной реакции, затихла.

– А вообще-то, скучно без тебя, Мякиша, – сказала она в конце и добавила: – Мы тебя все ждём.

На ужин Мякин явился со смешанными чувствами. Экстрасенша отсутствовала. Мякин даже несколько заволновался. Прошёл целый день, а никто из тайного общества его не потревожил. Он подумал, что, может быть, пузатый уже распустил заговорщиков и только Мякин ещё находится в неведении. К тому же разговор с Раисой его немножко обрадовал и в то же время озадачил. Было приятно, что Герасим Ильич помнит о нём, и неприятно, что Казлюк портит его, мякинское дело.

Ужин Мякин провёл в одиночестве – молодёжь тоже не появилась. Побродив по знакомым местам, он никого из заговорщиков не обнаружил. Банкетный зал был закрыт, на танцах наблюдалась дикая скука. Всего лишь три пожилые дамы в ожидании танцоров слушали музыку. Но танцоры не появлялись, и лица дам по степени уныния явно не соответствовали весёленьким мелодиям, которые ведущий тщетно воспроизводил уже, наверное, более получаса.

Мякин прошёл мимо полуоткрытой двери кинозала, остановился, прислушался. Из тёмного пространства потянуло глухой тишиной. Мякин постоял у афиши с названием фильма. Старый, не наш фильм не воодушевил его на просмотр,

и Мякин с чувством лёгкого удовлетворения по поводу полного отсутствия собственной занятости решил удалиться к себе в номер. У дверей соседки он машинально замедлил шаг и даже остановился. Из-за двери слышался глухой, еле слышный женский голос. Слов было не разобрать, но тональность звуков и рваный ритм речи говорили о том, что соседка кого-то то ли ругала, то ли отчитывала за какую-то провинность. Мякин на цыпочках прошёл к своей двери и осторожно вошёл в номер.

Скучный вечер, как и весь день, наконец-то подходил к концу. Ложиться в постель было ещё рано, и Мякину пришла мысль о вечерней, полезной для сна прогулке. Он, стоя у окна, вяло поразмышлял на эту тему и всё-таки остался в номере, с некоторой опаской взял книжку в чёрном переплёте, удобно устроился в кресле и прочёл ту понравившуюся ему строчку: «... спокойствие, которое постоянно царило в его доме». Настольная лампа уютно освещала мякинское пространство и рассеянного читателя с книгой в чёрном переплёте. Мякин читал:

«Орбодин любил раннее утро, когда ещё весь дом спал; любил прохаживаться по всем комнатам и закоулкам, отмечая те места, где с вечера оставался беспорядок. Беспорядок даже в самом малом виде Орбодин не любил. Беспорядок настолько портил его настроение, что он мог накричать на нарушителя, перейти, так сказать, грань между нормальным человеком и кем-то другим, совсем не похожим на спокой-

ного Орбодина».

Мякин отложил книгу и подумал:

«Интересно: чем там у этого Орбодина всё закончилось? И что это за нормальность и ненормальность? Как же совместить в доме спокойствие и ненормальный крик?»

Мякин взял книгу и заглянул в самый конец. Он прочёл последние строчки:

«Душа Орбодина металась, мысли путались. Он жалел себя и осуждал, а в перерывах между приступами тоски старался уговорить себя, повторяя одну и ту же фразу: “Так и должно быть”».

«Пора спать», – подумал Мякин и повторил последнюю строчку из книги:

– Так и должно быть.

Несмотря на какой-то странный день, который провёл Мякин, заснул он сразу и довольно крепко. И только под самое утро во сне его вновь посетил Орбодин.

Красавец Орбодин стоял в полумраке у его ног и настороженно всматривался в мякинскую физиономию. Лицо Орбодина Мякину показалось очень знакомым. Он отчаянно старался вспомнить: где он раньше видел это лицо?

«Где я видел это лицо?» – Мякин во сне несколько раз задавал себе этот вопрос и мучительно хотел проснуться. А красавец Орбодин синими губами повторял и повторял одни и те же слова: «Так и должно быть».

Мякин открыл глаза. В коридоре происходила какая-то

суета. Он встал – пора было собираться на завтрак. Перед выходом из номера Мякин взглянул на чёрную книжку, осторожно взял её в руки и забросил подальше в шкаф на верхнюю полку. Сегодня погода вроде бы собралась порадовать обитателей санатория, на востоке занялась зимняя пастельная заря, сулящая вскоре появление золотых лучиков солнца. По ходу приближения к столовой настроение Мякина заметно улучшалось. Он представил себе, что если сегодня не встретит заговорщиков, то, скорее всего, день проведёт с большей пользой, чем вчерашний, но заговорщики, точнее – одна из них уже поджидала его за столом. Экстрасенша внимательно следила за ним, и по мере приближения Мякина всё более дружелюбная улыбка проступала на её лице.

– Доброе утро, – произнесла она и спросила: – Как вам сегодня спалось?

– Спал как убитый, – соврал Мякин.

– А я скучала без вас, – улыбаясь, заявила экстрасенша.

На что Мякин сделал удивлённое лицо.

– Да, скучала, – подтвердила она, – без вас и вашей команды. Вчера я на целый день уезжала в город.

– Понятно, – сказал Мякин. – А то я уж забеспокоился: нет и нет моей соседки.

Официантка принесла завтрак.

– А как поживают наши соратники? – спросила экстрасенша. – Как там Алексис? Много ли натворил добрых дел?

Мякин, расправляясь с утренней кашей, ответил:

– Я вчера из наших никого не видел.

Экстрасенша, аккуратно помешивая свою кашку, несколько удивлённо спросила:

– Так это что – получается, пустой день? Без замечаний?

– Пока неизвестно, – ответил Мякин. – Может, сегодня всё прояснится.

Подвинув второе блюдо к себе поближе, экстрасенша, похоже искренне, спросила:

– А у вас, у вас лично день получился? В смысле наших тайных дел?

– Тоже не очень, – ответил Мякин. – Как-то не сложилось.

Сказав так, Мякин вспомнил вчерашнее своё замечание по кофейному автомату.

«Опять я обманул её, – подумал он и тут же оправдал себя: – Так и должно быть». – Мякин мысленно произнёс последние слова Орбодина и насупился.

Экстрасенша, кажется, заметила его некую неловкость, улыбнулась и сказала:

– Придётся сегодня интенсивно потрудиться.

– Придётся, – согласился Мякин и предложил: – Может быть, чашечку кофе?

– Да, пожалуй, – ответила экстрасенша.

У кофейного автомата со вчерашнего дня ничего не изменилось, только очередь стала длиннее и порядка в ней не было. К впереди стоящим подходили знакомые из зала, а потому Мякин к автомату практически не приближался. Снос-

ное утреннее настроение у него постепенно улетучивалось, на смену ему пришло то ли уныние, то ли желание заявить некоторым, кто они есть на самом деле.

Мякин несколько минут раздумывал по поводу сложившейся обстановки, выбирал, как ему поступить – терпеть это безобразие или скромно возмутиться, – и он решил возмутиться. Когда в очередной раз к впереди стоящей даме подрулил довольно молодой человек с пустой чашкой наготове, Мякин совершил громкое заявление:

– Граждане отдыхающие! Соблюдайте очерёдность! А если кто-то из вас считает себя умнее всех остальных и лезет без очереди, то я могу твёрдо сказать, что он хам натуральный!

Мякин замолчал. Сердце стучало, в голове что-то покалывало, но он всё-таки был очень доволен собой и даже сильно изумился своей смелости. Несколько секунд он восстанавливал дыхание, которое у него сбилось от таких волнительных слов. Но увы – втиснувшийся в очередь молодой человек невозмутимо оставался на своём месте, только дама, пустившая его, откровенно повернулась к Мякину спиной.

«Да, – подумал Мякин, – сила слов не действует».

Он в несколько возбуждённом состоянии решился на крайние меры, то есть втиснуться в очередь перед молодым человеком. При этом ему пришлось осуществить сложный манёвр: аккуратно подвинуть женщину, стоявшую перед ним. В первые секунды по окончании мякинского пере-

движения в очереди воцарилось великое недоумение, вплоть до всеобщего как будто бы столбняка. Это напряжение жаждущих кофе Мякин ощутил всей своей фигурой. Откуда-то сзади, где находились нахал и дамочка, повеяло жутким холодом и ещё какой-то мрачностью – по крайней мере, от этого мякинская спина напряглась и весьма захладела. Мякин собрал волю в кулак и приготовился отразить любые атаки на свою новую позицию в очереди.

– Вам помочь? – услышал он сзади голос экстрасенши.

Мякин с двумя чашками в руках обернулся и сухо ответил:

– Я справлюсь. Уже скоро.

Нахал и его дамочка делали вид, что глубоко презирают Мякина, и специально в его сторону не смотрели. Экстрасенша, конечно, обратила внимание на некоторую напряжённость в очереди и даже враждебность кофеманов, стоящих за Мякиным. Она, наверное, чтобы снизить градус недовольства, как-то подружески произнесла:

– Доброе утро, товарищи! Сегодня у нас почти праздник – намечается солнечный день! Встретим его с улыбкой и радостью!

Но призыв экстрасенши не нашёл должного отклика, и только мужчина, терпеливо ожидающий наполнения своей чашки, довольно спокойно ответил:

– Да, хороший будет день. Вот кофейку изопьём и по процедурам.

Когда Мякин с экстрасеншей расположились за столом с чашечками горячего кофе, она спросила:

– Догадываюсь: у вас там, у автомата, возникли проблемы?

– Пустяки, – уверенно ответил Мякин. – Пришлось сделать замечание действием.

– О! – удивилась экстрасенша. – Даже действием! Вас можно поздравить с таким ярким началом дня?

– Да, – попивая кофе, неуверенно ответил Мякин.

– Вас не радует такое начало? – спросила она.

– Не очень, – ответил Мякин. – Слова не доходят до сознания – пришлось физически наводить порядок. Мне это не свойственно, то есть, я хотела сказать, что физика – это грубо и неинтеллигентно.

– Можно согласиться с вами, но не во всём. Есть случаи, обстоятельства, когда физические воздействия являются чуть ли не единственным способом устранить нарушение или навести порядок. Но это чревато... – Экстрасенша сделала паузу. – Чревато вы сами понимаете чем.

– Насилием... Так вы хотели сказать? – продолжил Мякин.

– Да, но я бы ещё добавила следующее. Насилие, по-моему, бывает не только физическое. Бывает и моральное, от которого можно пострадать не менее сильно, чем от физического. Вы согласны?

Мякин задумался и ответил:

– Вы, конечно, правы. Всё дело в соразмерности действия и противодействия.

Они допили кофе. Зал столовой постепенно пустел.

– Вы знаете, мне иногда кажется, что общество «заправцев» – общество насильников, – сказал Мякин. – Вы так не думаете?

Экстрасенша усмехнулась и ответила:

– Дорогой соратник, это всё игра, и не стоит сильно рефлектировать на мелкие неприятности. Вы, я вижу, привыкли подчиняться насилию – вот поэтому слишком серьёзно воспринимаете эту игру. Мы все то насильничаем, то подвергаемся насилию, и вы правы, когда говорите, что всё дело в соразмерности.

Разговор как-то затих сам собой – пора было покинуть помещение. Мякин встал первым.

– Нам, наверное, пора заняться процедурами?

– Да, пора, – ответила экстрасенша.

Они молча вышли из столовой.

– Ну что же? До обеда, до встречи? – сказала она.

– До встречи, – ответил Мякин и поспешил в ванный корпус.

Добрые женщины в белых халатах радостно встретили его.

– Вы вчера что-то к нам не зашли!

Мякин, не зная, что ответить, произнёс первое, что пришло ему в голову:

– Ходил к доктору – у меня что-то вроде аллергии на местную воду.

– Да? – удивились добрые женщины. – Тогда, может быть, мы сделаем вам менее концентрированную?

– Да, пожалуй, можно и убавить, – согласился Мякин, а сам подумал: «И мне можно убавить свою активность по переходу к новому человеку.хлопотное это дело – переделывать самого себя».

За обеденным столом собрались все. Молодая пара сосредоточенно и даже несколько торопливо уничтожала обеденные яства.

– Торопимся? – как бы ни к кому конкретно не обращаясь, произнесла экстрасенша.

– Ага, – дуэтом ответили молодые. – Хотим не опоздать на экскурсию.

– Молодцы! – похвалила экстрасенша. – А мы что же, всё по процедурам? – обратилась она к Мякину.

Мякин оторвался от любимого куска жареного мяса и удивлённо ответил:

– А разве процедуры здесь не главное?

– Получается, что для молодёжи не главное, – продолжила экстрасенша.

Мякин всё-таки прожевал последний кусок мяса и только тогда изрёк:

– Я здесь первый раз, мне пока что процедуры интересны, и... – Он хотел сказать, что и отдыхающие, по крайней мере

некоторые из них, ему весьма любопытны, но решил закончить фразу по-другому: – И местная природа.

Молодёжь быстро расправилась с обедом и, на ходу попрощавшись словами «Пока, до вечера», выскочила из зала. Мякин и экстрасенша остались вдвоём.

– А как у вас с планами на вечер? – спросила экстрасенша. – Может быть, выберем какие-нибудь развлечения, тем более что вы сами сказали: ваш вчерашний вечер не получился?

Мякин попробовал в ответ сделать угрюмое и усталое лицо, но не нашёл в своём арсенале подходящих воспоминаний.

– «Лампадка, – подумал он, – не очень подошла бы к этим обстоятельствам, мог получиться грустный испуг». – И Мякин остался с обычным послеобеденным лицом. Домашние хорошо знали это выражение – нечто среднее между лёгкой меланхолией и спокойным удовольствием от знакомой еды.

– Ну так как же – решайте! – настаивала экстрасенша.

Мякин тихо соображал, что же ответить, и придумал нейтральный ход:

– Доживём до вечера – тогда и решим.

– Отлично, – почему-то обрадовалась экстрасенша и, заметив на лице Мякина некоторую расслабленность, добавила: – Но всё равно стоит заранее об этом подумать. Итак, до вечера.

Мякин кивнул головой. Экстрасенша вышла из столовой,

а он допил сок и не спеша двинулся к выходу. В холле его поджидало тайное общество в полном составе.

– Присоединяйтесь, – поприветствовал его пузатый Алексис. – Давненько не встречались!

– Всего один вечер, – уточнил Мякин.

– Целая вечность! – добавила интеллигентка.

Мякин пожал плечами и расположился между двух дам.

– Вот наш коллега совершил с утра грандиозное действие! – заявила экстрасенша. – Восстановил свои права в очереди за кофе.

– Наш камарадос, – поправил её пузатый.

– Алексис, какая разница, как нас называть, главное – действовать, – возразила интеллигентка.

Мякину не понравился этот пустой разговор, и он несколько резковато заметил:

– Кто-то обещал приобщить новых членов или, как вы выразились, камарадос.

– Да, обещали, и к вечеру слово своё сдержим, – ответил пузатый. – Встретимся, как обычно, в банкетном зале.

– И непременно с танцами, – добавила экстрасенша.

– Для камарадос слово дамы – закон! – торжественно объявил пузатый.

После слов пузатого наступила пауза – вроде бы и говорить было не о чем. Мякин, повертев головой по сторонам, предложил:

– Так можем расходиться? Итоги подведём вечером.

– Да, – согласился пузатый и, улыбнувшись, добавил: – Вручение орденов и медалей перенесём на вечер.

– Алексис, ты опять шутишь! Могут подумать, что ты действительно что-то собрался вручать, – произнесла интеллигентка.

– Мадам, не подрезайте крылья нашей фантазии! Без фантазии заскучаем и заплесневеем.

– Хорошо, хорошо. Пожалуйста, фантазируйте, – согласилась интеллигентка. – Мальчикам это свойственно.

– И девочкам тоже, – добавила экстрасенша.

До вечера Мякин навёрстывал упущенное и процедурничал в строгом соответствии с графиком. В основном всё прошло гладко, за исключением скипидарных ванн для мякинских рук. Почему-то в назначенное время перед ним оказалась довольно молодая особа, и на его просьбу объявить своё время процедуры он ответа не получил. Особа молчала, словно партизан на допросе. Мякин подумал: может, она глухая, но по её недовольному повороту головы догадался, что слышит она его хорошо. Мякин сразу заподозрил неладное. Ему показалось, что эта молчаливая дамочка желает ущемить его право по своевременному оскипидариванию мякинских рук. Мякин не стал вторично задавать вопрос, а просто встал у самой двери в ожидании, что та когда-нибудь откроется. Ждать пришлось недолго – дверь приоткрылась, и медсестра, появившаяся в проёме, сделав удивлённое лицо, перевела взгляд на сидящую молодую особу и

произнесла:

– Можно заходить.

У Мякина мелькнула страшная мысль, что он присутствует при сговоре персонала с пациенткой и его право может быть попорано самым наглым образом. Мякин заставил себя вспомнить Казлюка – от этого лицо его приобрело противно-возмущённое выражение, и он громко заявил:

– Сейчас моя очередь! – И тут же, обращаясь к сидящей особе, спросил: – А у вас на какое время назначено?

Ответа не последовало. Особа недовольно поднялась из кресла и невнятно пролепетала:

– Ну я тогда попозже.

Медсестра в ответ тоже как-то неуверенно произнесла:

– Хорошо, тогда подойдёте потом.

Когда Мякин опустил руки в тёплую скипидарную воду, медсестра укоризненно заметила:

– Джентльмену можно было бы и пропустить даму.

На что Мякин, как ему подумалось, резонно ответил:

– А меня об этом можно было бы и попросить.

– А что, джентльмену самому не догадаться уступить место даме? – настаивала медсестра.

Мякин пошевелил пальцами в тёплой белёсой воде и, как бы размышляя, ответил:

– Да, конечно, и так можно было бы поступить, но я же спросил, а ответа не получил.

– Наверное, так спросили, – продолжила медсестра. – Как

спросили, так вам и ответили.

Мякин перестал шевелить пальцами в скипидарной воде.

– Не остыло? – спросила медсестра.

– Да нет. Всё хорошо, – ответил Мякин и подумал: «Я, наверное, не прав. Надо бы помягче быть с дамами».

– Всё, заканчиваем, – произнесла медсестра. – Осторожно вынимаем руки и вытираемся полотенцем.

Мякин в точности исполнил указания и, покидая кабинет, заметил:

– А всё-таки, почему она мне не ответила?

Медсестра пожала плечами и, ничего не ответив, попрощалась:

– До свидания. Приходите в своё время.

В банкетный зал Мякин явился первым, когда ещё только-только открыли двери, ещё официантка что-то подправляла на столах. Мякин огляделся – замечаний к антуражу помещения у него не нашлось. Кривая штора исправлена. Он расположился за тем же столом, где обычно заседало его общество «заправцев», заказал себе кофе и приготовился к встрече остальных членов.

Первой появилась экстрасенша. В этот раз она выглядела скромно, без ярких украшений, и в то же время её изящный костюм придавал ей некую элегантную деловитость. Мякин подумал:

«Наверное, так должна выглядеть деловая женщина, какой-нибудь начальник».

Он мысленно задал себе вопрос: «Если бы вместо Герасима Ильича у меня была такого типа начальница, сработался бы я с ней?» Ответа Мякин не нашёл, поднялся со своего места и, как джентльмен, усадил гостью за стол.

«Ох уж эти джентльменские штучки! – подумал он. – Надо встать, поприветствовать даму, помочь сесть, пододвинув стул. Надо бы и ручку поцеловать...»

Но ручку Мякин не поцеловал, резонно полагая, что на деловой встрече это делать не следует.

– Скучаем? – произнесла экстрасенша.

Мякин как-то замешкался с ответом и произнёс всего лишь одно слово:

– Ждём-с.

«Чего это я прибавил это “с”? – подумал он. – Глупость какая-то получилась». И, вспомнив героя одного из кинофильмов, который «с» прибавлял к каждому слову, представил себе, что экстрасенша получила бы такой ответ: «Да-с, скучаем-с от чувств-с».

«Фу, как нехорошо!» – подумал Мякин и, стараясь исправить неприятное впечатление, вслух добавил:

– Что желает наш соратник по борьбе?

Экстрасенша весело ответила:

– Соратник желает хорошего вина и музыки.

– Отличное желание! – согласился Мякин и, продолжив ироничный тон, произнёс: – Я покину вас на минуточку для исполнения желаний.

– И немедленно! – добавила экстрасенша.

Мякин поднялся из-за стола, представил себе, что он человек из особых персон, а соответственно, обладает навыками деловой походки, и энергично зашагал к буфету. Упитанная официантка скучала за стойкой и как-то вяло, даже рассеянно наблюдала за приближением Мякина.

– Можно нам вина и музыку? – спросил Мякин и, вспомнив, что ему ещё не принесли кофе, добавил: – И кофе, пожалуйста. Я его давно заказал.

Упитанная официантка восторженно улыбнулась, сотворила на лице стандартную улыбку и ответила:

– Сию секундочку.

Она засуетилась у кофейного автомата, а Мякин остался стоять в ожидании исполнения заказа. Официантка, заметив, что Мякин не собирается уходить, произнесла:

– Я вам всё принесу.

– И музыку? – спросил Мякин и решил не покидать занятую позицию до тех пор, пока хоть что-нибудь ему не подадут.

– Не беспокойтесь, сейчас и музыка будет, – ответила официантка. – Можете присесть.

Мякин не уходил. Он стоял у стойки, словно часовой у склада с продуктами, и пристально наблюдал за действиями официантки. Автомат фырчал, издавая шипение и бульканье. Официантка равнодушно наблюдала за миганием ламп и, когда в чашку полилась долгожданная коричневая жид-

кость, произнесла:

– Вот и кофе ваш получился. Вам с сахаром или без?

Мякин ответил:

– Без. И, пожалуйста, не забудьте вино и музыку!

Официантка наконец-то поняла, что Мякин не сдвинется с места, пока она не сделает всё, что он просит, и, повернувшись лицом к буфету с винными бутылками, спросила:

– Выбирайте – какое желаете?

Мякин несколько растерялся от винного изобилия и некоторое время лихорадочно рассматривал совершенно незнакомые ему этикетки. Официантка терпеливо ждала ответа Мякина, ему даже показалось, что она специально не торопила его, наслаждаясь его растерянностью. Настроение мякинское совсем испортилось, ладони подозрительно увлажнились, предвещая полный отказ мыслительной деятельности. Это состояние он испытывал довольно редко – когда Герасим Ильич был недоволен отчётом и мрачно удерживал долгую паузу между неприятными для Мякина фразами.

Мякин громадным усилием воли выдавил из себя:

– А что вы посоветуете для дамы?

Упитанная официантка, видимо, удовлетворившись созерцанием растерянного клиента, мельком взглянула на экстрасеншу, сидящую в глубине зала, и заявила:

– Как по мне, так я люблю сладенькое. – И указала на одну из бутылок.

Мякин ожил – кажется, проблема решалась автоматиче-

ски.

– Хорошо, – ответил он. – Давайте это. А как оно называется?

– Вот, смотрите сами. – Официантка выставила бутылку на прилавок.

Мякин наклонился, чтобы рассмотреть этикетку, а официантка предложила:

– Я открою, а вы попробуйте.

Мякин снова занервничал: а вдруг ей (он имел в виду экстрасеншу) вино не понравится – куда он тогда денет целую бутылку?

– Не беспокойтесь, – отреагировала на мякинскую нерешительность официантка. – Если вам не понравится, откроем другую.

Мякин от безысходности кивнул. У него промелькнула сумасшедшая мысль: «В случае чего выпью всё сам».

Официантка открыла бутылку и налила немного вина в бокал. Мякин сделал маленький глоток. Сладкая, терпкая жидкость приятно удивила его язык. Мякин не сразу проглотил вино – он поболтал его во рту и, довольный вкусом, проглотил сладкую, плотную жидкость. Официантка невозмутимо ожидала мякинского решения. Он ещё раз попробовал пурпурную жидкость и с некоторым сомнением произнёс:

– Да, это подойдёт.

Официантка выставила на поднос два бокала, открытую

бутылку и мякинскую чашку с кофе.

– С вас... – И она назвала стоимость заказа.

Мякина названная сумма несколько удивила – он сравнил её со стоимостью своего каждодневного обеда, мысленно вздохнул и подумал:

«Дороговато быть джентльменом!»

Он расплатился, взял в руки поднос и настойчиво спросил:

– А когда же будет музыка?

– Секундочку, – ответила официантка и нагнулась к аппаратуре, стоявшей внизу.

Задние округлости официантки нисколько не удивили Мякина – он мысленно представил себе, как сложно этой ещё не старой женщине двигаться в тесном буфетном пространстве. Зазвучала лёгкая танцевальная музыка, и Мякин, стараясь быть ловким и элегантным, двинулся с подносом к своему столику. За столом уже образовалась большая компания. Кроме экстрасенши, пузатого и интеллигентки мякинский взор обнаружил аккуратного старичка со старушкой. Коллектив что-то активно обсуждал и обратил внимание на Мякина только тогда, когда он вплотную приблизился к столу.

– Приветствую вас, камарадос! – радостно произнёс пузатый.

– Нас сегодня много – надо уплотниться, – добавил он, встал из-за стола и придвинул ещё один стул.

Мякин водрузил поднос на стол.

– О! – произнесла интеллигентка. – Вино весьма кстати!

– Сейчас организуем бокальчики! – Пузатый спохватился и засеменял к буфету.

– Так я и говорю, – заявила старушка, – необходимо жаловаться, категорически требовать от руководителей наведения порядка. Дорогой, ты согласен со мной? – обратилась она к старичку.

Старичок оторвался от созерцания бутылки и патетически произнёс:

– Надо писать ему! – Он ткнул сухощавым указательным пальцем в потолок, и Мякин машинально взглянул наверх. – Я имею в виду его... – И старичок почему-то шёпотом произнёс фамилию премьера.

– А что, пониже нельзя? – удивлённо спросила экстрасенша.

– Пониже никак нельзя, – ответила старушка. – Вы же видите, что ничего не делается.

– Как же не делается? Вот же живой пример! – Экстрасенша указала на пузатого. – Шторку-то исправили.

Пузатый, торопливо расставляя бокалы, утвердительно кивнул.

– Нет и нет! – заявила интеллигентка. – Надобно бороться всем внизу, а то пока до него дойдёт, – и она так же, как и старичок, указала на потолок, – свершится полное безобразия. А если уж жаловаться – так можно и местному началь-

ству.

Пузатый жестом остановил полемику, наполнил бокалы и произнёс:

– Предлагаю поднять тост за наших новых членов!

Чокнулись. Немного выпили. Мякин попробовал свой кофе. Холодный, горький напиток впечатления не произвёл. Старичок, сделав пару маленьких глотков вина, заявил:

– Очень сладко. – И, поставив бокал на столик, сказал: – Камарадос... Пусть будет «камарадос», а вот общее название кажется не совсем удачным. Это «заправцы» звучит как-то несерьёзно. Надо бы подумать о названии, дело-то большое затевается – категорическая борьба с нарушителями! Это, коллеги, должно называться как-нибудь ярко, я бы даже сказал, броско. – Вот вы, сударь, – старичок обратился к Мякину. – Я вижу, самый инициативный из нас – имеете на этот счёт какие-либо соображения?

– Соображения? – машинально переспросил Мякин.

– Ну да, соображения, – подтвердил дотошный старичок.

Мякин задумался. Ему тоже не очень нравилось это название – «заправцы». Что-то в нём было иронично-приниженное, даже, может быть, и обидное, но новое вот так сразу он придумать не мог. Пришлось отделаться общей фразой:

– Надо бы что-то краткое, лаконичное и понятное.

– Вот именно, сударь, вот именно, – согласился старичок.

«Заправцы» задумались, разговор затих, и некоторое время никто – видимо, по причине отсутствия идей, – не хотел

говорить.

– Беспорядок в очередях есть признак неразвитости общества, – неожиданно нарушил молчание старичок.

– Ну, это вы чересчур! – произнесла интеллигентка. – На мой взгляд, беспорядок – это всего лишь признак бескультурья отдельных личностей.

Старушка решила поддержать позицию старичка и несколько эмоционально заявила:

– Я думаю, что беспорядок в очередях – признак неразвитости коры головного мозга.

Компания, переваривая последнюю фразу, вновь замолкла, и после продолжительной паузы пузатый сказал:

– Давайте-ка возьмём ещё бутылочку и обсудим, как же нам называться, а то глядишь – лет эдак через пятьдесят соберутся здесь соорудить мемориальную доску в честь зародившегося нашего движения. И что напишут золотыми буквами по белому мрамору? «Здесь начинались заправцы»? Как-то не очень...

Пузатый поднялся со своего места и подался в сторону буфета. Банкетный зал постепенно наполнялся посетителями. Музыка звучала непрерывно.

– Может быть, потанцуем, пока возникла винная пауза? – предложила экстрасенша.

Мякин согласился. Как только они оказались в середине зала, экстрасенша спросила:

– Вы действительно думаете, что надо найти красивое на-

звание?

– Вам понравилось вино? – угрюмо спросил Мякин.

Экстрасенша улыбнулась и ответила:

– Очень сладкое. Вы специально выбрали такое?

– Случайно, – сухо ответил Мякин и повёл партнёршу по малому кругу.

– Вы не ответили на мой вопрос, – произнесла экстрасенша, когда медленный танец сменился ритмичной музыкой.

– Мне не нравится «заправцы», – ответил он

– Ну и что? Это же игра, – громко сказала экстрасенша.

Мякин, не теряя танцевального ритма, ответил:

– Надо уважать старших.

– Вы хотите сказать «уважить»?

– Пусть будет «уважить». Не вижу разницы, – ответил Мякин.

Танцующих в небольшом пространстве между рядами столиков прибавилось, и, чтобы не толкаться, Мякину и экстрасенше пришлось в танце уплотниться. Она прижалась к нему и произнесла:

– А меня тоже надо уважить?

Мякин молчал. Ему совсем не понравился этот вопрос, и через минуту он ответил:

– Нам пора к столу. Они уже начали вторую бутылку.

– Да, пора, – согласилась она и остановилась посреди танцующих.

Мякин предложил ей руку, а она, не обращая на него вни-

мания, зашагала к столику, лавируя между парами. Мякин бросился за ней и, не успевая уворачиваться от разгорячённых быстрым танцем отдыхающих, натыкался на них и постоянно извинялся за причинённые неудобства.

Когда Мякин добрался до места, общество наперебой обсуждало новое название для «заправцев». Более всех активничали новые члены. Старичок, устремив взгляд куда-то поверх голов танцующих, сыпал без перерыва новыми терминами. Между «правдельцами» и «борзаправцами» встречались аббревиатуры, не сразу понятные и требующие пояснения. В таких случаях старичок прерывал свой поток названий и предлагал старушке сделать расшифровку непонятного набора букв – та с удовольствием помогала ему и поясняла, что «обоснар» означает «общество борьбы с нарушениями», а не что-либо иное, что иногда ассоциировалось по сходству звуковых сочетаний.

За обсуждениями незаметно опустошили вторую бутылку. Мякину второе вино совсем не понравилось – кислый вкус напомнил ему далёкое детство, когда он впервые попробовал спиртное на Новый год, как в бокале пузырилась светло-жёлтая прозрачная жидкость. Он сделал несколько глотков, поперхнулся от неожиданного вкуса и закашлялся. Уже потом ему объяснили, что пить шампанское надо не спеша, но это было потом.

Экстрасенша смаковала вино и пристально наблюдала за Мякиным. Со стороны казалось, что она совсем не участвует

в общем разговоре, но её редкие ироничные замечания говорили об обратном. Экстрасенша прислушивалась к новациям старичка. Один раз она даже предложила называть общество «правдистами», однако новые члены категорически отвергли «правдистов», сославшись на некоторые исторические параллели.

Мякин в полемике практически не участвовал. Он иногда делал вид, что соглашается с приводимыми доводами, но через некоторое время соглашался с противоположными мнениями, которые активно выдвигала интеллигентка – единственная, кто старался обуздать фонтанирующего названиями старичка.

– Нет, господа, – возражала она. – Это совсем не подходит. Да и не в названии дело. Если нет реальных результатов, то никакое название не поможет.

Пузатый – видимо, устав от напора новых членов, – вяло поддерживал её и иногда повторял почти одну и ту же фразу:

– Камарадос, давайте оставим старое – «заправцы». Нам это уже привычно.

Экстрасенша встала и произнесла:

– Давайте танцевать! Думается, что во время танцевальных движений может придти ценная мысль.

– И то верно! – согласился пузатый. – Давайте подвигаемся – раскачаем, так сказать, мозги.

– Вы потанцуйте, – как-то недовольно произнесла старушка, – а мы уж порассуждаем о названии.

Экстрасенша, к удивлению Мякина, пригласила пузатого. Он радостно вскочил со своего места и, улыбаясь, произнёс:
– Почту за честь продефилировать с вами в этом заведении!

Интеллигентка изобразила на лице равнодушие и великое спокойствие – такое, какое бывает у человека, постигшего все житейские тайны, – но Мякин заметил её некоторое волнение, возникшее, скорее всего, от слов пузатого. Интеллигентка, стараясь не смотреть в сторону пузатого и экстрасенши, развернулась лицом к Мякину, немного неестественно улыбнулась и спросила:

– А вы, камарадос, не желаете подвигаться?

Мякин двигаться не желал, но подумал, что сложившаяся ситуация требует от него некоторых действий, поэтому решил, что танец с интеллигенткой никак не повредит его настроению.

Пузатый Алексис изображал раскованного танцора, размахивал руками, покачивал боками и к тому же пытался выделывать замысловатые кренделя ногами, не всегда попадая в чёткий ритм энергичной, заводной музыки. Экстрасенша сдержанно двигалась в ритме танца, снисходительно терпела выкрутасы пузатого, иногда весело улыбалась и иронично подбадривала партнёра на совершение новых танцевальных подвигов.

Мякин аккуратно вёл интеллигентку под музыку, стараясь не срывать на резкие движения, которые наблюдались у

остальных танцующих.

– Вы не любите современные танцы, – скорее утвердительно, чем вопросительно произнесла интеллигентка.

Мякин без паузы ответил:

– Меня этим танцам не учили.

– По-моему, здесь никто не учился таким танцам, – заметила интеллигентка.

– Но все танцуют, – продолжил Мякин.

– Дёргаются, – заключила интеллигентка.

– Самовыражаются, – сухо произнёс Мякин.

Быстрая музыка закончилась. Пузатый Алексис, изрядно вымотанный редкими па, увёл экстрасеншу к столу. Мякин вопросительно взглянул на партнёршу, а та, немного подумав, сказала:

– Продолжим, если желаете?

Мякин не жаждал продолжения, но зазвучала спокойная мелодия – и он машинально двинулся с партнёршей в новом ритме.

– Вы прекрасный танцор! – сказала интеллигентка. – С вами приятно танцевать.

– Я знаю, мне это уже говорили, – спокойно ответил Мякин.

– Ваша дама будет вас ревновать, – продолжила интеллигентка.

– Почему? – наивно спросил Мякин.

– А как же? Вы сейчас со мной, а не с ней, – объяснила

интеллигентка.

– Тогда Алексис вас тоже должен ревновать, – заключил Мякин.

– Он не будет этого делать, – ответила интеллигентка.

– Почему? – снова спросил Мякин, а про себя подумал. «Если бы у меня был такой живот, я бы точно не ревновал».

– Вам интересно почему? – спросила интеллигентка.

Мякин нечаянно задел плечом соседнюю пару и, извинившись, ответил:

– Наверное, интересно. Мы же камарадос.

Интеллигентка посерьёзнала и, может быть, немного грустно ответила:

– Мы старые друзья, и уже не претендуем на иные чувства, кроме дружеской привязанности.

– Не претендуете, – повторил Мякин, не зная, стоит ли продолжать этот танцевальный диалог.

Медленный танец закончился. Образовалась пауза, и интеллигентка произнесла:

– Может быть, достаточно?

Мякин согласно кивнул, и они вернулись к столу. Экстра-сенша отсутствовала. Мякин пригубил свой бокал кислого вина и рассеянно спросил:

– Пора бы расходиться. Уже поздно.

Пузатый в ответ задумчиво и немного устало заметил:

– Сходку надо бы завершить гимном, но у нас гимна пока что ещё нет.

– У нас и названия хорошего ещё нет, – недовольно добавила старушка.

– С названием разберёмся, дайте срок, а вот гимна нет... – грустно возразил пузатый. – Гимна нет – это плоховатенько.

– Надо бы, судари и сударыни, расходиться, – заявил старичок. – Сегодня уж, похоже, ничего не придумаем. Тем более что наша молчаливая оппонентка нас уже покинула.

– Да, поредели мы, – добавил пузатый и почему-то взял в руки пустую бутылку. – Кончилось вино – прекратилась мысль.

Мякин сидел молча и терпеливо ждал окончания «тайной вечера заправцев». Из-за стола все, кроме Мякина, встали как-то одновременно, торопливо попрощались и покинули зал. Мякин остался за столом в одиночестве. Он сидел и размышлял: «Экстрасенша просто ушла к себе в номер или вышла из общества “заправцев”. Из реплики пузатого это было не ясно».

Проходя мимо номера экстрасенши, Мякин хотел было остановиться, прислушаться и уловить хотя бы какой-нибудь звук, но заставил себя, не замедляя шаг, пройти к себе. Оказавшись в постели, он не сразу уснул, долго ворочался и подумывал: не прочесть ли ему какой-либо отрывок из чёрной книжки? Но вставать и тянуться на верхнюю полку ему не хотелось, и с этой мыслью он погрузился в некрепкий сон.

И снилось ему, что он пытается прочесть текст, но буквы плывут по строчкам, и он не успевает сложить их в слова, и

только одно слово всё время попадалось ему на глаза – это слово «Орбодин». Проснулся он поздно, как когда-то бывало с ним по выходным, быстро собрался. Стоя у зеркала перед выходом из номера, взбодрил себя словами: «А ты, Мякин, выглядишь сегодня неплохо» и вышел в коридор. Запоздавающие на завтрак отдыхающие поторапливались проглотить утреннюю еду и аккуратно обгоняли его. Некоторые из них, улыбаясь, здоровались с ним – видимо, уже где-то встречали его ранее на процедурных делах. Он радушно отвечал им и неторопливо продвигался к столовой.

Столовая встретила его неожиданной тишиной – народу было мало, некоторые ряды пустовали вовсе. За своим столиком он ещё издали заметил одинокую экстрасеншу в белом платье. Она явно делала вид, что не замечает Мякина, а он сразу заподозрил в ней какие-то ранее незнакомые ему перемены и попытался изобразить на лице озабоченное выражение, какое изредка удавалось заметить ему у Герасима Ильича после возвращения его от большого начальника.

Озабоченное лицо Мякину никак не давалось – он чувствовал, что на физиономии проступает так ненавистная ему растерянность. Он специально замедлил шаг, остановился, не доходя до стола метров десять, заставил себя оглядеться по сторонам, изображая человека, ищущего каких-то знакомых, и только после этого совсем уж медленно двинулся дальше. Это движение легко вспомнилось ему, так как пару лет тому назад он так же двигался в очереди за дефицитом

для ребяташек, и приобрести этот дефицит требовалось от него непременно.

Приблизившись вплотную к столу, Мякин почему-то выпалил:

– Салют, камарадос!

Экстрасенша никак не отреагировала на приветствие. Более того, она сделала вид, что вообще не знает Мякина. По крайней мере, так ему показалось, а когда она произнесла: «Это вы мне?», Мякин категорически растерялся. Он стоял у стола и мысленно ругал себя последними словами:

«Ты, Мякиша, полный идиот! Это твоё “камарадос” вылетело у тебя, как пробка из шампанского! Зачем? Думать тебе, Мякин, полезно, а не салютовать с испугу!

– Доброе утро, – тихо произнёс Мякин. – Прошу прощения за беспокойство.

Экстрасенша равнодушно взглянула на него и сухо ответила:

– Доброе утро.

– Не помешаю? – спросил Мякин и взялся правой рукой за спинку стула.

– Нет, – услышал он в ответ. – Я скоро уйду.

Мякин осторожно разместился за столом и в ожидании официантки напряжённо прокручивал в голове варианты, объясняющие причины такого поведения экстрасенши.

«Наверное, она совсем покинула ряды “заправцев”», – подумал он и несколько минут размышлял, какой же задать ей

вопрос для выяснения этого обстоятельства.

Принесли овсянку. Мякин помешал кашу и молча приступил к её потреблению. Экстрасенша встала, произнесла всего два слова – «Приятного аппетита» и удалилась из столовой. Мякин без аппетита разделался с овсянкой и любимой яичницей. Сегодня утро не сулило ему ничего хорошего.

«Похоже, этот член “заправцев” выбыл из рядов, – снова подумал он. – Придётся искать замену, но кого я здесь могу найти?»

Мякин огляделся вокруг. В столовой почти никого не осталось, только в дальнем углу, ближе к кофейному автомату, неторопливо доедал свой завтрак мужчина мякинского возраста. И Мякин решился на поступок, соответствующий его новому образу – образу нового человека. Он взял в руку пустую чашку и энергично двинулся в сторону одинокого мужчины.

– Боже мой! Как у них всё плохо организовано! – громко, так, чтобы его услышал одинокий, заявил Мякин.

Одинокий мужчина рассеянно взглянул на Мякина, встал из-за стола и, приблизившись к Мякину, спросил:

– Вам помочь?

– Да, конечно, – ответил Мякин. – Вот видите – до сих пор нет инструкции по пользованию. – Мякин неловко взмахнул чашкой, указывая на автомат. – Я им уже давно сделал замечание.

– Осторожно с посудой, – улыбнувшись, произнёс одино-

кий, – эдак можно и чашки лишиться.

Мякин обеими руками взял чашку и продолжил жаловаться на непреодолимые препятствия.

– Вот, взгляните на эти кнопки. Никто не написал, что на них надо нажимать дважды!

Одинокий мельком взглянул на автомат, перевёл взгляд на Мякина и спросил:

– А вы знаете, как нажимать?

– Я-то, конечно, знаю, – ответил Мякин. – Но инструкции нет как нет. Это непорядок!

Одинокий подошёл к автомату и, как бы размышляя, снова спросил:

– Вы полагаете, что здесь, в зале, никто, кроме вас, не знает, как пользоваться этой штукой?

Мякин задумался. Он почувствовал, что в лице одинокого он встретил серьёзного оппонента.

– Нет, я так не думаю, – ответил Мякин. – Но непорядок надо устранять.

Одинокий внимательно посмотрел на Мякина, на его пустую чашку и, улыбнувшись, предложил:

– А не испить ли нам кофейку, а заодно и поразмышлять о порядке и беспорядке? Вы согласны?

Мякин в знак согласия произнёс что-то вроде «Мда» и поставил чашку в автомат.

Одинокий спохватился и, махнув рукой на кофейный агрегат, категорически заявил:

– Нет-нет! Что вы! Предлагаю попить кофейку в баре – думается, там нас обслужат гораздо лучше.

Мякин в нерешительности взглянул на свою пустую чашку, сиротливо белеющую в тёмно-коричневой нише, и с сомнением произнёс:

– А там разве уже работает?

Одинокий взглянул на часы и утвердительно ответил:

– Уже работает.

Бар только что открылся. Симпатичная дамочка среднего возраста с улыбкой поздоровалась с ними и терпеливо ждала, пока двое мужчин сделают заказ. Забравшись в уютный уголок и разместив на столе, помимо двух чашек кофе, две креманки с мороженым и совсем по чуть-чуть коньяка, посетители приступили к обсуждению злободневной темы.

Мякин сразу заявил:

– Недостатков так много, что каждый из нас должен бороться с ними, иначе наша жизнь может превратиться в сплошной недостаток.

– Да, конечно, – согласился одинокий. – Но давайте сначала выпьем за знакомство.

Мужчины чокнулись, отпили немного коньяка, попробовали мороженого и с удовольствием, маленькими глотками, приступили к поглощению кофе.

– Вы говорите, что мы все должны бороться, – а когда же жить? Между борьбой? Я думаю, что так и здоровьем можно повредиться. Давайте разберём ваш случай, – предложил

одинокий.

– А что тут разбирать? – попивая кофе, возразил Мякин. – Сделайте инструкцию – вот и весь разбор.

– С инструкцией всё ясно, – согласился одинокий. – А без неё что – народ разве не справляется с автоматом?

– Справляется, – ответил Мякин и, подумав, добавил: – Вы хотите сказать, что отсутствие инструкции – это мелочи?

Одинокий огляделся по сторонам, отпил немного кофе и только тогда ответил:

– Да, если хотите – мелочи. Но не только.

Мякин сосредоточился. Он ждал продолжения разговора, и было похоже, что у одинокого есть какие-то сильные аргументы против борьбы с недостатками.

– Мне кажется, – продолжил одинокий, – что недостатки должны быть всегда. Если они исчезнут, то всё остановится.

– Что значит «остановится»? – не выдержал Мякин. Он не понял последние слова одинокого и уже подумывал, что зря с ним связался и что вряд ли из него получится новый «запорец». А одинокий не спеша продолжил развивать свою мысль.

– Вы можете представить себе такую картину: исчезли все недостатки? Везде порядок, и не к чему придраться. – Можете себе такое представить? – повторил вопрос одинокий.

Мякин допил кофе и подумал:

«Этот одинокий – великий фантазёр, и спорить с ним сложно и, наверное, не стоит».

– Вы молчите, потому что я вам надоел или разочаровались в нашей теме? – произнёс одинокий. – Но мне показалось, что там, у автомата, вы искали единомышленника. Или мне это всего лишь померещилось?

Мякин осторожно, не глядя на собеседника, поедал мороженое.

– Нет, вам не показалось, – ответил он. – Я действительно искал соратника, то есть человека, готового поддержать меня...

– А нашли оппонента. Так вы хотели сказать? – перебил его одинокий.

– Да, – согласился Мякин.

Одинокий дружелюбно улыбнулся и продолжил:

– А разве оппонент не может быть единомышленником?

Мякин совсем притих – он никак не ожидал от случайного собеседника таких странных вопросов. Ему казалось, что одинокий как бы подшучивает над ним и в то же время старается заставить Мякина поразмышлять по поводу собственного поведения. Мякин разделался с мороженым и совершенно не знал, как себя вести дальше. В бокалах оставалось ещё немного коньяка.

«Надо бы допить», – подумал Мякин.

Но одному это делать было неловко, а придумать какой-нибудь тост у Мякина никак не получалось. Одинокий как будто угадал мякинские мысли и предложил:

– Давайте выпьем за оппонентов. Без них было бы скучно.

Собеседники выпили.

– Ну так как? – произнёс одинокий. – Как вам моя мысль: жизнь без недостатков и идеальный порядок вокруг?

Мякин попытался представить идеальный порядок, но не смог. Получалось что-то совсем фантастическое и какое-то неживое. Одинокий, заметив некоторое смятение Мякина, продолжил:

– Мне кажется, что у вас ничего не получается с идеальным порядком. У меня тоже не получается. – И как-то неожиданно грустно заявил: – Идеала нет, но без него тоже нельзя.

– Как же быть? – тихо спросил Мякин.

– А вот так и жить, – ответил одинокий, – между порядком и беспорядком. Между идеалом и совсем наоборот.

Собеседники замолчали. В баре появились бабушка с маленькой девочкой.

– Ну, что ты хочешь? – спросила бабушка.

Девочка широко раскрытыми глазами довольно долго рассматривала витрину и никак не решалась выбрать что-то из сладкого.

Одинокий тихо заметил:

– Вот вам и идеал! Всего полно, а выбрать страшно – вдруг окажется, что там, за стеклом, осталось что-то лучшее?

Бабушка расслышала последние слова одинокого и, улыбувшись, ответила:

– Не волнуйтесь, господа, нам выбирать не страшно. Для

нас это праздник. Главное в этом – предвкушение вкуснятинки. – Она повернулась к девочке и спросила: – Ну что, солнышко, выбрала вкусненькое?

Солнышко с большими глазами угукнуло и маленьким пальчиком показало что-то на витрине.

– Вы хотите сказать, что с недостатками надо мириться? – спросил Мякин.

– Нет, не так. Не мириться, – ответил одинокий, – а приспособливаться. Большинство из нас, я бы даже сказал «подавляющее большинство» приспособляются, а кто не умеет это делать, тихо прозябают, если не сказать больше...

– Умирают, что ли? – перебил его Мякин.

Одинокий взглянул на Мякина и парировал:

– Что вы! Не надо крайностей! Я бы сказал, что неприспособленный становится неудачником.

– Неудачником, – повторил Мякин и вспомнил Казлюка. Казлюк, конечно, не выглядел неудачником.

«Казлюк – приспособленец, – подумал Мякин и мысленно спросил себя: – А кто я?»

Одинокий завершил поедание мороженого, посмотрел на часы и произнёс:

– О! Засиделись мы с вами – пора и процедурами подлечиться.

– Пора, – согласился Мякин и подумал: «А что, если этого одинокого пригласить в банкетный зал?»

И вслух добавил:

– Могу ли я пригласить вас вечером в банкетный зал? Тем более что я теперь ваш должник.

– Должник? – удивлённо спросил одинокий. – Впрочем, вы правы: долги надобно отдавать. – И после небольшой паузы с сомнением произнёс: – А что там – поди, очень шумно?

Мякин почувствовал, что одинокий колеблется, и добавил:

– Будет интересная компания моих единомышленников. Вы сможете поподемизировать на тему борьбы с недостатками.

– Да, даже так! – произнёс одинокий. – У вас здесь образовались единомышленники?

– Да, – подтвердил Мякин, – и немало.

– И немало? – искренне удивился одинокий. – И сколько же вас... – Он, видимо, хотел как-то обозначить мякинских друзей, но слов не подобрал, а продолжил просто, сказав всего лишь одно слово: —...борцов?

– Нас... – Мякин засомневался, стоит ли считать экстрасеншу, и произнёс: – Нас пятеро.

До обеда Мякин был занят процедурами. Перебираясь от одного кабинета к другому, он никак не мог избавиться от мыслей, которые излагал одинокий. Особенно поразили Мякина слова «Неприспособленный становится неудачником».

– Становится неудачником, – повторил он вслух и вошёл в массажный кабинет.

Когда Мякин разделся и водрузил своё уже не очень мо-

лодое тело на стол, жилистые крепкие руки приступили к обработке наружной части мякинского организма. На этой процедуре Мякин уже побывал несколько раз и каждый раз с изумлением размышлял:

«Это как же можно так издеваться над собственным телом по собственному желанию!»

Мякин лежал лицом вниз и терпел, терпел, когда сильные пальцы старались оторвать от костей его отдыхающие в санатории мышцы. Он не сдавался, тихо молчал, и только когда боль становилась едва переносимой, что-то пытался пробормотать себе под нос. Что-то вроде «ого» или «ого-го!». На что дядька-массажист практически не обращал внимания, лишь иногда приговаривал: «Хорошо, очень хорошо» и, как казалось Мякину, сопел от удовольствия, переходя к следующей части мякинского беззащитного тела. Пожалуй, единственное, что нравилось Мякину в этой экзекуции, – так это полное отсутствие мыслей в голове. Методичное раздербанивание мякинских мышц выветривало из его головы почти всё, что обычно без толку болтается в ней в периоды безделья.

Но в этот раз – то ли оттого, что к массажным издевательствам Мякин маленько попривык, то ли беседа с одиноким его так взволновала – его мысли крутились вокруг вопроса: «Кто же я: приспособленец или неудачник?». И когда, вдоволь размяв Мякина сверху, ему предложили перевернуться и лечь на спину, он вспомнил эпизод из своей конторской

жизни.

Было это давно – так давно, что Мякин почти уже забыл этот случай, а сейчас – видимо, под воздействием физического насилия – вспомнил. Тогда Мякин был молодым, как говорится, начинающим специалистом, а Герасим Ильич – импозантный мужчина, на которого ещё мало-мало засматривались некоторые особы женского пола, – не имел ещё круглой плешины на голове и состоятельного брюшка на передней части фигуры. Герасим Ильич всего год как руководил вверенным ему коллективом, а поскольку ещё волновался за состояние дел неимоверно, то завёл себе за правило осуществлять душевные разговоры с подчинёнными с глазу на глаз, для того чтобы быть в курсе, так сказать, всех конторских событий. А в конторе в то время – так уж сложилось – трудилась не без энтузиазма в основном молодёжь.

Молодёжь влюблялась, разлюблялась. Конторские драмы в скрытом виде то возникали, то затухали, а Герасим Ильич любил знать эти подробности – наверное, интуитивно понимал, что их можно использовать для эффективного воздействия на некоторых, да и на весь коллектив.

Массажный дядька взялся за мякинские ноги, долго обрабатывал ступни, гнул и выворачивал пальцы, а Мякин терпеливо вспоминал то далёкое время, когда ему, как он считал, никакие массажи были не нужны.

Вызвал как-то Герасим Ильич Мякина к себе в кабинет, усадил напротив, беседу душевную затеял, интересовался,

как молодому, подающему надежду специалисту работается в коллективе, нет ли каких недостатков и тому подобное и так далее. И так постепенно разговорил Мякина, что тот как-то незаметно на откровенность перешёл. А Герасим Ильич всё спрашивал, допытывался, как там такая-то и такой-то работают и нет ли меж ними проблем каких-нибудь? Мякин, конечно, не полным идиотом был – понимал, что откровенность ему боком выйти может, – но уж больно Герасим Ильич много успехов по работе сулил в будущем. Не выдержал Мякин ласкового напора начальника, рассказал кое-что, что, по его мнению, мешало в работе, а именно – что одна ревнивица специально вредила другой особе, что тормозило творческий процесс некоторой части коллектива.

– Ах, вот оно что! – удивился Герасим Ильич и добавил: – А то я смотрю – качество страдает. Думал, что я что-то, как руководитель, не дорабатываю.

Перепугался Мякин маленько, подумал, что Герасим Ильич может его откровенность обнародовать, – аж на стуле заёрзал от напряжения! А Герасим Ильич, заметив его волнение, произнёс:

– Да ты, Мякин, не волнуйся. Твоя информация тебе не повредит, а даже наоборот.

Массажный дядька добрался до мякинских рук, крутил их вокруг плечевого сустава, словно вывернуть хотел, а Мякин не давался.

– Вы расслабьтесь, расслабьтесь, – ворчал дядька, и Мя-

кин расслабился, вспомнив, как через день вызвал его Герасим Ильич снова, сесть даже не предложил, строго поглядел на Мякина и спросил:

– Вы зачем рассказали о нашей беседе этой красавице? Была у меня – сообщила, что вы сказали ей, что я недоволен. Зачем?

Мякин как-то съёжился и заодно остолбенел, кровь прилила к голове. Он почувствовал, что краснеет, словно перезревший помидор на рынке. Он вроде бы этой особе ничего, в сущности, и не сказал, а так – намекнул, что шеф всё обо всех знает.

– Молчите? – тихо спросил Герасим Ильич и, не дожидаясь мякинского ответа, добавил: – Идите работайте.

Мякин, сгорбившись, тихо вышел из кабинета и часа два никак не мог успокоиться. С тех пор откровенность на работе он исключил навсегда.

– Полежите чуточку, отдохните, – сказал массажный дядька и удалился к раковине мыть руки. – А теперь можете потихоньку вставать, – услышал Мякин через минуту. – Придёте в номер – отдохните минут тридцать, – добавил дядька и снял с Мякина простыню.

В номере было тихо и уютно, до обеда было ещё далеко. Оставшиеся процедуры Мякин решил проигнорировать. Ему захотелось просто полежать. Сначала он позвонил супруге, доложил о том, как ему отдыхается, справился о семейных делах, подошёл к окну. Пасмурная, тихая погода

располагала к горизонтальному безделью. Мякин взглянул на верхнюю полку шкафа, достал чёрную книжку и, лёжа в кровати, занялся чтением.

«Сегодня был свободный день. В такие дни Орбодин, по уже давно заведённому порядку, не имел права делать замечания. Он крадучись передвигался по дому, заглядывал в те уголки, где, по его разумению, кто-то из домочадцев мог оставить что-нибудь неположенное, и думал про себя:

“Очень странные эти свободные дни. Как-то парадоксально звучит эта фраза: «По уже давно заведённому порядку он не может устранять беспорядок»”.

Свободный день, кроме ограничений в действиях Орбодина, имел ещё одну особенность: домочадцы могли не попадаться главе семейства на глаза. Эту причуду установила когда-то сама Орбодина. Она тогда долго уговаривала супруга и приводила один и тот же аргумент:

– Тебе и нам, дорогой, нужен день отдыха. Тебе особенно. Когда ты не будешь видеть нас, твои нервы успокоятся, ты восстановишь силы для следующего занятого дня.

Орбодин внял увещаниям супруги, хотя впоследствии сильно жалел об этом. Внизу, в камерке он обнаружил чьи-то тёмные носки. Кто-то, переодевшись, забыл их бросить в ящик для грязного белья. Орбодин через силу погасил негодование, достал свой любимый блокнотик, где вёл записи для занятого дня, и пометил этот беспорядок под номером один. Слабый свет от узкой застеклённой щели на самом вер-

ху слегка подсвечивал стенку с аккуратно развешанной детской одеждой для игр на свежем воздухе. Орбодин внимательно осмотрел всё, что находилось в помещении, и, не обнаружив ничего, что следовало бы занести в блокнот, прошёл на кухню.

Кухня была его постоянной заботой. Здесь среди множества предметов он почти всегда находил недостатки. Здесь его душа отдыхала и, можно сказать, даже радовалась. Здесь он чувствовал себя нужным, здесь он находил своё призвание – творить добро и идеальный порядок.

Но сегодня почему-то был не его день. Он уже без малого полчаса придирчиво осматривал кухонное пространство и всё, что попадалось ему на глаза, а недостатки так и не обнаруживались. Орбодин даже разволновался, словно сегодня был занятый день и ему предстояло делать замечания, но, кроме этих дурацких носков, сказать было не о чем. Он остановился и сосредоточился.

“Не может быть, чтобы всё было в порядке, – подумал он. – Надо выработать какой-нибудь план осмотра. Может быть, провести углублённый досмотр?”

Орбодин решил не спешить и ещё раз подошёл к плите. Плита сияла.

“Когда же они успели всё так надраить?” – подумал он и провёл пальцем по блестящей поверхности. Палец остался идеально чистым, словно его только что отмыли специальные мойщики.

– Тьфу ты, какая чистота! – вслух произнёс Орбодин и, забравшись на стул, особо внимательно осмотрел светильник, висевший под потолком.

Светильник частенько его выручал; эти “неумехи” иногда забывали привести его в порядок – то ли просто по невнимательности, то ли времени на него не хватало. Но сегодня, к его изумлению, Орбодину открылся прекрасный вид блестящего отполированного стекла без малейшего пятнышка и при полном отсутствии пыли. Даже то его любимое место под загогулиной было вычищено до блеска».

Мякин перелистнул страничку и подумал:

«Эх, Орбодин-Орбодин! Наверное, ты сумасшедший. Интересно: чем эта вся твоя ерундовая деятельность закончится?»

И тут Мякина пронзила интереснейшая мысль: разве их борьба – борьба «заправцев» – не сумасшествие?

– Нет, конечно нет, – вслух ответил он сам себе и добавил: – У нас, у «заправцев», это всего лишь игра на фоне санаторного отдыха.

Но какая-то недосказанность в его ответе продолжала беспокоить, и, чтобы прекратить эти неприятные мысли, он продолжил чтение.

«Орбодин не на шутку расстроился. Он осторожно опустился на пол и растерянно, как пугливая зверушка, огляделся. Похоже, кухня блистала чистотой, и впервые за несколько лет Орбодину здесь делать было нечего.

“Это какое-то злое волшебство! – подумал он. – Этого просто не может быть, потому что...” – Орбодин мысленно подбирал выражение к идеальному кухонному состоянию и ничего не мог придумать. В голове пронеслись страшные думы о своей ненужности, никчёмности и что теперь ему почти нечем будет заняться весь занятый день.

“Хоть из дома уходи! – с горечью подумал он. – Нет проку от меня”».

– «Нет проку от меня», – прочёл Мякин и подумал, что нет смысла читать далее эту галиматью.

Он заглянул в середину книжки и прочёл один маленький абзац, в котором Орбодин журил госпожу Орбодину за какую-то бытовую ерунду. Глаза Мякина закрывались сами собой, усталость от чтения и расслабленный массажем организм увели его мысли куда-то далеко от санатория – туда, где он был в детстве, – и Мякин вопреки желанию крепко уснул.

И снилось ему детство: как будто идёт он мальчишкой по громадному полю. Высокая трава – выше пояса – колышется до самого горизонта, и будто бы видит он далеко-далеко, на самом краю зелёного моря травы, человека. Человек медленно приближается к нему, и расстояние между ними постепенно сокращается.

Мальчишка пытается бежать навстречу, но как ни старается, до этого незнакомца ещё далеко. А трава качается под струями ветров то в одну, то в другую сторону. Вот уже и времени немало прошло. Вот и солнце клонится к закату и

того и гляди скроется за дальней кромкой поля. И вот наконец-то мальчишка близко видит незнакомого человека и видит, что лицо ему очень знакомо – так хорошо знакомо, что он знает, что это точно он, но только совсем немолодой. И что-то шепчет ему этот незнакомый знакомый человек. И по губам он читает эти слова. Непонятные пока что ему слова: «Здравствуй, моё прошлое».

Мякин открыл глаза. За окном было темно.

«Сколько же я проспал – наверное, уже вечер, а может быть, и раннее утро?» – подумал он и обнаружил себя в одежде на кровати. Рядом лежала раскрытая чёрная книга. Мякин взглянул на часы – стрелки показывали шесть тридцать. Мякин прислушался: в коридоре послышались шаги и чей-то приглушённый разговор.

«Наверное, это вечер», – подумал Мякин и осторожно встал с постели.

Послышался тихий стук в дверь.

«Кому это я понадобился?» – подумал Мякин и взглянул в зеркало. Своё лицо ему не понравилось – слишком помятое и абсолютно безразличное к окружающей обстановке.

В дверь снова постучали. Мякин включил большой свет, поправил причёску, размял пальцами лицо, подошёл к двери и спросил:

– Кто там?

Из-за двери донеслось:

– Свои, камарадос.

«“Заправцы”», – подумал Мякин и открыл дверь.

За дверью обнаружили пузатый и экстрасенша. Их поначалу настороженные физиономии, как только Мякин попытался изобразить приветливую улыбку, расслабились, и пузатый радостно произнёс:

– У нас для вас хорошая новость.

Мякин машинально сделал удивлённое лицо, а пузатый продолжил:

– У нас теперь есть хорошее, новое название – постарались наши члены-ветераны. Мы теперь будем юстицины.

– Юстицины? – вопросительно повторил Мякин.

– Да, юстицины, – подтвердил пузатый. – Ударение на предпоследний слог. – И он повторил новое название.

Мякин подумал, что следует пригласить камарадос в номер, и жестом предложил им пройти дальше.

– Нет-нет, – скороговоркой ответил пузатый. – Мы только на минуточку – так сказать, проведать. Вас не было за обедом. Мы, так сказать, заволновались. – Пузатый взглянул на экстрасеншу и добавил:

– Подумали: не заболели ли? Вот и пришли.

Мякин посмотрел экстрасенше прямо в глаза.

– Да, проведать, – подтвердила она и, как показалось Мякину, несколько извиняющимся тоном добавила: – Надеюсь, мы за ужином и потом...

Мякин удивлённо перебил её:

– За ужином?

– Да, – уже совсем смущённо подтвердила экстрасенша.

Пузатый взглянул на часы и произнёс:

– Ужин через четверть часа. А потом банкет. Уж не пропустите! Отметим новое название.

– Вы придёте? – тихо спросила экстрасенша.

– Да, – ответил Мякин.

Наступила какая-то пауза, когда вроде бы разговор закончен, но кому-то ещё что-то хотелось сказать. Мякин стоял у дверей и ждал, а гости (уже не гости, а юстицины, с ударением на предпоследнем слоге) тоже стояли в некоторой нерешительности. Пузатый переступил с ноги на ногу и сказал:

– Ну, мы тогда пошли.

– Да, конечно, – согласился Мякин и подумал, что был не прав, когда исключил экстрасеншу из рядов.

Пузатый не очень ловко подхватил экстрасеншу под руку, и они направились по коридору в сторону столовой. Мякин закрыл дверь и поверчал на себя:

– Проспал весь обед, новый человек! Так всё проспять можно!

За ужином все молчали, только экстрасенша в самом начале вроде как извинилась за утреннее поведение. Она произнесла:

– Простите, утром мне нездоровилось.

Мякин молча кивнул и быстро расправился с принесёнными блюдами – аппетит из-за пропущенного обеда у него разыгрался не на шутку. Молодёжь тоже помалкивала, и бы-

ло похоже, что днём они немного поссорились. Более всего обижалась девушка. Она явно делала вид, что ужинает через силу и еле-еле терпит присутствие за столом остальных отдыхающих. Мякину такая обстановка совсем не нравилась – он поднялся из-за стола, пожелал всем приятного аппетита и удалился для подготовки к вечернему банкету.

Сегодня вечером банкетный зал был полон. Мякин сначала удивился этому обстоятельству, но, вспомнив, что сегодня была суббота, понял: народ в преддверии выходного решил разгуляться.

У дальней глухой стены зала был замечен то ли затейник, то ли ведущий вечера – маленького роста мужчина в светлом костюме с чрезмерно радостной улыбкой. Ведущий постоянно шутил в микрофон и даже, кажется, собрался петь. «Юстицины» расположились за большим столом. Все пятеро оживлённо что-то обсуждали и не обращали внимания на появление Мякина у входа. А он, стараясь рассмотреть всех присутствующих в зале, уверенной походкой неторопливо направился к ним. Одинокого в зале не было.

Экстрасенша первой заметила Мякина и, приветливо улыбнувшись, что-то сказала пузатому. Тот вскочил из-за стола и, неожиданно для Мякина, кинулся ему навстречу.

– Как мы рады, что вы здесь! Как мы рады! Пойдёмте, пойдёмте! Все вас ждут!

Мякина усадили между пузатым и экстрасеншей. Присутствующие, почему-то с каким-то заговорщицким видом,

разглядывали Мякина так долго, что ему некоторым образом стало неудобно. Он попробовал сделать довольное жизнью лицо, вспомнил, как прошлым летом в выходной день, лёжа в густой траве на даче у знакомых, во все глаза смотрел на тихо плывущие облака. Если долго сосредоточиться на каком-либо из них, то можно заметить, как меняется его форма. В тот день облака постепенно таяли, растворялись. От маленьких за какие-нибудь минут пятнадцать ничего не оставалось, и ярко-синего неба становилось всё больше и больше.

– Алексис, вам слово, – произнесла интеллигентка. – Объявите нашему другу наше предложение.

Мякин подумал, что он уже знает об этом предложении, о новом названии их тайного общества, но он ошибался.

– Камарадос! – пафосно начал свою речь пузатый. Он даже встал с места и, стараясь перекрычать стоящий в зале шум, громко продолжил: – Сегодня у нас важное, я бы даже сказал, историческое событие...

– Алексис! – Интеллигентка тронула пузатого за рукав. – Можно потише – все вокруг на нас обращают внимание.

– А как же объявить? Шёпотом, что ли?

– Спокойно, по-деловому, – ответила интеллигентка.

В зале зазвучала музыка, и ведущий приятным баритоном запел известную всем весёлую песенку. После первого куплета он активной жестикуляцией призвал отдыхающих присоединиться к пению и пошёл по рядам, предлагая сидящим

пропеть слова песни в микрофон.

Экстрасенша, прислонившись к Мякину, прошептала ему в ухо:

– Они хотят сделать из вас предводителя.

Мякин повернулся к ней лицом и переспросил:

– Кого?

– Предводителя, – одними губами произнесла экстрасенша.

Алексис, уже не вставая с места, продолжил речь:

– У нас, действительно, историческое событие, то есть мы предлагаем вам... – Он повернулся лицом в сторону Мякина. – Предлагаем вам стать, так сказать, нашим лидером, то есть предводителем.

– Соглашайтесь, – услышал Мякин голос экстрасенши.

– Соглашайтесь, соглашайтесь! – повторили эти слова остальные.

Ведущий совсем близко подобрался к Мякину – и прямо рядом с мякинским ртом оказался микрофон, и нужно было под знакомую музыку пропеть слова, но Мякину никак не удавалось вспомнить хотя бы пару. Экстрасенша сбоку пыталась напеть ему на ухо. Он повторял слова песни, не попадал в мелодию, сбился и совсем затих. Ведущий наклонился к нему и за него исполнил целый куплет.

К великому облегчению Мякина, ведущий убрал от него микрофон и пошутил:

– Не все у нас ещё «Карузы», но мы это со временем ис-

правим – почаще приходите к нам.

Под одобрительные возгласы «Карузо к нам!» ведущий двинулся дальше, к следующему столику, с энтузиазмом высматривая очередную песенную жертву.

– Что значит «предводитель»? – очухавшись от непропетой песни, спросил Мякин.

Пузатый ответил:

– Это значит, что мы оказываем вам, камарадос, высокое доверие. – И, подумав, уточнил: – Единодушно оказываем.

Старичок, сидевший напротив Мякина, засуетился и предложил:

– Давайте как-то отметим это.

– Не как-то, а шампанским, – поправила его старушка. – Чего мы сидим? Джентльмены, открывайте бутылочку!

Мякин, услышав слово «джентльмены», потянулся к шампанскому, но пузатый опередил его.

– Нет! Что вы, камарадос! Вы сегодня у нас виновник – так сказать, герой момента. Я сам открою.

Пузатый ловко открутил пробку. Раздался глухой негромкий хлопок, и под всеобщее одобрение пенистая жидкость была разлита в бокалы.

– Алексис, тост! – вдохновенно произнесла интеллигентка.

Пузатый сосредоточился, приподнял бокал с шампанским и спросил:

– Можно сидя?

– Конечно, конечно, – согласились присутствующие.

– Камарадос, я думаю, что сегодня мы присутствуем, то есть я бы сказал, являемся свидетелями знаменательного события. События, так сказать, устремлённого в будущее.

– Вот именно, – вставил старичок.

– Вот именно, – повторил пузатый и, оглядев сидящих за столом, продолжил: – Сегодня мы присутствуем при образовании полноценной ячейки запра... – Он осёкся и через секунду исправился: – Ячейки юстицинов. Нас... – Он ещё раз с важным видом оглядел всех. – Нас шестеро, и у нас есть, так сказать, руководитель. Энергичный, молодой, я бы даже сказал весьма симпатичный мужчина, то есть мы выбрали себе предводителя. Запомните, камарадос, этот день! Когда-нибудь потомки оценят это событие, оценят его далеко идущие последствия. Не побоюсь сказать: последствия для всего человечества. Последствия, которые должны привести и могут привести к полному искоренению недостатков. Сейчас мы осушим эти бокалы за начало наших славных дел. За начало!

Присутствующие чокнулись и выпили. Мякин без удовольствия отхлебнул пузырящейся жидкости и повторил свой вопрос:

– Что значит «предводитель»?

В зале вновь грянула музыка. Ведущий настоятельно приглашал присутствующих потанцевать. В свободном пространстве зала появились первые танцующие пары. «Юсти-

цины» молчали. Первой на вопрос Мякина-предводителя ответила старушка:

– Предводитель – это человек, идущий впереди, указывающий путь остальным.

– Вот именно, – снова подтвердил старичок.

Старушка продолжила:

– Это человек, который знает, куда идти, и ведёт за собой других.

– Вы знаете, куда идти, – скорее утвердительно, чем вопросительно прошептала Мякину в ухо экстрасенша. – Не спорьте с ними.

Мякин замотал головой. Интеллигентка, заметив сомнение в реакции Мякина, заявила:

– Молодой человек, кому как не вам возглавить наше движение! Вы, мне кажется, самая подходящая кандидатура, и не смейте возражать! Потанцуйте со своей дамой, поразмышляйте и возвращайтесь как наш истинный лидер.

Мякин посмотрел на экстрасеншу – она тихо, так, чтобы расслышал только он, сказала:

– Пойдёмте, предводитель, вас ждёт «юстицина».

Медленный танец способствовал разговору танцующих друг с другом. Ведущий – видимо, затаившись от песенного марафона – присел рядом с аппаратурой и, мирно улыбаясь, наблюдал за движением пар.

– Вы теперь предводитель и можете руководить коллективом, – произнесла она. – Можете давать ценные указания, а

не бегать и устранять недостатки. Недостатки пусть устраняют «камарадос».

Он в знак согласия кивнул, но всё-таки спросил:

– Мне теперь нельзя делать замечания?

Она лукаво улыбнулась и ответила:

– Иногда можно, но нечасто. Иначе вас перестанут уважать.

– Вы думаете, что меня уважают? – снова спросил он.

– Достаточно, чтобы в этой игре назначить вас предводителем, – ответила она и, подумав, добавила: – По крайней мере, мне показалось, что если это и шутка, то в ней много правды.

– Много правды, – повторил он и хотел ещё что-то сказать, но медленный танец закончился. Мякин подумал: «Стоит ли возвращаться к столу?» и тут же услышал:

– Давайте танцевать.

– Давайте, – согласился он, и они застыли в ожидании следующей мелодии.

Ведущий включил медленное танго, и Мякин повёл свою партнёршу в свободное пространство. Краем глаза он заметил, с каким удовольствием наблюдают за ними некоторые сидящие в зале. Ведущий как замороженный не отрывал от них глаз, а они танцевали и танцевали, и она машинально прислонилась к его плечу, а он не удивился этому её движению и аккуратно разворачивал её в такт музыке.

Танго закончилось. Некоторые присутствующие захлопа-

ли в ладоши в знак благодарности за исполнение мякинского танго. Экстрасенша улыбнулась и сказала:

– Пойдёмте, мой предводитель, вернёмся в коллектив – нельзя отрываться от народа.

Когда танцующие заняли свои места, интеллигентка спросила:

– Надеюсь, вы согласны быть предводителем?

Мякин ответил:

– Я попробую, только не знаю, что мне делать?

– Ничего особенного, – включилась в разговор старушка. – Наставлять и направлять нас. Быть, как говорится, наставником, а ещё – защищать наши интересы от каких-нибудь посягательств.

– Вот именно, – поддакнул старичок.

Пузатый хмыкнул и заявил:

– Шампанское закончилось. Надо бы заказать ещё что-нибудь.

– Так закажите, Алексис, – предложила интеллигентка. – Для дам, пожалуйста, вина, а уж остальным – решайте сами.

Пузатый в поисках официантки повертел головой и, не найдя, поднялся из-за стола и направился к буфету. Посетители, разогретые различными спиртными напитками, танцами и песнями, шумели и гудели. Некоторые из них рвались к микрофону ведущего с неугасимым желанием исполнить любимую песню. Из этих желающих образовывались дуэты и трио. В зале раздавались нестройные голоса новоиспечён-

ных певцов, остальные присутствующие старались им подпевать. Банкетные посиделки с явными элементами некоторого апофеоза были в самом разгаре. Ведущий еле успевал находить и включать новые мелодии для ранее неведомых никому исполнителей.

Мякин изредка посматривал по сторонам, особенно старался следить за входом, но «одинокий» не появлялся.

– Вы улавливаете нашу главную идею? – произнёс старичок, обращаясь к Мякину.

Мякин сделал удивлённое лицо. Старичок, стараясь, чтобы его услышали, говорил погромче:

– Вижу по глазам, что не улавливаете.

– Не совсем, – признался Мякин.

Старичок огляделся, словно искал поддержку своим высказываниям, и, уставившись на Мякина, произнёс:

– Главная идея состоит в том, что вы теперь отвечаете за всё, что будет осуществлять наша организация, то есть будете за всё в ответе.

– Коллега, не пугайте нашего предводителя! – вступилась интеллигентка. – Решения будем принимать коллегиально – значит, и ответственность будет общей.

– Как это общей? – не согласился старичок. – Общая – значит ничья.

Мякин замотал головой и почувствовал, что перестал понимать суть происходящего. Он даже подумал, что старичок «шлёпнул» лишнего шампанского и несёт какую-то ерунду.

– Не слушайте его, – произнесла старушка. – Дед утомился сегодня. Да и пора нам. Режим не стоит нарушать.

– Вот именно, – добавил старичок.

Экстрасенша забеспокоилась:

– Вы нас покидаете?

– Да уж, пора. Время позднее. Это вам, молодёжи, всё ни-почём, – ответила старушка.

– Ну хоть минуточку подождите! Где-то наш Алексис запропастился? – произнесла интеллигентка.

– Алексис добывает вино, – ответила экстрасенша.

Неожиданно появился радостный пузатый.

– Вы не представляете, что там творится! К прилавку не пробиться! Страждущего народу тьма! Вот всё, что достал. – И он с гордостью поставил на стол две бутылки.

В зале стало чуть потише. Часть веселящихся – видимо, от усталости – попритихли, часть удалились отдыхать. Песенный марафон как-то сам собой завершился. Ведущий включил что-то спокойное, и танцующих осталось мало – две, три пары.

– Это безобразие! – уверенно произнесла старушка. – Такая работа буфета нервирует людей!

– Вот именно, – добавил старичок. – Надо жаловаться.

Пузатый кивнул головой и, наполняя бокалы вином, ответил:

– Предлагаю до формирования общего мнения о буфете вкусить этот прекрасный напиток за нашего дорогого пред-

водителя! За, так сказать, образец! За наш, так сказать, светоч!

Юстицины чокнулись и немного выпили.

– Я хочу сказать речь о буфете, – нетвёрдым голосом заявил старичок.

– Не стоит, – перебила его старушка. – Тем более что нам, действительно, пора. А вот молодые люди могут составить что-то вроде петиции по поводу безобразной работы буфета.

– Петицию? – спросила интеллигентка.

– Ну, может быть, заявление от нашего коллектива, – ответила старушка. – А завтра после обеда мы могли бы его обсудить.

– Обязательно обсудим. Завтра обсудим, – согласился пузатый.

Ведущий окончательно загрустил в своём музыкальном уголке и со скучающим видом вяло осматривал оставшихся в зале посетителей.

Экстрасенша встала из-за стола и неожиданно произнесла:

– Нам тоже пора. Да и заявление надо бы обдумать.

Пузатый с любопытством взглянул на неё и возразил:

– А нам, – он указал на интеллигентку, – можно ещё немного посидеть?

– Вам можно, – ответила экстрасенша. – А мы с предводителем пойдём.

– Оставляете нас без руководства! – иронично заметила

интеллигентка.

Мякин уже давно подумывал, как бы тихо исчезнуть из банкетного зала, и, поднимаясь с места, тихо сказал:

– Руководству тоже нужен отдых, тем более что завтра не менее важный день. Первый рабочий день предводителя.

Юстицины распрощались друг с другом. За столом остались пузатый и интеллигентка. Старушка, поддерживая старичка, засемила к выходу, а Мякин, подхватив экстрасеншу под руку, руководящей походкой двинулся следом. Одинокий в зале так и не появился. Мякин подумал, что всё может случиться у человека, мало ли какие неотложные дела бывают в жизни. Когда они с экстрасеншей оказались внизу, в холле перед номерами, Мякин произнёс фразу одинокого:

– Если не будет недостатков, то не будет и развития.

– Что вы сказали? – остановившись, спросила экстрасенша.

Мякин пояснил:

– Это не я сказал. Это сказал наш оппонент.

Экстрасенша удивлённо взглянула на Мякина и снова спросила:

– Какой оппонент? Разве здесь у нас, когда мы одни, есть ещё какой-то оппонент?

– Оппонент есть всегда, – ответил Мякин.

– Здесь ты и я, – тихо сказала экстрасенша и тем самым сильно удивила Мякина. Он не ожидал, что она так быстро перешла на «ты».

– Ты и я, – повторил Мякин и добавил: – Ты и я... И недостатки.

– Пойдём, – предложила экстрасенша и увлекла Мякина дальше по коридору.

У неё в номере было не так, как у Мякина. Какие-то незнакомые, но приятные запахи окружили его со всех сторон. Ласковые и вкрадчивые слова экстрасенши совсем запутали Мякина, и, незаметно для себя, он оказался во власти красивой и энергичной женщины, а потом ему приснился сон.

Будто бы очутился Мякин у себя дома один, а вокруг повсюду разные вещи разбросаны, словно кто-то то ли искал что-то, то ли собирался срочно уехать. Стоит Мякин посреди этого беспорядка и сосредоточенно размышляет: кому на это всё пожаловаться? Кому петицию написать? Стоит, думает и чувствует, что сзади кто-то с шумом дышит ему в затылок, и догадывается Мякин, что Орбодин пришёл к нему порядок наводить, и боится он Орбодина – не нравится ему Орбодин. И думает Мякин: «Откуда он взялся, этот Орбодин? И как ко мне он в дом попал? И где все остальные?»

– Ты уходишь? – спросила она.

– Да, – ответил он.

– Но ещё очень рано, – сказала она.

– Мне надо к себе, – сказал он.

– Ты во сне что-то говорил и даже кричал, – продолжила она.

– Может быть, – ответил он.

Вернувшись к себе в номер, Мякин прежде всего взял с постели чёрную книжку, положил её в ящик стола и решил завтра же утром вернуть её в библиотеку. Совершив эти действия с книжкой, он рухнул в постель и сразу же заснул. Спал долго. Проснулся только тогда, когда за окном утреннее солнце осветило макушки деревьев.

Мякин нехотя вспомнил прошлый вечер, и стало ему совсем как-то нехорошо. Он встал, подошёл к окну. Зима всё-таки брала своё. Лёгкий ночной снежок мелкими искорками завесил сосновый лес. Прозрачный воздух манил и звал на утреннюю прогулку. Судя по времени на часах, Мякин окончательно проспал завтрак и все свои первые процедуры.

– Ну и чёрт с ними! – сказал Мякин самому себе, быстро привёл себя в порядок и уже через пятнадцать минут бодро вышагивал по припорошенным снегом дорожкам парка.

Первые гуляющие, которых в этот час было ещё мало, с любопытством поглядывали на торопливую ходьбу Мякина. А он улыбался этим редким встречным и радушно здоровался с ними, словно все они были его хорошими, давними знакомыми. Он шёл, щурился на яркое солнце, большое синее небо, и с каждым новым кругом вокруг большого здания санатория настроение его улучшалось. Прошлый вечер и ночь как бы уходили всё дальше и дальше от него. Он наконец-то стал понимать, что не нужен ему этот новый Мякин – зануда, и в то же время какой-то чересчур смелый человек. И думал он об экстрасенше уже не с утренним испугом («Ай, что я

натворил?»), а более спокойно и, ему даже казалось, более разумно, и что не стоит рвать себе нервы, и что он точно не будет предводителем, и что теперь ему нечего бояться.

– Здравствуйте, – услышал он сбоку. – Тоже моционите?

Мякин резко остановился, взглянул в сторону говорившего и узнал в этом человеке, одетом по-зимнему, да ещё в ушанке с опущенными ушками, одинокого – его вчерашнего оппонента.

– Здравствуйте, – снова повторил одинокий. – Не узнаете?

– Добрый день, – ответил Мякин. – Узнаю.

– Пойдёмте, пойдёмте. Если не возражаете, – предложил одинокий. – Будем гулять дуэтом.

Мякин не возражал, и они двинулись дальше по дорожке. Через несколько шагов Мякин спросил:

– Почему же вы вчера не пришли?

Одинокий ответил:

– Да, не пришёл. Извините, что-то меня остановило. Подумал, что, может быть, мои возражения будут вам неприятны. Всё-таки банкетный зал, по-моему, не располагает к серьёзным спорам. Там, я думаю, беседа должна быть лёгкой и не утомительной.

– Я вас ждал, – сказал Мякин.

– Ну уж простите великодушно! – продолжил извиняться одинокий. – Видно, правду говорят, что не надо думать за других, надо думать за себя.

– Это как же вас понимать? – спросил Мякин. – Эгоистом,

что ли, быть, то есть думать только о себе?

Одинокий закашлялся – наверное, морозный воздух перехватил дыхание.

– Давайте пойдём чуть помедленнее. Мне так быстро нельзя.

Мякин сбавил ход и молча ждал ответа.

– Да, пожалуй, следует думать только о себе. Но я бы эту мысль немного уточнил, а может быть, и запутал. Это как посмотреть на это дело, то есть явление – эгоизм.

– Ну и как же смотреть на это? Нас учили, что эгоистом быть нехорошо. – Мякин ещё более сбавил темп, и они медленно двинулись в сторону берега залива.

– Думать о себе всегда полезно, и знаете, когда безрассудно начинают думать о других, другим от этого становится только хуже.

– Совсем не понимаю вашей логики, – бодро ответил Мякин. – Можете объяснить попроще?

– Можно и попроще, – ответил одинокий и спросил: – Вы летали самолётом?

– Да, – непонимающе ответил Мякин.

Одинокий продолжил:

– Так, наверное, слышали объявление, точнее – инструкции стюардессы перед полётом.

– Да, слышал, – машинально ответил Мякин.

– Так если слышали, то должны помнить, в каком порядке следует надеть кислородные маски, если с вами рядом ребё-

нок.

– Сначала на себя, то есть на взрослого, – вспомнил Мякин.

– Вот то-то и оно, – подтвердил одинокий, – иначе, без эгоизма, начнёте действовать неправильно – и ребёнка заубите, и себя.

– Этот пример некорректен. Это экстремальный случай, – возразил Мякин.

– Экстремальный, – согласился одинокий. – Посмотрите-ка, какая красота! – продолжил он, когда они вышли на берег.

Впереди, в конце песчаной отмели, припорошенные снегом, застыли ледяные торосы. За ними до самого горизонта простиралось ледяное поле и там, далеко у горизонта, сливалось с небом.

– Красота! – выдохнув, повторил одинокий.

– Да, – согласился Мякин.

Когда-то по молодости ему кто-то говорил, что если перед вами виден чистый горизонт, то, мысленно приложив линейку к линии, разделяющей небо и землю, можно заметить, что Земля круглая, а не плоская, как думали древние.

Мякин прищурился, мысленно приложил линейку к горизонту и уже в который раз убедился, что она не плоская: горизонт представлял собой явно не прямую линию. Ледяное, искрящееся безмолвие завораживало, и хотелось улететь туда вдаль и посмотреть, что там, за кромкой льдов.

– Что там, за кромкой льдов? – вслух повторил Мякин.

– Что вы сказали? – видимо, не расслышав Мякина, спросил одинокий.

Мякин втянул носом свежий, морозный воздух и повторил:

– Что там, за кромкой льда?

– Там... Там, наверное, другой лёд, – ответил одинокий.

– Другой лёд, и только? – спросил Мякин.

Одинокий прищурился, будто бы пытался увидеть что-то почти у самого горизонта, и ответил:

– Там всего полно.

– Полно эгоистов? – улыбнулся Мякин.

– Да, полно эгоистов, – согласился одинокий.

Они несколько минут стояли молча, и каждый думал о чём-то своём.

Обеденный зал столовой был полон. Мякин появился здесь, когда обед был в самом разгаре. Экстрасенша и молодая пара молча завершали трапезу.

– Добрый день, – поздоровался Мякин и занял своё место.

– Добрый, добрый, – ответили соседи.

– Вас не было за завтраком? – спросила экстрасенша.

Сегодня она выглядела особенно строго и, пожалуй, можно было сказать, чересчур задумчиво.

– Элементарно проспал, – по-деловому ответил Мякин.

Экстрасенша, неожиданно равнодушно для Мякина, прокомментировала его ответ:

– Наверное, была тревожная ночь.

– Можно сказать и так, – согласился Мякин.

Экстрасенша, попивая сок, продолжила:

– И кто же вас в сем заведении мог так потревожить?

– Вот, представьте себе, нашёлся «тревожник», – ответил

Мякин.

– Может быть, «тревожница»? – без малейшего смущения и намёка на шуточный тон спросила экстрасенша.

Мякин задумался. Официантка принесла первое.

– А вы знаете, нам допоздна мешали, – включилась в разговор девушка. – Наверху до двенадцати играла музыка. Мы уж хотели идти жаловаться.

– Субботнее веселье, – произнёс Мякин. – Ведь вчера была суббота.

– Традиции у нас такие – по субботам праздники устраивать, – поддержала его экстрасенша.

«Да, – подумал Мякин. – И по ночам тоже».

Экстрасенша допила сок, встала из-за стола.

– Пойду к единомышленникам. Думаю, что и предводитель скоро объявится.

Соседка вопросительно взглянула на экстрасеншу и сказала:

– Нам тоже надо бежать. К нам родители должны приехать.

Мякину принесли второе блюдо. Минут через десять он полностью справился с обедом. Встал, огляделся. Там, на

той стороне зала, возле кофейного автомата стоял его знакомый и смотрел прямо на Мякина. Мякин уверенно зашагал в его сторону.

– Я ваш должник и не знаю, как рассчитаться с вами. Сегодня воскресенье, я узнавал: банкетный зал занят каким-то мероприятием. Если хотите, можно продолжить наше общение в баре.

– «Должник» – это громко сказано. Пустяки, – ответил одинокий. – А в баре можно и так пообщаться, без обязательств. Только имейте в виду: я свою тему эгоцентрическую уже обозначил.

– Можем найти и другую, – возразил Мякин.

– Конечно можем, – согласился одинокий. – Но, припоминается, у вас здесь есть единомышленники и вы вроде бы обещали...

– Конечно, конечно, – перебил его Мякин. – Я думаю, что они сейчас собрались в холле. Там их, может быть, и найдём.

В холле, кроме заговорщиков, никого не было.

– Уважаемые коллеги, разрешите представить вам оппонента! – Мякин подвёл одинокого к группе юстицинов.

– Здравствуйте, здравствуйте, – за всех поздоровался пузатый. Остальные недоверчиво разглядывали незнакомого мужчину.

Одинокий вежливо поздоровался и первым нарушил неловкое молчание присутствующих.

– Уважаемые дамы и господа! – Он внимательно оглядел

сидящих в креслах. – Извините, я не так выразился, – и продолжил: – Уважаемые единомышленники этого господина! – Одинокий указал на Мякина. – Мы с вашим уважаемым коллегой имели серьёзный разговор на весьма злободневную тему.

Экстрасенша улыбнулась и уточнила:

– У нас здесь все разговоры серьёзные и злободневные.

Остальные солидарно кивнули головами. Мякин почувствовал, что разговорщики не расположены к общению с незнакомцем.

– Извините за неловкое вторжение, но я подумал, что новая мысль, новая идея будет нам небезразлична.

– Нам новых идей не надобно, – пробубнила старушка. – У нас своих идей полным-полно.

– Вот именно, – поддержал её старичок.

Вновь наступила томительная пауза. Мякин занервничал и, конечно, сразу же пожалел о том, что привёл сюда одинокого. Тот сочувственно посмотрел на Мякина, вздохнул и сказал:

– Прошу прощения. Неловко как-то получилось. Не смею более вам мешать. Желаю удачи.

Одинокий как-то неуклюже развернулся и ушёл в сторону коридора. Мякину очень захотелось броситься вслед за ним, но тут раздался довольно строгий голос интеллигентки:

– Молодой человек, предводитель, мы вас ждём!

– Вот именно. Ждём-с, – подтвердил старичок.

Мякин остался стоять среди заговорщиков и вспомнил, как однажды стоял точно так же среди мальчишек. Они дразнили его на разные лады, используя его основное прозвище – Мякиш. А он стойко переносил обидные слова и даже иногда улыбался, тем самым ещё больше раздражая пацанов.

– Мы ждём заявление, как вчера договорились, – уже несколько примирительно произнёс пузатый. – Вы – предводитель, и мы внимательно слушаем вас.

Мякин вспомнил слова одинокого и ответил:

– А знаете, если не будет недостатков, то не будет и развития.

– Камарадос, я что-то не понимаю вас, – произнёс пузатый. – Это что? Вступление к нашей общей жалобе?

– Нет, не совсем, – ответил Мякин, – то есть совсем нет.

Старушка нетерпеливо задвигалась в кресле – видимо, пытаясь найти среди сидящих таких же нервных – и громко заявила:

– Предлагаю начать так. – И она произнесла длинную фразу: «Уважаемый директор, мы заявляем решительный протест и в противном случае примем исчерпывающие меры».

– Вот именно. Противный случай, – встрепенулся старичок. – Не удовлетворить отдыхающих оперативно – это никуда не годится!

– Мне не запомнить такой длинный текст, – уныло ответил Мякин, уже понимая, что от заговорщиков так просто ему не отвертеться.

– А вы записывайте, – строго произнесла старушка и язвительно добавила: – Надеюсь, наш предводитель писать-то умеет.

Мякин совсем скис. Он растерянно пытался сделать строгое, деловое лицо, перебирал варианты поведения, но под руку ничего путного не подворачивалось. Наоборот, всё время вспоминался Герасим Ильич со своей излюбленной фразой: «Мне что, опять надо учить вас, как надо работать?»

Мякин невнятно пробубнил, что писать он умеет, но у него нечем писать, то есть нет ни бумаги, ни ручки, ни хотя бы карандаша. На что пузатый деловито хмыкнул и произнёс:

– Ну, это не проблема! – И достал из кармана небольшой блокнот и ручку.

– Вот и вся проблема решена! – заявила старушка. – Я могу продолжить?

– Непременно, непременно, – подтвердил старичок. – Я бы усилил обращение следующими словами: «В противном случае оставляем за собой право».

– Да, можно и так, – согласилась интеллигентка и обратилась к унылому Мякину: – Предводитель, вы готовы?

Мякин покорно кивнул.

– Стойте, стойте! – громко вмешалась экстрасенша. – Негоже предводителю бумаги составлять – это дело помощников или секретарей.

Возникло неожиданное молчание – то ли никому не хоте-

лось быть помощником или секретарём, то ли это предложение не поддавалось никакой критике.

– Если хотите, то я могу быть секретарём. Если, конечно, ни у кого нет возражений, – продолжила экстрасенша.

Возражений у юстицинов не нашлось. Экстрасенша взяла у растерянного Мякина блокнот и ручку и, словно всю жизнь трудилась секретаршей, произнесла:

– Диктуйте, записываю.

Мякин, неожиданно освободившийся от обязанностей составлять деловую бумагу, тихо вздохнул про себя. Уныние его испарилось, он даже почувствовал некую благодарность к экстрасенше и вроде бы перестал смущаться и теряться в сложившийся обстановке.

– Начнём так, – сказал он и произнёс всего лишь одно слово: «Заявление».

Экстрасенша вопросительно оглядела присутствующих и быстро вписала это слово в блокнот. Мякин продолжил:

– Мы, нижеподписавшиеся... – Он на несколько секунд задумался и добавил: – Обращаем ваше внимание на неудовлетворительную работу буфета в банкетном зале.

Экстрасенша быстро записала продиктованную фразу и остановилась в ожидании продолжения.

– Как-то сухо, – произнёс пузатый. – Вам не кажется, ка-марадос, что сухой текст не возымеет действия на руководителя.

– Да, как-то невыразительно, – согласилась старушка. – И

потом. Кто это – «мы, нижеподписавшиеся»?

Интеллигентка переглянулась с пузатым и ответила:

– Мы – это мы все, кто называется юстицинами.

– Да, камарадос. Мы – это мы, – поддержал её пузатый.

Старушка изобразила на лице недовольство, пожалала плечами и продолжила:

– Не знаю, не знаю. У нас есть предводитель – он может выступить от лица всех нас.

Интеллигентка, почувствовав недовольство старушки, обратилась к пузатому:

– Алексис, я думаю, следует пойти на компромисс.

Пузатый развернулся в сторону Мякина и заявил:

– Камарадос, мы можем изменить текст на что-нибудь эдакое? – И он, растягивая слова, произнёс: – Уважаемый... – Пузатый запнулся и скороговоркой сказал: – Пишем серьёзный документ, а кому пишем, не знаем.

Экстрасенша, усмехнувшись, заметила:

– Мы с предводителем вставим фамилию, имя и отчество главврача. Продолжайте.

– Прекрасно! – ответил пузатый и продолжил: – Уважаемый главный врач! Довожу до вашего сведения, что буфет в банкетном зале работает крайне неудовлетворительно.

– Вот именно, – вставил старичок.

– Позвольте вам заметить, что «вот именно» здесь ни к месту, точнее, ни к селу ни к городу, – спокойно возразила экстрасенша.

Старичок взглянул на старушку и, не найдя у неё поддержки, ответил:

– Это я просто так сказал, от размышлений.

– Вот именно, – произнёс Мякин и заявил: – Если вы хотите, чтобы заявление, точнее – жалобу я написал от своего имени, я так и сделаю, но тогда уж не мешайте мне составить свой вариант текста.

– Вполне резонно, – согласился пузатый.

– Как это резонно? – возмутилась старушка. – Это что же получается? Всё без нашего участия?

– Мадам! – пузатый удивлённо взглянул на старушку. – На вас не угодишь! Скажите конкретно: что вы хотите?

Старушка недовольно подёрнула плечами.

– Ничего мы не хотим. Нам пора отдохнуть. Пойдём, дорогой. – И она, подхватив старичка, удалилась по коридору.

– Это бунт! – произнёс пузатый вслед удаляющейся паре.

– Нет, Алексис. Это всего лишь плохое настроение, – возразила интеллигентка. – В сущности, в каждой игре есть недовольные.

Оставшиеся камарадос затихли – говорить было не о чем.

– Тогда мы тоже пойдём, – закрывая блокнот, сказала экстрасенша.

– Да и нам пора, – согласился пузатый. – Игра игрой, а после обеда следует тихий час.

– Тихий час, – повторил Мякин и вспомнил, как на летнем отдыхе его заставляли спать после обеда, а он не любил это

делать, но под давлением родителей приходилось целый час лежать в постели.

Несколько отдыхающих, одетых для зимней прогулки, прошли мимо них.

– Может быть, прогуляемся? – предложила экстрасенша Мякину, когда пузатый и интеллигентка покинули холл.

Мякин задумался. В сущности, спать ему не хотелось, практически послеобеденных дел в выходной у него не было. Чёрную книжку можно сдать в библиотеку и завтра, и он ответил:

– Пожалуй, да.

– Тогда пошли, – весело продолжила экстрасенша и, подхватив Мякина под руку, повела по коридору.

Остановившись у дверей своего номера, она произнесла:

– Минут через двадцать зайдите за мной.

Мякин ответил:

– Хорошо.

Мякинский номер встретил его уже какой-то привычной скукой. Такие состояния наступают у постояльцев, некоторое время проживающих в гостиницах или ещё где-то не у себя дома. Все предметы становятся чужими, даже если обстановка в комнате вполне приличная. Мякин поймал себя на мысли, что ему стало скучно. Скучно без своих шалопаев и тихой супруги, скучно без конторских с неприятным Казлюком, скучно без вечно недовольного Герасима Ильича. Мякин подошёл к окну – погода располагала к прогулке.

Невысокое солнце ярко освещало зимний пейзаж. Стоять у окна и наблюдать припорошенные снегом сосны и ели было приятно, и было приятно думать, что сегодня не надо бегать по этажам, по процедурным кабинетам и что сейчас он, Мякин – почти новый человек: не такой тихий и скромный, каким был в конторе, а настоящий, энергичный мужчина – пойдёт на прогулку с красивой женщиной.

Мякин взглянул на часы. Уже прошло десять минут – пора было одеваться. Неожиданно зазвонил телефон. Мякин подумал: «Странно: кому это я понадобился в воскресенье? Наверное, ошиблись номером». Он не сразу взял трубку, подождав, пока упорные звонки не продолжились некоторое время.

– Алё, – тихо ответил Мякин.

– Ну наконец-то! – раздался в трубке знакомый, недовольный голос Герасима Ильича. – Мякин, где вы ходите? Я названиваю вам с самого утра, – продолжил Герасим Ильич.

Судя по обращению на «вы», Герасим Ильич был крайне чем-то недоволен.

– Я гулял, обедал... – ответил Мякин.

– Ты вот что, Мякин, – уже без раздражения произнёс Герасим Ильич. – Сколько ты уже отдыхаешь?

Мякин не ожидал такого вопроса и мысленно сосчитал дни своего пребывания в санатории.

– Седьмой день идёт, – ответил Мякин.

– Седьмой, – согласился Герасим Ильич, и в трубке по-

висла пауза.

Мякин не любил телефонных пауз. Обычно в таких случаях он спрашивал собеседника: «Алё, вы где?», но с Герасимом Ильичом так поступить он не мог и произнёс:

– Герасим Ильич, что случилось?

– Случилось? – переспросил Герасим Ильич.

Мякин молчал – ему показалось, что повторять вопрос не тактично. Герасим Ильич некоторое время раздумывал, как продолжить этот воскресный разговор, а затем Мякин услышал следующее:

– Ты вот что, Мякин. Завтра с утра жду тебя на работе.

Мякин молчал. Он понял, что ему предстоит очередная суматоха, какая обычно бывает в конторе перед Новым годом.

– Ты понял, Мякин? – услышал он снова в трубке.

– Понял, – без энтузиазма ответил Мякин и добавил: –

Прямо с утра?

Герасим Ильич в ответ озвучил что-то вроде: «М-да» и спросил:

– Во сколько у вас там завтрак?

– В девять, – покорно ответил Мякин.

Герасим Ильич произнёс:

– Я пришлю за тобой машину к десяти, и сразу в контору.

Всё. До завтра.

В трубке послышались гудки. Мякин даже не успел попрощаться.

«Вот и пришёл конец новому Мякину», – подумал он и положил трубку на место.

Мякин взглянул на часы – прошло пятнадцать минут.

– Вот уже и суета началась, – сказал он сам себе и лихорадочно начал одеваться для прогулки.

Перед выходом он вспомнил о чёрной книжке, достал её, некоторое время размышлял, как с ней поступить, и решил взять с собой. С незначительным, всего пару минут, опозданием Мякин стоял у двери экстрасенши и осторожно постучал. За дверью наблюдалась полная тишина. Мякин было уже подумал, не ушла ли экстрасенша гулять без него, но через несколько секунд дверь распахнулась. Экстрасенша, улыбаясь, произнесла:

– Я готова. – И, оглядев Мякина, спросила: – Мы будем читать?

Мякин замялся и не сразу ответил:

– Нет. Это мне надо сдать в библиотеку.

– Тогда вперёд, – произнесла экстрасенша, захлопнула дверь, и они энергично двинулись по коридору к выходу.

Дверь библиотеки была закрыта. Мякин дважды дёрнул ручку и остался стоять в некотором недоумении.

– Закрыто, – произнёс он.

– Вернёте завтра, – предложила экстрасенша.

– Завтра утром я уезжаю, – ответил Мякин.

– Как? – удивилась экстрасенша. – Так быстро?

– Начальство требует вернуться к работе, – пояснил Мя-

кин.

– А-а... тогда понятно. – Экстрасенша сочувственно добавила:

– Если начальство требует, надобно удовлетворить. – Она указала Мякину на табличку около двери и сказала: – Сегодня библиотека выходная.

– Да, не работает, – согласился Мякин и переложил книгу из одной руки в другую. – Я тогда отнесу...

– Отдайте её мне, – предложила экстрасенша. – Я завтра её верну, а сейчас мы оставим её у дежурного на выходе.

Мякин подумал и согласился.

– Это выход. Тогда пойдёмте.

Они спустились вниз – вестибюль пустовал. Скучающий охранник равнодушно взирал на пейзаж за окном и повернулся к ним только тогда, когда они подошли к самым дверям.

– Мы можем оставить это? – Экстрасенша протянула охраннику чёрную книгу. – На обратном пути мы её заберём.

– Да, конечно, – по-деловому улыбнувшись, ответил охранник.

Мякин и экстрасенша спустились вниз по ступенькам крыльца. Чуть морозный воздух приятно бодрил. Яркий свет слепил глаза, и пришлось некоторое время щуриться и не смотреть на чистое синее небо.

– Пойдёмте на берег, – предложила экстрасенша. – Там сегодня очень красиво.

Она взяла Мякина под руку, и они не спеша двинулись по центральной дорожке к заливу. Солнце после обеда переместилось ближе к горизонту, и смотреть на уходящее вдаль ледяное поле было сложнее, чем утром. Яркий снег искрился, и миллионы солнечных зайчиков устремились в глаза.

– Спустимся вниз, – сказала экстрасенша.

Мякин спросил:

– Прямо на лёд за торосами?

– Да, – ответила экстрасенша. – Будем как полярники, идущие к Северному полюсу.

– А мы не будем бояться, что нашу льдину унесёт в открытое море? – пошутил Мякин.

– А хоть бы и унесло! – ответила экстрасенша. – Кто не рискует, тот не бывает счастлив.

– А как же быть с недостатками? – спросил Мякин.

– Всё потом, – ответила экстрасенша и увлекла его вниз на отмель, припорошенную снегом.

По протоптанной дорожке они вышли к торосам, осторожно перебрались через нагромождения ледяных глыб, спустились к ровному льду и долго шли вперёд, в сторону солнца и горизонта. Уже когда где-то вдали слева остались чёрные точки редких рыбаков, она остановилась и, взглянув на Мякина, произнесла:

– Ну что ж, теперь можно исправлять недостатки.

Мякин огляделся вокруг. Берег, где они спустились на лёд, был так далёк, что выглядел отсюда довольно тонкой по-

лоской тёмного леса. Вокруг стояла щемящая тишина, и, казалось, только тихий шорох снежинок под лучами вечернего солнца оживляет эту картину одиночества и покоя.

– Здесь нет недостатков, – сказал Мякин.

Стараясь не нарушать это безмолвие, она тихо ответила:

– Да, здесь нет недостатков, кроме тебя и меня.

– Да, – согласился он. – Но нас уже трудно исправить.

– Трудно исправить, – повторила она.

Они замолчали, пытаясь в этом пространстве уловить хотя бы какой-нибудь звук. Глухой треск прошёл по ледяному полю. Она вздрогнула:

– Сейчас нас унесёт в открытое море.

Он промолчал. Взглянул ей прямо в глаза и тихо спросил:

– Ты боишься?

– Нет, – ответила она. – С тобой не боюсь.

Он обнял её, поцеловал в губы и произнёс:

– Нам пора возвращаться. Солнце садится.

– Солнце садится, – согласилась она и спросила: – Там тебя ждут?

– А тебя? – спросил он.

– Меня – нет, – ответила она.

Солнце зацепилось за краешек ледяного горизонта. Они смотрели на закат и не решались нарушить эту величественную картину, казалось, медленного, но на самом деле стремительного удаления от этой звезды.

– Идём, – сказала она, когда погас последний луч.

Они подошли к торосам, когда стало совсем темно. Зажглись звёзды. В небе засияла молодая луна. Осторожно, помогая друг другу, они перебрались на берег, и только тогда, когда оказались на парковой дорожке, ведущей к зданию санатория, она спросила:

– Ты будешь помнить меня?

– Да, – ответил он.

– Как свой недостаток? – снова спросила она.

Он не знал, как ответить, и несколько минут шёл молча.

– Буду помнить так, как ты будешь помнить меня.

– Это хорошо, – сказала она. – В сущности, память – неплохая штука, когда она помнит что-то хорошее.

– Мы долго будем помнить хорошее, – согласился он.

Зимняя дорожка, освещённая фонарями, привела их ко входу. Они поднялись на крыльцо и тихо прошли мимо охранника.

– Погодите, погодите! – услышали они сзади. – Вы забыли... – Охранник вышел из своей загородки и протянул им чёрную книгу.

– Ах, да. Спасибо, – сказала экстрасенша. – Совсем загулялись.

– Это бывает, – ответил охранник. – Свежий воздух. Природа всех расслабляет.

– Да, конечно расслабляет. – Экстрасенша весело подхватила книгу. – А теперь после ужина углубимся в чтение.

– Приятного аппетита и чтения! – произнёс охранник.

– Спасибо, – одновременно ответили они и прошли к лифту, чтобы подняться к своим номерам.

– Надеюсь, на ужине мы встретимся? – спросила экстрасенша, когда они остановились у дверей её номера.

Мякин коротко ответил:

– Да.

Когда он вошёл в номер, первой его мыслью было: «Когда собрать чемодан? Оставить это мероприятие на утро или уложиться сегодня вечером?»

«Уложусь вечером», – решил Мякин и взглянул на часы. До ужина оставалось ровно полчаса.

«Надо бы позвонить домой. Обрадовать своих», – подумал он, но, немного поразмышляв на эту тему, решил, что не стоит их тревожить. Завтра после работы он заявится сюрпризом.

Мякин быстро переоделся для ужина и на минуточку прилёг передохнуть после ледяного похода. Он вспоминал всё, что произошло сегодня на прогулке, и ему стало очень жаль экстрасеншу. Даже гораздо больше, чем самого себя, когда его однажды незаслуженно отчитал Герасим Ильич.

Герасим Ильич по ошибке посчитал, что эту важную бумагу ему на подпись подсунул Мякин. Тот минут десять затаясь слушал, какой он плохой работник, что его следует немедленно уволить и больше никогда никуда не принимать на работу. А когда Герасим Ильич немного выдохся на почве обвинений Мякина в разгильдяйстве, а Мякин тихо про-

бурчал, что бумагу готовил не он, Герасим Ильич опешил от неожиданности. Он даже встал из-за стола, взял в руки пресловутый документ, ещё раз его внимательно просмотрел и изрёк:

– Так кто же это сделал?

Мякин, хотя и догадывался, чьих рук это дело, свои подозрения не высказал, а только, скромно пожав плечами, ответил:

– Не знаю.

Незаметно для себя Мякин задремал, и приснился ему весёлый сон. Он спал и улыбался во сне, потому что все вокруг хвалили Мякина, восхищались его умом и всем-всем, что было у него хорошего. В самом конце ему даже стало как-то стыдно и неудобно, что его так превозносят. А более всего его развеселило то сновиденческое обстоятельство, что Казлюк, стоя на трибуне, не переставая перечислял все мякинские заслуги перед конторскими.

Мякин открыл глаза. Ночная тишина окутала санаторий. Мякин взглянул на часы и не поверил своим глазам: стрелки указывали на три часа ночи.

«Проспал! – с ужасом подумал он. – Как неудобно получилось! Она меня ждала, а я проспал. Сплошное свинство с моей стороны!»

Он встал, тихонько подошёл к двери и выглянул в коридор. Ночное освещение слабо подсвечивало длинное пространство, уходившее вглубь здания.

«А ведь никто не разбудил, – подумал Мякин. – Наверное, распалась компания. А она? Почему она не постучала?»

Мякин осторожно прикрыл дверь, вернулся в номер и задумался: стоит ли ложиться? Чемодан не собран, а вдруг он снова проспит?

Он несколько раз прошёлся вдоль окна, решительно включил большой свет и вытащил из шкафа чемодан на колёсиках. Мякин решил собрать вещи. Вся процедура заняла у него не более пятнадцати минут.

«И всё-таки интересно: неужели она не поинтересовалась, почему меня нет? – подумал Мякин. – Может быть, подумала, что мне не хочется с ней встречаться?»

И тут Мякина пронзила весьма крамольная мысль: «А может, она не спит – страдает, что я не явился на ужин? Может быть, мне стоит это проверить?»

– Ну ты, Мякин, совсем сбрендил, – ответил он сам себе. – Как ты это проверишь? А вот так, – продолжил он. – Выйду наружу и посмотрю, горит ли свет в её номере. Не чуди, Мякин, остынь, – уговаривал он себя. – Утром за завтраком всё и выяснишь.

Мякин как-то судорожно набросил шубу, схватил шапку и осторожно, стараясь не шуметь, вышел из номера. У её дверей он на несколько секунд остановился, прислушался, а затем почти что на цыпочках добрался до вестибюля. Приглушённый на ночь свет едва освещал выход. Мякин подошёл к дверям, дёрнул за ручку – дверь не поддавалась.

– Вы хотите выйти? – раздалось сзади него.

– Я? – переспросил Мякин и, не зная, что ответить, застыл у дверей.

– Что-то забыли, потеряли? – переспросил охранник.

Мякин обернулся и, пожав плечами, странно ответил:

– Да нет. Я просто... Просто хотел погулять.

– Бессонница, значит, – подходя поближе, констатировал охранник. – У дежурной сестры на этаже попросите микстуру. Мне помогает.

– Да, конечно, микстуру, – промямлил Мякин и добавил: – Ну, я пойду.

– Спокойной ночи, – произнёс охранник.

Мякин вернулся в номер, разделся и лёг в постель. Состояние неудовлетворённости преследовало его. Остаток ночи он провёл без сна.

Она тихо сидела за столом и, кажется, совсем не собиралась завтракать. По крайней мере, ещё издавек он разглядел, что утренние блюда стояли рядом с ней почти нетронутыми. Молодая пара активно поглощала съестное, и было похоже, что она снова куда-то торопилась. Мякин довольно бодро поздоровался и, пожелав всем приятного аппетита, сел за стол.

Она, как будто обрадованно, но в то же время чуточку грустно взглянув на него, спросила:

– Вас вчера не было?

– Да, – ответил Мякин. – Срочные дела.

«Вот, опять соврал, – подумал он. – Зачем?» – и в ожидании первого блюда произнёс:

– Молодёжь, как обычно, к чему-то стремится?

Молодёжь не сразу ответила. Юноша, расправившись с варёным яйцом, ответил:

– Экскурсия у нас на остров. Будем старину смотреть.

Принесли кашу. Мякин помешал тёплую суспензию, попробовал блюдо и сказал:

– Смотреть старину – это хорошо. Хорошо, когда традиции сохраняются.

Эту тему никто не поддержал. Молодая пара быстро закончила завтрак, скороговоркой попрощалась и исчезла из столового зала. Мякин и экстрасенша некоторое время сидели молча. Он вяло поглощал кашу и тихо соображал, как бы начать разговор.

– Прости, я тебя обманул. Я просто примитивно проспал. Прости.

– Да, – ответила она. – Я подумала, что ты срочно уехал и не попрощался.

– Я не уехал, – подтвердил он.

Мякину принесли вторую тарелку.

– А что теперь? – спросила она.

– Теперь меня заберёт машина в десять часов, – ответил он.

После некоторой паузы она сказала:

– Я прочла твою книгу.

– Да! – удивился он. – Читала ночью?

Она кивнула, а он вспомнил свой ночной поход, и ему стало как-то неловко.

– Грустная книга, – сказала она. – И немного скучная. Орбодин просто больной, сумасшедший человек.

– Да, – согласился он и спросил: – А что же главное в книге? Какова идея?

– Ты что же, не прочёл её? – удивлённо спросила она.

– Так... Выборочно, – ответил он. – У меня не сложились отношения с Орбодиним.

– Интересно, – произнесла она. – Не сложились? Что это значит?

Мякин взглянул на часы. До отъезда оставалось двадцать минут. Она заметила это и спросила:

– Ты уже собрался?

– Да, – ответил он и добавил: – Меня этот Орбодин достал – сниться стал по ночам.

– Ты очень впечатлительный человек. Так нельзя. – Она на минутку замолчала, что-то обдумывая про себя. – Я так и не обучила тебя технологиям. Орбодин тоже был не обучен – вот и оказался в психушке.

– Да? – удивился Мякин. – Как же это у него получилось?

– Долгая история, – ответила она. – Это у него произошло на почве борьбы за порядок.

Она допила чай и спросила:

– Я могу тебя проводить?

– Да, – ответил он.

– Ах! Вы ещё здесь? А нам доложили, что вы, наверное, срочно уехали. – Радостный пузатый подошёл к ним и даже позволил себе по-дружески похлопать Мякина по спине.

Мякин ответил:

– Уезжаю через... – Он ещё раз взглянул на часы. – Через пятнадцать минут.

– Ах! Вот оно как, – озаботился пузатый. – Это никуда не годится. Предводитель отбывает, а мы, «камарадос», ничего не знаем. Это нехорошо.

Мякин ответил:

– Извините, начальство срочно затребовало на службу.

Пузатый суетливо осмотрел зал.

– Где же все наши? Я вот что предлагаю: мы вас проводим там, внизу. Вы не возражаете? Всё-таки единомышленники. Я понимаю, что игра, но всё же...

Пузатый обратился к экстрасенше:

– Вы, я полагаю, тоже не откажетесь проводить предводителя? Я сейчас скоренько оповещу остальных.

Мякин ничего не успел сказать, как пузатый быстренько удалился.

– Ну вот, теперь вас будут провожать все юстицины, – улыбаясь сказала экстрасенша.

Когда Мякин спустился вниз с чемоданом, машина уже стояла у крыльца. Водитель застыл почти что по стойке смирно возле охранника. Он подхватил мякинский чемодан

и энергично понёс его в машину. Юстицины, притихшие от торжественности момента, стояли на крыльце в полном составе. Пузатый, завидев Мякина, улыбнулся, открыл перед ним двери и, наверное, хотел произнести приготовленную заранее какую-нибудь речь, но старушка перебила его:

– Исполнение порядка требует дисциплины. Вы, наш предводитель, являетесь примером. Вы ставите общественные интересы выше личных. Это нас должно вдохновлять и вести...

– Вот именно, – вставил старичок.

Пузатый недовольно поморщился и сказал:

– Не поминайте лихом. С вами было приятно общаться.

Приезжайте на следующий год в то же время – мы продолжим эту игру.

Интеллигентка добавила:

– Устранение недостатков пусть не станет вашей единственной целью. Вспоминайте нас с весёлыми мыслями.

Мякин взглянул на часы, на машину и ответил:

– Мне пора. Прощайте.

Он пристально взглянул на экстрасеншу. Она улыбалась, и в её глазах он не обнаружил печали.

«Так и должно быть», – подумал Мякин, спустился вниз и разместился на заднем сиденье.

– Большой человек, – заметил старичок. – Персональная машина с водителем!

– Но грустный, – добавила интеллигентка.

– Будешь тут грустным, когда забот полон рот! – подытожил пузатый.

Заговорщики тихо разошлись кто куда. Понедельник – рабочий день, надо пройти множество процедур.

Машина мчалась по трассе, а Мякин всё вспоминал и вспоминал своё пребывание в санатории и, только когда они добрались до городских окраин, задумался о причинах его срочного возвращения.

«Герасим Ильич не будет по пустякам вызывать меня, – подумал Мякин. – Что-то там случилось чрезвычайное».

Машина уже не так быстро достигла центра. Множество снующего туда-сюда народа и забитые транспортом улицы вернули Мякина в обычное напряжённое состояние. Санаторные заботы и впечатления быстро ушли на второй план. Он с интересом наблюдал за городской суетой и подумал:

«Наверное, что-то с отчётом. Казлюк что-нибудь напал».

К великому удивлению Мякина, Казлюка на месте не оказалось. Мякин ещё более растерялся, когда заметил, что некто – незнакомый ему молодой человек – вышел из кабинета Герасима Ильича и занял казлюкинское место.

– О! Мякиша, ты что, сбежал от санатория? – услышал он сзади, когда полностью обозначил в помещении якобы отдохнувший организм.

– А мы ждём тебя ещё только через две недели! – Удивлённая Раиса, обогнав его, встала прямо перед ним и с ин-

тересом рассматривала физиономию отпускника. – Товарищи! – громко заявила она. – У нас великое событие – явился Мякин! Вы только посмотрите на него – отдохнувший Мякин! Это ж надо!

Бородач встал из-за стола, прищурившись взглянул на Мякина и пробасил:

– Выгнали, наверное. Он ведь без работы не может. Затосковал там, в санатории, – вот и выгнали.

– Мякишенька, бедненький, тебя выгнали? – спросила Раиса.

– Нет, – растерянно ответил Мякин. – Вызвали.

– Вызвали? – удивилась Раиса. – За что?

– Было бы не за что – не вызвали бы, – не отрываясь от бумаг, вставила худая женщина.

– Как вызвали? Кто вызвал? – не унималась Раиса.

Мякин, немного успокоившись от всеобщего внимания, ответил:

– Герасим Ильич.

– Что, сам позвонил и вызвал? – удивлённо спросил бородач.

– Сам, – ответил Мякин. – Вчера и позвонил.

Мякин хотел было сказать, что Герасим Ильич и машину за ним прислал, но постеснялся и про машину ничего не сказал.

– Ну дела! – развёл руками бородач.

– А что дела? – возмутилась Раиса. – Всё правильно. Ко-

нец года, работы невпроворот, а Мякиша у нас трудоголик. Вот и вызвали.

Мякин огляделся, подошёл к своему столу и спросил:

– А где же Казлюк?

– Ой! Мякиша, тут за неделю море событий произошло! – всплеснула руками Раиса.

– Не море, а океан, – добавил из своего угла вихрастый.

– Может, и океан, – согласился бородач.

– Ты, Мякиша, садись отдохни. Сейчас мы чайку организуем, – предложила Раиса.

Мякин в нерешительности остался стоять и произнёс:

– Надо бы доложить, что я здесь.

– Доложись, доложись, а потом чай, – согласилась Раиса.

Когда Мякин вошёл в кабинет, Герасим Ильич резво встал из-за стола, подошёл к нему и, совсем как-то по-домашнему, поздоровался с ним за руку. Такого приёма Мякин уж никак не ожидал и терялся в догадках: что же будет дальше?

– Ты вот что, Мякин, садись. Располагайся поудобнее. Сейчас мы чайку организуем. Ты ведь с дороги. Домой не заходил?

– Не заходил, – ответил Мякин.

– Вот и хорошо, то есть чайку сейчас употребим.

Герасим Ильич вызвал Раису и распорядился о чае.

– Так, так... – Герасим Ильич, расположившись за столом, внимательно разглядывал Мякина, и ему, Мякину, даже по-

казалось, что Герасим Ильич смотрит на него, словно впервые увидел своего подчинённого.

– Отдохнул, значит.

Мякин не знал, как реагировать на эти слова, и просто кивнул.

– А у нас здесь перемены, – задумчиво произнёс Герасим Ильич.

Мякин подумал, что шеф что-то скажет о Казлюке, но Герасим Ильич сказал совсем неожиданную фразу:

– Всё меняется, всё течёт.

Мякин сделал удивлённо-заинтересованное лицо, но не посмел задать уточняющий вопрос. Раиса принесла чай. Герасим Ильич помешал ложечкой в чашке, отхлебнул маленький глоток и добавил:

– Меня, Мякин, переводят туда. – И он показал пальцем на потолок, что означало «в вышестоящую организацию».

Мякин понимающе кивнул и сделал несколько глотков. Чай оказался весьма горячим, и Мякин немного обжёг язык, но вида не подал.

– Меня спросили, – продолжил Герасим Ильич, – кого я рекомендую на своё место.

Мякин насторожился – он уж совсем не ожидал такого откровенного разговора, ибо за всю свою службу усвоил, что откровенные разговоры с начальством до добра не доведут.

Герасим Ильич сделал ещё пару глотков и сообщил:

– Я назвал твоё имя.

Мякин молчал. Он переваривал свежую информацию. Все мысли в голове куда-то испарились. Осталась только одна: «Я буду вместо Герасима Ильича. Как это – «вместо»? Что я могу? А что подумают остальные? Что скажет Раиса? Она что, будет называть меня по-прежнему – Мякиша?»

– И я назвал твоё имя, – повторил Герасим Ильич. – Ты вот что, Мякин, подумай. Вижу, неожиданно это всё для тебя. Подумай, а завтра с утра ответишь, как решишь, но я на тебя надеюсь.

Мякин молчал – он понимал, что надо бы что-то сказать, и спросил:

– А отчёт?

– Вот и отчёт доделаешь, – ответил Герасим Ильич и добавил:

– Казлюка, слава Богу, от нас забрали.

– Куда? – вырвалось у Мякина.

– Туда, – ответил Герасим Ильич и поморщившись произнёс: – В начальство рвётся твой Казлюк.

«Совсем он не мой», – подумал Мякин и спросил:

– Так я могу идти?

– Да, конечно, поезжай домой. С семьёй побудь, а завтра жду от тебя положительного ответа.

Мякин вышел из кабинета, прошёл к себе и сел, с минуту тупо смотрел на глянцевую, пустую поверхность стола. Раиса тихо подошла сзади и потрепала его по затылку.

– Мякиша, ты что надутый такой? Чай с начальством по-

пил и заважничал!

– Отпустил домой, – ответил Мякин.

Раиса присела сбоку на свободный стул.

– Ты, Мякиша, что-то темнишь. Попили чаю, и всё?

– Попили, и всё, – ответил Мякин.

– Ну и ладно, – недовольно произнесла Раиса. – Всё секреты у вас. У-у, надоело!

Она хотела ещё что-то спросить, но, увидев сосредоточенную мякинскую физиономию, встала и удалилась к себе.

Неожиданно к Мякину подошёл новенький.

– Здравсте, – произнёс он. – Вы и есть этот знаменитый Мякин?

Мякин взглянул на новенького и ответил:

– Да, это я.

– Вы не могли бы мне помочь разобраться с одной таблицей? Я здесь работаю всего третий день и ещё не всё знаю.

– Да, конечно, – ответил Мякин, – только можно это сделать завтра с утра? Таблица потерпит?

– Потерпит, – улыбнувшись, согласился новенький и вернулся к себе.

После полудня Мякин с чемоданом ввалился к себе домой. Супруга в недоумении застыла в коридоре и поначалу не могла произнести ни слова.

– Мякиша! – через минуту услышал Мякин её вздох.

Она подошла поближе и помогла ему снять шубу и шапку.

– Мякиша, это как же? Почему так рано?

– Герасим Ильич вызвал. Много работы, – ответил Мякин.

– Да-да, конечно, – покорно согласилась супруга. – Раздевайся. Оставь чемодан, я разберу. Сейчас будем обедать. – И она суетливо засемила на кухню.

Через сорок минут Мякин, как обычно, разместился в своём любимом кресле, хотел было включить телевизор, но передумал, закрыл глаза и попытался представить себя на месте Герасима Ильича: как он, Мякин, по очереди вызывает к себе конторских.

«Да, не забыть помочь новенькому», – подумал он и тихонько засопел. И приснился ему замечательный сон: будто бы танцует он с экстрасеншей. А вокруг с восторгом наблюдают за ними все конторские.

– Какая красивая пара! – говорит кто-то. – А как замечательно они двигаются! Приятно посмотреть!

– Ничего особенного, – кто-то другой возражает первому голосу. – Танцуют, и пусть себе танцуют.

– Нет, не скажите! Партнёр-то совсем новый человек! – возражает первый голос.

– Новый-то новый, а «па» все старые выделяет.

– Ну, на вас не угодишь! – продолжает первый голос. – Вечно вы ворчите! Пора бы и заканчивать.

– Мякиша, что с тобой? Не заболел ли?

Он открыл глаза. Тревожный взгляд супруги внимательно смотрел на него.

– Ты задремал. Что-то бормотал во сне. Плохой сон?

– Да, что-то снилось, – вяло ответил Мякин. – Что-то я немного утомился от этой санатории. Пойду-ка я полежу.

Клиника

– Им ничего нельзя говорить. – Тощий подсел к нему и почти в самое ухо добавил: – Везде прослушка.

Он быстро вскочил, несколько раз прокрутил выпученными глазами по потолку и стенам палаты, прищурился на Мякина и снова сел рядом на мякинскую постель.

– Предлагаю всё зашифровать. – Он перешёл на шёпот и продолжил: – Их, – он махнул рукой в сторону двери, – их мы назовём... – Он подумал и произнёс: – Пусть они будут персоны, а мы – индивиды.

После небольшой паузы он спросил:

– Вы готовы быть индивидом?

Мякин кивнул. Медсестра, которая устраивала Мякина в эту палату, предупредила его, что тощий совсем неопасный. Он просто большой фантазёр.

– Это хорошо, что вы согласны, – удовлетворённо произнёс тощий. – А то до вас был тут один несогласный – всё время спорил со мной, всё ему не нравилось.

Мякин молчал – ему нечего было сказать. Он ведь тоже был несогласным, и ему тоже многое не нравилось в конторе.

Первой он вызвал к себе Раису. Она без опаски зашла к нему и, широко улыбаясь (видимо, не подумав), выпалила:

– Мякиша, какой же ты молодец! Вот теперь мы заживём здесь хорошо, без этих герасимовских разборок!

– Я вам не Мякиша, – резко остановил её Мякин. – Прошу обращаться ко мне по-деловому.

– Хорошо, хорошо, – как бы успокаивая его, ответила Раиса. – Не Мякиша, так не Мякиша. Чего же нервничать-то?

Тощий прервал воспоминания Мякина и убеждённо произнёс:

– Вы будете индивидом два, а я – один. – Он обрадованно улыбнулся и, нервно осмотревшись, продолжил: – Но это ещё ничего не значит. Они, то есть персоны, могут нас вычислить. Это очень опасно.

– Что опасно? – машинально спросил Мякин.

– Вы совсем меня не понимаете, – обиделся тощий и перебрался на свою постель. Он несколько минут сидел, уставившись куда-то в сторону закрытой двери. – Они могут войти в любую минуту, и нам надо быть начеку.

Тощий после этой фразы встал у дверей, словно часовой на посту.

– Вам тоже надо быть начеку с другой стороны. Вот здесь. – Тощий рукой указал, где, по его мнению, надлежит находиться Мякину.

Мякин нехотя встал, подошёл к двери и спросил:

– А если они сегодня не придут? Что тогда мы будем делать? Так и стоять всю ночь?

Тощий задумался. Он покинул свой пост и стал ходить из угла в угол, то ускоряя, то замедляя шаги, иногда бормоча себе под нос:

– Это проблема. Это проблема. Только ляжешь, а они тут как тут!

Мякин тоже решил покинуть свой пост, присел на кровать, поправил подушку и прилёг со словами:

– Пока они не пришли, можно и отдохнуть.

Тощий в изумлении остановился посередине и, не зная, как поступить, нервно переводил взгляд то на лежащего Мякина, то на закрытую дверь.

– Вы ложитесь, – предложил Мякин. – Я всё равно не сплю – покараулю вас.

– А если вы не выдержите? – недоверчиво спросил тощий. – Тогда вы загубите нас.

– Не волнуйтесь, – ответил Мякин. – Я последнее время совсем не сплю.

Мякин попытался вздремнуть; последние пять дней он не спал совсем. В голове постоянно что-то шумело, он уже целый месяц не появлялся в конторе. Сам Герасим Ильич настоятельно рекомендовал ему лечь в клинику. Мякин, как только вступил на должность, начитался умных книг – как управлять – и немедленно приступил к внедрению новаций. Новации коллектив встретил с молчаливой настороженностью, и только одна Раиса радостно и скрупулёзно исполняла мякинские новинки. Недели через две Мякин почувствовал со стороны конторских в некотором роде даже враждебность. По крайней мере бородач иногда стал позволять себе грубые слова в разговоре с новым начальником. Однажды он

заявил Мякину прямо в глаза:

– Вы зря это затеяли – у вас ничего не получится.

Мякин не нашёлся, что ему сразу ответить, и, сдерживая эмоции, произнёс:

– Можете идти.

– Вы спите, – испуганно произнёс тощий. – Нет, вы не можете быть индивидом два. – Он подумал и добавил: – Опять я остался один, как в прошлый раз. – Он подошёл к двери, прислонил к ней ухо. – Тсс, я чувствую: они рядом.

Мякин взглянул на часы – до ужина оставалось менее полчаса.

– Они придут через полчаса, – сказал он, чем сильно удивил тощего.

– Вы провидец? – тихо спросил тощий и оторвался от двери.

– Нет, – ответил Мякин. – Я просто знаю местное расписание.

– Местное расписание, – задумчиво повторил тощий. – Вы, наверное, раньше были персоной.

– Быть персоной... – как бы размышляя, произнёс Мякин, а про себя подумал: «Да, можно сказать и так: “Быть персонею”».

– Был да сплыл, – вслух произнёс Мякин.

– Как это сплыл? – насторожился тощий и на цыпочках подошёл к окну. – Сплыл, не сплыл! Это можно по воде. Вы были моряком?

– Капитаном, – пошутил Мякин. – Капитаном в одной конторе, но недолго.

Тощий долго смотрел в окно. Осень, слякотная осень оголила деревья за окном, сквозь серые ветви проступала тёмная кирпичная стена. Пейзаж не улучшал настроение пациентов клиники, да и решётка на окнах, хотя и весьма тонкая, наводила обитателей заведения на грустные мысли.

– А кем же был я? – пробормотал тощий, глядя в окно. – Вы не помните, кем был я? – обратился он к Мякину.

Мякин внимательно посмотрел на сутулую спину тощего и с некоторым сомнением ответил:

– Вы, наверное, были художником. То есть, я бы сказал, творцом.

– Я был творцом, – не отрываясь от унылого пейзажа, произнёс тощий. – Да, конечно, я был творцом. Иначе зачем они, эти персоны, загнали меня сюда? Творцов всегда куда-нибудь загоняют.

«Да, – подумал Мякин. – А кто меня загнал сюда?» И тут же услышал:

– А кто вас загнал сюда?

– Меня? – переспросил Мякин.

Тощий обернулся, в его глазах мелькнуло какое-то странное любопытство. Он, словно доктор-психолог, похожий на того врача, который осматривал Мякина, пристально, не мигая, уставился на Мякина, а Мякин в конце концов, не выдержав этого взгляда, отвёл глаза в сторону и тихо ответил:

– Меня, наверное, коллектив.

– Коллектив персон? – снова спросил тощий.

– Пожалуй, да, – ответил Мякин и вспомнил, как последний раз разговаривала с ним Раиса.

– Мякиша, извини, но ты не прав. – Она недовольно пожала плечами. – Зачем ты перенёс оперативку на пятницу? Коллективу это не нравится.

Мякин, не отрываясь от бумаг, сухо ответил:

– Так будет удобнее.

– Какое же это удобство? Пятница – все торопятся домой, а у тебя вечерние посиделки!

– Это не посиделки. Это оперативное совещание, – резко ответил Мякин.

– Ну Мякиша, ты пойми: люди будут недовольны!

– Они не люди, они подчинённые сотрудники, – ответил Мякин.

– Тебе наплевать на людей! Ты совсем переменялся. Стал чёрствым, бездушным человеком.

Мякин встал из-за стола.

– Я руководитель, и этим всё сказано. Прошу вас впредь не делать мне замечания. Это не является вашей компетенцией.

– Не надо шуметь, я всё давно поняла, господин начальник.

Она резко повернулась и вышла из кабинета.

Дверь палаты распахнулась. На пороге появилась упитан-

ная женщина в белом халате:

– Ужинать будем?

– Да, – за двоих ответил Мякин и спросил: – А что нынче дают?

– Что дают, что дают... – проворчала упитанная. – Что дают, то и берут.

– А всё-таки? – повторил Мякин.

– Сегодня для вас будут рыба с пюре и чай, – безразлично ответила упитанная и спросила: – Ну так как, ужинаете?

– Ужинаем, ужинаем, – снова за двоих ответил Мякин.

Упитанная скрылась за дверью, и сразу же оттуда послышался грохот какой-то железяки, словно несколько кастрюль специально колотили друг о друга. Дверь снова раскрылась, упитанная накидала большой ложкой что-то серое в тарелку и подала Мякину.

– А сосед будет? – спросила она.

– Будет, – ответил за тощего Мякин.

Упитанная повторила процедуру подачи ужина, и Мякин оказался с двумя тарелками в руках.

– Да поставьте всё на тумбочку, – приказала упитанная, – и заберите чай!

Мякин подчинился, и через несколько секунд в его руках оказались, слегка повреждённые по краям, кружки с горячей тёмнокоричневой жидкостью. Пальцы рук обжигало, и Мякин, закусив нижнюю губу, быстро поставил чай на свою тумбочку.

– А хлеб? Хлеб есть? – спросил он упитанную.

Она молча достала откуда-то снизу тележки тарелку, кинула на неё пару кусков хлеба, отдала хлеб Мякину и двинула дребезжащее сооружение на трёх колёсах дальше. Дверь закрылась, и в палате наступила тишина. Тощий, сидя на своей кровати, настороженно наблюдал за манипуляциями Мякина, который разместил тарелки и чай по принадлежности и произнёс:

– Прошу вас. Будем ужинать.

– Почему вы взяли рыбу? – спросил тощий.

– А что, разве у нас был выбор? – ответил Мякин.

– У неё, – тощий махнул рукой в сторону двери, – наверняка было ещё что-то.

– Вы так думаете? – удивился Мякин.

– У них всегда что-то есть в запасе. Вы что, никогда не общались с персонами?

Мякин, немного подумав, ответил:

– Вы имеете в виду привилегированных?

– Да, у которых всегда что-то есть.

Мякин взглянул на свою тарелку. Кусок непонятной формы и цвета, обрамлённый серым веществом пюре, выглядел весьма уныло, но, вспомнив, что с утра он почти ничего не ел,

Мякин приступил к уничтожению ужина. Рыбу он расколошматил на небольшие кусочки, тщательно отделил их от костей, осторожно прожевал несколько кусков. На вкус

это блюдо, учитывая мякинский пустой желудок, оказалось весьма приемлемым. Он попробовал холодное пюре – гарнир ему совсем не понравился. Мякин отложил тарелку в сторону и насытился куском хлеба, запивая его чаем.

Тощий всё это время молча внимательно наблюдал за Мякиным и, только когда Мякин поставил пустую кружку на тумбочку, заявил:

– Вы не бойтесь их. Вы смелый. Отчаянно смелый.

Мякин догадался, что тощий голодует, и ответил:

– Да, еда не ахти какая, но жить-то надо. А вы что же, ужинать не будете?

– Я ужинал вчера. С меня хватит, – гордо ответил тощий.

Мякин прошёл в туалет, вымыл руки и, вернувшись, спросил:

– А вчерашний ужин был лучше сегодняшнего?

– Вчера меня навестили. Вот... – И тощий с достоинством открыл тумбочку.

Мякин посмотрел на пустые полки и удивлённо протянул:

– Да-а...

– Всего полно, не то что ваша рыба! Угощайтесь. – Тощий встал с постели и снова подошёл к окну. – Меня часто навещают. Почти каждый день. А у вас, я вижу, никого. Но вы не бойтесь, я вас не брошу, как некоторые.

Тощий в этот раз очень долго, почти полчаса не отходил от окна. Мякин не тревожил его, он тихо прилёг на свою постель и вспомнил, как супруга проводила его в клинику.

Она первой заметила неладное. Мякин возвращался с работы никакой, почти не ужинал, долго лежал в ванне и совсем не спал. Ночью ворочался в постели, тихонько вставал и уходил на кухню. Она часто заставляла его там неподвижно сидящим за столом и смотрящим куда-то в угол.

– Мякиша, что с тобой? – спрашивала она Мякина и каждый раз получала один и тот же ответ:

– Всё хорошо. Не беспокойся. Иди ложись.

В конце концов она забеспокоилась и привела Мякина к врачу. Ничего особенного у Мякина не обнаружили. Рекомендовали почаще отдыхать, быть на свежем воздухе и некоторое время принимать успокоительное. Но супруга заметила, что ничто Мякину не помогает, наоборот он становится всё угрюмее и вообще перестал спать. Клинический доктор с труднопроизносимой фамилией, осмотрев Мякина и полистав его бумаги, заключил:

– Предлагаю полежать у нас несколько недель. Понаблюдаемся, подберём нужные лекарства. В общем, надобно полечиться.

Супруга тревожно покивала головой, собрала вещички и привезла Мякина в клинику. Палата Мякину понравилась. Всего два человека. Обстановка, хотя и скромная, но чистенькая, то есть жить можно. Единственное, что его обеспокоило, – это то, что с утра его никто не осмотрел и никаких процедур и лекарств ему не назначили.

– Я уже давно здесь, – тихо произнёс тощий. – Всё здесь

изучил, всё знаю. Всех персон. Эта, которая с рыбой, очень вредная. С ней ни о чём договориться нельзя. Она у них главная по рыбе. Вы ещё страдаете от неё. Я вообще с ней не разговариваю. «Здрате», «до свидания» и всё. – Тощий обернулся. – Вы опять спите. Вы нас всё-таки погубите.

Мякин поднялся с постели и подошёл к двери, толкнул её наружу – дверь не поддалась.

– Бесплезно, – констатировал тощий. – Видите, нет ручек? Они нам не доверяют. Они думают, что нам ручки на дверях не нужны.

– Да, ручек нет, – согласился Мякин. – Надо постучать – может быть, откроют.

– Бесплезно, – повторил тощий. – Стучите, не стучите, всё равно ручку вам не дадут.

– Мне не ручка нужна, – пояснил Мякин. – Мне что-нибудь для сна.

– Для сна? – удивился тощий. – Зачем? Мы же должны бдить, то есть караулить. Вы же индивид два. Вы сами согласились, а теперь... – Тощий нервно заходил кругами по палате. Заложив руки за спину, он продолжал наставлять Мякина: – Если мы будем спать, они обязательно придут. Вы помните, кто они? Они персоны. От них можно ожидать чего угодно. Я уже давно не сплю. С самого начала и до сих пор они не справились со мной. А если бы я спал, вы бы не узнали меня. Я был бы не я, а кто-то другой. Кто-то другой, – несколько раз повторил тощий. – Вот вы сейчас индивид два,

а можете стать кем-то другим. Вы хотите стать другим?

Мякин вспомнил, как он хотел стать новым человеком.

– Вы молчите – значит, не хотите стать другим, – продолжил тощий. – Что значит «быть другим»? – Он задал вопрос и остановился. – Другим? Вы понимаете, что это значит?

Не дожидаясь ответа, тощий двинулся дальше по кругу и продолжил рассуждения:

– Друг – это друг. Он должен понимать меня, а другой – он не друг. Я его не понимаю, и он меня тоже. Одним словом, если я стану другим, я перестану понимать сам себя.

Тощий снова остановился, видимо, осмысливая сказанное.

– Понимать себя? – Он продолжил своё круговое движение. – Вы понимаете себя?

Тощий снова остановился, словно натолкнулся на какое-то невидимое препятствие.

– Вы понимаете себя? – повторил он вопрос.

Мякин стоял у двери и не знал, как ответить. Сначала он решил сказать что-нибудь неконкретное и произнёс:

– Не всегда. Иногда...

– Не уваливайте, – прервал его тощий. – Я спрашиваю вас: вы понимаете себя?

Мякин сообразил, что сейчас, в данный момент, ему отвертеться от ответа не удастся, и, не думая, твёрдо произнёс:

– Понимаю. Я себя понимаю.

– Вот опять, вот опять! – Тощий словно возмутился от

мякинских слов. – Вот опять неправда! Не может индивид так говорить. Не может!

– Почему же не может? – возразил Мякин. – Понимать себя всегда полезно.

– Я не спрашиваю вас о полезности, я спрашиваю о понимании. – Тощий сел на кровать и закрыл лицо руками. – Я вот иногда, мне кажется, совсем не понимаю себя. Нет, я, конечно, стараюсь понять себя, но... – Он быстро вскочил, подошёл к окну и на несколько секунд затих.

– Вы видите, что творится вокруг? – Тощий, не оборачиваясь, продолжил свою речь. – Кругом непонимание. Даже вы – индивид два – не понимаете меня, а себя разве вы понимаете? Вы сказали, что понимаете. Тогда скажите мне, только честно: все ли ваши поступки вам понятны? Есть ли такие, которые вам теперь не нравятся? Нет, не так я сказал. Понимаете ли вы, к чему они, ваши поступки, могут привести?

Мякин прошёлся по палате, вновь приблизился к двери и сказал:

– Я всё-таки постучу.

Тощий, не оборачиваясь, с нотками безнадежной тоски ответил:

– Делайте как хотите, но за свои поступки отвечайте сами. Меня увольте. Я здесь ни при чём, то есть если меня спросят, то я отвечу: «Я ни при чём».

– Хорошо, хорошо, – согласился Мякин и тихонько посту-

чал, прислушался и ещё раз, но гораздо настойчивее, стукнул по самой середине белой, немного потёртой внизу двери.

Тощий вернулся к своей постели, лёг, демонстративно отвернулся от Мякина к стене и затаился в позе с согнутыми коленками. К удивлению Мякина, через минуту дверь открылась и на пороге появилась медсестра – женщина средних лет с усталым морщинистым лицом. Бегло взглянув на пациентов, она равнодушно спросила:

– Что вы хотите?

Мякин совсем не ожидал такой быстрой реакции на его стук и вначале несколько растерянно произнёс:

– Нам бы... то есть уже вечер...

– Да, вечер, – перебила его сестра. – Через час отбой.

– Я плохо сплю, – продолжил Мякин. – Мне нужно снотворное.

– Здесь все плохо спят, – ответила сестра и добавила: – Но только в самом начале.

Она полностью проникла в палату и прикрыла за собой дверь.

– Посуду надо вернуть. – Сестра по очереди подошла к тумбочкам и собрала тарелки и кружки. – Опять не ешь? – обратилась она к тощему.

Тот разогнул колени, вытянул ноги и ничего не ответил.

– Скажу доктору. Он знает, как тебя следует кормить. А что же вы не повлияли на него? – обратилась она к Мякину. – Такой худой и не ест!

Мякин как-то неуверенно ответил:

– Он не хочет. Как же я могу, насильно, что ли?

– Вы, я вижу, интеллигентный человек, можете его убедить, что не кушать – так и помереть можно.

– Не дождётесь, не помру, – не оборачиваясь, проворчал тощий.

– Вот видите, – уточнил Мякин. – Как же можно его убедить?

– Завтра будем кормить насильно. Голодающие нам здесь не нужны. – Сестра подвела итог этой дискуссии и направилась к выходу.

Мякин занервничал и произнёс:

– А я? Я совершенно не сплю! Можно мне-то что-нибудь дать на ночь?

Сестра остановилась у двери, посмотрела на растерянного Мякина и почти дружелюбно ответила:

– Я вам попозже что-нибудь принесу.

Она вытащила из кармана какую-то штучку и ткнула ею в планку на двери – дверь со щелчком открылась, и медсестра с тарелками и кружками вышла в коридор.

Мякин подошёл к окну. Очень быстро темнело, во дворе зажглись фонари. В их желтоватом свете чёрные от сырости ветви деревьев напоминали какую-то сюрреалистическую картину. На чёрном фоне подсвеченные ветки с блеском от капелек воды корявыми монстрами тянулись куда-то вверх и сливались с бездонной чернотой осеннего ночного

неба.

Мякин глубоко вздохнул и вернулся к своей постели. Он прилёг, не раздеваясь, поверх байкового одеяла и закрыл глаза. В мякинской голове с трудом шевелились разные мысли, и каждый новый их поворот возвращал Мякина к бессоннице, из-за которой он и попал сюда. Когда он заболел так, что не мог появляться в конторе, сослуживцы забеспокоились, часто звонили, спрашивали о мякинском здоровье. Сначала Мякин думал, что они искренне обеспокоились: как он там, что с ним? А потом, когда звонки стали совсем редкими, Мякин подумал: «Не обо мне они беспокоятся, а о себе. Пришлют нового начальника – опять им приспособливаться».

Мякин почувствовал, что, кажется, он готов задремать, ему даже показалось, что снится ему сон, словно спит он с открытыми глазами, а прямо в лицо ему смотрит тощий и шепчет:

– Вы что, спите с открытыми глазами? Маскируетесь? Вы добились своего – предали меня.

– Никого я не предал! – возмутился Мякин. – Перестаньте фантазировать!

– Я-то перестану, а вот вы пропадёте здесь, – проворчал тощий. – Неопытный вы человек.

– Пусть неопытный, но не предатель, – недовольно ответил Мякин. – И прекратите меня учить, я такой же, как вы, пациент и имею право на покой. Больничный покой.

– Больничного покоя не бывает, – ответил тощий. – Это иллюзия – больничный покой. Вот и видно, что вы ничего не понимаете и себя не понимаете.

– Пусть будет так: не понимаю. Ну и что? Многие не понимают себя, даже не хотят понимать – и живут припеваючи.

Мякин встал с постели и прошёлся по палате.

– Вот вы, кажется, творческий человек, должны понимать жизнь, других людей. Вникать, так сказать, в тонкости их души. Должны чувствовать, что человеку не всегда приятно ваше общение. Ему хочется побыть в тишине, без слов разных, без болтовни. А вас так и несёт. Вас не остановить. Вы можете помолчать некоторое время?

Тощий сел на кровати и с минуту молчал. Мякину даже показалось, что до тощего наконец-то дошёл смысл его слов. Но не тут-то было: тощий снова заговорил:

– Молчать? Молчать я не могу, – буркнул он. – Только толку от этого мало. Вы всё равно будете спать.

– А вы не будете? – язвительно заметил Мякин.

– Не буду, – уверенно заявил тощий и добавил: – И вам не дам. Иначе всем будет плохо. Вы уже пытались войти в сговор с персоной. Я это заметил, но я вас спасу.

Мякин почувствовал, что внутри организм его закипает, ему надоела болтовня тощего. На лице Мякина помимо его воли проступила злая улыбочка.

– Он меня спасёт! Он меня спасёт! – засмеялся Мякин. – Ой, держите меня! Он меня спасёт!

Нервный смех Мякина ненадолго смутил тощего – он угрюмо, опустив голову, сидел на кровати и пытался что-то сказать, но у него ничего не получалось. Он часто дышал и даже закашлялся, да так, что кашель превратился в сплошной хрип. Тощему стало трудно дышать, и он, продолжая хрипеть, повалился на кровать. Мякин бросился к нему и, понимая, что ничем помочь тощему не может, кинулся к двери, изо всех сил стал колотить в неё, несколько раз ударил кулаком в пластину, куда только что сестра приложила свою открывалку. Через несколько секунд двери открылись и на пороге появилась уже знакомая Мякину медсестра.

– Вот... – Мякин, уступая ей дорогу, показал в сторону хрипящего тощего.

– Да, сейчас. – Сестра прикрыла за собой дверь и через некоторое время появилась снова со шприцем в руке. Она сделала тощему укол, и через минуту тот успокоился. Он тихо лежал с закрытыми глазами и бормотал что-то несвязное. – Сейчас немного поспит, – сказала сестра и спросила: – Бедолага вас беспокоит?

– Да, немножко, – ответил Мякин.

– Сейчас я вам принесу микстурки, и вы тоже отдохнёте, – сказала она и удалилась.

Мякин подошёл поближе к тощему. Тот тихо посапывал, лицо его разгладилось, и Мякину показалось, что тощий чуть-чуть улыбается во сне.

«Интересно: что ему снится?» – подумал Мякин и прилёг

на свою постель. Он пытался вспомнить свой последний сон и никак не мог это сделать; он даже не мог вспомнить хотя бы, что ему снилось. Он помнил санаторные сны, помнил Орбодина, но последний сон ему никак не давался.

В дверях вновь появилась медсестра, поставила на мякинскую тумбочку стопочку с коричневой жидкостью, пожелала ему спокойной ночи и вышла из палаты. Мякин понюхал содержимое стопочки, запах ему понравился, и он залпом выпил содержимое, затем погасил большой свет и тихо улёгся в постель. В клинике наступила тишина, которую в городских условиях отыскать весьма трудно. Мякин лежал не шевелясь и слушал тишину. Здесь, в клинике она была какая-то глухая и недружественная. Сосед перестал сопеть и тоже притих, как будто почувствовал, что Мякину нужен отдых. Редкие звуки всё же проникали в палату. Какая-то птица, жалобно пискнув, расположилась где-то за окном. В коридоре что-то стукнуло, словно некто уронил на кафельный пол то ли тапочку, то ли нетяжёлую сумку. Мякин закрыл глаза и вдруг вспомнил свой последний сон, сон который приснился ему ещё тогда, когда болезненное состояние не полностью охватило его. Это был сон о санатории.

Красивый сон: будто бы он с экстрасеншей плывёт на большой льдине, а вокруг до самого горизонта простирается тихая морская вода. Светит яркое солнце, и Мякину от этого хорошо. Рядом красивая женщина смотрит на него как на капитана дальнего плавания.

Тощий пошевелился, повернулся на другой бок и снова затих. Мякину очень хотелось заснуть, но появившийся шум в голове и беспокойные мысли не давали расслабиться. Мякин встал, подошёл к окну и долго смотрел на чёрные ветви деревьев. Он вспомнил последний звонок Герасима Ильича. Поздоровавшись, Герасим Ильич спросил:

– Ну как дела?

– Нормально, – ответил Мякин.

– Нормально, – повторил Герасим Ильич. – Нормально – это хорошо. А как у тебя с коллективом? – снова спросил Герасим Ильич.

Мякин почувствовал, что шеф что-то знает о непростых взаимоотношениях в конторе, и уклончиво ответил:

– Да так, вроде ничего.

– Добре, добре, – произнёс Герасим Ильич и ещё раз спросил: – Новации внедряешь?

– Внедряю, – сухо ответил Мякин.

– Ты вот что, Мякин. Надо бы поговорить как-нибудь без телефона. Я тебе перезвоню.

На этом разговор закончился, а Герасим Ильич так и не перезвонил.

Мякин взглянул на часы. Часы показывали двенадцать ночи. Он вернулся к постели и попробовал уснуть, минут двадцать лежал не шелохнувшись – микстура не действовала. Голова гудела и не давала отдыха. Мякин снова встал и оделся, немного посидел на кровати, прислушался – тощий ти-

хонько засопел.

«Почему бы мне не сделать такой укол? – подумал Мякин. – Спал бы, как этот балаболка».

Он подошёл к двери, прислушался: за дверью ощущалась вселенская тишь, словно там и не было длинного коридора с дежурной медсестрой, кабинетов врачей, процедурной и прочих каморок и помещений, которыми изобилует любая больница.

«Наверное, завтра придёт супруга, – подумал Мякин и пожалел её. – Намаялась она со мной в последнее время. Устала, наверное».

Мякин тихонько, чтобы не шуметь, прошёлся несколько раз от двери к окну, разделся и снова лёг, закрыл глаза и стал представлять себе, как бы он руководил конторой, если бы не заболел. Во-первых, он заставил бы всех отчитываться за неделю о проделанной работе, да не так, как это было заведено у Герасима Ильича. У Герасима Ильича отчитывались устно, говорили неконкретно, путались, повторялись, а Герасим Ильич под настроение принимал эту болтовню. Мякин всё бы переделал. Все бы писали отчёты на специальных бланках, и слукавить, выдать работу прошлой недели за текущую уже было бы нельзя. И тогда отчёты точно бы показали, кто на что способен. Потом бы он предложил... Вот именно: настоятельно предложил, а может быть, даже потребовал одеваться для работы скромно, по-деловому, а то бородач всё время является в контору в каком-то вытянутом

свитере, а в тёплое время года позволяет себе появляться даже в футболке непонятного цвета. А Раиса со своим вечным декольте... Не должна секретарша солидного заведения так сверкать голыми телесами! Герасим Ильич ей многое позволял. А ещё бы он, Мякин, всё-таки заставил её не называть себя Мякишей. Но она так и не приняла его условия и продолжала называть его Мякишей.

Мякин открыл глаза, взглянул на часы – стрелки показывали половину второго. До утра оставалось ещё масса времени. Мякин подумал: всё же почему конторские так сопротивлялись его новому порядку? Ведь он хотел как лучше, а получалось всё хуже и хуже. Его указания выполнялись плохо, а иногда вообще игнорировались. Последний отчёт ему пришлось готовить самому, словно он и не был руководителем. Бородач, которому он поручил составить общую записку, просто внаглую стал сопротивляться, постоянно переспрашивать, как сделать это и то, – и Мякину в конце концов из-за того, что время поджимало, пришлось эту работу сделать самому.

«Не получился из меня начальник», – сделал вывод Мякин и на некоторое время успокоился. Мысли в шумной голове как-то не фиксировались, и он как будто задремал.

Он открыл глаза, когда за окном погас свет. Мякин взглянул на часы. Три часа ночи.

«Они из экономии в три часа ночи отключают уличное освещение?» – подумал он и почувствовал, что в ногах на

его постели кто-то сидит.

Мякин присмотрелся и обнаружил в тёмном силуэте фигуру тощего. Тот сгорбившись сидел на самом краешке и смотрел на Мякина.

– Что, не спится? – спросил он тощего.

Тот молчал и только тихонько качал головой. Мякин поджал ноги под себя и снова спросил:

– Вы не спите? Как вы себя чувствуете?

Тощий встал, включил большой свет и, по обыкновению, заходил кругами по палате.

– Ничего себе индивид два! – повторял он на каждом новом круге.

Мякин вытянул ноги и осторожно, так, чтобы не помешать тощему, исподволь наблюдал за ним. Тощий продолжал движение и иногда, внезапно остановившись, бубнил одно и то же:

– Ничего себе индивид два!

Мякина заинтересовало, сколько же кругов сделает тощий, и он стал про себя считать: «Один, два, три, четыре...» Когда цифры перевалили за двадцать и Мякин заметил, что тощий начал тяжело дышать, он снова спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Тощий остановился, немного отдышался и, оглядев палату, изрёк:

– Вам, наверное, нравится здесь, поэтому вы и спите.

– А что, здесь нельзя спать? – спросил Мякин.

– Я же вам говорил: здесь персоны, а вы индивид. Разве это трудно понять?

– Понять-то можно, но спать тоже необходимо, иначе сильно заболеешь, – возразил Мякин.

– А как же персоны? Они только того и ждут, чтобы мы заснули и не просыпались, – ответил тощий и задумался. Затем он сел на свою постель, прилёг на минуточку, снова вскочил и произнёс: – Они хотят, чтобы мы все спали, – им тогда легче будет с нами справляться. Это же ясно как день! Вот сейчас ночь, темно, а день... Будет светло. Разве это непонятно?

– День и ночь, понятно, – согласился Мякин. – Но не кажется ли вам, что они, эти ваши персоны, ночью спят и уж никак во сне нам повредить не могут?

– Во сне вредить... – Тощий надолго задумался – видимо, эта мякинская мысль была для него слишком сложной.

Через некоторое время тощий повторил:

– Во сне вредить нельзя, – и снова замолчал.

– Вот видите. – Мякин решил перехватить инициативу. – Раз они ночью спят, то уж ночью мы можем чуточку отдохнуть и уменьшить нагрузку по бдительности.

– Нагрузку... по бдительности... уменьшить... – повторил тощий. Он эту фразу произнёс медленно, делая большие паузы между словами и как бы взвешивая каждое слово, прислушиваясь к его фонетике, что-то воображал. Видимо, искал новые аргументы для своей идеи – идеи сопротивления персонам.

– Я полагаю, – продолжил Мякин, – мы с вами должны усилить бдительность днём, когда персоны особенно активны, а ночью нам необходимо расслабиться и набраться сил для будущего дня.

Тощий молча слушал, и, кажется, у него не было возражений.

– Если мы с вами, два индивида, объединимся на основе этой концепции, то им нас не победить, – Мякин специально обозначил свою мысль как концепцию – ему показалось, что тощему понравится такое непростое слово.

– Мне понятна ваша мысль, – неожиданно громко произнёс тощий, а затем, подойдя к Мякину вплотную, прошептал: – Вы специально это сказали, чтобы их ввести в заблуждение. Я вас ох как понимаю!

Он хотел ещё что-то сказать, но почему-то с испугом взглянул на дверь, замолк и тихонько лёг в постель, закрыл глаза и, помахав рукой Мякину, вроде как прощаясь с ним, затаился.

Мякин долго лежал с открытыми глазами и хотел было встать и выключить общий свет, но решил не тревожить тощего и остался лежать в постели. Остаток ночи он провёл в раздумьях о смысле своего существования, вообще о смыслах и, конечно же, о тощем, который то ли притворялся, что спит, то ли на самом деле наконец-то под утро уснул самостоятельно, без укола.

Серый рассвет Мякин встретил с некоторым облегчением

– первая клиническая ночь наконец-то закончилась. Мякин тихонько встал, оделся, выключил свет. Тощий лежал не шевелясь в той же позе. Мякин на цыпочках прошёл в туалетную комнату, помылся и вернулся в палату. Тощий продолжал лежать в том же положении. Мякин подошёл поближе – тощий не дышал.

Мякин хотел пощупать у тощего пульс, но испугался, бросился к двери и громко забарабанил в неё. Через несколько минут отчаянного мякинского стука дверь отворилась и заспанная медсестра появилась с равнодушным вопросом:

– Что тут у вас?

– Он умер, – прошептал Мякин, указывая рукой в сторону тихо лежащего соседа.

Сестра по-деловому подошла к тощему, пощупала пульс на руке, на шее, осмотрела лицо и молча удалилась. Мякин остался с мёртвым соседом наедине. Он осторожно подошёл к тощему и внимательно посмотрел ему в лицо. Худое лицо было спокойно, словно сосед на минуточку прилёг отдохнуть.

«Мы диалог так и не закончили, – подумал Мякин. – Вы почти согласились со мной, что надо спать по ночам. Вот и уснули навсегда».

Мякин долго не мог оторваться от созерцания мёртвого соседа, и мысли мякинские витали рядом с неподвижным телом тощего. Мякин тихо размышлял:

«Почему так получается: в жизни не очень-то разгляды-

ваем друг друга, а потом пытаемся найти что-то такое недосказанное в мёртвом выражении лица, словно о чём-то недоговорили, недодумали, остались наедине с самим собой».

Дверь с шумом открылась, и в палате появились две молоденькие девчушки в белых халатиках, с каталкой. Они накрыли тощего простынёй, завязали узлы за его головой и внизу, как бы завернув его в кокон, ловкими движениями поместили тело на каталку и увезли навсегда уснувшего соседа в неизвестность.

Мякин остался совсем один, как всегда невыспавшийся, с шумом в голове. Через час принесли завтрак: каша, варёное яйцо, чай, хлеб. Потом, уже после девяти часов, появились седой доктор с молодой помощницей. Доктор осмотрел Мякина, молоточком постучал по его коленкам, заставил Мякина следить глазами за докторским пальцем и в конце осмотра спросил:

– Как прошла ночь?

– В диспуте, – ответил Мякин.

Доктор удивился, взглянул на помощницу, та что-то тихо сказала ему.

– Ах да, – ответил доктор. – Беспокойный был пациент.

Мякин подумал про себя: «Так просто: “беспокойный был пациент”», – и спросил:

– От чего он умер?

Доктор задумался и уклончиво ответил:

– Помимо всего, сердечко у него пошаливало.

Мякин в знак понимания кивнул.

– Итак, – продолжил доктор, – мы вас всесторонне обследуем – посмотрим, что же у вас за причина такая бессонницу вызывает? Я думаю, недельки за две управимся.

– Что вы имеете в виду, когда говорите: «управимся»? – недоверчиво спросил Мякин.

Доктор по-дружески улыбнулся и ответил:

– Вы, наверное, волнуетесь. Так я вам отвечу, что ваша бессонница лечится. Это не такая уж страшная болезнь. Сдадите анализы, получите квалифицированное лечение, а по поводу времени я сейчас точно вам не отвечу.

Доктор обратился к помощнице и дал ей указание:

– Пока пациент обследуется, подберите ему нечто успокаивающее для сна, расслабляющее. Да, кстати, нового соседа ему поселите поспокойней, без диспутов.

Доктор собрался уходить и машинально спросил:

– Какие будут к нам вопросы? Может быть, пожелания?

– Пожелания? – ответил Мякин. – Пожелания будут. Он осмотрел палату и сказал: – Здесь у вас тюрьма какая-то. Выйти погулять нельзя. Дверь постоянно закрыта. Очень мрачно. Голые деревья и забор. Плюс решётки на окнах.

Доктор вопросительно посмотрел на помощницу, а та, в свою очередь, пожала плечами и ответила:

– Просили же покомфортнее, и чтоб соседей немного.

Доктор покачал головой и заметил:

– Может быть, перевести пациента к тихим – там у них

всё открыто и веселей будет?

– У тихих по пять человек в палате, – ответила помощница. – Не знаю, согласится ли он.

– Он согласится, если можно гулять, – ответил Мякин.

– Ну что ж, тогда сегодня же переведите его, – приказал доктор.

В другую палату Мякина переселили только после обеда, а до обеда его водили по кабинетам и исследовали. Рентген, томограф и ещё какие-то незнакомые приборы изучали его внутренности и голову. Все виды анализов крови и прочие заборы веществ, которые выдавал живой организм, прошёл Мякин за эти часы. Ему, в общем, понравилась эта исследовательская суета, которая происходила с ним, он даже пожалел, что согласился перебраться в другую палату, но время шло и, как только он проглотил обеденные блюда, к нему заявила медсестра.

– Переезжаем, – безапелляционно объявила она. – Соберите вещи.

Мякин быстро собрал свой скромный скарб, погрузил всё в мешок и произнёс:

– Я готов.

– Идёмте, – произнесла сестра и вывела Мякина в длинный коридор.

Через несколько минут он оказался на новом месте.

– С чем пожаловали? – спросил его весёлый старичок в серой пижаме.

Мякин присел на запровленную койку справа у двери и ответил:

– Вы имеете в виду недуг?

Старичок широко улыбнулся, его карие глаза прищурились. Он вскочил со своей кровати и, присев рядом с Мякиным, произнёс:

– Разрешите представиться: Профессор икс. А кто вы, то есть с кем имею дело?

Мякин ответил:

– Мякин.

– Просто Мякин? – переспросил профессор.

– Просто Мякин, – подтвердил Мякин.

– Странно, – произнёс профессор. – Мякин – это что, псевдоним?

– Что ты пристал к человеку? – проворчала угрюмая личность у окна. – Тебе же ответили: «Просто Мякин». Чего тебе ещё надо?

– Ничего мне не надо, – обиделся профессор.

– Если ты думаешь, что ты профессор и тебе всё можно, то ты ошибаешься, профессор, – продолжил угрюмый. – Вот возьми меня, инструментальщика пятого разряда. Я в своём деле тоже профессор, но я же не лезу к каждому, а тихо себе сижу.

– Я профессор, – ответил профессор. – У меня труды есть, а у вас, позволю вам заметить, одно железо!

– Всё это игра, – вмешался в спор седой мужчина средних

лет. – Вы все большие лицедеи. Притворяетесь кем-то, а кто вы на самом деле, только один доктор знает.

– Доктор знает, – согласился толстый слева у стены. – Только одно следует понять: где-то прибудет – это дебет, а убудет – это кредит. Баланс следует соблюсти.

– Вы бухгалтер. Вам научная мысль неподвластна, – встрепенулся профессор. – Вам только бы циферками манипулировать.

– Он и манипулирует, – поддакнул инструментальщик. – У нас в заводе знал я одного, так вредина был страшная, никогда наряд как следует не закроет!

– Я нарядами не занимался и не занимаюсь. Пора бы вам это усвоить, товарищ инструментальщик!

– Всё, всё. Прекратите, коллеги! Мы же творческие люди, то есть понятливые. Нам бы надо нового человека принять в наш, так сказать, коллектив, – перебил всех седой мужчина и, обратившись к Мякину, произнёс: – Вы не смущайтесь, мы уж тут давно, так вы располагайтесь, – и после небольшой паузы седой спросил: – У вас нервное или психическое?

– Скорее нервное, – ответил Мякин.

– Как это «скорее»? – снова спросил седой. – Вы что, ещё не определились?

– Не определился, – подтвердил Мякин. – Просто я почти не сплю и в голове шум.

– Эка невидаль: шум в голове! У меня шум в ушах постоянно, в цеху штампы бухают – вот и шум появился, но

я точно знаю, что у меня психическое, – пробубнил инструментальщик и потряс головой, словно пытался стряхнуть с волос капельки воды.

– Да, – включился в разговор профессор. – Психическое – это тонкая вещь. Психическое – это высшая нервная деятельность. Это вам не примитивные рефлексии: увидел еду – и слюна пошла. Это гораздо важнее, это нейроны между собой. Там у них сложно и запутанно.

– Это люди всё путают, – возразил бухгалтер. – Если соблюдать правило двойной записи, то никакой психики и не было бы.

– Вы, дорогой наш бухгалтер, я извиняюсь, примитивный человек. Даже инструментальщик понимает психическое, а у вас одни правила, – возразил седой. – Давайте уточним у новенького – ему, наверное, будет интересно узнать, к какой категории он относится.

– Да, – согласился профессор. – От знаний ещё никто не погиб. Знание – это, знаете ли... Это...

– Одни мудрствования, – вставил бухгалтер, – Усложняете, господа.

В палату вошла медсестра:

– Кто здесь Мякин?

– Я, – ответил профессор и встал в центре палаты.

– Врёт он всё! – пробурчал инструментальщик. – Он профессор, а Мякин, просто Мякин – это новенький. – И повернулся на другой бок лицом к стене.

– Так, – недовольно произнесла сестра. – Опять шуточки!

– Я Мякин, я! – Мякин вскочил с койки и машинально встал по стойке смирно.

– Вам назначена процедура. Пройдите в клизменную, – громко произнесла сестра и удалилась.

Инструментальщик повернулся и заявил:

– Правильно. Всем бы надо почиститься, а то лежим здесь без толку, а очищение требуется.

– Душа должна быть чистая, – добавил седой. – А так, без души, никакая клиника не поможет.

Мякин, не дожидаясь окончания дискуссии, вышел в коридор, на секунду остановился, размышляя, в какую сторону ему двинуться, и решил пойти направо. Он шёл вдоль белых больничных дверей, читал на них надписи, но клизменная ему никак не попадалась. В дальнем конце коридора за столом сидела дежурная медсестра. Приблизившись к ней, Мякин вежливо спросил:

– Будьте любезны, скажите пожалуйста, где мне найти клизменную?

– Клизменную? – не отрываясь от толстого журнала, уточнила медсестра.

– Да, клизменную, – подтвердил Мякин.

– Это там, в конце коридора. – И сестра как-то не очень точно махнула рукой.

Мякин повернул назад, не спеша двинулся, как ему показалось, в указанном направлении и действительно, за пово-

ротом обнаружил дверь с табличкой: «Клизменная». Дверь была приоткрыта, и Мякин заглянул внутрь. Клизменная пустовала; жёсткая лавка, покрытая красноватой клеёнкой, не придавала уюта аскетичной обстановке этой маленькой комнатки. За ширмочкой сиротствовал одинокий топчан с унитазом. Мякин, озираясь по сторонам, с минуту постоял в одиночестве, затем вышел наружу и в нерешительности остановился у двери в ожидании хоть какого-нибудь клизменного персонала. Он, наверное, уже минут пять стоял у дверей и пожалел, что не взял с собой часы.

«Сколько же здесь ещё торчать?» – подумал Мякин и нетерпеливо начал прохаживаться вдоль двери туда сюда.

«Пройдусь раз двадцать и вернусь в палату», – решил он. – Пусть приглашают снова.

На пятнадцатом цикле к нему подошла немолодая женщина с мускулистыми руками и спросила:

– Вы ко мне?

– А вы клизменная? – спросил Мякин.

– Да, проходите, – ответила клизменная. – Снимайте штаны и ложитесь боком на кушетку.

Через полчаса мучения Мякина закончились и его облегчённый организм двигался по коридору в сторону своей новой палаты. Мякин шёл навстречу незнакомому коллективу и даже немного радовался.

«Пациенты попались все как на подбор – интересные, – подумал он. – По крайней мере, с ними не скучно». И в этот

момент Мякин неожиданно остановился. Он не запомнил номер палаты, куда его переселили после обеда.

– Вот ещё проблема! – мысленно произнёс он. – Тоже мне пациент – не помнить, куда тебя поместили!

«Так, – продолжил размышлять Мякин. – Вы точно проходите по психическому, а не по нервному? Думайте, думайте, товарищ Мякин, как найти свою палату!»

– Это что же, заглядывать в каждую дверь? – Мякин запаниковал и вспомнил о дежурной, сидящей в конце длинного коридора. – Здравсьте, это снова я. – Он активно соображал, как спросить о своей палате.

Дежурная в этот раз повернулась к нему и сделала вопрошительное лицо:

– Здравсьте, слушаю вас.

Мякин, как ему подумалось, весьма толково изложил свою проблему:

– Меня после обеда перевели в другую палату, а где она, я не могу определить. Не могли бы вы мне помочь?

– А вы кто? – спросила дежурная.

– Я больной, то есть пациент из клизменной.

– Понятно, – ответила медсестра и сняла телефонную трубку. – У меня стоит пациент. Он забыл, кто он. Пришлите кого-нибудь.

Мякин догадался, что его не совсем правильно поняли, и попытался исправить дело.

– Я вчера был с тем... Он очень худой и умер. Там палата

плохая, и меня перевели.

– Хорошо, хорошо, ничего не бойтесь, – ответила дежурная. – Вам сейчас помогут, только никуда не уходите.

Мякин совсем растерялся. Он почувствовал, что с ним могут сделать что-нибудь нехорошее, повернулся спиной к дежурной и зашагал прочь от неё.

– Куда же вы? – услышал он сзади и побежал по коридору в тот далёкий угол, где, как он подумал, находилась клизменная.

Клизменную он нашёл сразу – дверь была открыта. Мякин без размышлений проник в сумрачную комнату и сел на унитаз за ширмой. Кто-то заглянул в клизменную, и Мякин услышал:

– Никого здесь нет. – Глухой, незнакомый голос повторил: – Никого здесь нет. Надо бы закрыть. – И Мякин услышал, как щёлкнул замок. Затем погас свет, и он остался один в темноте.

«Вот те на! – подумал Мякин. – Сколько же придётся здесь сидеть?»

Он встал, на ощупь пробрался к двери и прислушался. Коридор ответил ему тишиной. Мякин добрался до лежанки, сел на неё и опечалился.

«Чего это я? Почему так не везёт? Совсем плохой ты стал, Мякин! Плохо соображаешь».

Сколько он провёл времени в темноте, Мякин определить не мог; он даже попытался прилечь на жёсткой лавке, подклю-

жив руку под голову.

«Может быть, завтра утром откроют меня, – подумал Мякин. – Надо бы дотерпеть до утра».

И тут он вспомнил, что сегодня во второй половине дня его должна навестить супруга.

«Да, совсем плохо получается, – подумал Мякин. У него даже вспотели ладони рук. – Она будет меня искать. Персонал всполошится».

– Буду стучать, – решил он и начал методично, в ритме двух ударов в секунду, бухать кулаком в центр двери.

Сколько он нанёс ударов, Мякин не считал и через некоторое время пожалел об этом, потому что совершенно перестал ориентироваться во времени. Он уже несколько раз менял руки, давая одной из них попеременно отдыхать от ударов в деревянную поверхность.

Неожиданно зажёгся свет. Мякин остановился – глаза не сразу привыкли к освещению.

– Вы зачем здесь? – спросил глухой женский голос.

– Я... – Мякин немного растерялся. – Меня случайно здесь закрыли.

– Случайно? – недоверчиво спросил голос.

Мякин хотел было выйти наружу, но клизменная медсестра загородила ему выход.

– Я должна проверить, всё ли здесь на месте, – сказала она, закрывая за собой дверь. Затем легонько подтолкнула Мякина к лежанке и усадила его на холодную клеёнку.

– Вы тут ничего не трогали? – спросила она, осматривая своё клизменное хозяйство.

– Нет, ничего не трогал, – ответил Мякин. – Я просто тихо сидел.

– Тихо сидели в темноте? – недоверчиво спросила клизменная, села рядом с Мякиным и как-то неожиданно продолжала: – Вы, наверное, новенький? – Она придвинулась вплотную к Мякину и снова спросила: – Так вы здесь недавно?

– Меня вчера привезли, – ответил Мякин и отодвинулся от клизменной.

– Вы меня не бойтесь. Я здесь давно работаю.

Мякин молчал. Он обдумывал план возвращения к себе в палату. Клизменная поправила причёску, снова придвинулась к Мякину, да так близко, что ему двигаться дальше стало некуда. Он прижался к стене и, уже ни на что не надеясь, заявил:

– Я сильно больной.

– А что у тебя болит? – перейдя на «ты», спросила клизменная.

Неожиданно сам для себя Мякин выпалил:

– Подозревают венерическое.

– Да? – удивилась клизменная. – Не может быть, у нас таких не держат.

– А меня, наверное, ошибочно завезли, – усилил свою версию Мякин.

– Ошибочно? – с сомнением повторила клизменная.

Мякин быстро отреагировал на сложившуюся обстановку и продолжил:

– Так бывает, что врачи ошибаются.

– Бывает, – отодвигаясь от Мякина, согласилась клизменная. – А ты не врешь? – спросила она.

– Не вру, вчера привезли, – ответил Мякин.

Клизменная подозрительно посмотрела на него и прогудела:

– Ой, загибаешь ты мне! Такой интеллигентный мужчина, а такую заразу подхватил!

Мякин почувствовал, что пора действовать решительно, и произнёс:

– Так среди интеллигентов черти и водятся. Бывает, смотришь на неё, расфуфыренную, а на самом деле она... – Мякин не стал произносить бранное слово и просто пояснил:

– Ну ты, наверное, знаешь таких баб?

– Знаю, – задумчиво ответила клизменная. – Ну ладно уж, иди лечись.

Мякин на этот раз вышел из клизменной не только с облегчением, но и с великой радостью и, надо же, неожиданно поймал себя на мысли, что в голове исчез шум. Он даже остановился в коридоре, пощупал лоб, потрогал виски и осторожно двинулся вдоль окон, пытаясь несильно шевелить головой. Он подумал, что его палата должна находиться где-то в середине коридора, на взгляд прикинул расстояние и от-

крыл первую попавшуюся дверь.

– А вот и он! – радостно вскрикнул профессор. – А вас уже ищут!

– Кто? – спросил Мякин.

– Вы что, не догадываетесь, кто вас может искать? – захихикал профессор.

– Патологоанатом, – буркнул инструментальщик.

Профессор перестал хихикать, посерьёзnel и заявил:

– Я вас, товарищ слесарь, иногда совсем не понимаю. К новенькому пришла прилично одетая женщина – уж, конечно, не из вашего завода, – а вы ляпаете чёрт-те что.

– Где она? – нетерпеливо спросил Мякин.

– Кто она – клизменная? – хихикнул профессор.

– Да нет. Прилично одетая женщина, – ответил Мякин.

– Идите и обрящете её у дежурной, – торжественно произнёс профессор.

Мякин выскочил в коридор. Вдали у поста дежурной он разглядел знакомую фигуру. Супруга с большой кошёлкой стояла у стола.

– Мякиша, ну как? – спросила она Мякина, когда он подошёл к ней и легонько поцеловал в щёку. – Здесь никого нет. Дежурная куда-то запропастилась, тебя в палате тоже не было. Я забеспокоилась. – По лицу супруги было видно, что она волнуется, но старается скрыть это волнение.

– Всё хорошо, – Мякин постарался успокоить её.

– Пойдём к тебе в палату, я тебе гостинцев принесла, –

сказала супруга и указала на полную продуктов кошёлку.

– В палату? – произнёс Мякин. – Там нас много – давай я отнесу это к себе, а мы погуляем по коридору.

– Ну как ты, Мякиша? – супруга снова повторила вопрос, когда они вновь оказались в коридоре.

– Сдал почти все анализы, сегодня даже побывал в клизменной, – улыбаясь ответил Мякин.

– В клизменной? – удивилась супруга. – У тебя что-то с кишечником?

– Не знаю, – пожал плечами Мякин. – Мне сказали – я сделал.

– А как сон? – поинтересовалась супруга.

– Ночью не спал, – ответил Мякин.

Супруга понимающе кивнула головой.

– Ах, вот вы где! – услышали они сзади. – Вы просто сбежали! Больной, остановитесь! Вам необходимо вернуться в палату!

Супруга вздрогнула от этого окрика и остановилась. Мякин обернулся. Прямо на него решительно двигалась дежурная медсестра – именно та медсестра, к которой он обратился за помощью. Мякин подхватил супругу под руку и, как можно чётче произнося слова, ответил:

– Ко мне пришла супруга. Палату свою я нашёл и теперь в вашей помощи не нуждаюсь. Спасибо.

Дежурная внимательно осмотрела их с ног до головы и, ничего не сказав, прошла мимо к своему столу.

– У вас тут строго, – прошептала супруга.

– Не для всех, – ответил Мякин. – В нашей палате всем можно прогуливаться.

– Во дворике? – спросила супруга.

– Наверное. Я туда ещё не выходил, – ответил Мякин.

Из глубины коридора слышался шум тележки с кастрюлями.

– Что это? – спросила супруга.

– Это ужин, – ответил Мякин.

– Тебе пора ужинать?

– Сегодня не обязательно. Там, в кошёлочке, наверное, есть чем полакомиться?

– Да, – улыбнувшись ответила супруга.

Они ещё более получаса прохаживались по коридору. За окнами быстро темнело, и Мякин сказал:

– Тебе, наверное, пора. Пацаны уже вернулись из школы.

– Не беспокойся, они у нас совсем самостоятельные, – ответила супруга. – Главное, чтобы ты скорее поправился.

– Знаешь, примерно час тому назад у меня перестала шуметь голова, – тихо сказал Мякин.

– Да? – обрадовалась супруга. – А что сейчас?

– Сейчас всё хорошо. Мне кажется, что сегодня ночью я буду спать.

– Не торопись, Мякиша, пусть тебя как следует проверят.

– Я не тороплюсь, куда уж мне торопиться! – согласился Мякин.

Он проводил супругу до самого выхода. Они быстро распрощались на глазах у охранника, делающего вид, что его ничто вокруг не касается. Затем Мякин поднялся на свой этаж и вернулся в палату.

– Где вы бродите? Мы за вас волновались! – заявил озабоченный профессор. – Вот ваш ужин. – Он показал на тарелку и кружку, стоящие на тумбочке. – Всё остыло, а вас нет.

– Да бросьте вы, учёный! – проворчал инструментальщик. – Приносят всё холодное, словно из холодильника, – не то что в заводе. Там в столовой еда горячая.

– Так и сидели бы на своём заводе, – отреагировал профессор.

– Не ругайтесь, хватит сердиться, – прервал их бухгалтер. – Дайте новенькому поесть.

Мякин взглянул на больничный ужин, отпил немного холодного чая, открыл тумбочку и вытащил пакет с гостинцами. В пакете оказались фрукты, бакалея, и кое-что сладенькое, любимые мякинские булочки.

– Угощайтесь. – Мякин вывалил содержимое пакета к себе на кровать.

Бухгалтер встал, подошёл к мякинской постели, пристально оглядел образовавшийся натюрморт и заявил:

– Здесь на всех маловато будет. Если всё разделить поровну, то это будет несправедливо. Вам должно достаться больше, чем нам.

– А мне ничего не надо, – заявил инструментальщик. –

Мне здесь всего хватает.

– Ему всего хватает! Ха-ха! – возмутился профессор. – А ворчит на местную еду постоянно.

– Да, ворчу, а всё равно хватает, – упрямо повторил инструментальщик.

– Вот и хорошо, – обрадовался бухгалтер. – Мы вас исключаем, то есть сторнируем.

Профессор, потирая руки, добавил:

– Может быть, ещё кто-то хочет сторнироваться?

– Эх, была не была! Можете исключить и меня, – произнёс седой. – У меня завтра дочка будет – нанесёт такое же.

– Так это что же? Нас только трое осталось? – заявил бухгалтер.

– То есть двое нахлебников, – поправил его профессор.

– Почему нахлебников? – возмутился бухгалтер. – Новенький нам сам предложил: угощайтесь. Он сделал это добровольно, без нажима с нашей стороны, в полном балансе со здравым смыслом.

– Вам бы только баланс найти, – недовольно ответил профессор. – А может, товарищ... – Он запнулся и обратился к Мякину: – Простите, мы запамятовали, каков ваш псевдоним?

– Меня зовут Мякин, – ответил Мякин.

– Хорошо, пусть будет Мякин. Вы, товарищ Мякин, искренне предложили нам угощаться или, как это бывает, по инерции? Может, вы сейчас жалеете об этом. Жалеете, что

сказали «угощайтесь». Доложите нам правду, какая бы горькая она ни была.

– Что вы мелете, профессор? Так интеллигенты беседу не ведут. Это совсем не культурно! – Бухгалтер сделал вид, что обиделся, и ушёл к себе.

– Вот видите, – прошептал профессор. – Мы с вами остались вдвоём, что совсем неплохо для начала.

Мякин подошёл к гостинцам, разделил их на две равные кучки, одну из них сгрёб в пакет и протянул его профессору:

– Угощайтесь.

Профессор испуганно отшатнулся от пакета и почти закричал:

– Нет и нет! Это вопиющая несправедливость! Всё пополам. Это значит, что я должен половину отдать вам?

Мякин молча положил пакет профессору на кровать, взял из своей доли любимую булочку, вышел в коридор и, покусывая лакомство, пару раз прошёлся мимо тёмных окон. Внутренний дворик клиники слабо подсвечивали редкие фонари.

«Завтра надо бы погулять на воздухе», – подумал Мякин и вернулся в палату.

Палата встретила его неожиданной тишиной. Верхний свет был погашен. Ночники горели только у бухгалтера и профессора. Мякин обратил внимание на то, что пакет на профессорской койке исчез. Он подобрал свои гостинцы, разместил их в тумбочке, взглянул на нетронутый ужин, вынес тарелку и кружку в коридор и уверенной походкой на-

правился к дежурной сестре.

– Куда это мне можно положить? – спросил он у дежурной.

– Это в столовую, – дружелюбно ответила дежурная.

– А это где? – снова спросил Мякин.

– Это там, – ответила дежурная, указав рукой куда-то по направлению за клизменную.

– То есть за клизменную? – уточнил Мякин.

– Вы новенький? – чуточку удивившись, произнесла дежурная.

– Да, – услужливо ответил Мякин.

– Прямо, потом направо, ещё раз направо и там увидите, – участливо ответила дежурная.

Мякин с полной тарелкой и кружкой направился на поиски столовой. Клизменную он нашёл быстро – недаром уже дважды там побывал, а дальше... дальше стало сложнее. Он повернул направо, как указала дежурная, и оказался в небольшом как будто холле, из которого можно было по лестницам уйти наверх влево и вниз направо. Мякин включил логику: «По этим лестницам с дребезжащей каталкой не проберёшься, а вот справа на лифте, пожалуй, можно».

Мякин подошёл к лифту и нажал чёрную кнопку. Ничего не произошло: ни звука, ни загоревшейся лампочки у кнопки – можно было подумать, что лифт либо обесточен, либо...

«Не работает», – подумал Мякин.

– Работает? – услышал он сзади.

Мякин обернулся: знакомый по утреннему обходу седой доктор по-деловому сверлил Мякина глазами. Мякин не успел ответить, как услышал следующий вопрос:

– Ужин не понравился?

– Понравился, – ответил Мякин и подумал: «Что это я сказал, стоя с полной тарелкой еды?» – То есть не очень, – добавил он.

– Не очень, – согласился доктор. – Но кушать-то можно?

– Можно, – покорно ответил Мякин.

Неожиданно двери лифта распахнулись, и доктор жестом пригласил Мякина войти в кабину.

– Вам, вероятно, в столовую? – спросил доктор.

– Да, если можно, – ответил Мякин.

– Можно, – сказал доктор и нажал кнопку с цифрой три, где сбоку на потёртой бумажке красовалась небрежно написанная кем-то цифра четыре.

Лифт двинулся вверх. Вскорости двери открылись, и доктор констатировал:

– Столовая.

Мякин сказал: «Благодарю» и вышел наружу. Тёмный коридор встретил его гулкой тишиной. Мякин огляделся по сторонам. Прямо перед ним оказалась дверь с надписью «Столовая», а ниже виднелась бумажка, приклеенная к табличке липкой лентой. Мякин вплотную подошёл к бумажке и прочёл: «Извините за неудобства: столовая временно переехала на первый этаж».

Мякин скорее машинально, чем осознанно дёрнул ручку двери. Та легко открылась, и кто-то из полумрака сказал:

– Ну вот и длинный появился! Заходи – что в дверях-то стоять?

Мякин хотел было отступить назад и закрыть дверь, но сильная рука, появившаяся слева, решительно прихватила его за спину, и он, против своего желания, оказался в чужой палате.

– Да ты, брат, с тарелкой и кружкой! Успел, значит, в столовку забежать? – И тот же голос добавил: – Длинный у нас пострел – везде успевает: и мадаму прихватить, и еду добыть.

Дверь за Мякиным закрылась, кто-то в углу зажёл ночное освещение, и Мякин разглядел обстановку. Чужая палата была намного меньше мякинской, четыре койки стояли почти вплотную друг к другу по две вдоль стен, оставляя посередине узкий проход. Три койки были заняты не очень симпатичными личностями, а одна – слева у окна – оставалась свободной.

– Не стой в дверях, садись рассказывай, где сегодня отгулялся?

Та же рука настойчиво продвигала Мякина к пустой койке. Под этим внешним воздействием он протиснулся к окну, сел на пустую кровать и объявил:

– Товарищи, я не ваш! Я ошибся палатой!

– Не дрейфь, длинный, ты среди своих... – Голос напротив добавил ещё пару нехороших слов, и Мякин понял свою

ошибку: «Не надо дёргать чужие двери, когда свои есть».

Некто небритый справа от Мякина произнёс:

– Да, это действительно не наш!

– Не наш? – усомнился первый голос.

Кто-то включил большой свет.

– А чего к нам заявился? – Голос справа крепко выругался.

– Я ошибся, – тихо ответил Мякин.

Тот, что был сзади от него, пробасил:

– За ошибки платить надо. У нас тут вход пятак, выход – рубль.

– А вы кто будете? – спросил Мякин. – Больные, что ли?

– Мы-то – больные, а вот кто ты? Нам интересно бы узнать, – прохрипел небритый.

Мякин поставил тарелку с кружкой на подоконник и встал.

– Ну, я пойду.

– Он, наверное, шизик, – прохрипел небритый и выругался как-то странно для Мякина. Его слова «лысый глаз», которые он прибавлял к каждой фразе, мешали мякинскому восприятию происходящего.

– Ну так и быть, не наш, двигай отсюда, а еду оставь, лысый глаз!

– Ты чё, дед, зачем его отпускать? Пусть доложит обстановку, что и как! – Басовитый закрыл Мякину проход. – Если он шизик, нам полезное расскажет. Нам ещё всю зиму

здесь куковать.

– Не впервой, откукуемся, лысый глаз! – возразил небритый.

Мякин, слушая этот диалог, начал соображать:

«Странная компания здесь подобралась. Похоже, не большие это».

– Я вряд ли вам пригожусь, – произнёс Мякин. – Я новенький, меня только вчера сюда взяли.

Молодой, давно не стриженный, лежавший напротив Мякина, неожиданно проявился простуженным голосом:

– Новенький, не новенький – значения не имеет. Нам любой шизик подойдёт.

– А тебя не спрашивают, лысый глаз! – прохрипел небритый. – Ты сам новенький. Первый раз на зимовку определился. Молчи! Заткнись, лысый глаз!

Мякин сверхвежливо заявил:

– Братцы, я вам точно не подойду. Я не шизик, я спать не могу.

– Как это не можешь? – удивился небритый. – Совсем не можешь или только притворяешься?

– Совсем не могу. Вот уж почти две недели не сплю.

– Слушай, дед. Нам он точно не подойдёт. Нам без спанья нельзя.

– Да понял я, понял, лысый глаз! – ответил небритый. – Не шизик он. Совсем не похож. Наш-то Длинный его по шизе за пояс заткнёт.

– Длинный-то заткнёт, – согласился басовитый. – Да только шастает твой длинный где ни попадя. Сгребут его, выгонят отсюда – тогда и нас попрут.

– Не попрут, если шизеть будем грамотно, – не согласился хрипатый.

– Ну, я пойду? – снова спросил Мякин.

– Да уж иди, лысый глаз! – согласился небритый. – Тарелку-то оставь. Длинный придёт, поужинает.

Мякин пробрался по проходу к двери и попрощался:

– До свидания.

– Прощевайте, – произнёс басовитый. – И не кашляйте.

Мякин, оказавшись в тёмном коридоре, с трудом обнаружил лифт, нажал на кнопку и долго ждал прибытия кабины. К себе в палату он возвратился поздно, тихонечко прикрыл за собой дверь, аккуратно разделся и прилёг к себе на постель.

– Гуляете, Мякин? – услышал он шёпот профессора. – А у нас перемены.

Мякин молчал. Он закрыл глаза и подумал:

«Хватит мне на сегодня перемен. Достаточно для одного дня».

– Вам что, совсем неинтересно? – продолжил профессор.

«Этот неугомонный не отстанет же», – подумал Мякин и ответил:

– Интересно.

– Как-то вяло вы говорите, а про себя, небось, подумали,

что ерунду какую-то хочет сообщить этот профессор!

– Я так не думаю, – прошептал Мякин и добавил: – Излагайте.

– Вот-вот. В этом вы весь и есть, – обидевшись, прошипел профессор. – В этом вашем «излагайте» и кроется весь ваш сарказм. Всё ваше негодование к окружающей среде.

– Так... – подумал Мякин, – эксперимент с засыпанием, похоже, сегодня у меня не состоится.

– Вот вы сказали это слово – «излагайте» – с каким-то превосходством, а превосходства-то и нет. Нет, господин Мякин, превосходства, да и не было.

– Вы перестанете там шептаться? – возмутился бухгалтер. – Уже которую ночь спать не даёте!

– А и правда, давайте спать, – тихо сказал Мякин.

Минуты две профессор молчал. Слышно было, как он вздыхает и ворочается с боку на бок.

– Как же вы, господин Мякин, собрались спать? – снова прошептал профессор. – Вы же давеча нам сообщили, что совсем не спите.

Мякин твёрдо решил отмолчаться.

– Значит, вы ввели нас в заблуждение, – продолжил профессор. – Это нехорошо. Заблуждающийся человек крайне опасен. Вы представляете, что вы сотворили?

У окна послышался храп.

– Ну вот, сначала шёпот, потом симфония инструментальщика, – тихо произнёс бухгалтер.

– А мне наплевать, хоть ураган! – добавил седой. – Пусть хоть всё рухнет вдребезги, лишь бы эмоций побольше.

На некоторое время в палате повисла тишина, даже инструментальщик, громко заклокотав, затих. Мякин повернулся на спину, сладко вытянул ноги и словно бы задремал, и показалось ему, что небритый из странной палаты будто бы прохрипел:

– Ты к нашей свободной жизни совсем не приспособлен. Не годишься ты нам.

«Не гожусь, – подумал Мякин и спросил сам себя: – Почему не гожусь?»

– Вы что, спите? – снова зашептал профессор.

– Не сплю, – ответил Мякин.

– Это хорошо, – обрадовался профессор. – Вот что я вам скажу, господин Мякин. – Профессор приподнялся и сел. – Заблуждение – вещь весьма опасная. Если часто заблуждаться, то и свихнуться можно, то есть пойти по психическому. Вот у меня просто нервное, а они думают психическое. Заблуждаются. Ох как заблуждаются!

Со стороны окна вновь послышался храп.

– Вот у инструментальщика – психическое. А у меня чисто нервное. – Профессор продолжил бормотать, иногда что-то непонятное, и, кажется, потихоньку сидя задремал.

– Именно нервное... – последнее, что расслышал Мякин, и со стороны профессора послышалось тихое посапывание.

Инструментальщик громко всхрапнул и, видимо, повер-

нувшись, затих. Мякин ещё несколько минут настороженно прислушивался к внезапно наступившей тишине, и снова его мысли устремились куда-то далеко отсюда, и снова он вроде бы задремал.

– Свобода – она, знаешь, не для всех, – прохрипел небритый. – Её заслужить надобно, лысый глаз.

Мякин как будто проснулся и огляделся. Сидит он в какой-то хламиде, то есть одежда на нём есть, но не его, а размера на два больше, да и чистоты сомнительной.

– Вот возьми нас, свободных людей, – продолжил небритый. – Никто нам не указ, лысый глаз. Мы сами по себе.

«Сами по себе», – подумал Мякин и открыл глаза.

Инструментальщик всласть храпел, аж с переливами. Профессор тихо посапывал, иногда что-то бормотал себе под нос. Бухгалтер аккуратно лежал на правом боку, подложив ладони под щеку, и, кажется, чмокал губами. Только седой не спал – он лежал на спине и не отрываясь смотрел вверх в одну точку.

Мякин сел на постели, потёр сонные глаза и впервые за эти недели почувствовал, что выспался.

«Ай да я! – подумал он про себя. – Неужели мне клиника помогла?»

– Не спится? – тихо произнёс седой.

– Ага, – ответил Мякин. – Душно тут у нас.

– Да, – согласился седой. – Инструментальщик не даёт окно открыть – боится, что с завода его кто-то может украсть.

– Странно, – сказал Мякин.

– Ничего странного я не вижу, – возразил седой. – Он с заводом сжился – вот ему теперь завод и мерещится.

– Завод для него – это какой-то образ, – уточнил Мякин.

– Образ? – усомнился седой. – Да, конечно, образ. Зверь, пожирающий людей и изрыгающий дым, скрежет и вонь.

– Я так не думаю, – возразил Мякин. – Он, наверное, любит свой завод.

– Любит? – недоверчиво ответил седой. – Как можно любить железяки? Это нонсенс! Кажется, я к месту употребил этот термин. «Нонсенс» – красиво звучит. Или, скажем, парадокс. Не находите, что это красиво, когда парадокс? Например, можно сказать, что у него парадокс. Это гораздо лучше, чем понос.

– Парадокс красивее, чем понос, – согласился Мякин и посмотрел на часы. – Шесть утра, – прошептал он. – Ещё целый час можно спать.

– Можно спать, – согласился седой и закрыл глаза.

Мякин больше не заснул. Сколько он ни старался тихо, не шевелясь, лежать с закрытыми глазами, сон не шёл, не появлялась даже дремота, которую он только что испытал.

«Это что же, для того чтобы спать, надо каждый день бегать в клизменную? – подумал Мякин и вспомнил женщину с мускулистыми руками – ему стало как-то не по себе. – А может быть, это после стресса я пошёл на поправку? Точно, после стресса и контору забыл».

И действительно, он поймал себя на мысли, что за прошлый день он контору свою вроде бы ни разу и не вспомнил.

Мякин тихонько оделся и вышел в коридор. За окнами побелело. Он подошёл вплотную к оконному стеклу и разглядел на голых ветвях иней. В больничном садике наступила зима.

«Подморозило... Вроде рановато, – подумал Мякин, – ещё середина ноября, а с другой стороны, бездомные знают, когда на зимовку податься».

Дежурной на месте не было – видимо, после ночных кошмаров клиника затихала в такие ранние часы. Мякин несколько раз прошёлся по коридору и встал у окна напротив своей палаты.

– Не спится? – услышал он чужой голос.

– Не спится, – согласился Мякин.

– А я смотрю – кто-то из новеньких бродит. Дай, думаю, познакомлюсь. – Мужчина с бородой встал рядом с Мякиным и внимательно посмотрел в окно. – Ну так пообщаемся, если вы не против? – Бородатый, не отрываясь от созерцания окна, продолжил: – Ну как вам здесь? Не притесняют?

Мякин недоверчиво посмотрел на незнакомого собеседника, который не очень-то походил на больного. Скорее его можно было бы принять за больничного работника, только без белого халата. К тому же Мякин заметил на нём какую-то зелёную униформу. Он уже встречал таких из персонала медучреждений, где бывал раньше, но в этом заведении это бы-

ло впервые.

– Всё нормально, – осторожно ответил Мякин.

– Нормально, – не поворачиваясь к Мякину, повторил бородатый. – То есть у вас замечаний нет?

– То есть замечаний нет, – повторил Мякин.

Бородатый около минуты стоял молча, Мякин даже подумал: не отойти ли ему от этого собеседника? Но из вежливости остался на своём месте.

– Я понимаю вас: вы боитесь сказать правду, – продолжил бородатый.

Мякин решил немедленно избавиться от новой проблемы и объявил:

– Я пошёл. – И, отвернувшись от бородатого, зашагал прочь.

– Имейте в виду, – услышал он вдогонку, – я этот вопрос задам вам на утреннем обходе.

Мякина эта фраза как-то сразу остановила.

«На утреннем обходе», – повторил он про себя и обернулся. Бородатый стоял в той же неподвижной позе и не отрываясь смотрел в окно.

– Вы доктор? – тихо спросил Мякин.

– Это имеет значение? – ответил бородатый. – Вы боитесь докторов больше, чем пациентов?

Мякин понял, что если сейчас не уйдёт к себе, то ввяжется в этот тягостный разговор, но любопытство, а скорее мякинская нерешительность заставила его ответить:

– Я никого не боюсь.

– Странно, – сказал бородатый. – Очень странно, вы неправильный пациент.

– Почему неправильный? – удивился Мякин.

Бородатый наконец-то повернулся к Мякину лицом и строго сказал:

– Вы же видите, что дежурной нет на месте. Это непорядок, а говорите, что всё нормально. Зачем вы это сделали?

Мякину стало скучно, он подошёл к окну, помолчал несколько секунд, вздохнул и тихо ответил:

– А какое вам дело до меня? Если вы доктор, то сами и занимайтесь своей дежурной, а если вы кто-то другой, то вам лечиться надобно, а не рассуждать.

Бородатый отвернулся от Мякина и двинулся к столу дежурной. Мякин с изумлением заметил, что бородатый сел за стол, открыл какой-то журнал и углубился в чтение.

«Сумасшедший дом!» – подумал Мякин и вернулся к себе в палату.

– Вы опять где-то бродите, – услышал он недовольный голос профессора. – Уже скоро семь, а вас нет! Мы все изнервничались.

Мякин удивлённо посмотрел на спящих соседей и тихо ответил профессору:

– Все спят, нервничаете только вы.

Профессор лёг набок и продолжил:

– Вот что я вам, господин Мякин, скажу: неправильный

вы человек. Мы нервничаем, а вам хоть бы хны!

«Я с утра уже дважды неправильный», – подумал Мякин и ответил:

– Если у вас ко мне есть конкретные претензии, то я готов выслушать вас, а если это просто так, то, пожалуйста, прекратите ко мне приставать.

Профессор затих. Мякин улёгся на кровать поверх одеяла, закрыл глаза и сразу же задремал.

– Доброе утро, доброе утро, – услышал он незнакомый женский голос. В палате зажгли большой свет. Тот же голос произнёс: – Меряем температуру.

Мякин открыл глаза. Симпатичная девушка с улыбкой подала ему стеклянный термометр. Она обошла всех пациентов и на выходе из палаты добавила:

– Скоро завтрак. Доброго вам дня и приятного аппетита.

– Спасибо, – за всех ответил седой.

Через десять минут Мякин намерил себе нормальную температуру, сел в кровати и хотел было податься в туалетную комнату, чтобы привести себя в порядок, но остановился, бухгалтер неожиданно застонал на всю палату:

– Опять на красной! Опять на красной! Боже мой, сколько же можно, я не выдержу этого!

Мякин вопросительно посмотрел на профессора. Тот, не обращая внимания на вопли бухгалтера, ритмично тряс термометр и приговаривал:

– Вот же, подсунут чужую температуру, а ты потом отве-

чай!

Инструментальщик вытащил свой градусник из подмыш-ки, поднялся с кровати и подошёл к расстроенному бухгал-теру.

– На, возьми мой. У меня не на красной. – С этими сло-вами он протянул свой термометр бухгалтеру. Тот недовер-чиво взглянул на инструментальщика, на его термометр и с сомнением спросил:

– У вас точно не на красной?

– Точно, как в твоей бухгалтерии, – последовал ответ.

– Вы можете гарантировать? – снова спросил бухгалтер.

– А чего тут сомневаться! На, смотри.

Бухгалтер осторожно взял чужой градусник, долго разгля-дывал его, поворачивал так и эдак и наконец изрёк:

– Этот мне подойдёт, только куда я дену этот? – И он до-стал из подмышки свой термометр.

– Отдай его мне, – предложил инструментальщик.

– Как же я вам его отдам без отчёта? Мне его вручили под отчёт – мне его сдать нужно.

– Ну, как хочешь, – равнодушно ответил инструменталь-щик и возвратился на своё место.

– Ерундой занимаются, – укоризненно произнёс профес-сор, продолжая трясти свой термометр. – Без стыда и сове-сти берут чужую температуру, а потом жалуются, что не так лечат.

– А какая разница, – включился в разговор седой. – Я вот

могу вам любую температуру изобразить. Тебе, профессор, какую сделать?

– Мне свою, чужого мне не надо, – ответил профессор, подавая термометр седому.

– Э... Да у тебя очень низкая. Зря ты так трясешь. – Седой интенсивно потёр градусник профессора и, возвращая его, сказал: – Вот теперь у тебя ровно тридцать шесть. То что нужно.

– Весьма благодарен вам, – произнёс профессор и положил свой термометр на тумбочку.

Через некоторое время в палате вновь появилась симпатичная девушка с картонным планшетом.

– Ну-с, господа, у кого что набежало?

Медсестра по очереди подходила к каждому пациенту, смотрела на термометр и записывала на планшет показания температуры. Остановившись у профессора, она произнесла:

– Что-то слабенько. Плохо держали, наверное?

Профессор не раздумывая ответил:

– Очень может быть, но зато своя.

– А где ваш термометр? – спросила она инструментальщика.

– Я его отдал соседу, – ответил тот и указал на бухгалтера.

Медсестра подошла к бухгалтеру.

– Показывайте, что у вас?

– Вот. – Бухгалтер достал из кармана градусник и подал

медсестре. – Но это не моя температура, это чужая.

– Я поняла. Это градусник соседа.

– Нет, это мой градусник. Я его возвращаю с чужой температурой.

– А где же ваша?

– Моя – вот, – бухгалтер достал второй термометр. – Это моя температура.

Медсестра обратилась к инструментальщику:

– А где ваша температура?

Инструментальщик пожал плечами и нехотя ответил:

– Мне она сегодня не нужна. Можно же хотя бы один день быть без температуры?

– Хорошо, хорошо. Сегодня можно и без температуры, – согласилась медсестра, забрала у бухгалтера оба термометра и что-то записала на планшете. Собрав все термометры, она удалилась.

– Удачный день! – обрадованно произнёс бухгалтер.

– А что тут удачного? – мрачно спросил седой. – Завтрака ещё нет. Обхода нет. Неизвестность сплошная впереди.

– Вам говорят, что удачный, – значит, удачный, – произнёс профессор. – Все довольны своей температурой. Вот и новенький, вижу, доволен. А если новенький доволен, так и нам хорошо, даже приятно наблюдать за довольным.

В ответ на такое внимание со стороны профессора Мякин произнёс:

– Пойду, пройдуся, – и вышел из палаты.

«Не знаешь, где потеряешь, а где найдёшь, – подумал Мякин. – Попроситься, что ли, назад? Там, в закрытой палате, было лучше, а здесь дурдом какой-то».

В дальнем конце коридора послышался знакомый звук железяки с кастрюлями. Подавали завтрак – второй мякинский завтрак в клинике. Утреннее съестное доставили и в мякинскую палату. Мякин приступил к поглощению клинической пищи и подумал:

«Сколько же завтраков мне нужно пережить, прежде чем меня выпустят отсюда?»

И тут к нему пришла фантастическая мысль: «Я же могу и сам уйти отсюда».

– Могу и сам, – повторил он вслух, запихивая последнюю ложку серой каши в рот.

– Все мы можем, – поддакнул ему профессор. – Но не хотим. Вот в чём вопрос! Всё можем, но не хотим.

– А когда хотим, то не можем, – продолжил седой.

– Не искажайте мою мысль, – возмутился профессор и недовольно добавил: – Свою надо иметь.

Мякин поставил пустую тарелку на тумбочку, попробовал непонятную жидкость в кружке, отложил это питейное мероприятие и посмотрел свой мешочек с гостинцами. Мешочка на месте не было.

«Ого! – удивился про себя Мякин. – Не я же расправился с гостинцами». – И внимательно осмотрел присутствующих.

«Кто же мог это сделать? – подумал Мякин. – Профессор

вряд ли – я ведь отдал ему половину. Наверное, кто-то из оставшихся? Но как вычислить этого воришку?»

– О! – уже вслух удивился Мякин. – Хотел полакомиться, а гостинцев-то нет.

Профессор как-то странно заёрзал на своей койке и обиженно произнёс:

– У меня своего полно. Если вы, господин Мякин, что-то подумали про меня, то это напрасно. – Он отрыл свою тумбочку и засуетился. – Нельзя же думать про меня только на основании того, что я ближе всего к вам.

– Я так не думаю, – оправдывался Мякин. – Я вообще думаю, что это сделала медсестра.

– Медсестра такое не делала, – мрачно констатировал инструментальщик. – А профессор врёт: сам взял, а сейчас мозги пудрит. У нас в заводе за такие «пеночки» мазали тавотом инструмент.

– Вы не разбираетесь, а сразу – тавотом, – возмутился профессор.

– Вот, смотрите. – Он достал из своей тумбочки два пакета. – Вот, смотрите. Это мне подарил господин Мякин, а это... – он поднял второй пакет, —.. мне принесли родственники.

– Ага, – буркнул инструментальщик. – Родственники-невидимки.

Профессор бросил оба пакета в тумбочку и взволнованно ответил:

– Вы что, думаете, у меня не может быть родственников?

Инструментальщик лёг на койку, отвернулся к окну и про-
изнёс:

– Родственники у всех могут быть, только невидимки не
у всех бывают. Вот у нас в заводе...

– У вас в заводе, у вас в заводе. – перебил его профессор. –
Вы же видите, что ваш завод никого не интересуется!

– Почему же не интересуется? – возразил бухгалтер. – Мне
очень интересно, что там в заводе? А по поводу пакетов – так
я вам профессионально заявляю, что дебета у вас, дорогой
профессор, быть не должно. Дебет не бывает невидимым.

Профессор совсем разнервничался. Он вскочил на кро-
вать и стал кричать:

– Караул! Гостинцев хотят лишить! Зависть их гложет!
Караул! Помогите!

– Кому здесь плохо? – Седой доктор появился на пороге
палаты. – Что за шум? Вам плохо? – обратился он к профес-
сору.

Профессор прекратил кричать, спустился на пол, уселся
на свою кровать и тихо ответил:

– У меня это нервное, уже прошло.

– Ну-с, тогда всем здравствуйте! Доброе утро! – Доктор
вошёл в палату, а за ним протиснулся уже знакомый Мякину
бородатый в зелёной униформе.

– Так-с, так-с. Что тут у нас? – Доктор подошёл к Мякину.

Бородатый вытащил из стопки бумаг тонкую папку и про-

тянул её доктору.

– Анализ сделали, – продолжил доктор. – Так-с, так-с. Рентген. – Доктор взглянул на просвет рентгеновский снимок. – Всё весьма неплохо. Как спали?

Мякин спокойно, стараясь быть как можно равнодушнее, ответил:

– Удалось подремать.

– Подремать – это хорошо, – продолжил доктор. – Это очень недурственно. А это зачем? – Он показал бородатому какую-то запись в мякинской папке.

Бородатый пожал плечами и тихо ответил:

– Назначили.

– Хм... – отреагировал доктор и обратился к Мякину: – Какие будут пожелания, жалобы?

Мякин молчал и пристально смотрел на бородатого, а тот, в свою очередь, стараясь быть незамеченным, подмигнул ему и как бы случайно приложил палец к губам – мол, молчи, Мякин! Но Мякин не промолчал – он спросил:

– Доктор, а можно мне вернуться в свою первую палату?

Доктор сделал удивлённое лицо.

– Что, назад захотелось?

– Захотелось, – кивнул Мякин.

Доктор, оглядев палату, произнёс:

– Так-с, так-с. Конечно, не супер. – А что у нас в... – И он назвал номер первой палаты Мякина.

Бородатый замешкался с ответом, взглянул куда-то по-

верх головы доктора и неуверенно ответил:

– Кажется, поселили Адмирала.

– Адмирала? – переспросил доктор.

– Надо уточнить, – ответил бородатый.

– Ну-с, порешаем, – сказал доктор. – Уточним, а уж потом решим вопрос с вашим переселением. Согласны?

Мякин кивнул, а доктор перешёл к следующему пациенту.

– Как сегодня ваши нервы? – спросил он профессора.

– Вы знаете, доктор, мои нервы на пределе, – обиженно ответил профессор.

– Так-с, так-с, – отреагировал доктор. – Что здесь у нас? – Бородатый подсунул ему следующую папку. – Нервы, нервы, – перелистывая досье профессора, произнёс доктор. – Ну так кто же вам установил предел? – Он заинтересованно спросил профессора. – Мне припоминается, что вчера у вас пределов не было.

Профессор молча кивнул в сторону Мякина.

– Очень хорошо! – обрадовался доктор. – Вы реагируете на конкретные вещи. Это просто замечательно!

Профессор насупился и спросил:

– Доктор, вы действительно так думаете?

– Тут и думать нечего, – ответил доктор. – Раньше вам не нравилось что-то абстрактное, какие-то отдельные фразы, термины, а теперь – совсем другое дело!

– Какое дело? – переспросил профессор.

– Вас раздражает, то есть нервирует конкретный, целый

человек. Это замечательно!

Профессор удовлетворённо улыбнулся:

– Доктор, это значит, я иду на поправку?

– Без сомнения, – ответил доктор, повернулся к бородатому и что-то сказал ему. Бородатый принял от доктора папку и сделал там пометку.

Профессор встал с постели, гордо осмотрел всех присутствующих и остался стоять, словно ожидая вручения каких-то наград. Доктор осмотрел его зрачки, похлопал по плечу и успокоил:

– Это у вас пройдёт, только соблюдайте режим, не пропускайте процедуры и принимайте лекарства. – Кто у нас следующий? – спросил он и подошёл к инструментальщику. – Шумит? – спросил он.

– Шумит, – ответил инструментальщик.

– Принимаете? – спросил доктор.

– Принимаю, – ответил инструментальщик.

Доктор взял папку пациента, полистал бумаги и спросил:

– Вы у нас уже почти месяц?

– Да, – подтвердил инструментальщик.

Мякин дальше не стал слушать медицинские диалоги и вышел из палаты. Он подошёл к окну. Погода сегодня радовала. Яркое солнце подсвечивало ещё не растаявший иней на деревьях. Мякин глубоко вздохнул и двинулся в сторону поста дежурной медсестры, а та, заметив его движение, вскочила из-за стола, быстро подошла к нему и заявила:

– Что вы здесь делаете? Здесь нельзя!

– Как? – удивлённо перебил её Мякин.

Дежурная недовольно произнесла:

– Сейчас обход – все должны находиться в палатах.

– Меня уже осмотрели, то есть обошли, – ответил Мякин.

– Это не имеет значения. У нас такой порядок, – настаивала дежурная.

– А у других другой порядок? – спросил Мякин.

Медсестра выпучила на него негодующие глаза и вернулась к себе. Она всей своей фигурой выражала полное недовольство мякинским поведением. Часто поворачивала в его сторону голову, качала ею и в знак презрения к Мякину отворачивалась от него. Мякин отошёл подальше от поста и продолжил любоваться солнечным утром. Он вспоминал, как ровно год назад в это же время сидел в конторе и, разбирая какие-то бумаги, неожиданно поймал на себе пристальный взгляд Раисы. В конторе не было приёмной. Кабинет Герасима Ильича находился рядом с большой комнатой, в которой трудились все конторские. Раиса, как помощница и секретарь начальника, занимала почётное место сразу у входа. Мякин сделал вид, что не замечает, как на него смотрит Раиса. Она давно поглядывала на Мякина, и ему это не очень нравилось – мешало, отвлекало от работы. А однажды, когда Мякин задержался из-за срочной подготовки важной бумаги, она подошла к нему, села напротив и, глубоко вздохнув, сказала:

– Утомишь ты себя, Мякиша. Отдыхать нужно.

Он пробубнил ей в ответ что-то невнятное, вроде того, что скоро закончит. Раиса, облокотившись о мякинский стол, подложила правую руку под подбородок и, не отрывая глаз от Мякина, спросила:

– Может, отдохнём?

Мякин оторвался от документов, взглянул на Раису и, несколько смутившись, ответил:

– Ещё чуть-чуть осталось.

– Ага, ещё чуть-чуть, – повторила Раиса.

Так она просидела рядом с Мякиным ещё минут пятнадцать пока Мякин не закончил дела.

– Теперь всё? – спросила она, когда он закрыл папку.

– Да, пожалуй, всё, – согласился Мякин.

– Тогда, может быть, пойдём, – предложила Раиса.

Они быстро собрались. Раиса погасила свет, закрыла все помещения и сдала ключи на вахту. Прохладный осенний воздух встретил их свежестью и каким-то особенным вкусом, который, бывает, висит в вечернем воздухе при хорошей погоде, когда только что скрылось блестящее, чистое после дождей солнце.

– Мякиша, что-то зябко сегодня – зайдём в кафе, – предложила Раиса.

Мякин насупился, даже остановился.

– Что же ты остановился, Мякиша, пойдём! – И Раиса повела Мякина дальше.

Они молча прошли одну остановку и остановились.

– Вот здесь будет хорошо, – Раиса указала на яркую вывеску.

Внутри было тепло и уютно, посетителей немного, только две молодые пары расположились за столом в углу. Мякин выбрал столик в центре, но Раиса замотала головой.

– Давай присядем вон там. – И она повела его в уголок к окну.

Когда подошёл официант, Раиса попросила:

– Нам, пожалуйста, два бокала вина... Что ты ещё хочешь? – спросила она.

– Вообще-то, пора ужинать, – ответил Мякин.

– Да, поужинать, – улыбнувшись согласилась Раиса.

Когда на столике появились вино и яичница для Мякина, Раиса подняла свой бокал и произнесла:

– Ну что, Мякиша, выпьем за знакомство?

Мякин немножко удивился и спросил:

– Мы знаем друг друга уже давно – чего же тут знакомиться?

– Всё равно, за знакомство! – повторила Раиса.

Мякину пришлось подчиниться. Он поднял свой бокал, они чокнулись и немного выпили. Раиса поставила свой бокал и задумчиво произнесла:

– Мы с тобой, Мякиша, впервые вдвоём вот так сидим в кафе и пьём вино, поэтому – «за знакомство».

Мякин угукнул и приступил к поеданию яичницы.

– Ничего ты, Мякин, не видишь, ничего не знаешь! – Раиса подняла свой бокал, отпила ещё немного вина и, отвернувшись от Мякина, стала смотреть в окно. За витриной кафе по освещённому фонарями тротуару двигались горожане. Кто-то спешил, кто-то, видимо, бесцельно бродил по городу, совершая вечернюю прогулку.

Мякин доел яичницу и спросил:

– Ещё посидим или пойдём?

– А куда же пойдём, Мякиша? Что ты можешь мне предложить?

Мякин задумался. Ему не хотелось обижать Раису, но пора было домой – он и так задерживался более чем обычно.

– Мы можем немного пройти до центра, – ответил Мякин.

– Пройти до центра, – повторила Раиса. – А потом?

– Потом, если хочешь, я тебя провожу до дома.

– Хочу, – повернувшись к Мякину, ответила она.

Раиса держала его под руку, и они не спеша двигались в сторону площади.

– Ты, Мякиша, счастлив? Ты счастливый человек? – спросила она.

– Да, наверное, – ответил Мякин.

– Сомневаешься? – снова спросила она.

Мякин задумался. Ответить сразу утвердительно ему не хотелось. Он знал, что Раиса живёт одна. Конторские поговаривали, что после какой-то трагедии она осталась в одиночестве и даже несколько лет сторонилась мужчин. Бородач

даже пару раз говорил при Мякине, что вот, мол, шикарная женщина одна, что это неправильно.

Они молча прошли несколько переулков, и чем ближе к центру, тем больше встречалось прохожих. На большом проспекте образовалась пешеходная толчея, и им пришлось подчиниться общему движению.

– Ты не ответил мне, – сказала она. – Ты счастлив или не очень?

Отступать было некуда, и Мякин сформулировал обтекаемый ответ:

– Счастлив, когда всё хорошо.

– А когда плохо, несчастлив? – спросила Раиса.

Мякин подумал: «А действительно, счастлив ли я?» и ответил:

– Когда плохо, наверное, все несчастливы.

Она на некоторое время замолчала. Они пересекли площадь, остановились на углу двух улиц, и она сказала:

– Мне здесь совсем рядом – я добегу одна.

– Одна? – удивился Мякин и добавил: – Давай я тебя провожу.

– Не стоит, Мякиша, тебя уже дома, наверное, давно ждут. – Она высвободила руку и сказала: – Нет, не провожай. Пока.

Мякин с полминуты смотрел на удаляющуюся фигуру Раисы, пока она не исчезла за ближайшим поворотом. Постоял на углу, размышляя, на какую остановку ему пойти, и, решив

эту проблему, поспешил домой. В этот вечер супруга была к нему, как всегда, внимательна и услужлива.

Мякин простоял в больничном коридоре весь утренний обход. Доктор переходил из одной палаты в другую, каждый раз замечал Мякина, но сразу же отворачивался от него, продолжая общаться с бородатым помощником. До обеда Мякин так в палате и не появился. Он бродил по больничным лабиринтам, даже хотел было заглянуть к этим странным пациентам, где оставил свой ужин, но передумал, спустился вниз на вахту, постоял в вестибюле недалеко от охранника в ожидании какого-нибудь знакомого посетителя и возвратился к себе только перед самым обедом.

Палата встретила его напряжённым молчанием, и только профессор проворчал:

– Один вернулся – может, и второй когда-нибудь появится.

Мякин огляделся и заметил, что койка инструментальщика пустовала. В скором времени подали обед: жиденький супчик и котлетку с серым пюре. Мякин после длительного скитания по коридорам заведения, кажется, проголодался и разделался с обедом весьма быстро. Соседи по палате молча добивали обеденные блюда. Первым поддержал реплику профессора бухгалтер:

– У нас ЧП: инструментальщик пропал.

Мякин прилёг на постель и ничего не ответил.

– Вы слышали, у нас ЧП: пропал инструментальщик, –

снова заявил бухгалтер. – Вы там где-то его не встречали?

Мякин нехотя ответил:

– Нет, не встретил.

Профессор не выдержал напряжения момента и завёлся:

– Сбежал ваш инструментальщик на свой завод! Может, к ужину вернётся, а может, даже к утру, если в третью смену инструментальщик будет. А вы тут нервничаете! Этот-то вернулся, поел и лежит как бревно – так и тот заявится, никуда не денется. Вы все думаете, что научная мысль уже никуда не годится, что она хуже инструментальной? Отнюдь, ошибаетесь: научная мысль всегда будет побеждать инструментальную! Ещё не было такого, чтобы...

– Хватит гудеть! – перебил его седой. – Ваша научная трескотня уже в ушах звенит.

– Да, звенит, и будет звенеть, – огрызнулся профессор.

– Лучше писали бы диссертацию! – рявкнул седой. – И темочку могу предложить: «Уход инструментальщика, как нетипичное клиническое явление».

Профессор задумался; сначала даже показалось, что он иссяк, но через минуту профессорская мысль вновь забурлила.

– Я лучше займусь разработкой другой темы – «Явление напраслины в стеснённых условиях» – и всем докажу, аргументированно докажу, что напраслина – типичное явление, и бороться с ней чрезвычайно сложно. Есть у нас ещё некоторые, – он кивнул в сторону Мякина, – которые напраслину

наводят на пустом месте.

Седой безнадежно махнул рукой, улёгся на постель и сосредоточился на созерцании потолка. Профессор ещё некоторое время разглагольствовал на тему напраслины и, не встретив возражений, постепенно приутих, только иногда с его стороны слышались отдельные, не связанные между собой слова. Население палаты погрузилось в послеобеденную дремоту.

Инструментальщик не появился ни к ужину, ни к ночи. Дежурная медсестра уже дважды заходила в палату и спрашивалась: где же может быть инструментальщик? Никто из пациентов по этому поводу ничего путного сказать не мог. Профессор попытался ей объяснить, что инструментальщик мог выйти в третью смену, но дежурная, выслушав его, исчезла из палаты весьма озабоченной. Последний раз она посетила палату перед самым отбоем и, взглянув на пустую койку инструментальщика, быстро ретировалась.

Мякин долго лежал в темноте с открытыми глазами. Сегодняшняя ночь осталась без храпа инструментальщика. Из окна сочился слабый свет уличных фонарей, и вспоминать прошлое было приятно.

В тот вечер после странного свидания с Раисой он тоже долго лежал с открытыми глазами и пытался понять, что она хотела от него, и, пожалуй, не это его беспокоило, а то, что он сам хотел от Раисы и как бы мог поступить, но не решился. С одной стороны, ему было крайне лестно, что такая женщина

заинтересовалась им, а с другой, он боялся переступить ту тонкую грань, которая отделяет мужчину и женщину в деловых отношениях от более тесных и даже интимных.

Профессор тихо сопел и иногда, поворачиваясь с боку на бок, что-то бормотал несвязное.

«Жалко их всех, – подумал Мякин. – Сорвала их болезнь из привычного мира, вырвала из обыденности».

– И меня... – тихо, почти шёпотом произнёс он.

Седой повернулся в его сторону и прошептал:

– Не спится?

– Да, – ответил Мякин.

– А вы считайте про себя, – предложил седой.

– Считать? Так просто? – удивился Мякин.

– А что, у вас есть другие способы? – прошептал седой.

Мякин молчал – других способов у него не было. Вечерние таблетки он давно проглотил – оставалось только считать.

– До сколько? – спросил он седого.

– Это как кому нравится, – ответил седой.

Бухгалтер повернулся на другой бок и тихонько застонал.

– Вот, досчитался, – прошептал седой. – Жуть какая-нибудь приснилась.

– Лучше уж жуть, чем не спать, – возразил Мякин.

– Не соглашусь, – ответил седой. – Спящая жуть может в явь превратиться. А бывает, и наоборот.

– То есть? – спросил Мякин.

– Дневная жуть в ночную превращается – и наступает жуткий круговорот.

– Круговорот жутей! – усмехнулся Мякин.

Седой глубоко вздохнул и продолжил:

– Можно и так сказать. Затянет этот круговорот – и в один прекрасный день в дурдоме окажешься.

Ночные собеседники затихли – наверное, каждый вспоминал свою историю, которая привела его в это заведение. Мякин закрыл глаза и пытался представить себе что-нибудь хорошее, спокойное, какой-нибудь радостный эпизод. В мякинской голове мелькали картинки из далёкого детства и более современные, но на чём-то сосредоточиться ему никак не удавалось. Наконец он решился воспользоваться советом седого и начал про себя считать: «Один, два, три...»

В этом счёте Мякин добрался до двухсот и сбился. Мысленно произносить длинные числа стало затруднительно. Где-то на «двести семьдесят семь» он сбился окончательно. В наступившей паузе возникла дилемма: начать всё сначала или продолжать, не обращая внимания на ошибки счёта? Мякин продолжил и к пятисотому рубежу неожиданно задремал, то есть даже не задремал, а вроде бы, продолжая считать, думал о чём-то другом. И привиделось ему, словно сидит он на старом деревянном ящике. Вокруг зима – снежная, морозная. Высоко в небе сверкают звёзды. Костёр догорает в середине круга, образованного такими же людьми, как он, сидящими на ящиках. А рядом с ним небритый на скрипоч-

ке что-то душевное играет. Скрипка поёт, плачет о горькой судьбе, а то и весёлость от неё идёт безудержная. Небритый склонился к нему и шепчет под рыдание скрипки:

– Домой тебе нужно, домой. Не годишься ты для свободной жизни.

«Мне надо домой», – подумал Мякин и открыл глаза.

В палате было темно. Чей-то силуэт маячил у окна. Сначала Мякин подумал, что вернулся инструментальщик, но он ошибся. Это был профессор. Он втиснулся между койкой инструментальщика и тумбочкой и смотрел в окно. Профессор стоял долго, молчал и почти не двигался. Только один раз в течение пятнадцати минут переступил с ноги на ногу. Остальные однопалатники спали. Седой лежал на спине, скрестив руки на груди, и лежал так тихо, что Мякин заподозрил неладное, и только когда, приглядевшись, заметил, что грудь седого то приподнимается, то опускается, понял, что седой дышит.

Бухгалтер, отвернувшись к стене, молчал и почти не издавал никаких звуков – вероятно, сонная жуть у него прошла. Мякин вспомнил только что приснившееся ему видение небритого со скрипкой и сообразил, что ему удалось заснуть. Он взглянул на часы – до подъёма осталось всего лишь полчаса.

«Выздоровливаю, – подумал Мякин и удовлетворённо закрыл глаза, ему почему-то захотелось оказаться в детстве, когда он болел и его заставляли пить горячее молоко с мё-

дом. Он пить эту сладкую, жирную жидкость не хотел – его уговаривали. Говорили, что иначе он не поправится. – Иначе я не поправлюсь», – Мякин мысленно повторил эти слова и почти физически ощутил приторный вкус горячего молока.

– Доброе утро. – В палату вошла медсестра и включила большой свет.

Мякин открыл глаза и сощурился от яркого сияния потолочных светильников.

– Держите градусник, – предложила сестра и, остановившись у пустой койки инструментальщика, строго заявила: – Вчера наш пациент, ваш сосед сбежал из клиники. С сегодняшнего дня главврач ввёл новый режим: никаких хождений по коридорам, и палаты будут закрыты.

– Как это закрыты? – возмутился профессор. – А если мне потребуется проконсультироваться с коллегами?

– А вам-то не всё ли равно? – ответила сестра. – Вы же никогда не выходите.

– Да, до сих пор не выходил, – с достоинством ответил профессор. – А теперь мне крайне необходимо.

– Если крайне необходимо, обращайтесь к лечащему врачу, – ответила медсестра и вышла из палаты.

Мякин и все остальные услышали, как она закрыла дверь на замок. Некоторое время в палате царило оцепенение. Пациенты осваивали своё новое положение. Первым очухался бухгалтер. Он подкрался к двери, осторожно повернул ручку и надавил на дверное полотно.

– Действительно, закрыто, – немного смущённо, словно он в этом виноват, произнёс бухгалтер и на цыпочках вернулся на своё место.

Седой резко встал с постели, быстро подошёл к двери, рванул ручку и плечом надавил на дверь – дверь не поддавалась.

– Замуровали, собаки! – зло произнёс седой и добавил: – Несправедливо. Это несправедливо.

– Что несправедливо? Что несправедливо? – засуетился профессор. – Это вопиющее безобразие! Он даже температуру не будет мерить! Мы все будем, а он – нет! Вопиющее безобразие!

Профессор с возмущением сунул градусник под мышку и сел на свою койку.

– Вы, коллеги, понимаете напряжённость момента? Он ушёл на завод – и что же теперь? Что теперь прикажете делать?

– Не трещите, профессор, и без вас проблем хватает! – перебил его седой. – Измеряйте свои градусы.

– Да уж, конечно, не ваши! – буркнул профессор. – Мне ваша температура ни к чему, а если понадобится, я и свидетелей найду. Вот господин Мякин может подтвердить. Вы же можете подтвердить? – профессор обратился к Мякину.

– Могу, – равнодушно согласился Мякин. – Как скажете.

– Вот вы опять за своё! – недовольно продолжил профессор. – Вы опять сказали это с пренебрежением. Мол, говори-

те, что хотите, – мне наплевать. Вам, господин Мякин, действительно наплевать?

– Мне не наплевать. Я, кажется, уже это говорил, – ответил Мякин.

Профессор не успокаивался.

– Когда говорили? Мы что-то этого от вас не слышали.

– Боже мой, о чём вы? – возмутился бухгалтер. – Факты, факты, господа, говорят о другом. Дверь закрыта, инструментальщик сбежал. Это, знаете ли, полный дисбаланс.

В дверях щёлкнул замок, и в палате вновь появилась медсестра.

– Показывайте, что у кого намерилось? – строго произнесла она.

– Намерилось, – пробурчал профессор. – Сколько намерилось, столько и отдадим. Каждый своё отдаст – чужого у нас нет. Хотя некоторые...

– Хорошо, хорошо, – перебила его сестра. – Давайте ваш термометр.

Профессор достал свой градусник и быстро спрятал его за спину.

– Что за фокусы? – возмутилась сестра. – Вам опять что-то не понравилось?

– Угадайте: в какой руке? – В глазах профессора мелькнули острые хитринки.

– Да не буду я угадывать! Пусть доктор с вами разбирается. – Сестра отвернулась от профессора, собрала термомет-

ры у остальных, сделала необходимые отметки и вышла из палаты.

Профессор, растерянно улыбаясь, так и остался стоять с термометром за спиной.

– Ну что, профессор, остался при своих? – Седой встал и подошёл к окну. – Скоро зима. Все, как положено, на юг улетают, а мы здесь застряли. – Он немного постоял у окна и добавил: – Шуткую я. Шуткую.

Профессор вытащил из-за спины градусник, грустно посмотрел на него и сказал:

– Никому мы с тобой не нужны. Разве что доктор нам правду скажет...

– Всем всё скажут, – поддержал его бухгалтер. – Подождём доктора.

– Подождём, – согласился профессор.

И, как всегда, всё пошло своим чередом. После стандартного завтрака начался врачебный обход.

– Вы ещё здесь? – удивился доктор, увидев Мякина в палате.

– Я... – растерялся Мякин. – А где я должен быть?

– У Адмирала, – уверенно ответил доктор и строго взглянул на ассистента. – Вы не предупредили пациента?

Ассистент замаялся и неуверенно ответил:

– Дежурная должна быть.

– «Должна быть», «должна быть»! – недовольно проворчал доктор.

– Мы сейчас всё исправим, – засуетился ассистент.

– Сейчас не надо, сейчас обход, – возразил доктор и осмотрел Мякина. – Так-с, так-с. Спите? – спросил он.

– Начинаю, – лаконично ответил Мякин.

– Вот и хорошо, – отреагировал доктор. – Надо спать, надо... – А у вас как нервишки? – доктор подошёл к профессору.

Профессор протянул ему свой термометр и сказал:

– Вот.

Доктор взял градусник, взглянул на профессорскую температуру и произнёс:

– Вижу, что всё хорошо.

– Вы, доктор, видите, а я сомневаюсь.

– Прочь сомнения! – заявил доктор. – Сомнения мешают нам выздоравливать.

– Вам легко, доктор. Вас все слушаются – поэтому и сомнениям вы можете сказать «прочь».

– А вы не можете? – перебил его доктор.

– Я не могу, – растерянно ответил профессор.

– Ничего, ничего, – успокоил его доктор. – Сколько уже прошло сеансов?

– Десять, – покорно ответил профессор.

– Прекрасно. Будем продолжать, – заключил доктор и подошёл к бухгалтеру.

– Доктор, доктор! Это ещё не всё, – занервничал профессор. – Мне нужны постоянные консультации с коллегами, а

доступа нет!

Доктор повернулся к профессору, пристально посмотрел на него и спросил:

– Как часто вы консультируетесь?

Профессор напрягся, потрогал лоб, обернулся, словно его коллеги стояли гурьбой сзади него, и сник.

– Раньше это было почти каждый день. А теперь... – И он, махнув рукой, сел на постель.

Доктор повернулся к бухгалтеру и спросил:

– А ваши фобии как поживают?

– У меня всё хорошо, всё хорошо, – быстро ответил бухгалтер. – Претензий нет. Нет претензий.

– Как с анализами? – снова спросил доктор.

Ассистент услужливо раскрыл папку перед доктором.

– Доктор, и анализы у меня хорошие, – поспешил ответить бухгалтер.

– Так-с, так-с, – продолжил доктор. – Давайте-ка займёмся... – И он назвал какую-то труднопроизносимую процедуру.

Бухгалтер (видно было по его лицу) испугался, губы его задрожали, и он, немного заикаясь, произнёс:

– Доктор, мне кажется, что это лишнее, то есть мне это может навредить. Может ухудшить...

– Не волнуйтесь, мой дорогой, – успокаивающе произнёс доктор. – Если вас это волнует, то мы продолжим то, что вы уже делали. Не возражаете?

– На старое я согласен, – ответил бухгалтер.

Доктор что-то тихо сказал ассистенту и подошёл к седому.

– Ну-с, а вы как себя чувствуете? Как ваши жути? Уменьшаются?

Седой мрачно ответил, словно доктор наступил ему на мозоль:

– Стали стабилизироваться.

– Стабилизироваться? – переспросил доктор.

Седой посмотрел в сторону окна, задумался и через несколько секунд ответил:

– Привыкать к ним стал. Одно и то же надоедает.

– Вот-вот, дорогой мой! Так и должно быть, – обрадовался доктор. – Когда совсем надоедят, тогда и исчезнут.

– Сколько? – спросил седой.

– Что сколько? – переспросил доктор.

– Сколько ждать? – снова спросил седой.

Доктор сделал вид, что что-то высчитывает в уме.

– Я полагаю, недельки через три они угаснут.

– Доктор, я это запомню, – недовольно продолжил седой.

– Как хотите, – ответил доктор.

До обеда Мякин промаялся в палате. Несколько раз подходил к окну, ложился в постель и пытался хотя бы подремать, но дремота не появлялась, а время словно остановилось. Мякин часто посматривал на часы, и с каждым просмотром пройденные промежутки времени становились всё меньше и меньше.

Соседи по палате каждый по-своему тянули время до обеда. Седой просто лежал и поглядывал по сторонам, иногда впадая в дрёму. Бухгалтер бесцельно бродил по палате, профессор подолгу стоял у окна и как будто тихо разговаривал с кем-то.

Минут за тридцать до обеда дверь палаты распахнулась, и Мякин услышал голос дежурной:

– Больной Мякин, к вам посетительница.

Мякин быстро встал и спросил:

– Кто?

– К вам пришла жена, – услышал он в ответ. – Выходите, – приказала дежурная.

Она провела Мякина по коридору, опустилась с ним на первый этаж, где в небольшом холле его ждала супруга.

– Под вашу ответственность, – заявила дежурная, обращаясь к Мякиной. – Чтоб к обеду он был на месте.

– У вас теперь строго, – произнесла супруга, когда они разместились на диванчике.

– Да, – лаконично ответил Мякин.

Супруга суетливо подняла большой пакет, раскрыла его и предложила:

– Мякиша, вот тебе всего-всего.

– Спасибо, – ответил Мякин. – Только очень много – придётся поделиться.

– А ты и поделись, – согласилась супруга, – только себя не забудь.

– Хорошо, – ответил Мякин.

Супруга закрыла пакет и поставила его рядом с Мякиным.

– Мякиша, как ты? Как сон?

Мякин посмотрел на жену и неуверенно ответил:

– Вроде бы восстанавливается.

– Вот и хорошо, – тихо обрадовалась супруга. – Звонили с работы, хотят тебя навестить.

– Кто? – спросил Мякин.

– Да эта... – Супруга поморщилась. – Эта, расфуфыренная.

– Расфуфыренная? – повторил Мякин.

– Да, фифа. Раиса ваша. Сказала, что Мякишу хотела бы навестить.

– А ты? – спросил Мякин.

– Я ей строго ответила, что товарищ Мякин активно лечится и ему некогда.

– А она?

– Она сказала, чтобы я тебе передала её просьбу.

– А ты?

– Вот, передаю, – ответила Мякина.

Осторожно, оглядываясь по сторонам, мимо них прошёл пациент, в котором Мякин сразу узнал небритого. Небритый, не останавливаясь, на секунду обернулся в сторону Мякина и махнул ему рукой.

– Это кто? – спросила супруга.

– Местный больной, – ответил Мякин.

– Что-то не похож на больного, – засомневалась супруга. –

У нас в соседнем дворе такие на помойке встречаются.

Мякин промолчал и спросил:

– Как дети?

– Учатся, – ответила супруга.

– Ну, я пойду, – сказал Мякин. – Скоро обед.

– Да, конечно, – ответила супруга.

Они одновременно встали с диванчика, Мякин взял в руки пакет, чмокнул супругу в щёку и поднялся на свой этаж, добрался до дежурной и отчитался:

– Свидание закончил. Прошу впустить в палату.

Обед прошёл вяло, без напряжений. Мякин нехотя поковырял второе, а к первому вообще не притронулся. Достал из пакета булочки и съел их с удовольствием, запивая холодным компотом. Профессор во время своей трапезы недовольно косился в сторону Мякина, посматривая то на него, то на большой белый пакет, который Мякин поставил на постель. Закончив обед, профессор встал и приступил к нервному движению по палате. Он то приближался к Мякину, то удалялся от него и каждый раз, проходя мимо мякинской постели, сверлил глазами мякинский пакет. При очередном подходе профессора Мякин встал, взял пакет в руки и объявил:

– Эти гостинцы мне передали ваши родственники. Прошу принять! – И он, по очереди обходя соседей, раздал всё, что было в пакете.

Седой усомнился в достоверности мякинских слов.

– У меня нет родственников, – хмуро ответил он на мякинский демарш.

– Если хорошенько покопаться, то кто-нибудь найдётся, – возразил бухгалтер. – Вот у нас был случай. Пришла ревизия...

– Нет у меня родственников, и никогда не было, – перебил его седой.

– Тогда отдайте мне, – настойчиво предложил профессор. – У меня много родственников.

– Берите, – махнул рукой седой.

Профессор торопливо собрал гостинцы седого и перенёс их к себе. Он ещё минут десять перекладывал их в тумбочку, приговаривая:

– Это от... – и называл всё новые и новые имена.

Мякин после обеда с полчаса полежал, потом подошёл к двери и стал стучать в неё.

– Думаете, откроют? – спросил седой.

Мякин не ответил и молча продолжил периодически бить кулаком в дверь. Наконец в двери щёлкнул замок, дверь открылась и Мякин услышал:

– Что стучите?

– Меня должны перевести к Адмиралу, – заявил Мякин появившейся дежурной.

Дежурная пожала плечами и ответила:

– Про Адмирала мне ничего не известно.

Мякин попытался объяснить дежурной, что доктор обещал его перевести, но дежурная была непреклонна:

– Про Адмирала у меня указаний не было.

Мякин ретировался на место, дверь закрылась, щёлкнул замок. В палате наступила тишина, и только профессор язвительно заметил:

– Достучались.

Мякин ничего не ответил. До самого ужина пациентов никто не тревожил, и только минут за десять до раздачи вечерних блюд вошедшая дежурная объявила:

– Мякин, собирайтесь.

– Куда? – машинально спросил Мякин.

– Как куда? – удивилась дежурная. – В другую палату.

– К Адмиралу? – переспросил Мякин.

Дежурная пожала плечами и ответила:

– Я точно не знаю, кто он, но точно в... – И она назвала номер другой палаты. – Собирайтесь.

Мякин оперативно собрал вещички, подошёл к двери и, обернувшись, попрощался с остающимися:

– Поправляйтесь и скорее возвращайтесь домой!

Седой угрюмо посмотрел на Мякина и ответил:

– И вам того же. Вспоминайте иногда эту весёлую компанию – может, когда и встретимся.

В другой палате, куда перевели Мякина, всё было как-то не так, как тогда, при тощем. Новый сосед занимал центр всего палатного пространства, а кровать Мякина была задви-

нута в самый угол, подальше от зарешёченного окна.

– Здорово, матрос! – рявкнул крупный пожилой мужчина в тельняшке. – Заходи, будем вдвоём поправляться.

Моряк встал с постели, уверенно подошёл к Мякину и протянул ему широкую ладонь. Мякин подал ему свою руку. Мякинская рука еле выдержала крепкое рукопожатие.

– Честь не отдаю – фуражки нема, – пояснил моряк и добавил: – Рассказывай: как до такой жизни дошёл?

Мякин положил свои пожитки в тумбочку у кровати и сел.

– А вы, значит, Адмирал? – спросил он моряка.

– Так это значения не имеет, матрос, – ответил моряк. – Здесь мы все равны – хоть адмирал, хоть матрос. Всем клизмы вставляют одинаково. – Моряк громко расхохотался от своей шутки и спросил: – Давно здесь харчуешься?

– Третий день, – ответил Мякин.

– Так ты, как и я, салага? Ну что ж, будем знакомы. – И моряк назвал свою фамилию. Мякин назвал свою.

– Ты вот что, матрос Мякин, не тушуйся. Койку твою мы сейчас обустроим. Подсоби-ка. – Моряк схватился за спинку мякинской кровати и выдвинул её из угла, поближе к своей.

– Вот так сподручней будет, – довольный своей работой, заявил моряк. – Как на баке байки травить, – и с шумом уселся на своё место. – Ну давай, давай рассказывай, матрос, как и что?

Мякин не спеша разложил свои вещи и ответил:

– Так нечего рассказывать. Много работал, устал, пропал

сон. Вот и всё.

– Так у тебя не по этому... – Моряк щёлкнул безымянным пальцем себе по шее.

– Нет, не по этому, – подтвердил Мякин.

Моряк разочарованно прогудел:

– Работа, значит, достала. Вот оно как бывает!

Мякин кивнул.

– А ты не дрейфь, матрос, – стараясь говорить как можно тише, произнёс моряк. – Тсс! – И он шёпотом добавил: – У меня НЗ есть – заныкано в рундучке. Сейчас поправимся.

Моряк полез в тумбочку, порылся там среди пакетов и каких-то шмоток и, разогнувшись и тяжело вздохнув, проба-сил:

– Где-то заныкал, а память уже не та.

Он ещё раз порылся в тумбочке, даже встал на колени.

– Фу ты, чёрт, гром её разрази! – выругался моряк и, тяжело кряхтя, встал с колен. – Как на дно ушла, дьявол её дери! Хотел угостить братишку, а её нет! – Он отчаянно повертел головой и, хлопнув ладонью по лбу, просипел: – Там она.

Моряк сунулся в свою постель, откинул матрац и извлёк из-под него металлическую фляжку. Быстро спрятал её в задний карман широких, явно не больничных брюк.

– Живём, матрос! – обрадованно произнёс он и достал из тумбочки кружку. – Давай, матрос, твою! – Моряк откупорил фляжку и налил себе прозрачной жидкости.

Мякин сильно засомневался, стоит ли ему участвовать в

этом мероприятии.

– Давай, давай, матрос, не тяни! – поторопил его моряк. – Не кисни. Время идёт!

Мякин нехотя достал свою кружку и заметил:

– Здесь нельзя. Выгонят.

– Не бойсь, матрос. От меня не выгонят. Моих корешей уважают. – Моряк наполнил мякинскую кружку и объявил тост: – За поправку!

Затем они чокнулись кружками, и моряк залпом опустошил свою. Мякин несколько секунд примеривался. Выдохнул в сторону из себя воздух. Он когда-то наблюдал, как пьют большое количество спиртного крепкие мужики, и как можно больше глотнул из кружки, поперхнулся – горло обожгло, на глазах появились слёзы. Мякин что есть силы подавил рвотный позыв.

– Торопишься, матрос! – пробурчал моряк и постучал Мякина по спине.

– Крепкое, – прокашлявшись, просипел Мякин.

– Ерунда! – возразил моряк. – Самая флотская. Допивай и закусим.

Мякин с минуту приходил в себя, ещё раз откашлялся, отдышался и боязливо посмотрел на остатки жидкости в своей кружке.

– Допивай, допивай, матрос, – поторопил его моряк, держа в руке кусок хлеба с толстым шматком сала.

Мякин затаил дыхание, прищурился, будто бы взглянул

на что-то слепящее, и глотнул остатки жидкости. Вторая порция прошла внутрь мякинского организма более спокойно.

– Держи, закусывай. – Моряк сунул Мякину бутерброд. – Да садись ты, в ногах правды нет.

Мякин растерянно повертел головой.

– Садись сюда, ко мне, – предложил моряк. – Сядем рядом, поговорим о жизни.

Некоторое время они сидели на кровати моряка и методично жевали хлеб с салом.

– Хорошо... полный штиль, – удовлетворённо вздохнул моряк. – Чувствуешь, как душа отдыхает?

Мякин с полным ртом хлеба и сала кивнул.

– Ужинать будешь? – спросил моряк.

Мякин не успел ответить. Пока он дожёвывал бутерброд, моряк рванул к двери и изо всех сил забарабанил в неё кулаком.

– Молодёжь, чем недовольны? – В открытой двери появилось улыбающееся лицо медсестры.

– Красавица! – ответил ей моряк. – Мы голодные морские волки, нам бы что-нибудь куснуть и пару дамочек для утехи.

Медсестра захихикала и ответила:

– Вам что же, нас не хватает?

– Так вы бегаєте в белых халатиках, – ответил моряк. – Нет чтобы зашли, посидели бы, времечко наше болезное скоротали.

– Голодные, значит? – весело спросила сестра.

– Так точно! – жизнерадостно ответил моряк.

– А сосед? – переспросила сестра.

– Матрос – он всегда голодный, – ответил моряк. – У матросов, как сейчас говорят, менталитет такой: голодовать.

– Сейчас организуем вам ужин, – с улыбкой ответила медсестра и исчезла за дверью.

– И дамочек не забудь, красавица! – крикнул ей вдогонку моряк.

Минут через десять медсестра вновь появилась с подносом, на котором под салфетками виднелись две тарелки и чашки. Покачав бёдрами, она поставила поднос на мякинскую тумбу:

– Кушайте на здоровье.

Моряк с любопытством приоткрыл одну из тарелок:

– Чем потчуеть, красавица?

Медсестра, подойдя к двери, ответила:

– Для вас нынче идёт шницель с гарниром.

– А матросу? – переспросил моряк.

– Уж и матроса вашего не забыли! Ему то же, что и вам.

Приятного аппетита!

Медсестра удалилась, щёлкнул дверной замок. Моряк расставил тарелки и чашки по тумбочкам.

– Приступай, матрос! Сегодня камбуз мясом нас порадовал. Пожуём.

Мякин с удовольствием разделался с ужином и, допивая

чай, спросил:

– Вас всё время так кормят?

– Это ты про камбуз? – уточнил моряк.

– Да, – подтвердил Мякин.

– Камбуз камбузом, а дела надо закончить. – Моряк снова залез под матрац, достал фляжку и произнёс: – Ну что, матрос? Добьём?

Мякин вспомнил предыдущее поглощение спиртного и неожиданно икнул.

– Не икай, матрос! Сейчас добьём горючее – и в дрейф!

Вторую порцию Мякин проглотил залпом. Настроение его значительно улучшилось. Голове стало легко, словно она совсем и не мякинская, а какая-то другая. Он попытался встать, но палата несколько зашаталась под ним, и Мякин, испугавшись волнения под ногами, снова сел и опустил голову, пытаясь осознать своё новое состояние.

– Что, штормит? – спросил моряк.

Мякин с усилием сфокусировал взгляд на моряке и ответил:

– Качает что-то.

– А ты, матрос, ложись в дрейф, – посоветовал моряк. – Да и я, наверное, отоблюсь до утра.

Мякин не раздеваясь ткнулся в кровать, голова на подушке пошла кругом, всё помещение поплыло куда-то вбок. Мякин некоторое время пытался сопротивляться этому движению: то открывал, то закрывал глаза, несколько раз подни-

мался и сидел на кровати, а потом снова ложился. Моряк сочувственно что-то говорил ему, но Мякин плохо разбирал. Моряк басил про море, про качку и морскую болезнь, а Мякин будто бы проваливался в бездну и проснулся только тогда, когда медсестра зажгла в палате свет.

– Измеряем температуру, – объявила она и, увидев Мякина, лежащего на кровати одетым, спросила: – Опять не спали?

Мякин спросонья замешкался с ответом и сказал:

– Нет... то есть да.

Медсестра подала ему термометр и снова спросила:

– То есть как?

– То есть спал, – ответил Мякин и погладил ладонью свой лоб. Голова не шумела. – Спал хорошо, – добавил Мякин и засунул градусник под мышку.

– Это очень хорошо, – обрадовалась медсестра и подошла к моряку, который что-то пил из кружки и молча слушал их диалог.

– А как у вас дела? – спросила она моряка.

– Полный штиль, – угрюмо ответил моряк. – Движок в норме, на мостике, – он ткнул пальцем в лоб, – полный порядок. Матросы отдыхают.

– Тогда всем подъём! – усмехнувшись, сказала медсестра и подала моряку термометр.

– Свистать всех наверх, – невесело ответил моряк и занялся измерением температуры.

После завтрака в палате появился уже знакомый Мякину доктор с новой помощницей.

– Ну, как наши дела? – обратился доктор к моряку.

Моряк встал и, изобразив стойку смиренно, ответил:

– Стою в сухом доке на ремонте.

Доктор похлопал его по плечу, предложил сесть на кровать, а сам расположился на табуретке.

– В сухом ли? – недоверчиво спросил он моряка, рассматривая его зрачки.

– Клянусь Посейдоном: в сухом! – ответил моряк.

Доктор покачал головой и достал стетоскоп.

– А почему не Нептуном? – спросил он, прикладывая к волосатой груди моряка прибор.

– Можно и Нептуном. Кстати, вот и матрос подтвердит. – Моряк повернулся в сторону Мякина. – Подтверждай, матрос!

Мякин поначалу не понял, что ему следует подтверждать, и ответил невпопад:

– Спал хорошо. Тоже клянусь этим...

– Нептуном, – подсказал доктор. – Нукася, приподнимитесь, Адмирал!

Моряк встал.

– Вытяните руки вперёд и закройте глаза, – предложил доктор.

Моряк нехотя повиновался и проворчал:

– Это что, зарядка такая?

– Зарядка, зарядка, – подтвердил доктор.

– Вот видите, коллега, ручонки-то того...

Помощница кивнула.

– Будем чистить организм, – произнёс доктор. – Очистим от скверны – и опять в море, океан. Можете сесть.

Моряк опустил на постель.

– Согласен, – ответил он. – Только чистите как следует.

Приборка треба капитальная.

– Сделаем капитальную, – согласился доктор. – И дисциплинку поднимем, – добавил он, лукаво улыбаясь. – Коллега, надо бы контроль усилить, – продолжил доктор и подошёл к Мякину. – Так вы теперь по морям, по волнам?

Мякин разволновался – он испугался того, что доктор догадается о вчерашнем потреблении алкогольной жидкости, и снова ответил не совсем адекватно.

– Меня укачивает. Мне нельзя...

– Что вам нельзя? – спросил доктор и поднёс к кончику мякинского носа блестящий молоточек.

– По морям, по волнам, – ответил Мякин.

– Чудненько, – обрадовался доктор, заставляя Мякина следить за молоточком. – Говорите, что спали?

– Да, спал, – подтвердил Мякин.

– Замечательно, – убирая молоточек в карман, произнёс доктор. – Будем продолжать.

– Что продолжать? – машинально спросил Мякин.

– Процедуры, то есть лечение, – ласково ответил доктор

и, весело подмигнув, добавил: – И никаких морей и волн.

Когда доктор с помощницей вышли из палаты, моряк недовольно проворчал:

– Ты, матрос, нервный какой-то. С тобой в поход опасно ходить.

– Почему? – наивно удивился Мякин.

– А потому, матрос, что укачивает тебя, – ответил моряк и угрюмо залёг в постель.

Через полчаса в палату с шумом ворвалась дежурная медсестра и объявила:

– Больной Мякин, вас ждут в клизменной. Быстренько собирайтесь.

Мякин открыл глаза и невнятно ответил:

– Меня?

– Да, вас. Не тяните, быстренько собирайтесь. Вас уже ждут.

– Кто ждёт? – переспросил Мякин.

Моряк недовольно повернулся в койке и пробасил:

– Клизма тебя ждёт, матрос. Свистать всех наверх!

Мякин сел на койке, потряс головой, встал и ещё раз спросил:

– Так мне уже... то есть уже делали. Опять, что ли?

– Больной, не задерживайте меня! – поторопила его медсестра. – Можно чуть поживей? Нечего тут помирать.

– Давай, матрос, – обрадованно произнёс моряк. – Трубы почистить надобно.

Мякин, шаркая по полу тапочками, двинулся в сторону двери. Дежурная проводила его до той заветной комнаты с табличкой «Клизменная» и попыталась открыть дверь.

– Опять заперлась, – недовольно произнесла она и громко постучала в дверь.

За дверью наблюдалась глухая тишина. Дежурная ещё несколько раз поколотила ладонями и кулаком в дверь, но никакой реакции из закрытого помещения не последовало.

– Стойте здесь, никуда не отлучайтесь, – приказала дежурная и быстро прошла по коридору за поворот.

Мякин остался один на один с клизменной.

«Зачем мне столько клизм? – подумал Мякин. – Надо бы спросить доктора».

Он повернулся к двери спиной. Издалека, скорее всего из приёмного покоя, два крепких санитара вели больного, и Мякин сразу почувствовал в крупной фигуре вновь прибывающего что-то знакомое. Процессия приблизилась к нему довольно близко, и Мякин наконец-то узнал в новеньком сбежавшего инструментальщика, небритое лицо которого улыбалось настолько наивно, настолько радостно и как-то по-детски, что Мякин даже несколько растерялся и не сразу сообразил, как ему поздороваться с инструментальщиком.

– Здравсьте, – произнёс Мякин, когда процессия поравнялась с ним.

Инструментальщик неожиданно остановился, санитары по инерции дёрнули его за локти и, не давая ему стоять, по-

ташили вперёд. Инструментальщик решил сопротивляться, упёрся ногами в пол, улыбка моментально исчезла с его лица, и он заговорил:

– Зачем, зачем меня? Не хочу, я не хочу! Мне не туда!

Санитары, не обращая внимания на тирады инструментальщика, заломили ему руки за спину, согнули его в три погибели и буквально затолкали в ближайшую палату. Затем закрыли за ним дверь и подозрительно посмотрели на одиноко стоящую фигуру Мякина, который с испугу отвернулся от них и уставился лицом в табличку на двери клизменной.

Мякин не шевелясь стоял и напряжённо вслушивался в коридорную тишину. Сначала ему показалось, что эти двое, крадучись, подошли вплотную сзади и размышляют, как заломить ему руки. Потом он подумал, что они остались стоять у двери палаты и просто наблюдают за ним. Он несколько минут не решался обернуться и что есть силы заставил себя хотя бы краешком глаза взглянуть в их сторону. Коридор был пуст. Усердные санитары бесшумно исчезли, как будто их с минуту назад здесь совсем и не было.

Мякин с великим облегчением оглядел пустынный коридор и даже потряс головой, но внезапно исчезнувшие санитары не появились. Он в одиночестве остался стоять у клизменной в беспокойных размышлениях о своей судьбе. Дежурная, казалось, исчезла навсегда. Мякин, как часовой без оружия, поторчал ещё некоторое время у наглухо закрытой двери и наконец решил вернуться к себе в палату к бес-

покойному Адмиралу. Только у дверей палаты Мякин понял, что зря он совершил этот демарш: моряк уж никак не мог помочь проникнуть ему вовнутрь. Дверь «родной» палаты также была закрыта. Пришлось ему вернуться к клизменной, робко постучать в дверь и, не получив ответа, остаться здесь в полной безнадёжности. Тоска всё более одолевала Мякина. Он стоял и тихо размышлял:

– Ну что за идиотская эта клизменная? Никому я здесь не нужен. Хоть бы одна душа в этом заведении вспомнила обо мне!

Наконец-то в дальнем конце сумрачного пространства показалось обеденное сооружение из гроыхающей тележки с кастрюлями и раздатчицей. Мякин радостно кинулся к ней.

– Мне надо к себе, – заявил он раздатчице, когда, запыхавшись, достиг заветной цели.

– А ты откуда, милоч, будешь? – ласково спросила раздатчица.

– Из клизменной, – восстанавливая дыхание, ответил Мякин и сразу добавил: – То есть я там был, а сейчас мне надо к себе в... – и он назвал номер «адмиральской» палаты.

– Хорошо, милоч, – согласилась раздатчица. – Сейчас подберёмся и к твоей палате.

– О! Матрос заявился! – пробасил моряк, когда раздатчица впустила Мякина в палату. – Что-то ты долго, матрос? Обиделся, что ли? – спросил моряк, принимая тарелку с супом.

Мякин вначале и хотел было обидеться на соседа, но, расположив на своей тумбочке обеденные блюда, решил сначала поесть, а уж потом отвечать на вопросы. А моряк, отхлёбывая из тарелки красно-коричневое варево, продолжил забрасывать Мякина вопросами:

– Ты что же, матрос, и язык проглотил после клизмы? Молчишь, как старпом после генеральной приборки! Опустошили матросский организм – везде вакуум образовался, что ли?

Мякин молча поглощал обеденные блюда.

– Ты, матрос, какой-то угрюмый стал после процедуры, – продолжил моряк. – Вот помню, я молодым ещё был, у нас в экипаже тоже завёлся угрюмый матрос – так замонал всех своей угрюмостью, хотели даже побить его, да старшина не дал. Может, тебя тоже стоит побить для восстановления весёлости? Что скажешь, матрос?

Мякин выпил компот и ответил:

– Меня бить не за что. Не был я в клизменной. Закрыта клизменная.

– Опа! – выдохнул моряк, прожевав котлету. – Я здесь распинаюсь, о здоровье матросском беспокоюсь, а мне в ответ: «закрыта клизменная»... На переучёт, что ли?

– Не знаю, – ответил Мякин. – Просто закрыта, и нет там никого.

– А чего же сразу-то не сказал? – обиделся моряк. – Эх, молодёжь несмышлёная! Стариков перестали уважать – вот

и закрывается всё у вас.

Мякин молчал. Он лёг в постель и отвернулся от соседа – беседовать на заданную тему ему совсем не хотелось. Он слышал, как моряк доел второе, выпил свой компот, тяжело выдохнул, словно и не компот это вовсе, а что-то из крепкого спиртного, пробормотал неразборчиво себе под нос и тоже залёг в постель. Было слышно, как он несколько раз поворачивался с боку на бок и минуты через три засопел.

Мякин лежал с открытыми глазами, смотрел на голую стену и думал об инструментальщике: как его где-то поймали – может быть, там, на заводе? Как уговорили вернуться в клинику и как в самом конце он, что-то вспомнив, заартачился, засопротивлялся насилию, да так энергично, что санитары с усердием выкрутили ему руки.

Мякину стало скучно, и грустно, и обидно за инструментальщика, который мог бы детали делать, а теперь снова торчит в палате и, наверное, мечтает увидеть свой завод.

Моряк захрапел. Сначала тихонечко, с перерывами, а затем сильно, с нарастающим клокотом, резко обрывающимся на несколько секунд для того, чтобы всё начать сначала. Мякин закрыл глаза и попытался представить себе этот храп в виде рычания какого-то неизвестного животного, которому тоже иногда бывает скучно и грустно. У него, у этого животного, наверное, тоже бывают неудачные дни, когда ничего не получается, и никто его не жалеет, и до него ни у кого нет дела.

Мякин открыл глаза. За окном было темно. Сосед включил свою лампу и что-то читал.

– А, матрос, проснулся! – пробасил сосед. – Ты уж не сердись на шутки старика. Прости. Скоро ужин. Интересно, что нам подадут? Надеюсь не ржавую селёдку, как когда-то в войну?

– Я что, спал? – удивлённо спросил Мякин.

– Ещё как! – ответил моряк. – Часа два придавил.

– Часа два придавил, – повторил Мякин. – Это хорошо.

Сосед отложил книгу и заметил:

– Два часа здорового сна – это великолепно!

– Великолепно! – согласился Мякин и сел. – Наверное, поправляюсь, – добавил он.

– Конечно, – подтвердил моряк. – А куда ж денешься здесь! Только и делов-то – поправляться. А то замуруют, как крысу в трюме, и не выберешься на берег никогда.

Моряк встал, подошёл к окну, долго смотрел в вечернюю темноту и, не оборачиваясь, добавил:

– Вам, молодёжи, негоже здесь прохлаждаться. Ничего хорошего здесь нет. Мрак один.

Дверь в палату неожиданно отворилась, и дежурная спросила:

– Мякин, вы были в клизменной?

– Конечно был! – не оборачиваясь, рывкнул моряк. – Что пристаёте – видите, человек отдыхает?

Дежурная покорно скрылась за дверь, а Мякин через ми-

нугу произнёс:

– Я там не был. Вы так сказали нарочно?

Моряк обернулся, вернулся к своей кровати и пояснил:

– Специально. Впрочем, если хотите, мы вызовем дежурную и скажем, что я соврал и вы хотите отклизмоваться.

– Клизмоваться я не хочу, – ответил Мякин.

Собеседники замолчали. Моряк лёг на спину и устался в потолок, а Мякин походил по палате, подошёл к окну. Там за стеклом властвовала сырая осенняя тьма. Мелкий дождь сыпал откуда-то из темноты, то затихая, то усиливаясь, и казалось, этот дождь не прекратится никогда. Остаток вечера собеседники провели молча, только за ужином перекинулись несколькими фразами. Моряк поинтересовался у Мякина, понравился ли ему ужин, на что Мякин ответил:

– Есть можно.

– А можно и не есть, – пошутил моряк и добавил: – Если есть другая еда.

– Другой еды нет, – подытожил Мякин.

– Может, завтра будет. Придут ко мне...

– И, может быть, ко мне, – продолжил Мякин.

Ночью Мякин не спал. Он долго лежал с открытыми глазами, смотрел на оконные блики от уличных фонарей, изредка закрывал глаза, прислушивался к звукам, издаваемым соседом. Моряк, похоже, тоже долго маялся без сна, часто ворочался с боку на бок, тяжело вздыхал, тихонько сопел и подхрапывал, просыпался и снова вздыхал. В середине ночи

он тихо спросил Мякина:

– Не спишь, матрос?

Мякин, не открывая глаз, ответил:

– Не сплю.

– Вот ты скажи, матрос: зачем люди долго живут?

Мякин подумал и тихо ответил:

– Так надо. Так и должно быть.

– Что должно быть? – переспросил моряк.

– Люди должны долго жить, – ответил Мякин. – Хотя бы для того, чтобы понять себя, хотя бы в самом конце.

– Ты, матрос, мудрец! – пробасил моряк. – Я, как видишь, уже пожил, а понять себя до конца не могу.

– Наверное, это сложно, – продолжил Мякин.

– Наверное, сложно, – согласился моряк.

Они несколько минут лежали молча. Моряк в очередной раз тяжело вздохнул и произнёс:

– Слушай, матрос, а может быть, и не надо понимать себя?

Живут же люди и не думают об этом.

– О чём не думают? – спросил Мякин.

– Как о чём? О том, как понять себя, постичь, так сказать, главный свой смысл.

Мякин открыл глаза. Сон не шёл, но, к счастью, голова не шумела. Он поднялся и подошёл к окну. Дождь прекратился, мокрые ветви деревьев застыли в ожидании рассвета.

– Я не знаю, как постичь главный свой смысл, – глядя в окно, произнёс Мякин. – Я не мудрец. Нет у меня ответов

на сложные вопросы.

– Вот так и получается, матрос: у тебя нет ответа и у меня нет ответа. Получается, что мы с тобой безответные. – А там... – Моряк как-то неуклюже махнул рукой в сторону двери. – Ответы всегда находятся. Понимаешь, всегда находятся...

– Я стараюсь, – неуверенно ответил Мякин. – Но понимание приходит нечасто.

– Я, матрос, тоже старался. Пока от моих стараний никому хорошо не стало. Старался, старался, а выперли с флота в момент. Проводили, так сказать, на заслуженный берег. Списали напрочь.

Последнюю реплику моряка Мякин оставил без комментария, вернулся к своей кровати и снова лёг. Он подумал о себе:

«Вот и меня выпрут из конторы. Только меня выпрут уж, конечно, не на заслуженный отдых, а так, спишут в никуда».

– Спишь, матрос? – услышал он минуты через две и ничего не ответил. – Поправляйся, матрос, тебе до меня ещё далеко, – сквозь сон услышал Мякин и окончательно заснул.

Спал он недолго, и приснился ему неприятный сон. Как будто сидит он в конторе, но не в кабинете, а за своим столом, а Казлюк, словно его большой начальник, отчитывает Мякина за что-то. Остальные поддакивают Казлюку, повторяют хором его неприятные слова:

– Вы, Мякин, уж совсем!

– Совсем, совсем... – повторил хор конторских.

– Вы когда-нибудь будете работать?

– Работать, работать... – снова повторил хор.

– Это нехорошо! – не унимался Казлюк.

– Хорошо, хорошо... – добавил хор.

Так продолжалось некоторое время. Мякину стало совсем противно, он попытался оправдаться, но ничего сказать не смог. Он открывал рот, а звуки не получались.

«Это так бывает во сне: хочешь что-то сказать, но не можешь», – подумал Мякин и почувствовал чьё-то прикосновение.

– Ты что, матрос, раскричался? – услышал Мякин настойчивый голос соседа. Моряк стоял у мякинской кровати и легонько трепал Мякина за плечо. – Жуть, что ли, привиделась?

Мякин открыл глаза, разглядел озабоченное лицо моряка и ответил:

– Да, снилась гадость какая-то.

– Переживаешь, матрос, – заключил моряк. – Вот и снится дрянь всякая. Мне тоже что-то непотребное сниться стало, как списали меня. Тебя, видать, тоже списали или, того гляди, спишут.

– Того и гляди, – произнёс Мякин. – Да, наверное, того и гляди.

– А ты, матрос, не бойсь, не дрейфь. Ещё найдёшь себя. Молодость и дана для того, чтобы себя найти.

За окном забрезжило. Наступал новый день. Клиническое народонаселение по-разному провело эту ночь, но день, наверное, встречало в основном одинаково – с радостью и надеждами на лучшее.

Моряк и Мякин затихли в ожидании медсестры с утренним приветствием и первой процедурой – измерением температуры тела пациента.

– Доброе утро, – энергично произнесла вошедшая к ним медсестра. – Как соизволили почивать?

– Вот, матрос, дождались и мы приятного обхождения, – произнёс моряк и ответил: – И вам, красавица, доброго, а почивали мы в целом нормально, спали по очереди: один вахтует, другой спит. Так незаметно и вас дождались.

– И зачем же такие вахты? – улыбаясь, произнесла медсестра. – Я в любом случае вас бы навестила. Вот, держите термометры – температурку измерить. – Она вручила лежащим пациентам градусники и добавила: – Поднимайтесь, господа мужчины, скоро завтрак, да и я минут через десять забегу к вам.

– С нетерпением будем ждать! – пробасил моряк. – Мы красавиц всегда ждём с нетерпением.

– Тогда ждите с нетерпением, – ответила сестра и скоренько удалилась.

– Ну что, матрос, будем жить и здравствовать! Объявляется всеобщий подъём!

Мякин сунул термометр под мышку и остался лежать.

– Ну полежи, полежи, матрос. Я пока зайду в туалет, – пробурчал моряк. – А потом твоя очередь.

«Очередь из одного человека», – подумал Мякин и закрыл глаза. Он представил себе, как возвращается в контору после госпиталя и как конторские встретят его. Раиса, наверное, обрадуется и скажет: «Мякиша, бедненький, как ты похудел! Кормили тебя, наверное, плохонько». Вихрастый попросту подумает про себя: «Ну, слава Богу, начальство завылосось». Бородач никак не отреагирует. Сухо поздоровается и отвернётся, да ещё сделает вид, что ему всё равно, есть начальник или его нет. Худая женщина криво улыбнётся и сквозь зубы произнесёт: «Поправились, а мы уж заждались вас».

– Вставай, матрос, галюон освобожден, – услышал Мякин и открыл глаза. Он вытащил термометр, взглянул на шкалу и убедился, что температура у него нормальная.

– Да брось ты, матрос, горевать! Иди обмойся, взбодрись, капитаном будешь! – Моряк после душа с воодушевлением потирал себе спину полотенцем и энергично прохаживался по палате. – Сейчас камбуз к нам прибудет – подхарчимся.

Мякин встал и пошлёпал в туалет. Он тщательно почистил зубы, аккуратно побрился. Минут пять стоял под тёплым душем и вышел из туалетной комнаты, уже когда тарелки с завтраком стояли на тумбочках.

– Прошу приступить к завтраку! – повелительно произнёс моряк и уселся у своей тарелки.

– Приятного аппетита, – тихо сказал Мякин и расположился у своей порции каши. Запив овсянку киселём, он залёг в постель и, закрыв глаза, подумал:

«Надо бы выбираться отсюда. Сон вроде бы появился, голова не шумит. Моряк, конечно прав, а то замуруют, как крысу в трюме, и не выберешься отсюда».

– Ну что, матрос, подхарчился и спать? – пробасил моряк.

– Да так, просто полежать, – ответил Мякин.

– Что-то к нам эта молодуха за градусниками так и не зашла! – проворчал моряк.

– Не зашла – забыла, наверное, – согласился Мякин. – Они здесь некоторые сильно забывчивые. Как будут лечить, если забывать будут?

– Да, матрос, от забывчивых добра не жди. Вот у нас случай был, – продолжил моряк. – Если хочешь, изложу.

– Пожалуй, да, – ответил Мякин. – До обхода врачёбного, – он взглянул на часы, – ещё почти час.

Моряк встал, всласть потянулся, крякнул, схватился за бок и произнёс:

– Вот холера её... привязалась. Грызёт иногда, сил нет!

– Да, – согласился Мякин и, не зная как отреагировать на моряцкую болезнь, добавил: – Пройдёт.

– Может, и пройдёт, – ответил моряк и осторожно сел на кровать, бережно разместил грузное тело и начал свой рассказ: – Так вот, был у нас случай. Я тогда ещё салагой служил. Под утро отправили нас на катере провиант доставить

на остров. Старший матрос за главного, а я и ещё один салага – в помощники к нему. Погрузили провизию, инструкции получили, то есть приказ подробный, как действовать. Влезли мы на катер, и тот второй молодой – и чего это его дёрнуло, ещё мотор не завели – враз от причала оттолкнулся. Старший тихонько обругал его по морскому – и к движку. Тыр-тыр – не заводится. То ли соляра захолодилась за ночь (в ту ночь подморозило маленько), то ли в движке непорядок образовался. Дёргает старший свои железки, а движок даже не фыркает. Старший занервничал, салагу этого аж за борт хотел спихнуть – так нервы у него расшатались. Не положено катер толкать от причала, мотор не проверив. В обычное время оно бы и ничего, а там обстановка серьёзная была. Враждебные силы на том берегу расположились. Попади к ним – беды не оберёшься. Стоит этот салажонок, испуганно затаился на корме, молчит, понимает, что инструкцию не сублёл, то есть забыл совсем, что и как делать на малом судне. Старший дёрг да дёрг, движок пытается оживить, а я стою и нервно соображаю. Ну, рассветёт через час-два, прийдёт наш корабль могучий к вражьему берегу – и хана нам всем, морякам отважным. У нас две винтовки да автомат, а у них – и пулемёты, и артиллерия. Весёлая картинка вырисовывается...

Моряк тихонько встал, водички попил, будто успокоиться хотел, нервы усмирить от рассказа своего. Снова расположил тело своё в горизонтальный вид и продолжил:

– Старший у движка колдует, а мы сидим, сильно расстроенные приключением этим. Катерок наш течение легонько в темноту несёт и, похоже, не в нашу сторону. Молодой совсем сник, головой крутит вокруг и к предрассветной тишине прислушивается, боится на растерзание к врагам попасть. По покачиванию посуды нашей чувствуем: далеко от берега унесло нас, а движок молчит и на нервную работу старшего никак не реагирует...

Приостановил свой рассказ моряк, как-то задумчиво вздохнул и мечтательно заметил:

– Эх! Было времечко молодое, а сейчас уже не то, эмоции не те – мало радуют.

– А чего ж не радуют? – оживился Мякин. – Заслуженный отдых – разве это плохо?

Моряк молчал почти минуту, потом встал, прошёлся по палате, потрогал свой больной бок. Видимо, боль прошла и он осторожно покачал торсом туда-сюда.

– Видите ли, молодой человек, – назидательным тоном произнёс моряк. – Доберётесь до преклонного возраста – тогда и посмотрим, как вы отреагируете на него.

– На кого? – машинально спросил Мякин.

– На заслуженный отдых, – сердито ответил моряк.

Мякин, не обращая внимания на интонации моряка, продолжил лёжа рассуждать:

– Заслуженный отдых – это что? Это кто решает, заслужил ты или не заслужил?

– А ты, матрос, язвительный человек, – произнёс моряк. – К словам цепляешься, когда всё понятно. Когда тебя от дела отстраняют, так это не в кайф, как нынче выражаются. Ты, матрос, что-то изображаешь тут перед заслуженным человеком. Нехорошо это. Нехорошо.

Моряк неожиданно подошёл к двери и кулаком три раза стукнул в неё.

– Замуровали, береговые крысы! Морского волка замуровали, рыбы вонючки! – Он отошёл от дверей и грозно заявил: – Уважать надо людей. Уважать! Иначе без уважения и понимание не наступит. А ведь смеху подобно будет, если я спрошу вас, уважаете ли вы меня? – Моряк повернулся лицом к Мякину и добавил: – Вот ты, матрос, уважаешь меня?

– Конечно уважаю, – испуганно ответил Мякин и добавил: – Вы извините меня, если я вас чем-то обидел. Извините.

Моряк снова подошёл к двери – наверное, хотел ещё раз постучать в неё. Он даже поднял правую руку с крепко сжатым кулаком, несколько секунд стоял не оборачиваясь, и Мякин успел заметить, что моряк как-то сгорбился, или это ему показалось.

«Показалось», – подумал Мякин, когда моряк опустил руку и обернулся к нему.

Физиономия моряка подчёркнуто обозначала железный характер, непроницаемые глаза не моргая смотрели прямо Мякину в лицо, и, казалось, он видит в Мякине что-то та-

кое потаённое, что самому Мякину никогда в себе не замечалось.

– Ты, матрос, молчи. Меня обидеть нельзя. Таких как я обидеть невозможно. Разозлить можно, победить тоже можно, но обидеть – это уж никак! Понял, матрос?

– Да, – быстро ответил Мякин. – Понял.

– Вот то-то и оно, – уже менее категорично подтвердил моряк. – А что, концовка рассказа тебе уже не интересна?

– Интересна, конечно интересна, – торопливо ответил Мякин и хотел ещё что-то добавить, но затих в ожидании слов моряка.

– Интересно, значит, – произнёс моряк, строго разглядывая Мякина. – Тогда продолжаем.

Он на несколько секунд задумался и изрёк:

– А собственно говоря, и рассказывать больше нечего. Завёлся движок. Все с облегчением вздохнули и благополучно добрались до своих. Да, следует отметить, что старший об инциденте начальству не стал докладывать и нам не велел болтать. Мы и не болтали. Вот и весь рассказ.

Моряк замолчал. Молчал и Мякин. Наступившая пауза длилась недолго.

– А матрос, ваш товарищ, осознал свою ошибку? – спросил Мякин.

– Осознал, – ответил моряк. – На всю оставшуюся жизнь осознал. Погиб он через месяц, да так случайно, что и рассказывать нечего.

Собеседники помолчали некоторое время, а затем Мякин заметил:

– На военной службе всё не так, как здесь.

– Не так, – согласился моряк. – Но там забывалкины рискуют своей жизнью и чужой тоже, а здесь они ничем не рискуют. Вот так и живут забывалками, и хоть бы им хны.

«Зря так говорит моряк, – подумал Мякин. – У Герасима Ильича попробуй что-нибудь забудь – вылетишь из конторы, как дым из трубы!»

До утреннего обхода собеседники промаялись без разговоров. Моряк попытался почитать свою толстую книгу и, просмотрев несколько страниц, вздохнул и закрыл её, походил по палате, что-то хотел сказать Мякину, но, увидев, что тот лежит с закрытыми глазами, бросил эту затею и, в ожидании доктора, сам расположился в постели.

А Мякин тихо лежал и думал о том, что ему надлежит такое сообщить лечащему врачу, чтобы вернуться домой, вернуться в контору, а главное – избавиться от этой клинической скуки.

«Может быть, следует заявить, что у меня появился хороший сон и в голове больше не шумит? – размышлял Мякин. – А может быть, надо просто сказать: “Доктор, дорогой доктор, я хочу домой! Отпустите меня домой!”»

Доктор с помощницей появились гораздо позднее, чем его ожидали.

– Здравьете, здравьете, доктор! – пробасил моряк. – Зажда-

лись мы вас сегодня. И красавица с вами – и её уж так заждались, заморились аж! – Моряк поднялся с постели и сел на стул рядом с тумбочкой. – Будем осматриваться? – спросил он доктора, который на приветствие стандартно произнёс: «Добрый день» и ответил:

– Конечно будем.

– А стоит ли? – иронично спросил моряк. – Стоит ли заниматься этой ерундой, когда душа на берег просится?

Доктор немного устало улыбнулся и произнёс:

– Душа ваша, друг мой, может проситься куда угодно, а вот телом позвольте мне заняться. Не возражаете?

– Возражаю, вот именно возражаю, доктор! – громко заявил моряк.

– Как это так? – удивился доктор, оглянулся на помощницу и спросил: – Как у нас с температурой?

Помощница взглянула на термометр, лежащий на тумбочке.

– Вы что, стряхнули? – спросила она моряка.

Моряк широко улыбнулся и ответил:

– Ты, красавица, не беспокойся. Нет у меня температуры никакой. Вот хоть у матроса спроси. Матрос, ты не молчи! Скажи нашим лекарям, что у меня всё, как на капитанском мостике. Слышишь, матрос? – Сосед обернулся к Мякину, даже привстал со стула и, заметив, что Мякин немного нервничает, отвернулся от него и продолжил: – Мне, доктор, это всё ни к чему. Домой мне надо. – Моряк как-то сник и до-

бавил: – Доктор, дорогой доктор, я хочу домой. Отпустите меня домой.

Слова моряка произвели на Мякина потрясающее впечатление. Он так разволновался, что подумал:

«Надо же? Опять опоздал! Не везёт мне!»

От огорчения он встал и подошёл к окну.

– А что там? – услышал он за спиной голос доктора.

– Там всё нормально, – ответила помощница.

– Вот что, господа пациенты! Давайте спокойно разберёмся. – Голос доктора звучал серьёзно, но не зло и, даже можно сказать, дружелюбно.

– Давайте разберёмся, – согласился моряк.

– Давайте посмотрим ваши последние анализы, – продолжил доктор.

– Давайте, – кивнул моряк.

Мякин услышал, как доктор шелестит бумагами, и, не отрываясь от оконного пейзажа, подумал:

«А ведь моряк-то страдает не меньше, чем я. Может быть, и больше. А сил-то уже мало, и домой просится как-то безнадёжно. А я? Я смогу твёрдо заявить о своих намерениях?»

– А вот здесь у вас серьёзно. – Мякин услышал докторский голос и обернулся.

Моряк с доктором сидели рядом на кровати. У доктора на коленях лежала папка с бумагами, которые они вдвоём тщательно разглядывали.

– Ну и что? – недоверчиво проворчал моряк. – Буду с этим

жить. Вы думаете, что можно подмарафетить?

– Подмарафетить – не знаю, а улучшить качество можно, – ответил доктор.

– Улучшить качество, – недовольно повторил моряк. – Зачем? То, что сейчас имею, меня вполне устраивает.

– Сейчас имеете, а завтра можете потерять, – строго произнёс доктор. – Впрочем, вам решать. Подумайте и не принимайте быстрых решений. В вашем случае спешка не нужна. Посоветуйтесь с родными.

Моряк задумался, встал с постели и ответил:

– Хорошо, доктор. Спасибо. Я подумаю.

– Вот и хорошо, – произнёс доктор. – Подумайте. А пока мы вас поддержим на уровне, достойном звания морского волка. – Ну-с. А что же у нас здесь? – спросил доктор, обращаясь к стоящему у окна Мякину.

– Давайте, молодой человек, разберёмся с вами. Присаживайтесь к себе. – И доктор жестом пригласил Мякина присесть.

– Здесь у нас всё отлично, – произнёс он после осмотра Мякина. – Будем надеяться, что недельки через три всё будет великолепно.

Мякин вздрогнул от этих «недельки через три» и напрягся, как хищник перед прыжком.

– Доктор, – произнёс он чуть охрипшим голосом, затем прокашлялся и продолжил: – Доктор, давайте сократим эти «недельки три» до разумного минимума.

Доктор спокойно и Мякину даже показалось, как-то равнодушно отреагировал на мякинское предложение:

– Ну, это мы посмотрим потом, голубчик. А сейчас – лечиться, лечиться и лечиться!

– Нет, доктор. Вы, пожалуй, меня не поняли, то есть совсем не прониклись, – громко заявил Мякин.

– Не проникся? – вопросительно ответил доктор и что-то тихо спросил у помощницы. Та в ответ пожала плечами и показала доктору какую-то бумагу в мякинской папке. Доктор внимательно прочёл справку, хмыкнул и спросил: – А вы, голубчик, давно ли начальствуете?

Мякин моментально ответил:

– Доктор, этот вопрос к моей болезни отношения не имеет. Поэтому решительно прошу сократить срок.

– Так уж и решительно просите? – снова спросил доктор.

– Да, – ответил Мякин и, почувствовав некоторую иронию в словах доктора, добавил: – Никаких трёх недель, да и вам я здесь совсем не нужен – только место занимать.

– Только место занимать, есть и спать... – в рифму повторил доктор. – Ох! Простите! Это я задумался, – добавил он и пристально посмотрел на Мякина.

Мякин положил ладони на свои колени, как можно крепче впился в них пальцами и тихо, но, как ему показалось, довольно грозно произнёс:

– Максимально пять дней, и ни часа больше.

– Голубушка, уж запишите пациенту. – Доктор обратился

к помощнице. – Напишите так: «Ни часа больше».

– И всё? – спросила помощница.

– Да, а что же ещё? – подтвердил доктор. Он повернулся к Мякину и спросил: – Голубчик, вы довольны?

– Он доволен, а как же! Конечно доволен! – пробасил моряк, до того равнодушно наблюдавший за общением доктора и Мякина. – Это такое послабление, что ни часа больше. Мне такое не прописали, а ему такие почести!

– Ты, матрос, здесь в таком почёте, как кок на линкоре, – произнёс моряк в сторону Мякина. – Соглашайся. Я бы на твоём месте не сопротивлялся. – Моряк, как ни странно, легко поднялся, вплотную подошёл к Мякину, поднял его с постели и, прижав к себе, прошептал в ухо: – Не спорь с ними. Не спорь. Потом обсудим.

Мякин отпрянул от моряка, с размаху плюхнулся на кровать, потряс головой, как бы пытаясь восстановиться после общения с моряком, и заявил:

– Хорошо, пусть будет так.

– Вот и отлично! – обрадовался доктор. – Оставляем вас, любезные, с полным пониманием обязанностей пациента нашей клиники.

– Зачем вы заставили меня согласиться с ними? – тихо спросил Мякин, когда доктор с помощницей удалились.

Моряк сел на свою койку, угрюмо посмотрел на Мякина, шумно вздохнул и ответил:

– Ты, матрос, не сердись, не дуйся на капитана. Ты сделал

всё правильно – как говорится у нас, по уставу. Спорить с доктором в этом заведении нельзя, то есть можно, только если не зависишь от него. А ты, матрос, как и я сейчас, – человек зависимый. Тебе клистир не поставили не потому, что ты не захотел, а потому, что они не захотели. Мы с тобой – как рабы в трюме. Это понимать должно, матрос. Это хуже, чем наёмный на галере. Понял?

– Нет, не понял, – нервно ответил Мякин.

– Упрямый ты, матрос, – грустно заметил моряк. – Ну, как хочешь. Сейчас не понял, потом поймёшь.

– Потом мы все поймём, но поздно будет, – продолжил Мякин и улёгся в постель.

В палате наступила обычная тишина, которая, кажется, возникает из ничего, вроде как ниоткуда, но на самом деле больничная тишина имеет свои закономерности. Эта тишина, что возникла в мякинской палате, явилась следствием врачебного обхода, когда каждый из пациентов обдумывает своё состояние, вспоминая, а может быть, и желая забыть общение с лечащим врачом. Конечно, в палатах с большим количеством народонаселения эту тишину спонтанно нарушают холеричные личности, кои встречаются в больничном обществе. Они, как глашатаи на площади, вещают прописные истины обо всём, что им приходит в голову в данный момент.

Адмиральская палата была малочисленной, но глашатая всё же имела.

– Ну, матрос, что-то ты закис, как старая гайка в трюме! Так нельзя, матрос! Вот, бери с меня пример. Я-то не кисну, а мог бы. С моими повреждениями давно можно закиснуть.

– Я не кисну, – ответил Мякин. – Я просто сержусь, немножко сержусь.

– Сержусь, – повторил моряк. – Это хорошо, когда простые эмоции есть. А то загнут что-нибудь типа «кайфую» и не знаешь, как на это реагировать. Ты, матрос, случайно не кайфуешь ли?

– Нет, я случайно не кайфую и, кстати, не торчу, – ответил Мякин.

– Вот и отлично, как изъясняется наш доктор, – продолжил моряк. – А сердиться – так это пожалуйста. Это можно. Рассердилась канонерка на линкор, да не тот у канонерки был колёр.

– А на что же ты сердишься, матрос? – настороженно спросил моряк.

– На себя сержусь. Дурак я безнадёжный, – ответил Мякин. – Затеял дискуссию с доктором. Кто же я после этого, если не дурак безнадёжный?

Мякин встал с постели, интенсивно прошёлся несколько раз от дверей к окну и громко произнёс:

– Спор с доктором и официантом вреден для здоровья.

– О! – крикнул моряк. – Как быстро понимание пришло – и ждать долго не пришлось! Кстати, молодой человек, себя называть дураком безнадёжным – это только тешить себя.

– Как это – тешить себя? – удивился Мякин и даже остановился посреди палаты. – Не понимаю.

– Опять! – гаркнул моряк. – Опять «не понимаю»! Ты, матрос, расстраиваешь меня, как ржавая посуда в затонувшем доке. Это нехорошо с твоей стороны. – Он вздохнул и изрёк: – Эх! Веселухи мало!

Моряк ещё несколько раз вздохнул из-за отсутствия веселухи и продолжил свои рассуждения.

– Называть себя дураком означает самокритично к себе относиться, а дураком безнадёжным – чересчур самокритично. Сие означает, что вы, молодой человек, совсем не дурак, тем более безнадёжный, – и что мы получаем, как говорится, на выходе из бухты? Мы получаем человека – не дурака, радующего себя этим, что он, мол, не дурак. А чтобы радость в нём, в этом человеке, возрастала, он себя дураком и называет – тешит, так сказать, своё самолюбие.

– Спасибо за разъяснение, – произнёс Мякин. – Может, к этой лекции и случай какой-нибудь припомните?

– Может, и припомню, – ответил моряк. – У меня, как ты понимаешь, матрос, много случаев имеется.

– Вот и расскажите что-нибудь, – предложил Мякин.

– А и расскажу, – ответил моряк. – Вот отдохну немного и расскажу тебе, матрос, технический случай.

Он прилёг на койку, покряхтел немного, укладывая поудобнее своё тело, и вмиг задремал. Тихое сопение блаженно распространилось по палате. Моряк лежал на спине, и на

лице его Мякин пытался уловить какой-нибудь знак, хотя бы какой-нибудь еле уловимый след от моряцкого сна.

«Наверное, снов у моряка должно быть множество», – думал Мякин и пытался представить себе, как молодой капитан стоит на мостике большого корабля, бороздящего бескрайние просторы океана. Капитан зорко смотрит вдаль, куда-то за горизонт, и ощущается, что он, как опытный морской волк, всеми фибрами души чувствует ровное и уверенное движение стальной громадины, напичканной боевой техникой, электроникой и матросами, знающими назубок своё военно-морское дело. Корабль идёт на восток, навстречу восходящему солнцу к неизвестным берегам, и Мякин уверенно, широко расставив ноги, смотрит вперёд – туда, где первый луч солнца вот-вот должен появиться над тёмной кромкой воды.

– Ты опять спишь, матрос? – услышал Мякин сквозь сон. – Спи, спи, матрос, выздоравливай.

Мякин повернулся на другой бок и снова погрузился в лёгкую дремоту, какая обычно наступает у больничных пациентов после утренней беседы. Он снова попытался представить себе молодого капитана, но морская тема как-то в голове не появлялась, то есть как бы появлялась, но со странными персонажами. Стоит будто бы Мякин на капитанском мостике, а сзади у него за спиной (он не оборачиваясь чувствует это) толпятся и наблюдают за ним соседи из той палаты, откуда исчез инструментальщик. Мякин ощущает, что

все они, стоящие сзади, недовольны тем, как он управляет большим кораблём, и того гляди готовы сменить его. Он хочет обернуться и резко и грубо напомнить, кто здесь командир, но что-то ему мешает. Он смотрит по сторонам и обнаруживает, что у штурвала стоят доктор с помощницей и рулят куда хотят, не обращая внимания на команды капитана. Мякин нервничает, ему становится жарко, пот течёт по лбу, наплывает на глаза, из-за этого он совсем ничего не видит и думает: «Как же я буду управлять кораблём?» Доктор обращивается к нему и густо басит: «Ни часа больше».

– Матрос, ты опять кричишь. Во сне кричишь. Это нехорошо с твоей стороны, – слышит Мякин голос моряка и открывает глаза.

– Извините, – спросонья бормочет Мякин и ложится на спину. Он долго смотрит на потолок, тихо шепчет про себя: «Дурь какая-то снится, ничего весёлого».

– Матрос, ты что молишься? – слышит он снова и тихо отвечает:

– Нет, не молюсь. Это я так, про себя говорю.

– Про себя не надо. В этом заведении про себя говорить не надо. Неприятности могут быть, – ехидничает моряк.

– Шуметь, когда спишь, тоже не надо, – добавляет он. – Здесь тихая контора, шумных не любит.

– Да, я знаю, – вяло отвечает Мякин и снова закрывает глаза. На этот раз он спит долго, без сновидений и просыпается только тогда, когда слышит голос медсестры:

– Больной Мякин, больной Мякин, просыпайтесь! Я вас жду.

– Я не больной, – бормочет Мякин и открывает глаза.

– Не больной Мякин! – весело повторяет медсестра. – Вставайте, нас ждут на процедуре.

– А позвольте выведать, – вмешивается в процесс подъёма моряк. – Вас там ждут обоих или только товарища Мякина?

– Только товарища Мякина, – хихикнула медсестра.

– Отлично, – продолжает моряк. – Значит, я могу надеяться на вашу аудиенцию?

– Можете, – улыбаясь отвечает она.

– Товарищ Мякин! Матрос! Вас ждёт процедура, а меня – приятное рандеву с красавицей. Не задерживайте нас, – балагурит моряк.

Мякин, потирая глаза, встаёт, поправляет одежду и объявляет:

– Я готов.

– Ну, так я жду тебя, красавица, – басит моряк. – Не забудь навестить морского волка.

– Морского волка? – смеясь, повторяет медсестра. – Морского волка – страшно.

Моряк хохочет и отвечает ей:

– Я волк, да не страшный, приручённый.

– Не знаю, не знаю, – улыбается медсестра и обращается к Мякину: – Пойдёмте. Весёлый у вас сосед, – говорит она Мякину, когда они идут по коридору.

Мякин отвечает:

– Да, весёлый. – И молча идёт за сестрой.

В большом кабинете Мякина усаживают в удобное кресло, всю его голову утыкивают какими-то датчиками с проводами, подсоединяют Мякина к аппаратуре.

– Закройте глаза и сидите спокойно, расслабленно. Старайтесь не двигаться, – слышит он сзади.

Мякин послушно закрывает глаза, пытается расслабиться, немного ёрзает в кресле и затихает.

«Хорошая процедура, – думает он. – Сиди себе и ничего не делай. Только вот ухо сильно зачесалось».

Он старается осторожно подвигать ухом, тихонько сжимает лицевые мышцы, двигает языком, но желаемого результата не получает. Ухо чешется всё сильнее и сильнее.

«Ну влип! – думает Мякин. – Сколько же терпеть эти мучения?»

Он слышит, как сзади разговаривают друг с другом.

– Вот здесь. Да, пожалуй, что-то есть. Это у всех...

Голоса затихают. Ухо продолжает чесаться. Мякин тихонько пытается осуществить отвлекающий манёвр – он осторожно постукивает указательным пальцем по подлокотнику.

– Вам удобно? Вас ничто не беспокоит? – слышит он сзади.

– Нет, – сухо отвечает Мякин и ловит себя на мысли: «Что это я так говорю? У меня же ухо сильно чешется».

– Нет, – машинально повторяет он и чувствует, что ухо перестало чесаться, но заболела шея.

«Плохая процедура», – думает он и ощущает, что проваливается куда-то, и нет уже никакого кабинета, а есть большое поле цветов под ярким солнцем, и его, Мякина, тоже нет. То есть он есть где-то здесь, но тела своего он не чувствует.

– Всё, заканчиваем, – слышит он сзади.

Кто-то аккуратно снимает с него датчики.

– Как вы себя чувствуете? Всё хорошо? – слышит Мякин вопрос и, не открывая глаз, отвечает:

– Всё хорошо, только ухо чесалось.

– Ухо? – переспросили его.

– Да, – ответил Мякин.

– Можно почесать, – ответили ему и добавили: – Всё, процедура закончена. Тихонько вставайте и идите в свою палату.

Мякин открыл глаза, встал, подошёл к дверям кабинета и в нерешительности остановился.

– Вы хотите что-то сказать? – услышал он сзади.

– Так мне и идти? – спросил Мякин.

– Так и идти, – утвердительно ответили ему. – Вас что-то беспокоит?

Мякин дотронулся до дверной ручки – дверь легко открылась. Он ответил: «До свидания» и вышел в коридор.

Коридор обрадовал его просторной пустотой и тишиной. Мякин подошёл к окнам, посмотрел направо, налево. В даль-

нем конце за столом тосковала дежурная и, не обращая внимания на Мякина, как всегда, листала какой-то журнал.

«Вот бы сейчас удрать отсюда!» – подумал Мякин и повернулся в сторону выхода. Ноги его машинально сделали несколько шагов к вестибюлю, но затем он остановился, взглянул на своё больничное облачение, посмотрел в окно на промозглый пейзаж и подумал: «Сейчас не уйти. Не готов я. Не готов...»

Мякин повернулся в противоположную сторону и без энтузиазма поплёлся к себе в палату.

– Ну что, матрос, отпроцедурился? – пробасил моряк, когда за Мякиным захлопнулась дверь.

– Да, – равнодушно ответил Мякин и с угрюмым лицом подошёл к окну.

Моряк повернулся на спину и снова спросил:

– Что-то ты, матрос, нынче невесел, словно боцман без команды!

Мякин, не оборачиваясь, ответил:

– Поднадоело мне это заведение. Не вижу смысла.

– Не видеть смысла, – повторил моряк, задумался и тяжело вздохнул. – Не видеть смысла в твоём возрасте, матрос, нехорошо, совсем нехорошо. Смысл всегда должен быть, даже тогда, когда кажется, что его нет.

Мякин отвлёкся от окна, повернулся к моряку и удивлённо произнёс:

– Вы что-то сказали мне непонятное. Простите, не уловил.

– Не уловил, – повторил моряк и не спеша встал, прошёл-ся к двери, потрогал гладкую поверхность и заметил: – А ведь не зашла красавица, но не будем печалиться. Не будем печалиться, матрос? Не будем?

– Не будем, – согласился Мякин и вяло возвратился на своё место.

– Ты, сосед, что-то совсем прокис – так и депресняк можно подхватить, – пробасил Адмирал.

Мякин сел на постель и, кивая, ответил:

– Да, вы, пожалуй, правы. Киснуть не стоит.

– Вот-вот, молодой человек. Это правильная мысль. Был у меня боцман на каботаже – как-то загрустил, на берег перестал ходить. Сидит себе в каюте – на волю не выгнать. С матросами угрюм, как скала перед штормом. Обстановка на посудине образовалась дрянная. Вся морская служба от этого страдает. Я уж старпомом к нему (к боцману) подпустил – разведать, как, мол, такие перемены в нём образовались. Возвратился старпом из разведки, докладывает: вроде ничего такого у боцмана и не произошло. Всё как было, так и осталось, а вот печаль морская какая-то прилипла к организму и поглотила боцмана, как пучина заглатывает проржавевший буёк. Думали мы, думали со старпомом, как морскую душу боцманскую починить, ремонт ей капитальный дать. Старпом экзотику разную предлагал: мол, сообщить ему, что на берег его списывают по состоянию, то есть стрессом его шандрахнуть, да всё что-то нам не нравилось. Надо бы что-

нибудь весёлое придумать, а что весёлое на каботажке придумаешь? Тягомотина одна. И придумал старпом эту весёлость – поручить боцману худсамодеятельностью заняться.

– Художественной самодеятельностью? – недоумённо повторил Мякин.

– Да, матрос, этой самой самодеятельностью, – ответил моряк. – А что тут такого? Худсамодеятельность, когда службе не помеха, помогает настроению на плаву поддерживать. Ты, матрос, слушай дальше, что получилось.

– Я слушаю, – покорно ответил Мякин.

– Сообщили мы боцману, что приказ с базы получили, чтобы на судне худсамодеятельность организовать, так как по прибытии на место смотр будет среди всех экипажей. Боцман поначалу не понял, что это к нему в первую очередь относится. Угрюмо кивнул и пробурчал что-то вроде: «Так и организуйте». А старпом ему по всей строгости излагает всю сущность обстоятельств, говорит ему, как приказ читает: «Вам, товарищ боцман, надлежит эту самодеятельность и устроить. Подбирайте среди матросов, кто что может, и чтоб к базе всё готово было».

Смотрим, наблюдаем боцманскую реакцию – и видим, несколько удивился угрюмец наш, с недоверием на меня смотрит и отвечает: «Я, товарищ капитан, этим никогда не занимался, этой самодеятельностью. Я из этого дела всего-то одну частушку-прибаутку и знаю, и то со словами... Ну, вы знаете какими». А я ему не менее строго заявляю: мол, рабо-

тай, боцман, с матросами. Ищи таланты да сам сочиняй, то есть соображай, что-нибудь по художности, а твои обязанности я на старпома взвалю.

Замечаем, что проникся боцман поручением – угрюмость и печаль его во что-то другое превращаются, вроде как в озабоченность унылую. Буркнул он: «Есть» и отчалил из капитанской каюты. А мы со старпомом переглянулись, и, наверное, одна и та же мысль к нам пришла: «Не ерунду ли мы затеяли? Как бы ещё больше боцманскому организму не навредить?»

– День-два выждали, следим, что боцман делать будет. Видим, вроде ничего не меняется. Боцман работу свою исполняет. Экипаж занят по расписанию, словно и не было никакого приказа про самодеятельность. На третий день вызываем боцмана, спрашиваем про самодеятельность, с подозрением спрашиваем, не забыл ли он о своей новой обязанности. Узнаём, что не забыл, что думает он о ней денно и ночью, что весь экипаж готовит, кто что может, сообразно имеющимся талантам.

– Отпустили мы боцмана. Сидим соображаем: изменилось ли в нём что-нибудь, хоть какая весёлость, что ли, появилась, тоска-печаль ушла? Посоображали и пришли к выводу, что ухудшений в боцмане не произошло, – и на том, как говорится, спасибо.

Ночью в порт зашли, разгрузились, новый груз приняли, команде до рассвета отдых дали. Утром ранёхонько побуд-

ку сделали. Смотрим – боцмана нет. Исчез наш худрук. Допытываемся, кто что про боцмана знает. Вахтенный сообщает, что на берег боцман сошёл – ещё ночью, после погрузки. Переглянулись мы со старпомом. Удивление и тревога у нас произошли. А как же, боцман впервые за несколько месяцев на берег сошёл! Однако не мог же он, старый моряк, с родного корабля из-за самодеятельности удрать. Вот ты бы, матрос, мог бы так поступить с родным коллективом? – спросил моряк Мякина.

Мякин от неожиданного вопроса вздрогнул, задумался и неуверенно ответил:

– Я никогда боцманом не был и в ваших морских делах совсем не разбираюсь.

– Вот именно, – пробасил моряк. – Не разбираешься. А я тебе, матрос, вот что скажу: не может старый моряк свой коллектив просто так бросить, не может и всё тут!

Сосед встал, прошёлся по палате туда-сюда. Снова сел на койку и продолжил свой рассказ.

– Мало, мало озадачились мы со старпомом: в рейс уходить пора, а боцмана нет! Нехорошее обстоятельство произошло, и мы, как командиры, виновники того. Стоим на мостике, соображаем, как поступить, полчаса максимум можем ждать, а дальше без боцмана следует уходить. Экипаж, как положено, к отходу готовится. Я старпома послал груз проверить, а сам на месте остался – наблюдаю за причалом да на часы посматриваю. Мысли всякие нехорошие в голову

лезут: «Отчаялся боцман наш от худздания, и тронулся ум его в сторону побега». Стою, мысль эту худую гоню от себя, ещё надеюсь на что-то, а время бежит – уж пятнадцать минут от получаса остались. Старпом появился, мрачный весь, – тоже ответственность за боцмана чувствует. Встретились мы с ним взглядами и подумали об одном и том же: нахрена нам эта самодеятельность сдалась, как крыса дохлая в трюме? Вот из-за неё, этой самодеятельности, и боцмана можем потерять.

Моряк на минуту замолчал, попил водички из кружки, чем-то пошуршал в тумбочке и с досадой изрёк:

– От добра добра не ищут. Слышишь, матрос? У тебя были такие случаи?

Мякин тихо вздохнул и совершенно искренне ответил:

– Таких не было.

– Значит, мудрый ты, матрос. А вот мы со старпомом тогда подумали, что вляпались в неприятную историю. История-то совсем не морская, а от желания помочь человеку. А вывод прост, как шпонка на втулке. Не просят тебя – не лезь куда не надо.

Стоим со старпомом, на часы смотрим – пора трап убирать. Замечаю, у старпома на лице улыбка появилась. Оборачиваюсь – вижу, боцман наш по причалу почти бегом к нам движется. Старпом от радости даже рот открыл – хотел, видно, что-то крепкое сказать, да от вида приближающегося боцмана слова все в голове исчезли. А я на лице радость свою

не показываю, строгость напустил, изготовился боцману выговор залепить за опоздание. Стоим, ожидаем «беглеца», замечаем пакет здоровый у боцмана под мышкой – бережно он к нему относится. Поднимается к нам и докладывает: «Здравия желаю, разрешите приступить к обязанностям». Я, как можно строже, вглядываюсь в боцманское лицо, вижу, что довольство у боцмана появилось и даже сдержанная улыбка чуточку проявляется. «Фу-ты, ну-ты, – думаю про себя. – Неужто поправили мы здоровье боцманское?»

Моряк на минуту прервал свой рассказ, прокашлялся, вздохнул пару раз, лёг на постель и закрыл глаза. Мякин терпеливо ждал продолжения боцманской истории.

– Ты что там, матрос, заснул, что ли? – услышал он через некоторое время.

– Нет, что вы, – ответил Мякин. – Очень хочется узнать, чем закончилась эта история.

– Всем всё хочется узнать, – не открывая глаз, ответил моряк. – Много знать вредно, – добавил он и ухмыльнулся. – Ты не серчай, матрос. Это я просто пошутил. А про боцмана почти и нечего рассказывать. Поправился наш боцман. Угрюмость исчезла, и весёлость морская, как положено на корабле, появилась.

– А худсамодеятельность? – вежливо спросил Мякин.

– И самодеятельность появилась, – пробасил моряк. – всё как по приказу.

«А был ли приказ?» – подумал Мякин и тихо промолчал.

Он ещё некоторое время размышлял о рассказанной истории. Совсем не понял, для чего боцман на берег уходил и что за пакет у него оказался. Потихоньку мысли о боцмане ушли, и Мякин снова задремал.

– Обедать, будем обедать? – услышал он сквозь сон.

– Будем, а как же без обеда, – откликнулся моряк. – Не подхарчишься – не подлечишься. Матрос, просыпайся, камбуз приехал!

Мякин открыл глаза, с удовольствием потянулся и несколько секунд затаеясь наблюдал, как просыпается его организм. Голова была свежа. Он, похоже, хорошо отдохнул. Мякин энергично встал, прошёл в туалетную комнату, немного ополоснулся и в бодром настроении вышел в палату. Сосед уже успел разместить обеденные тарелки на тумбочках.

– Давай, матрос, располагайся. Обедаем, – произнёс моряк и принялся за первое блюдо.

Мякин энергично похлебал бульон с вермишелью и, отстранив пустую тарелку, спросил:

– А что у боцмана за пакет оказался, когда он на корабль вернулся?

– Пакет? – переспросил моряк. – Да, пакет был. Да ты любопытный, матрос! Мы про пакет-то потом всё узнали, много позже, когда вся интрига с самодеятельностью раскрылась. – Моряк неспешно прожевал котлету, залпом выпил компот и только тогда добавил: – В пакете у боцмана худсамодеятель-

ность находилась.

Мякин оторвался от второго блюда и вопросительно взглянул на моряка.

– Самодеятельность там была, – твёрдо повторил моряк. – Оказалось, что боцман где-то ночью надыбал журналов разных развлекательных и всю работу с матросами раскрутил, имея на руках готовые шутки, песенки и прочую веселуху. Вот как оно получилось.

Моряк замолчал, Мякину показалось, что он хотел ещё что-то сообщить о боцмане, но сообщения не последовало. Рассказчик прокашлялся и надолго замолк. Мякин тихонько закончил обедать, аккуратно сложил тарелки и, стараясь не потревожить соседа, осторожно подошёл к окну. По сухой стене забора можно было догадаться, что утренняя сырость прекратилась и, возможно, к вечеру подморозит. Мякин минут десять стоял молча, затем вернулся к себе и лёг, закрыл глаза и представил себе, как он вырвется из этого заведения.

«Надо бы обзавестись тёплой одеждой», – подумал он и с этой мыслью задремал.

– К вам посетительница, – услышал он сквозь сон и открыл глаза.

Дежурная медсестра стояла у кровати соседа и ждала ответа.

– Да-да, – пробасил моряк. – Сейчас я выйду.

– Она хочет пообщаться с вами здесь, в палате, – произнесла сестра.

– Пообщаться в палате? – переспросил моряк.

– Она так сказала, – ответила сестра.

– Хорошо, – согласился моряк, поднялся с постели, оправил одежду. – Через минуту я буду готов.

Стараясь быть энергичным, он прошёл в туалетную комнату и, действительно, через минуту вернулся. На нём поверх тельняшки красовалась спортивного вида куртка. Редкие седые волосы были строго зачёсаны назад, отчего его общий вид приобрёл некоторую важность. До того суровое лицо получило ещё большую строгость, и, глядя на несколько преображённого моряка, Мякин подумал, что его сосед, пожалуй, по службе, может быть более строгим, чем Герасим Ильич.

– Я готов, – произнёс моряк. – Запускайте.

– Здравствуй, котик! – Уже немолодая, но эффектная дама уверенно появилась из-за дверей. – Ты здесь не один, – добавила она, мельком взглянув на Мякина и, обратившись к медсестре, по-деловому распорядилась: – Будьте любезны, голубушка, пакеты, что я оставила возле вас, принесите сюда. Котик, нам же обещали комфорт? А у тебя... – Дама снова взглянула на Мякина и в этот раз, прищурившись, осмотрела его более подробно.

Мякин ссутулился и попытался не смотреть в сторону дамы.

– Mamochka, – пробасил моряк. – Это матрос. Мы здесь подружились и славно проводим время. Полный комфорт!

– Вижу, вижу, – быстро отреагировала дама. – Тебе везде нужны матросы. Кстати, я говорила с врачом.

Моряк несколько насторожился и спросил:

– Ну и что он тебе сообщил?

– Котик, надо лечиться, серьёзно лечиться, – ответила дама.

Дверь палаты отворилась, и появилась медсестра с двумя большими пакетами.

– Поставьте это сюда, – сухо приказала дама и, обратившись к моряку, добавила: – Это тебе, котик, гостинцы. Всё, что ты любишь. – Она по-хозяйски обошла палату, взглянула в окно. – Пейзаж здесь у вас не очень, – и, не обращая внимания на Мякина, произнесла: – У тебя, котик, нынче матрос-одиночка или целая команда?

– Мамочка, – как бы извиняясь, произнёс моряк. – Ты уж как никто можешь меня понять! Мне одному никак нельзя.

– Да, котик, я понимаю, – немного недовольно произнесла дама. – Ну да, Бог с тобой. Всё равно нам переезжать.

– Как переезжать? – удивился моряк и вопросительно взглянул на притихшего Мякина. – Погоди, погоди, мамочка! Как переезжать? Куда? Зачем? Да ты присядь сначала, а уж потом...

Дама остановилась возле стула и безапелляционно заявила:

– В другую клинику. Ты, котик, не волнуйся. Это недалеко. Там тебя ещё раз проверят, а уж потом решим...

– А когда переезжать? – уныло спросил моряк.

– Завтра. Я уже договорилась, – ответила дама.

Она аккуратно, даже можно сказать, изящно присела на стул, поправила причёску и продолжила:

– Ты, котик, тоже садись. – И, когда моряк расположился на кровати, внимательно осмотрела его. – Выглядишь неплохо, – сказала она. – Ну-с, чем вы здесь с матросами занимаетесь?

– Чем занимаемся? – растерянно произнёс моряк и ответил: – Да так. Просто общаемся.

– Просто общаетесь, – повторила она и, обратившись к напряжённому застывшему Мякину, спросила: – Он вас не утомят морской тематикой?

Мякин повернулся в сторону дамы, неловко положил руки на колени и хрипло ответил:

– Нет, что вы! – Затем прокашлялся и добавил: – Мне интересно.

– Да, конечно, – равнодушно сказала дама и оставила Мякина в покое.

Моряк, почувствовав некоторую неловкость Мякина, как бы в своё оправдание произнёс:

– Матрос – он не совсем матрос. Он просто понимающий. Вот поэтому мы и общаемся.

– Да, котик, я поняла, – ответила дама и, чтобы продолжить разговор, указала на пакеты: – Ты уж, котик, употреби это. Угости кого-нибудь. Вот и понимающего матроса мож-

но. Здесь много чего. Я когда собирала, ещё не знала, что ты переезжаешь.

– А впрочем, можешь всё это оставить здесь. Завтра я ещё принесу, – добавила она и, неожиданно грустно вздохнув, заключила: – Лишь бы ты был здоров.

Наступила тишина. Мякин уже давно хотел встать и как-нибудь незаметно ретироваться, но куда? Он подумал, что можно подойти к окнам и сделать вид, что увлечён серым пейзажем, или, чтобы не мешать беседе моряка с мамочкой, пробраться в туалет? Но эти варианты ему не понравились. Он подумал, что можно просто лечь и, отвернувшись от беседующих, притвориться спящим, но и это ему показалось неприличным – и он решил занять себя чтением. Достал из тумбочки толстую книгу, которую принесла супруга, улёгся на койку и прочёл первую страницу.

Это был драматический роман, и с первых строк Мякину стало понятно, что такое начало не доведёт героев до счастливого конца, а начало было такое:

«Длинный деревянный одноэтажный дом скорее напоминал барак, чем обычное жильё. Ровные, калиброванные, хорошо подогнанные брёвна, пропитанные снаружи чем-то чёрным, намекали на то, что строили это сооружение не для проживания отдельных граждан и их семей. По местному преданию, в этом строении сначала разместили небольшой госпиталь, а уже после окончания лечения последних больных приспособили его для жильцов. Дом своим торцом вы-

ходил на шоссе, по которому частенько, гремя железом, проезжали машины разных марок. Шоссе вело в большой город и иногда было забито машинами весьма плотно. Шум от моторов напоминал жителям, что они существуют почти как горожане, хотя вся окружающая местность скорее походила на деревенскую с множеством мелких построек среди пышных старых садов и прочей дикой зелени.

Внутри помещение дома выглядело абсолютно неуютно. Длинный узкий коридор с многочисленными дверьми освещался слабо и в любое время суток был тёмн и мрачен. Сиротливо висевшие на длинных шнурах электропроводки редкие лампы неместного жителя сразу вводили в состояние уныния и, конечно, не предвещали встречи с жизнерадостными, весёлыми жильцами. После госпиталя сюда заселили немало семей. В каждой отдельной комнате проживало по два, а то и по три-четыре человека. Разнообразные жильцы не очень-то дружили друг с другом, нередко ссорились на общей кухне, где теснота, когда собирались хозяйки, возникала удручающая. Иногда (правда, довольно редко) общие проблемы сплывали коллектив. В коридоре происходили возбуждённые обсуждения по некоторым животрепещущим вопросам коммунального бытия, и когда полемика заходила в тупик, как правило, кто-нибудь тихо предлагал: “Надо писать жалобу ему...” и шёпотом произносил имя главного человека в стране. Однако никому эту петицию составлять не хотелось – на том собрание и затихало до выявления следу-

ющей проблемы».

– Котик, вижу, тебя это не очень устраивает, – Мякин, услышав слова дамы, оторвался от чтения и взглянул в сторону соседа и его посетительницы.

Дама настойчиво добавила:

– Но ты же должен понимать, что это мы делаем для тебя, для твоего здоровья!

– Мамочка, я понимаю, – покорно пробасил моряк. – Только вот матроса жаль... – И, махнув рукой в сторону Мякина, добавил: – Все меньше матросов встречаю.

– Ну, котик, этого добра ты где угодно найдёшь, – возразила дама.

Мякин сделал вид, что не слушает их, и перевернул следующий лист:

«Из всех проживающих в доме выделялись, пожалуй, только две семьи: инвалида и учительницы. Инвалид, худощавый мужчина средних лет без ноги, проживал в середине коридора, что уже придавало ему некоторый повышенный статус по сравнению с теми, кто теснился в своих комнатах у самого выхода или у кухни. Инвалид имел кругленькую, низкого роста жену и послушного, тихого сынишку. Формально среди жильцов существовало мнение, что инвалид потерял ногу в боях, но нередко соседи шёпотом, за глаза, говорили, что инвалиду оторвало ногу на лесопилке, а уж когда женщины схватывались на кухне в словесной перепалке, кто-нибудь да и выдавал эдакую тираду: “Твой-то ногу на лесопил-

ке оставил – тоже мне героёй войны!”»

– Мы вам, наверное, мешаем. – Дама несколько раздражённо обратилась к Мякину.

Мякин отложил книгу и, посмотрев на даму, тихо ответил:

– Нет. Это, вероятно, я стесняю вас. Уж извините, здесь такой порядок, что из палаты не вырвешься.

– Да, порядок, – покачала головой дама и обратилась к моряку: – Котик, там тебе точно будет лучше, комфортнее. Там и прогуливаться будешь, а не сидеть в этой... – Она попыталась подобрать обидное слово вместо палаты, но решила просто обозвать её комнатой. – В этой коммунальной комнате, – закончила она фразу.

– Мамочка, нам и здесь комфортно, – попытался возразить моряк.

– Ну да, тебе, котик, везде комфортно, ты у нас совсем неприхотливый, – согласилась дама.

Мякин вновь углубился в чтение:

«Инвалид был немногословен. В коридорных разговорах участвовал редко. По утрам он надевал большой протез и, стучая искусственной ногой об пол, выходил в сумрачный коридор. Протез при ходьбе жутко скрипел кожаными ремнями, которые удерживали сложное сооружение на худом теле инвалида. Местная шумная ребятня инвалида побаивалась и при его появлении как-то затихала, стараясь незаметно проскочить мимо него вдоль стены.

Тихий сынишка инвалида, видимо, подчиняясь влиянию сверстников, вёл себя так же. Одним словом, совершенно трудно было заметить по его поведению, что инвалид является его отцом. Может быть, у себя в комнате его поведение было другим, но здесь, среди коридорных сорванцов, трудно было догадаться, что он и инвалид – близкие родственники».

– Ну, котик, я, пожалуй, пойду, – услышал Мякин громкий голос дамы. – Ты уж одну ночьку потерпи, – добавила она. Затем встала, обернулась в сторону Мякина и заявила: – Вы, молодой человек, извините нас, если мы вам помешали. Завтра ваш сосед освободит вас от своего присутствия. Так что и вы потерпите всего одну ночьку.

Мякин отложил книгу и, почувствовав, что, наверное, надо встать при даме, поднялся с постели, поправил одежду и, опустив руки по швам, застыл в ожидании следующих слов посетительницы. Дама, слегка улыбнувшись, добавила:

– Всего одну ночьку.

Мякин, вроде бы в знак согласия, несколько раз кивнул.

– Прекрасно, – произнесла дама и повернулась к моряку. – Целую тебя, мой котик. Так что до завтра. Не скучайте здесь. – Она подошла к двери и тихонько постучала в неё указательным пальцем.

– Мамочка, так ты до них не достучишься! – Моряк встал рядом с дамой и три раза жёстко ударил в дверь кулаком. – Вот так, может быть, слышат.

– Да, – поморщилась дама, и они вдвоём застыли в ожи-

дании реакции больничного персонала.

Только после третьей серии ударов дверь отворилась, дама прикоснулась губами к щеке моряка и, попрощавшись, вышла в коридор. Мякин от нечего делать потоптался возле кровати и, заметив, что моряк не расположен общаться, снова занялся чтением:

«В отличие от инвалида, учительницу никто не боялся. Её появление в коридоре никак не влияло на поведение ребятни. Да и взрослые относились к ней довольно равнодушно – может быть, потому, что она сама была не очень приветлива, а может быть, оттого, что её всегда строгое бледное лицо было закрыто для эмоций. Соседи считали её нелюдимой и редко обращали на неё внимание. С ней, в комнате почти напротив инвалида, проживал её взрослый сын, который где-то учился и всё время был занят, в общественных делах никогда не участвовал, и его личная жизнь соседям практически была неизвестна.

Остальные соседи охотно общались, ссорились из-за пустяков, трудно мирились, воспитывали детей разного возраста, заготавливали на зиму дрова, весной усиленно возились на огородах, которые располагались здесь же, недалеко от дома. Время летело и быстро, и медленно – в зависимости от настроения, занятости и обременения бытовыми мелочами».

– Что читаешь, матрос? – услышал Мякин, перелистывая очередную страницу.

Он положил книгу на тумбочку и скромно ответил:

– Да так. Роман какой-то. Только начал.

– «Какой-то»? – удивился моряк. – Читаешь и не знаешь о чём?

– Да нет. Знаю о чём, только читаю машинально, лишь бы время занять, – оправдался Мякин.

– Понятно, – пробасил моряк, тяжело вздохнул и добавил: – Вот, видишь ли, расформируют наш экипаж. Последняя ночка осталась.

Мякин, не зная, как отреагировать, односложно ответил:

– Да...

– Да-а... – протяжно повторил моряк, подошёл к окну и несколько минут стоял молча, созерцая рано наступившие сумерки. – Скоро зима, – задумчиво произнёс он. – Замёрзнет всё, и наше судоходство.

– Судоходство? – вопросительно повторил Мякин. – А что же, ледоколов у нас нет?

Не оборачиваясь моряк ответил:

– Ледоколы, конечно, есть, а судоходство всё равно мёрзнет.

Мякин не стал уточнять, что имел в виду моряк, но, почувствовав в этих словах «судоходство мёрзнет» какое-то глубокое уныние, спросил:

– Вы обещали рассказать техническую историю. Помните?

Моряк обернулся, взглянул на Мякина и, еле заметно

улыбнувшись, ответил:

– Помню. – Он вернулся к своей койке, грузно расположился в ней и продолжил: – Весёлая история была. Жаль только, участников маловато: я да матрос-салага.

Дверь палаты неожиданно отворилась, и дежурная объявила:

– Мякин, к вам гостя.

Мякин торопливо встал и ответил:

– Да, конечно.

– Стойте, стойте! – возмутился моряк. – Мы ещё не готовы. Дайте хоть минуточку!

Мякин, поправляя пижамную куртку, быстро согласился:

– Да-да. Через минуточку.

Ровно через минуту в палате появилась Раиса. Она благоухала и сияла во всей своей жизнерадостной чувственности.

– Мякиша, как мы все по тебе соскучились! – вместо приветствия произнесла она.

Мякин в ответ ничего более умного не придумал, а только удивлённо произнёс:

– Да?

– Конечно да! Конечно да! – затараторила Раиса. – И Герасим Ильич о тебе справлялся уже несколько раз. Спрашивал: «Как там наш Мякин?»

– Ну и что вы отвечали? – нахмурившись спросил Мякин.

– Отвечали, что лечится, – сказала Раиса и, оглядывая палату, добавила: – А у вас тут просторно, даже танцевать мож-

но.

– Вот-вот. Можно танцевать, – скороговоркой пробасил моряк и накинулся на Мякина: – Ты что же, матрос, так хму-ро встречаешь такую красавицу?

Он, стараясь быть элегантным, подошёл к Раисе и, широко улыбнувшись, произнёс:

– Наш экипаж рад приветствовать королеву на своём борту! Разрешите ручку поцеловать?

Раиса улыбнулась и со словами «очень приятно» подала ему руку. Приложившись к ручке, моряк заявил:

– Ну, матрос, аж завидую тебе: такая королева тебя посетила! – И, обращаясь к Раисе, добавил: – Располагайтесь, Ваше величество, среди своих подданных и повелевайте!

Раиса искренне расхохоталась и ответила:

– Королева повелевает одарить вас сладостями и вкусо-стями за служебное рвение.

Она достала из аккуратного пакетика две коробочки с конфетами и по очереди вручила их моряку и Мякину.

Моряк, принимая конфеты, произнёс:

– Воистину королевский подарок!

А Мякин, не соображая, как реагировать на происходящее, застыл с коробочкой в руке посреди палаты.

– Ну что ж, тогда изложите своей королеве, какова обста-новка в королевстве и как живётся подданным. Не притес-няют ли кого? – Раиса присела на стул и, ожидая ответа, ещё раз внимательно осмотрела палату.

– Нынче у нас полный штиль. В сухом доке стоим, Ваше величество, – уже не очень весело ответил моряк и добавил: – Лучше уж вы повеселите нас, простых смердов, как и что происходит там, на просторах королевских?

Раиса, улыбаясь, повторила:

– На просторах королевских, – и, взглянув на Мякина, произнесла: – Ждём мы вас там здоровыми и крепкими.

Моряк на несколько секунд задумался, а затем как-то совсем не оптимистично пробасил:

– А сие от нас мало зависит. Уже мало, – добавил он и, всё-таки улыбнувшись, пояснил: – Теперь всё от вас, от молодёжи идёт, – и обращаясь к угрюмому Мякину, почти в приказном тоне заявил: – Матрос, да не стой ты столбом, словно скала на фарватере! У нас красавица, а ты молчишь!

– Да, Мякиша, ты словно не рад, – произнесла Раиса. – Пресный какой-то!

Услышав эту фразу, Мякин как бы очнулся и спросил:

– Почему пресный?

– Пресный – значит не солёный ты, матрос! – ответил за Раису моряк.

Мякин внимательно посмотрел на коробочку, которую держал в руках, потом взглянул на Раису и, наконец-то криво улыбнувшись, произнёс:

– Сейчас испробую конфету и стану сладким.

– Ага, – буркнул моряк и язвительно добавил: – Сладкий матрос. Как вам это понравится, королева?

Почувствовав некоторое давление со стороны моряка, Раиса задумалась и, решив защитить Мякина, ответила:

– Мне нравятся сладкие матросы. А вам что, только всё солёное подавай?

– Мне? – неожиданно удивился моряк и как-то уж совсем искренне и наивно ответил: – Да мне теперь хоть что подавай – всему буду рад. Да уж извините, мадам! Мешаю я вам. Общайтесь без стеснения. Моряк замолкает, как старая рында без язычка.

– Да-да, – быстро произнесла Раиса и, спохватившись, поправилась: – Вы мне совершенно не мешаете, да и мы можем выйти в коридор. Мякиша, мы можем выйти в коридор?

– Конечно можем, – довольно бодро ответил Мякин.

– Да-а... – протяжно и как будто обиженно согласился моряк. – Что тут со старым дураком балагурить – только время терять!

– Что вы, что вы! – засуетилась Раиса. – Вы не так нас поняли. Нам интересно ваше мнение, то есть интересно быть с вами рядом, с мудрым человеком. Мякиша, что ты молчишь? Ты согласен со мной?

– Разумеется, согласен, – быстро ответил Мякин. – Мы мудрость всегда уважаем.

– Все так говорят, чтобы отделаться от нас, – проворчал моряк и, видимо, не желая продолжать эту тему, удалился к окнам.

Раиса и Мякин недоумённо переглянулись и почти в уни-

сон произнесли:

– Простите, мы не хотели вас обидеть.

Моряк, не добравшись до окон, остановился и не оборачиваясь ответил:

– Меня обидеть нельзя. Вы уж не обращайтесь на меня внимания. Извините старого моряка за назойливость. Простите. – И он вплотную подошёл к оконному стеклу.

Неловкая тишина образовалась в палате. Моряк долго смотрел в окно, Раиса – вопросительно на Мякина, а Мякин – то на коробочку в руках, то на стоящего невдалеке моряка. Пауза в разговоре продолжалась довольно долго. Первым нарушил тишину Мякин.

– Давайте продолжим общение, – произнёс он, вроде бы ни к кому не обращаясь.

– Давайте, – сразу же согласилась Раиса.

Они одновременно посмотрели в сторону моряка и застыли в ожидании его реакции.

– Давайте, – не оборачиваясь ответил моряк.

– Расскажите нам что-нибудь поучительное, – предложила Раиса.

Мякин наконец-то определился с коробочкой и положил её на тумбочку.

– Да, пожалуйста, что-нибудь поучительное или техническое, как обещали, – поддержал её Мякин.

Моряк обернулся и ответил:

– Хорошо, техническое так техническое.

Он вернулся на своё место, улёгся на постель и, заложив руки за голову, произнёс:

– Не возражаете, если буду рассказывать в горизонтальном виде?

– Не возражаем, – ответил Мякин.

– Было это давно, когда ваш покорный слуга был молодым и зелёным и служил второй год на флоте. – Моряк, глядя на потолок, слегка улыбнулся (наверное, вспоминая приключения молодости) и продолжил: – Выбрал наш мичман себе помощника из молодых. Долго присматривался к стриженным – хотелось ему абсолютно надёжного посадить на вещевой склад. На то, наверное, и основания у него были: два предыдущих каптёрщика на складе не прижились, подвели мичмана. Говорили, подвели по мелочам, но мичман уж очень принципиальным был – хотелось ему установить на вверенном объекте идеальный порядок.

Моряк прервал рассказ, закрыл глаза и почти минуту молчал. Мякин и Раиса терпеливо ждали продолжения. В конце паузы Мякин даже подумал, что моряк заснул, но тот открыл глаза и тихо произнёс:

– Простите, чуть вздремнул.

Мякину захотелось напомнить моряку, о чём он говорил:

– Вы нам рассказывали о мичмане и его молодом помощнике.

– Да помню я, матрос, – ответил моряк и продолжил рассказ: – Ну так вот, выбрал мичман себе надёжного помощ-

ника, так сказать, вверил ему склад, посадил в каптёрку идеальный порядок наводить. Сейчас уж точно и не помню, но через день-два решил я в каптёрку зайти к молодому – чего-то мне понадобилось. Открываю дверь – и обомлел на пороге...

Моряк поднялся с койки, как будто хотел как-то по-театральному, более выразительно показать слушателям, как его поразило увиденное. Он развёл руки в стороны и продолжил:

– Одним словом, остолбенел я от увиденной картины. Молодой поливает вверенное ему пространство из огнетушителя. Да норовит весь пол залить грязной пеной. Брызги летят окрест, стены и мебель каптёрскую портят до неузнаваемости.

Моряк вновь сделал небольшую паузу, оглядел слушателей и, убедившись, что рассказанное не очень-то их ошеломляет, спросил:

– Думаете, этот деятель пожар в каптёрке тушил? – И, не дожидаясь ответа, пояснил: – Не было у него никакого пожара. Это он огнетушитель проверял. Технический вопрос у него образовался.

– Как проверял? – удивлённо спросила Раиса. – Зачем же помещение так портить?

– А-а, ошеломились! – обрадовался моряк. – Вот и я ошеломился. – Моряк продолжил рассказ: – Стою на пороге, опасаясь за брюки: обрызгает этот деятель мои клёши выходные. Кричу ему с недоумением: «Чего это здесь проис-

ходит?», а в ответ, сквозь усердное сопение: «Огнетушитель проверяю».

Через некоторое время закончилось это безобразие, пена в огнетушителе иссякла. На полу слой коричневой жидкости, и всё вокруг в гадости этой, а посреди – молодой с пустым агрегатом и испуганными глазами, удивлённо оглядывающий результаты своей деятельности. «Ты это зачем всё...?» – спрашиваю я его и чувствую: влетит ему за это от мичмана о-го-го, и жалко мне его, и страшно за судьбу его матросскую стало. Продолжаю говорить слова ему утешительные, а сам соображаю, что ступор на молодого напал и не может он определиться, что ему дальше делать. Можно сказать, вокруг аварийная ситуация образовалась, катастрофическая...

Неожиданно щёлкнул дверной замок палаты. Мякин вздрогнул и инстинктивно повернул голову. Заметив это, моряк произнёс:

– Не бойсь, матрос. Всё закончится хорошо. Одним словом, хэппи энд будет.

– Будем ужинать, – услышали все голос раздатчицы.

– Будем, будем, – ответил моряк.

Раздатчица прогремела тележкой и недовольно проворчала:

– У вас ещё посетители. Пора заканчивать, девушка. Пора.

Раиса улыбнулась и ответила:

– А мы, собственно говоря, и закончили. Сейчас я удалюсь, не волнуйтесь. – И, обратившись к Мякину, спросила: – Мякиша, ну я передам от тебя всем привет, скажу, что ты поправляешься и что... – Она сделала небольшую паузу, ожидая, что Мякин что-то добавит, но Мякин промолчал. – Что ты скоро вернёшься?

Мякин подумал и тихо ответил:

– Если ты принесёшь мне зимнюю одежду.

Раиса изумлённо уставилась на Мякина и только через полминуты отреагировала:

– А что... – Она, наверное, хотела спросить: «А что, больше никто не может Мякину принести одежду?», но на ходу передумала и произнесла:

– Да, Мякиша, конечно принесу. Завтра и принесу.

– Благодарю, – сказал Мякин и добавил: – Большое спасибо.

– Не за что, – ответила она и, взглянув на моряка, расставляющего тарелки с ужином, сказала: – Ну, я пойду. – И, как бы раскланиваясь, добавила: – Приятного аппетита, поправляйтесь и спокойной ночи.

Моряк обернулся и торжественно объявил:

– Господа, кушать подано! О! Королева нас покидает! Матрос, это грустное событие надо бы как-то отметить. Может быть, нам стоит организовать почётный караул? Как ты думаешь, матрос?

– Почётный караул? – машинально переспросил Мякин.

– А что? Наша королева разве его не достойна? – пробасил моряк.

Мякин неуверенно ответил:

– Пожалуй, да.

– Тогда в одну шеренгу становись! – гаркнул моряк и изобразил стойку смирно.

Мякин остался стоять посередине палаты.

– Не стой столбом, матрос! Исполни команду! – прогудел моряк.

Мякин засуетился, попытался встать за моряком, затем догадался, что это не то, что предложил последний, и встал справа от него. Моряк недовольно хмыкнул и аккуратно своей правой ручищей передвинул Мякина налево от себя.

– Ты, матрос, совсем субординацию не соблюдаешь – вот где молодому надо стоять!

– Да-да, – быстро согласился Мякин и вытянул руки по швам.

Раиса, изображая большого командира, прошла вдоль строя из двух пациентов и произнесла:

– Вольно, моряки! Прощайте! – Затем подошла к двери и уверенно постучала в неё кулачком.

После её ухода моряк и Мякин некоторое время ужинали молча, а затем Мякин спросил:

– А зачем же он включил огнетушитель в каптёрке? Он, наверное, это случайно сделал?

Допивая чай, моряк прогудел:

– А пёс его знает, что ему в голову пришло! Объяснил, что, разглядев дату заправки и гарантии, подумал...

Моряк сделал многозначительную паузу и эмоционально продолжил:

– Он, видите ли, подумал, дырявый бот! Он подумал, что гарантия у огнетушителя вся вышла, и нажал на механизм. Вот процесс и пошёл.

– А что потом? – поинтересовался Мякин.

– Потом? – не торопясь ответил моряк. – Потом мы разделись и вдвоём несколько часов отмывали помещение. Отмыли.

Мякин мысленно представил действия отмывальщиков и в знак понимания сложности процесса восстановления порядка в каптёрке покачал головой.

– Получается, что вы спасли матроса? – вопросительно произнёс Мякин.

– Получается, что спас, – подтвердил моряк. – А как же не помочь земеле!

– Земеле? – удивился Мякин.

Моряк встал, прошёлся по палате, заглянул в окно. Осенняя темнота окружила клинику.

– Земляком оказался молодой, – пробасил моряк и надолго замолк.

Собеседники этот вечер провели молча. Мякин размышлял о том, как он вырвется из заперти и что будет делать дальше. Это «дальше» у него никак не складывалось в яс-

ную, чёткую картину. Воображение рисовало свободное и счастливое существование, но что-то конкретное представлялось слабо. Как только он пытался вообразить нечто вещественное, осязаемое, по-бытовому понятное, то получалось, что это контора со своими заморочками или что-то домашнее, настолько привычное, а потому и серое, обыкновенное, и даже надоевшее.

Моряк на своей койке задремал и, тихонько посапывая, периодически вздыхал. «Ему, наверное, снилось солёное море, а может быть, даже океан», – подумал Мякин и закрыл глаза. И приснилось ему свободное и счастливое существование. Ничего особенного вроде бы и не происходило, да и не было вокруг ничего. Что-то туманное и светлое окружало его. Иногда появлялись какие-то лица, как будто бы знакомые, но он их раньше не знал. Туман был сначала тёплым, потом похолодало. У него замёрзли руки, потом – ноги, затем страшный холод обрушился на всё беззащитное мякинское тело, и он проснулся.

Моряк стоял у открытого окна и дышал свежим воздухом.

– А, матрос! Проснулся. Извини, кислородом решил подышать. Заморозил я тебя. Сейчас всё задраю.

Моряк закрыл окно, ещё некоторое время постоял, решительно повернулся и произнёс:

– Что, матрос, собрался рвануть в самоволку?

Мякин спросонья не понял вопроса и ответил:

– Сон какой-то странный, про свободу снился.

– Вот и сон про то самое, про самоволку, – согласился моряк.

Мякин приподнялся, сел на кровать и посмотрел на часы.

– Это что же, уже ночь? – спросил он.

– Глубокая, – подтвердил моряк и добавил: – Глубокая ночь... – странная фраза. Тебе не кажется так, матрос?

– Так все говорят, – ответил Мякин.

Моряк погасил большой свет, включил настольную лампу и тихо сказал:

– Вот и ночь стала глубже, а мы уже бодрствуем. Придётся посиделки устроить. Ты как, матрос, не возражаешь?

Мякин не возражал, тем более что сон прошёл и дремотное состояние исчезло вместе с ним.

– Везёт тебе, матрос, такая дивчина к тебе пришла! Красуля, да и только.

Мякин решил ответить комплиментом и произнёс:

– Ваша тоже красуля.

– Да, – вяло согласился моряк и продолжил: – По молодости поураганил я. Теперь без волнений. Были красули, а теперь супруга.

Мякин пробурчал что-то одобрительное по поводу супруги, на что моряк, кашлянув, странно отреагировал. Он после небольшой паузы сухо пробасил:

– Супруга – это не дивчина, моряк. Да ты и без меня это должен знать.

Мякин подумал, что не стоит вмешиваться в чужую су-

пружескую жизнь, и никак не отреагировал на последнюю реплику моряка, а сам моряк и не собирался продолжать разговор на эту тему, он глубоко вздохнул и произнёс:

– Ты, матрос, вижу, решил на свободу вырваться, нюхнуть, так сказать, либертории?

– Чего нюхнуть? – спросил Мякин.

– Свободной территории, – пояснил моряк.

– Свободная территория... – в раздумье повторил Мякин.

– Либертория – это манящая, сладкая жизнь без обязательств, – добавил моряк. – Многие хотели бы так существовать, но не решаются броситься в этот омут свободы.

– Почему омут? – снова спросил Мякин.

– Омут, омут... Вот именно: омут, – подтвердил моряк. – Нырнул туда – и всё. Пропал человек. Сразу пропал. В отличие от трясины.

Мякин затих, предчувствуя, что моряк расскажет что-то интересное, но моряк молчал. Он как будто что-то вспоминал про себя, но совсем не собирался излагать это «что-то» Мякину. В палату заглянула медсестра:

– Не спится? – тихо спросила она.

– Не спится, не спится, подружка, – ответил моряк. – Ты, голубушка, не беспокойся за нас: мы с вечера так придавили, что весь сон до утра вышел.

– Может быть, что-нибудь дать? – спросила она.

– Мне не надо, – ответил моряк. – Матрос, а ты чего-нибудь желаешь?

Мякин ничего не желал и отрицательно покачал головой.

Моряк прилёг на постель и спросил:

– Так вы желаете, молодой человек, в либерторию?

Мякин немного подумал, прежде чем ответить, и спросил:

– Я что-то не понял: в чём разница между омутом и трясиной?

– А-а... – протянул моряк. – Это сразу не объяснишь. –

Он покряхтел в постели и продолжил: – Омут – это нырнул и всё, а трясина засасывает – сразу и не определиться. Вроде палуба с трубой на месте, а корпус уже увяз.

Мякин задумчиво произнёс:

– Это если сравнивать детали, в конечном счёте – всё едино, пропал человек?

– В конечном счёте – итог тот же. Это ты, матрос, правильно уловил и потом начнёшь сравнивать, начнёшь сомневаться, а придут сомнения – пиши пропало, ничего не выберешь. Хорошо, если итог можешь разглядеть, а если итог не виден, то и выбрать не сможешь.

– Вы полагаете, что я уже выбрал? – спросил Мякин.

– Полагаю, полагаю, матрос, – подтвердил моряк. – И одежду зимнюю себе заказал.

– А может быть, это я на всякий случай, – возразил Мякин.

Моряк немного посопел, поправил подушку и уверенно заявил:

– Ты, моряк, не темни. У нас это не принято – корабль

можно загубить. Я человек простой, ваших гражданских марципанов не люблю. Нацелился сбежать – так и скажи. Не хозяйку же свою попросил одежду принести.

– Не хозяйку, – признался Мякин.

– Не хозяйку, – повторил моряк. – Значит, намеренья серьёзные, а там хоть скала, хоть айсберг – руль не отвернёшь. Не отвернёшь ведь, моряк, не отвернёшь?

– Не знаю, – промямлил Мякин.

– Эх, моряк, душа твоя пресная! Был бы помоложе – с тобой бы отчалил. Да куда уж мне – мой итог уже известен. – Моряк взглянул на часы. – Скоро побудка, а потом моё перебазирование. Расскажу-ка я тебе последнюю историю, если не возражаешь.

Мякин покорно ответил, что не возражает.

– Когда же это было? – начал свой рассказ моряк. – А впрочем, какое это сейчас имеет значение? – Он лёг набок, лицом к Мякину, и спросил: – Тебе, матрос, интересно знать, когда это было?

Мякин замешкался с ответом и не сразу произнёс:

– Наверное, интересно.

– Хорошо, матрос, напрягусь ради тебя и вспомню, когда это было.

Моряк лёг на спину, долго задумчиво смотрел в потолок, а затем продолжил:

– А было это тогда, когда пиво продавали на розлив в ларьках и очереди из жаждущих в жаркие дни скапливались

возле них изрядные. И в этот раз обстановка сложилась жаркая – солнце ещё печёт прилично. Городской пейзаж раскалился. Народ за день перегрелся от жары. Мужики к ларькам пивным устремились – холодненького принять кружечку.

Двое молодцов в гражданском: белые рубашки, галстуки, тёмные костюмы с новенькими портфелями (мода тогда была такая у молодёжи – иметь хорошие кожаные портфели) встали в очередь за пивом. Обзавелись вожаками с кружечками с холодной светло-коричневой пенной жидкостью, отошли в сторонку от ларька и алкают горьковатый на вкус напиток. Замечают невдалеке мужичка бездомного, тоже употребляющего пиво, – угостил его кто-то сердобольный. Мужичок неказистый, заросший и небритый с давних пор. Одежка на нём, что ни на есть – один хлам засаленный. Они на мужичка с интересом смотрят, а мужичок на них прищурился, пиво скромно потягивает...

Моряк закашлялся, сел на кровати, взглянул на Мякина и, убедившись, что тот внимательно его слушает, продолжил:

– Так некоторое время, поглядывая друг на друга, потребляли они пиво. Молодцы общались меж собой на злободневные темы, и один из них тихо замечает второму: что, мол, за жизнь такая никчёмная у того мужичка бездомного, просто жуть какая-то! На что второй ему весьма резонно отвечает: «А мужичок-то про нас, может, то же самое думает». – «Как это то же самое? – удивился первый молодец: – У нас с то-

бой что – жизнь такая никчёмная? Не верю, не может наша жизнь быть такой же!» – «Не жизнь такая, – отвечает ему второй молодец, – а оценка её со стороны мужичка». – «Да! – изумлённо согласился первый. – Мужичок щурится на нас и тоже может подумать, что наша с тобой житуха ужасная. одни обязанности, никакой свободы. Жара, а мы в галстуках и костюмах! Что за жизнь?» – «Смотри, отвернулся от нас, – говорит второй: – Наверное, противно ему на нас смотреть. Может, познакомиться с ним? Проверить наши догадки?» А мужичок допил своё пиво и тихо исчез в ближайшей подворотне.

Моряк прервал свой рассказ, встал с кровати, подошёл к окну. Темень раннего утра ничем не напоминала тот жаркий вечер, о котором шла речь в рассказе моряка, и Мякин подумал:

«Может быть, моряк пытается вспомнить то благодатное время и холодное пиво, только странно то, что герои его рассказа гражданские лица? Не морская это история», – решил Мякин и затаился в ожидании окончания рассказа.

– Ну что, матрос, всё понятно? – неожиданно спросил моряк.

Мякин повернулся в его сторону, взглянул на уже немного сутулую спину моряка и ответил:

– Сюжет, в общем-то, понятен: всё в жизни относительно.
– Да, – согласился моряк, – и не оборачиваясь добавил: – Вот и у нас с тобой всё относительно. Тебе, матрос, свободы

хочется, и мне того же, но не дадут же – поздно уже.

– А, по-моему, свободу никогда не поздно получить, – заметил Мякин.

– Может быть, ты и прав, матрос, – согласился моряк.

Дверь палаты отворилась, и медсестра дежурным тоном объявила:

– Измеряем температуру. А вы уже встали – просто молодцы!

Она раздала термометры и по-деловому удалилась.

– Мернёмся, матрос? – произнёс моряк. – Уж в последний раз побрудершафим на градусниках.

– Да, – скромно согласился Мякин, запихнул под мышку холодное стекло и взглянул на часы.

А моряк долго рассматривал шкалу своего термометра, что-то пробурчал и, не стряхивая, так же заложил свой градусник под мышку. Затем наступил завтрак, и вскоре, когда начало светать, появился доктор с помощницей. Он стандартно поприветствовал двух пациентов и обратился к моряку:

– Ну, как мы себя чувствуем?

– Чувствуем, что передислокация грядёт, – ответил моряк.

– Да-да, – подтвердил доктор. – Ваша супруга уже здесь. Давайте осмотримся, и можно перебираться.

– Давайте, – без энтузиазма ответил моряк.

Доктор осмотрел пациента и сделал заключение:

– Да, конечно, там по вашей части есть специалисты. Вы не торопитесь – сейчас оформим документы и супруга вас заберёт. Ну-с, а как у вас? – Доктор обратился к Мякину.

Мякин вяло отчитался за прошедшие сутки. Доктор довольно кивнул и обратил внимание на книжку, лежащую у Мякина на тумбочке.

– Почитываем? – произнёс он.

– Да так, понемногу, – неохотно ответил Мякин.

Доктор внимательно взглянул на книгу, пытаясь прочесть её название, и, кивнув в сторону тумбочки, спросил:

– Я могу взглянуть?

– Смотрите, – равнодушно разрешил Мякин.

Доктор прочёл название, нахмурился, а затем, улыбнувшись, обратился к помощнице:

– Безобразие... Посмотрите-ка, что читают наши пациенты!

Помощница попыталась прочесть название мякинской книжки и, ещё не понимая, куда клонит доктор, ответила:

– Так они сами выбирают – нам и не уследить.

– Вот именно: сами, – согласился доктор. – А надобно нам контролировать, по крайней мере, рекомендовать.

Мякин насторожился и, не спуская глаз со своей книги и резонно опасаясь, что в сложившейся ситуации может оказаться без чтения, попытался возразить.

– У меня другого чтения нет. Не понимаю: чем она вам не нравится?

– О! Дорогой мой! Это драма, а вам для выздоровления требуется что-нибудь полегче, – ответил доктор и добавил: – Мы это... – он указал на книжку, – ...у вас временно конфискуем.

Мякин забеспокоился ещё сильнее – он хотел было выхватить книгу из рук доктора, но сообразил, что этот поступок в такой клинике будет воспринят не очень хорошо, а потому решил сопротивляться словесно.

– Вы не имеете права, – тихо сказал он. – Это моя собственность.

На что доктор улыбнулся и ответил:

– Не волнуйтесь, дорогой мой. Мы здесь не будем волноваться. Нам это вредно. Ваша собственность священна. Но желательно, с учётом вашего временного недомогания, читать вам про... – он немного задумался и пояснил: – Читать про зверушек, путешествовать с приключениями. Вот ваша тема, дорогой мой, но никак не драмы и не дай бог трагедии.

– Коллега. – Доктор обратился к помощнице. – Мы можем подобрать молодому человеку что-нибудь из лечебного чтения?

Коллега задумалась и ответила:

– Можно предложить про одинокого на острове. У нас на отделении лежит на полке.

– Это очень хорошо, – обрадовался доктор. – Одинокий на острове, и конец счастливый. Вот это и почитаете. Небось давненько не перечитывали?

– Давненько, – согласился Мякин. – А это... – Он указал на свою книгу. – Вы не заберёте?

Доктор полистал мякинскую драму и ответил:

– Оставим вам на потом. Дома дочитаете.

Мякин кивнул; книгу об одиноком на острове он читал очень давно – в детстве – и подумал, что, действительно, её стоит перечитать снова.

– Вот и славненько: молодой человек внял нашим рекомендациям! – подытожил доктор и, осмотрев Мякина, заключил: – Замечаем улучшения. Замечаем. Недельки две-три – и на свободу.

– На свободу в либерторию, – машинально повторил Мякин.

– Да куда угодно, – согласился доктор.

Моряк подозрительно взглянул на Мякина и громко произнёс:

– Были бы корабль и море, а моряки найдутся. Правильно я говорю, матрос?

Мякин молчал. Он терпеливо ждал окончания осмотра.

– Ну-с, господа, мы вас покидаем, – произнёс доктор и с помощницей вышел из палаты.

За окном окончательно рассвело. Солнечные лучики подсветили ветви деревьев. Синее чистое небо неожиданно обрадовало своей свежестью и надеждой на всё-таки редкий, но более-менее тёплый день в это время года.

– Вот, наконец-то погода нас обрадовала, – немного груст-

но произнёс моряк. – Ну что ж, солнце – это хорошо: не так скучно в период расставания.

В палату энергично вошла супруга Адмирала.

– Котик, – по-деловому обратилась она к моряку. – Соберись, у них всё готово.

Она аккуратно положила на кровать моряка большой пакет:

– Вот здесь твоя одежда.

Мякин отвернулся от супругов и, чтобы не мешать им, подошёл к окну.

– А зачем это-то? – проворчал моряк. – Я, что ли, на парад собрался?

– Котик, это обязательно. Люди должны знать, кого они принимают. Не ворчи, а одевайся. Я сейчас зайду за документами и вернусь.

Мякин из любопытства повернулся и обнаружил своего соседа, облачённого в морскую форму. Китель с адмиральскими погонами поблёскивал рядами разнообразных наград. Адмирал, как показалось Мякину, даже как-то застенчиво повернулся к нему лицом, хотел было развести руки в стороны, показывая, что эту морскую красоту он теперь не очень-то жалует, но, по привычке вытянув руки по швам, объявил:

– Ну что, матрос, давай прощаться.

Мякин отошёл от окна, неловко приблизился к своей койке и в нерешительности остановился. Моряк протянул ему ладонь для прощального рукопожатия.

– Хороший ты парень, матрос, хоть и не морской. Умеешь слушать, а то нынче говорильщиков развелось видимо-невидимо! Все говорят, а слушать некому.

На что Мякин хотел возразить, да Адмирал не позволил ему это сделать и продолжил:

– Будешь вспоминать меня – так вспоминай просто как капитана. Вот, мол, встретил капитана, говорил он мне...

Мякин в знак согласия кивнул. В дверях появилась адмиральская супруга:

– Котик, ты готов?

Моряк проворчал, что он всегда готов, и, неожиданно приблизившись к Мякину, пробасил:

– Ну, матрос, давай хоть обнимемся на прощание.

Мякин снова кивнул и через пару минут остался в палате один. Он с четверть часа ходил по помещению, несколько раз подходил к окну и в конечном счёте лёг на постель, раздумывая: принесёт ли Раиса ему одежду?

Одежду Раиса принесла после обеда. Мякин тщательно пересмотрел всё, что находилось в мешке, и удовлетворённо произнёс:

– Большое спасибо!

Затем они некоторое время говорили на отвлечённые темы, иногда вспоминая работу в конторе. Когда в палате появилась санитарка и убрала постельные принадлежности с кровати Адмирала, Раиса тревожно спросила:

– А где твой весёлый сосед?

Мякин ответил:

– Его перевели в другую клинику.

– Теперь будешь лечиться в одиночестве, – то ли шутливо, то ли всерьёз произнесла Раиса и добавила: – Одному скучно.

– Скучно? – переспросил Мякин.

Раиса, улыбнувшись, ответила:

– Конечно скучно. И поговорить даже не с кем.

Мякин затолкал мешок с одеждой в тумбу и сказал:

– Мне одному не скучно, да и не оставят меня здесь одного – подселят кого-нибудь.

Разговор затих. Раиса молча подошла к окну.

– Сегодня на улице просто красота! Словно осень вернулась ранняя, правда, без листьев.

Мякин согласился и произнёс:

– Да, вернулась, – и сухо добавил: – Ненадолго.

– Ненадолго, – повторила Раиса. – Ну, я пойду, Мякиша, скажу нашим, что ты скоро поправишься.

– Скажи, – ответил Мякин и снова остался один.

До ужина было ещё далеко, и он решил обдумать план своего выхода на свободу.

«Эх, жаль, капитана нет, – подумал Мякин. – Он бы посоветовал что-нибудь полезное».

Мякин взглянул на свою книгу, взял её в руки и раскрыл на последних страницах.

– Чего же доктору здесь не понравилось? – спросил он сам

себя. – Точнее, что здесь такого вредного для здоровья? – и он углубился в чтение:

«Он стоял и смотрел на то место, где когда-то находился этот дом. С первого взгляда ничто не напоминало о том, что здесь было жильё и что довольно много народа ютилось в комнатах по обеим сторонам тёмного, длинного коридора. Квартиранты общались друг с другом, любили и ненавидели, воспитывали ребятишек разными способами.

Он долго стоял и смотрел.

Вот здесь был колодец, – вспомнил он, взглянув на то место, где еле заметная низинка, вся заросшая ярко-зелёной травой, замаскировалась за старой сосной.

Сосна была ещё жива, хотя с одной стороны почти все ветви её засохли и торчали из ствола корявыми серыми сучьями. Он вспомнил, как в середине зимы было сложно доставать из колодца воду. Большая наледь от плескающихся водой вёдер нарастала на краю, и ему, тогда ещё мальчишке, было трудно вытащить более-менее полное ведро из колодца.

А вот там было большое, крытое козырьком крыльцо, где он с такими же мальчишками иногда проводил время. Соседи, жившие с этой стороны дома, не одобряли их шумные игры, и ребятне приходилось перебираться на другую сторону – на двор, окружённый сарайчиками для дров и прочей хозяйственной надобности.

Он вошёл во двор, точнее на ровную лужайку стриженной

травы, и вспомнил, что двор тогда представлял собой голое пространство с плотно утопанным песчаным покрытием, на котором ребята рисовали свои незамысловатые картинки для разных игр на свежем воздухе.

Сейчас здесь стояла тишина. На месте когда-то ютившихся сарайчиков виднелся высокий каменный забор, за которым ныне просматривалось солидное здание коттеджа. Раньше на этом месте в небольшом деревянном домике жила доктор, которую он помнил. Помнил, как она лечила его от ангины, растолковывая его матери, как использовать для этой цели редьку и мёд.

А где-то здесь была их комната с окном, выходившим на юг в сторону длинного одноэтажного строения. Это сооружение из-за его зелёного окраса все называли пограничником. Сейчас здесь красовался чей-то шикарный двухэтажный особняк, украшавший окружающее пространство лепниной и вычурной металлической оградой».

Мякин отложил книгу и подумал:

«Ничего такого вредного в ней нет, надо бы прочитать, но не сейчас... Сейчас самое главное вырваться отсюда».

Дверь отворилась, и в палату скромно вошла мякинская супруга.

– Мякиша, здравствуй, – сказала она грустно и положила на постель пакет с гостинцами. – Прости, что поздно. На службе задержали. Никак раньше не вырваться.

Мякин в знак понимания кивнул. Супруга, указывая на

пакет, продолжила:

– Здесь вкусненькое, как ты любишь. Я говорила с доктором. Он обещал тебя продержатъ здесь ещё несколько недель.

– Я знаю, – угрюмо ответил Мякин.

Супруга замолчала, присела на стул и спросила:

– А как ты сам-то себя чувствуешь? Сон восстановился?

– Восстановился, – ответил Мякин.

– Вот и хорошо, вот и хорошо, – произнесла супруга и добавила:

– Вернёшься домой... – она, наверное, хотела сказать «скоро», но не решилась и сменила тему: – Встретила вашу фифу на выходе. Она что, тебя посетила?

Мякин немного поморщился, но, с усилием сдержав равнодушный вид, соврал:

– Нет, у меня никого не было.

– Ну да, никого, – согласилась супруга. – Приходила к кому-то другому.

– Может быть, – произнёс Мякин и просто по привычке спросил:

– Как дети?

– Всё хорошо, – так же привычно ответила супруга и, видимо, понимая, что разговор не получается, спросила: – А какие процедуры тебе делают?

Мякин неохотно перечислил всё, что с ним произошло за эти дни.

– Вот видишь, – отреагировала супруга. – Лечат же, и сон восстановился.

– Да, – сухо подтвердил Мякин.

– Я пойду? – тихо произнесла супруга, – а то ещё домой не забегала.

– Да, конечно, – согласился Мякин.

– Поправляйся, Мякиша, – услышал он напоследок.

Супруга чмокнула его в щёку и тихонько, как и вошла, исчезла. Мякин снова остался один. Он достал мешок с одеждой, что принесла ему Раиса, и теперь уже не спеша пересмотрел всё своё походное снаряжение.

«Молодец Раиса! – подумал Мякин заканчивая ревизию мешка. – Даже тёплые носки положила».

Принесли ужин. Мякин машинально употребил вечернюю еду, заглянул в принесённый супругой пакет, выбрал несколько конфет и продолжил чтение:

«Он вспомнил тот страшный день. Это событие снова, уже не в первый раз, возникло в его голове. Сколько лет он пытался забыть, стереть из памяти этот случай! Уже прошло немало времени, уже он давно стал не тем молодым человеком, который стремился к совершенству, он уже более десяти лет вступил в тот солидный возраст, который должны уважать окружающие, но этот случай вновь и вновь, словно наяву, вставал перед его глазами».

«Ну, вот и вредный для здоровья текст», – подумал Мякин и обратил внимание, что осталось прочесть всего страничку

текста.

Он отложил книгу, встал и сделал несколько физкультурных движений: помахал руками, пару раз присел и прошёлся по палате. В палату заглянула дежурная медсестра.

– Это вам. – Она протянула Мякину старую, потрёпанную книжечку. – Это доктор велел, – добавила она.

Мякин взял книжечку и вслух прочёл название. Это была та, обещанная книга про одинокого на острове.

– Спасибо, – ответил Мякин и подумал: «Сколько же народищу это прочло! Так затрепали сие чтиво!»

Он открыл первую страницу и прочёл: «С самого раннего детства я больше всего на свете любил море».

Мякин вспомнил соседа:

– Жаль, Адмирал ушёл. Интересно было бы узнать: может быть, именно после прочтения этой книги ему захотелось стать моряком?

Мякин положил старую книжку рядом со своей и несколько минут размышлял, как поступить: сначала дочитать свою, или... Затем выключил большой свет, лёг на постель и незаметно для себя задремал. Проспал он, пожалуй, не больше часа. По крайней мере, взглянув на часы, он убедился, что нет ещё и двенадцати. Он долго лежал и разглядывал тени на потолке, попытался вспомнить, что же ему приснилось за этот короткий промежуток времени. Вспоминалось плохо, только отрывки серых картинок: то какое-то волосатое существо, одиноко стоящее у старого дома, то чисто выбри-

тая плоская физиономия сменяли друг друга. Мякин закрыл глаза и снова уснул, и приснился ему строгий инвалид с худощавым лицом. Инвалид, скрипя ремнями протеза, быстро приближался к Мякину, а Мякин никак не мог сообразить, что ему делать.

Проснулся он среди ночи, включил настольную лампу и решил дочитать эту последнюю страничку своей книги:

«Он стоял на траве примерно в том же месте, где когда-то располагался длинный, тёмный коридор, и вспоминал, как инвалид в чёрных помятых трусах и застиранной майке стоял прижавшись к стене и тщетно пытался собрать с пола одежду, которая, сопровождаемая криками, вылетала из его комнаты. Кричала его пухленькая жена:

– Вот всё, что нажил! Забирай! Забирай! Иди к своей Доре, кобель одноногий!

Когда из комнаты вылетел протез, инвалид поймал его, прижал к груди и с нескрываемым испугом огляделся вокруг. Он кое-как приладил протез к короткой культe и постарался надеть тёмные брюки, и только когда ему удалось просунуть протез в одну брючину, он взглянул на стоявшего невдалеке мальчишку. Парнишка с искажённым от испуга лицом и широко раскрытыми глазами, не двигаясь, наблюдал за инвалидом.

– Не бойсь, – пересиливая испуг, произнёс инвалид и постарался изо всех сил улыбнуться. Улыбка получилась кривая и совсем невесёлая.

Инвалид кое-как сгрёб всё, что валялось на полу, в охапку и постучал в дверь напротив своей комнаты. Дверь отворилась, и на пороге появилась учительница. Увидев нелепую фигуру инвалида, она всплеснула руками, а затем, прижавшись лбом к косяку, тихо заплакала. Инвалид спросил:

– Примешь?

Учительница оторвалась от косяка, посторонилась, уступая дорогу инвалиду, испуганно огляделась и быстро закрыла за собой дверь.

Он долго стоял в коридоре, с трудом сознавая, что произошло страшное событие, которое сулило ему большие и неприятные изменения. Он остался с матерью один и, когда мальчишки кричали вслед учительнице: “Дора, Дора – помидора!”, уходил от всех, прятался за сарайчиками и плакал.

Он ещё некоторое время постоял у старой сосны. Потрогал тёплую кору и решил больше никогда не возвращаться сюда. Грустно улыбнувшись своим воспоминаниям, он почувствовал, что в этот раз это будет его последнее свидание с детством.

– Последнее, – повторил он вслух. Глубоко вздохнул и решительно зашагал в сторону автострады, по которой сплошным потоком машины двигались к центру».

Мякин закрыл книгу, разделся и выключил свет. Остаток ночи он крепко спал.

Либертория

Языки пламени быстро пожирали деревянные обрезки от ящиков и прочего хлама. Небольшой костёр то разгорался, то затихал до получения очередной порции горючего. Красножёлтые струйки сначала нехотя облизывали обрезок доски, появлялся белый дым – признак сильного разогрева слегка влажной древесины, – а затем огонь наступал и властвовал до тех пор, пока доска не обугливалась, постепенно чернела, превращаясь в ярко-красные угли.

Огнём управлял небритый. Он с закрытыми глазами неподвижно сидел рядом с костром и, как только пламя угасало, разделавшись с деревянной жертвой, открывал глаза и подбрасывал новую горючую порцию. Через минуту костёр снова оживал, пламя разгоралось и сполохами огня освещало небритого, кирпичную стену старого полуразвалившегося дома и крошечную темноту вокруг, и казалось, что там нет никого и ничего, и только это небольшое пространство и есть на всём белом свете.

Снег у костра подтаял. Сегодня ночь затеплела, с вечера набежали тёмно-серые тучи, мороз, свирепствовавший всю неделю, спал, и можно было ожидать, что пойдёт снег, но снега не было, а были глухая ночь, костёр, освещавший сторбленную фигуру, и, если не считать потрескивание горящих досок, полная тишина.

Небритое лицо сидящего у костра было спокойно и равнодушно – даже когда он открывал глаза, оно ничего не выражало. Уголки губ небритого, опущенные вниз, усугубляли эту картину безразличия, и когда он еле заметно чему-то улыбался, то ли вспоминая что-то, то ли замечая в горении костра нечто удивительное, лицо его сохраняло угрюмый вид.

– Мяк, а ведь ты подлец! – прохрипел небритый, не открывая глаз. – Ты опять не принёс ей фанфарика.

– Ей вредно, – ответил ему голос из темноты.

– Ну-ну, – добавил небритый. – Ты, Мяк, всё равно подлец.

– Да, – согласился голос.

Пламя разделалось с последним куском доски и стало затихать. Небритый пошевелился, открыл глаза, дотянулся до очередной деревяшки и аккуратно положил её на жаркие углы.

– Должен идти снег, – произнёс голос из темноты.

Небритый промолчал. Он снова закрыл глаза и замер у костра.

– Должен идти снег, – повторил голос и добавил: – Должен, а не идёт.

Пламя обхватило кусок доски со всех сторон. Красно-жёлтые языки оторвались от чернеющей деревяшки и взвились с искрами вверх в темноту.

– У тебя хороший огонь, – произнёс голос.

– Огонь всегда хорош, – ответил небритый и повернулся в сторону говорившего. – Что стоишь? Не бойсь, грейся, – просипел он, закрыл глаза и снова погрузился то ли в сон, то ли в свои никому не известные думы.

Мяк вышел из темноты, подошёл поближе и, не найдя ничего подходящего для того, чтобы присесть у огня, прислонился к стене.

– Огонь бывает разный, – тихо произнёс он.

Небритый молчал – казалось, он ничего не слышит или просто не желает общаться с кем бы то ни было. Мяк повторил свою фразу:

– Огонь бывает разный.

Редкие, крупные хлопья снега появились из темноты. Они плавно опускались сверху, пламя уничтожало их, не давая им достигнуть раскалённых углей, но некоторые прорывались сбоку и падали на горячие головешки.

– Ты, Мяк, глуп, поэтому и подлец, – просипел небритый. – И про огонь ничего не понимаешь. А она, наверное, ждёт, – добавил он.

– Чего ждёт? – спросил Мяк.

Небритый ответил:

– Фанфарик от тебя. А ты не принёс, подлец!

– Снег идёт, – задумчиво произнёс Мяк. – Теперь долго идти будет. Может быть, до утра.

– Может быть, – пробубнил небритый.

Снег повалил крупными хлопьями – теперь многие из

них, не побеждённые огнём, падали в костёр и с шипением таяли на красноватых углях. Стало мокро и зябко.

– Сейчас затухнет, – сказал Мяк, глядя, как остатки пламени борются с падающим снегом.

– Уйдём к Воне, – просипел небритый. – Жаль, фанфарика нет у тебя.

Он подложил в костёр ещё несколько палок. Пламя затихло, белый дым окутал всё пространство у стены. Мяк закрыл глаза и вспомнил, как покинул клинику.

Когда утром принесли завтрак, у Мякина уже был обдуман план побега. Он встретил раздатчицу словами: «Он оставил свои вещи, и это ему срочно надо передать».

Мякин стоял со своим большим пакетом и изображал крайнее беспокойство за якобы оставленные вещи Адмирала.

– Милок, забери тарелку, а это я передам дежурной. – И раздатчица указала на мякинский пакет.

– Мне надо самому. Он ещё, наверное, внизу, я быстренько, – протараторил Мякин.

– Кто внизу? – удивилась раздатчица.

– Адмирал, – твёрдо заявил Мякин и для пущей убедительности добавил: – Мой сосед.

Раздатчица, немного сомневаясь, спросила:

– А что, милочка, там у тебя?

– Адмиральская одежда, – без тени сомнения ответил Мякин и сделал вид, что готов в любую секунду показать содер-

жимое пакета.

Раздатчица внимательно посмотрела Мякину в глаза и, не обнаружив подвоха, произнесла:

– Хорошо, милоч. Только быстро, пока я соседям раздам.

Мякин спокойно вышел в коридор, не спеша прошёл к лестнице и спустился вниз. Внизу в закутке, который он заметил ещё тогда, когда провожал супругу, быстро переоделся и, сделав равнодушное лицо, смело двинулся в сторону выхода.

– Ваш пропуск? – услышал он голос охранника, когда вплотную подошёл к турникету.

Мякин, несколько замешкавшись, искал пропуск во всех карманах куртки и, изобразив изумлённое лицо, ответил:

– Голубчик, где-то оставил я его, не дай бог потерял.

– Без пропуска нельзя, – заботливо произнёс охранник.

– Голубчик, что же мне, ночевать тут у вас? – нарочито растерянно произнёс Мякин. – Может, я пойду?

– Турникет без пропуска не откроется, – участливо ответил охранник.

– Так я перешагну, – предложил Мякин и, не встретив возражений, перемахнул через блестящую перекладину.

– Совсем погас, – заметил Мяк и присел у стены.

Белый дым прижался к земле и не хотел подниматься вверх.

– Надо уходить, – добавил Мяк.

Небритый поворошил обугленные деревянные в костре. В самой середине ещё тлели угли, но сплошные хлопья мокрого снега решительно гасили все попытки пламени возродиться.

– Пора, – просипел небритый и натужно встал. Он ещё некоторое время смотрел на остатки костра и, убедившись, что огня больше не будет, произнёс: – Пошли к Воне. Там тепло.

Они в полной темноте обошли кирпичную стену и вдоль ряда старых деревьев зашагали в сторону еле заметного крыльца. Небритый осторожно постучал в облупившуюся дверь. За дверью послышались шаги, и глухой женский голос спросил:

– Кто?

– Открывай, это мы, – ответил небритый.

Вслед за хозяйкой, натываясь на какие-то предметы, они прошли по длинному тёмному коридору и оказались в небольшой комнатке, сплошь заваленной старым скарбом.

– Ты бы прибралась здесь, – просипел небритый.

– Это ещё зачем? – возразила ещё не старая, но весьма неухоженная женщина. – Это всё моё, и прошу мне не указывать. Проходите, коли пришли, – добавила она уже более ласково и, завидев Мяка, улыбнулась. – Мякушка, проходи, проходи, – пролепетала хозяйка, приглашая гостей пройти в её владения.

Гости протиснулись в дальний угол, где на старом комодѣ, слабо освещая окружающее пространство, горела одинокая свеча. Разместившись на деревянной лавке, небритый прокашлялся и примирительно произнёс:

– Ночь захладила. Сыро. А вот Мяк, подлец, без фанфарика!

Хозяйка грустно опустила глаза, но через мгновение заговорила:

– А у меня новѣе. Новый халатик. Мусьѣ вчера подарил.

Она порылась в куче тряпья у двери, достала что-то цветастое и надела на себя, прямо на заскорузлую спецовку. Хозяйка повертелась в этом одеянии перед гостями и объявила:

– Фанфарик у меня есть. Нуда утром достал.

Небритый оживился, даже машинально привстал и громко произнёс:

– Воня, красавица! Что же ты молчишь! Обнову следует обмыть!

– Сейчас, – засуетилась хозяйка и, перешагивая старые коробки, бросилась к полке у оконной стены.

Через несколько секунд на комодѣ образовался натюр-морт из тёмной бутылки и пустого стакана.

– Наливай, не томи, лысый глаз! – просипел небритый.

– Первому – Мякушке, – объявила хозяйка и наполовину наполнила стакан светло-коричневой жидкостью.

– Пей, Мякушка, за обновку мою! – добавила хозяйка, подвинув стакан Мяку.

Небритый недовольно хмыкнул и, отвернувшись от присутствующих, пробубнил:

– Везёт дуракам, лысый глаз!

– Прошу при мне не выражаться! – возмутилась хозяйка и, не спуская глаз с Мяка, расплылась в благостной улыбке. – Мякушка, пей, не стесняйся, – ласково произнесла она и машинально поправила всклокоченные волосы.

Мяк, глядя на стакан, насупился, тяжело вздохнул и нехотя потянулся рукой к предлагаемому напитку. Давно не мытое стекло и жидкость внутри стакана не вызывали у Мяка положительных эмоций. Он хотел что-то сказать по этому поводу, но его опередил небритый:

– Мяк, ну не тяни ты, лысый глаз! Видишь, как млеет от тебя Воня? Удовлетвори хозяйку!

Мяк ещё раз тяжело вздохнул, словно собирался объявить нечто печальное и грустное, и, закрыв глаза, в несколько больших глотков опустошил стакан.

– Ну ты, Мяк, молодец, лысый глаз! – довольно просипел небритый и вожделенно уставился на пустой стакан.

– Сейчас, – недовольно произнесла хозяйка и, заметив нетерпеливый взгляд небритого, повелительно добавила: – Но тебе придётся отработать.

– Опять! – громко возразил небритый. – Опять ты за своё! Я же говорил, что зимой сыро и инструмент этого не любит, лысый глаз!

– У меня тепло, сегодня я топила, – обиженно ответила

хозяйка. – Мяк, скажи, что у меня тепло.

Мяк, восстанавливаясь после крепкой жидкости, ответил:

– Да, тепло. Теплее, чем там, – и он махнул рукой в сторону двери.

– Вот видишь, Мякушка говорит, что теплее, – произнесла хозяйка и застыла в ожидании ответа небритого.

Небритый угрюмо посмотрел на пустой стакан, с шумом выдохнул из себя воздух и объявил:

– Тогда, лысый глаз, я уйду. Мне тут с вами делать нечего. Подлецы вы все! Нет в вас участия, лысый глаз! А у кого нет участия – у того душа дырявая, пустоты много. Дурью пустоты не заполнить. Дурь – она и есть дурь, лысый глаз!

Небритый безнадежно махнул рукой и двинулся к выходу.

Мяк нерешительно повертел головой, тихо пробубнил: «Я тоже пойду» и повернулся в сторону небритого.

– Стойте, стойте! – засуетилась хозяйка. – Мякушка, останови его! Надо же допить... И играть не надо – пусть будет без музыки.

Небритый остановился и, не оборачиваясь, просипел:

– Приставать не будешь, лысый глаз?

– Не буду, не буду, – подтвердила хозяйка и наполнила стакан следующей порцией жидкости. – Выпей за меня, – добавила она. – За меня и мой халатик.

Компания вновь сосредоточилась у комода. Небритый неторопливо, мелкими глотками выпил содержимое стакана и аккуратно поставил его на место. Хозяйка налила себе и с

удовольствием выпила.

– Ну, как мой халатик? – спросила она гостей.

Мяк равнодушно взглянул на разноцветное одеяние хозяйки и ответил:

– Цветастый.

– Ага, цветастый, – согласилась хозяйка и ещё раз повертелась перед гостями.

– Сзади дырка, – просипел небритый. – А говоришь, что новьё. Я Мусью знаю – он новьё достать не может.

Хозяйка перестала крутиться и весело ответила:

– Для меня новьё, а ты как хочешь, лысый глаз!

За окном просветлело; поверх старого хламья, которым был завален подоконник, проступило бледно-серое небо. Наступал новый зимний день. Мяк, разогретый от принятой внутрь жидкости, совсем расслабился, привстав, облокотился о столешницу комода и мечтательно посмотрел в окно, а может быть, куда-то ещё дальше, где было тепло и светло и не надо было кутаться в тёплые одежды и ночью бродить по городу в поисках провианта и прочих необходимостей для свободного, не зависимого ни от кого существования.

Прошлой ночью он был на вокзале, покрутился около ларьков, хотел было устроиться у входа в кафе, даже успел получить в лежащую у ног коробочку бумажную иностранную денгю, но незнакомый дежурный прогнал его, а посему вся его рабочая ночь не сложилась. Добычи, кроме этой денгю, не было – настроение у Мяка наблюдалось соответ-

ствующее тёмной ночи, предвещавшей слякотное утро.

«Вот оно и наступило», – подумал Мяк. Глаза его слипались и тихая дрёма навалилась на него.

– Спит стоя, как лошадь, – просипел небритый. – Тяжко ему с нами.

– Пусть спит, – прошептала хозяйка. – Я могу вас обоих уложить вот там. – И она указала рукой на старый диван в углу. – А я уж как-нибудь на полу.

– Как-нибудь и мы можем, – просипел небритый и взглянул на тёмную бутылку.

– Всё кончилось, – прошептала хозяйка. – Фанфарик кончился.

Небритый в знак согласия кивнул и произнёс:

– А всё-таки подлец Мяк – явился без фанфарика, лысый глаз! – Э, Мяк, пойдём спать, слышишь, Мяк? – просипел небритый и тронул соседа за плечо. Фанфарик кончился, – произнёс он, когда Мяк открыл глаза.

В комнате хозяйки пахло пылью и ещё чем-то давно залежалым, и только свечной аромат нарушал эту мрачную обстановку.

– Я погашу свечу, уже светло, – тихо сказала хозяйка.

– Ну, я пошёл, – ответил Мяк.

– Иди, – согласился небритый.

– Как «иди», как «иди»? – всполошилась хозяйка. – Куда же ты? – Она бросилась к дивану, выровняла подушки и заявила: – Здесь же хорошо. Мягко.

– Пойду в либерторию, – ответил Мяк.

– Он опять бредит, опять «либертория»! – всплеснула руками хозяйка.

– Пусть идёт, лысый глаз! – просипел небритый. – Это у него свобода так называется.

– Какая такая свобода? – возмутилась хозяйка. – А тут что у меня – тюрьма, что ли?

Небритый оглядел владения хозяйки и ответил:

– А здесь у тебя хлам один. Если б не фанфарик, так делать в твоём хламе нечего.

– Хлам один! – заверещала хозяйка. – Так и убирайся, лысый глаз, и балалайку свою забирай! Нечего в чужом хламе свои вещи держать!

Хозяйка открыла комод, извлекла из ящика скрипку и бросила её на столешницу.

– А где футляр? – теперь возмутился небритый. – Где футляр? – повторил он, надрывая связки. Его сильный голос с хрипом, переходящим в свистящее шипение, заполнил комнату хозяйки.

– Фу ты, ну ты, лысый глаз, ему ещё и футляр подавай! – закричала хозяйка. – Как фанфарик – так давай! А как балалайку свою забирать – так нет! Я её сейчас выкину на двор! Там и держи её.

Хозяйка схватила скрипку и, запинаясь за хламьё, разбросанное на полу, устремилась к окну.

– Вонька, не смей! – заорал небритый. В горле у него что-

то заклокотало, он натужно закашлялся, схватился за бутылку, и тут Мяк понял, что надобно нечто предпринять для мирного разрешения конфликта.

– Воня, я останусь у тебя, успокойся, – громко произнёс он.

Хозяйка, не оборачиваясь, остановилась и тихо спросила:

– Мякушка, а ты не врёшь?

– Не вру, – ответил Мяк.

Небритый перестал хрипеть и удивлённо взглянул на Мяка.

– Без фанфарика? – спросил он.

Мяк порылся в карманах куртки и достал бумажную деньгу.

– На это много фанфариков поиметь можно, – произнёс он и положил купюру на комод рядом с пустым стаканом.

– Да-а! – изумлённо просипел небритый. – Ты всё равно подлец, Мяк, всё время затаиваешь самое важное.

Хозяйка вернулась к комоду и настороженно осмотрела купюру.

– Не наша, – недоверчиво произнесла она. – Надо отдать Мусьё – он на рынке что-нибудь придумает.

– Он тебе придумает! – злобно просипел небритый и продолжил: – Твой Мусьё только тряпки рваные и может достать, а тут серьёзная вещь. Это Мусьё не потянет.

Хозяйка пожала плечами и аккуратно положила скрипку на место.

– А футляр твой Нуда в долг взял – ему в переходе около базы больше в футляр дают. Но такой, – и она кивнула в сторону купюры, – ещё не было.

– Нуде такое не дадут – нудный он. Одну и ту же бумажку пишет: что, мол, раненый и лечения нет. – Небритый осторожно потрогал пальцем купюру, подвинул её к себе и, наклонившись, с минуту внимательно её рассматривал.

– Нет, это не по Нуде, не сможет он, – заключил небритый. – К Нуде только спать можно ходить. Труба у него тёплая, да и то только зимой.

– А у меня всегда тепло, – затараторила хозяйка. – Я вот и говорю: оставайтесь. Пусть Мякушка отдохнёт.

– А фанфарик? – заметил небритый.

– Фанфарика нет – кончился, – грустно ответила хозяйка.

– Я принесу, – заявил Мяк. – Мне на вокзале дадут.

– Продешевишь, Мяк, – просипел небритый.

– Не продешевлю, – ответил Мяк и добавил: – Так я пойду?

Небритый кивнул и прохрипел:

– Потом зайдёшь к Нуде – мы там будем, футляр заберём. – Небритый обратился к хозяйке: – Заберём?

– Ага, – ответила хозяйка и, взглянув на Мяка, добавила: – Мякушка, мы будем ждать.

На улице совсем рассвело. Снег, выпавший ночью, активно таял, обнажая остатки старых слежавшихся сугробов. Слякоть на тротуарах изрядно затрудняла движение, но это

нисколько не мешало Мяку. Его высокие, из грубой кожи, ботинки в самый раз подходили для походов по лужам и мокрому раскисшему снегу.

Вокзал встретил его привычной суетой. Этот вечный круговорот и движение людей Мяку нравились. В такой обстановке его одиночество было не в тягость, а скорее наоборот, даже радовало, так как он был малой частичкой большой шумной жизни такого пространства, как вокзал. Здесь находилась истинная его свобода, ему ни до кого не было дела, и им всем абсолютно безразличен был некто Мякин в слегка поношенной куртке со стихийной бородой и усами.

Незаметно поболтавшись вдоль стен центрального зала, он, в поисках знакомого дежурного, прошёл во второй зал, но дежурного нигде не было. Мяк постоял несколько минут у входа, вернулся в большой зал, приютился у неработающего автомата с напитками и принялся наблюдать происходящее, а происходящее не могло не привлечь внимание. Люди с вещами двигались в разных направлениях, образуя два основных потока: к платформам и в обратном направлении. Неяркие зимние одежды не выделяли индивидуальности, и только весьма редко появлялись некоторые личности в чём-то ярком и быстро скрывались за пределами вокзала.

Дежурный появился неожиданно сзади и хлопнул Мяка по плечу.

– Здорово, – услышал Мяк сзади и обернулся.

– Здравсьте вам, – ответил Мяк и напряжённо улыбнулся.

Дежурный сделал строгое лицо и спросил:

– Вчера ты что-то не дождался? Заболел, что ли?

– Нет, я вчера был, – ответил Мяк. – Меня прогнали.

– А-а... – понимающе произнёс дежурный и поправил шапку. – А сейчас рассчитаемся?

– Да, – ответил Мяк и достал иностранную купюру.

– Молодец, – сказал дежурный и, забрав бумажку, добавил:

– Ну, тогда бывай.

– Нет-нет, – возразил Мяк. – Мне нужен фанфарик.

– А-а... – недовольно протянул дежурный и спросил: – Белое или коричневое?

– Побольше, – ответил Мяк.

Дежурный сдержанно усмехнулся и сказал:

– Тогда жди здесь.

Через полчаса ожидания Мяк встревожился: ни денег, ни фанфарика.

«Опростоволосился», – подумал Мяк и, не зная, что делать дальше, продолжил скромное стояние у автомата.

Дежурный появился через час.

– Ждёшь? – сказал он недружелюбно.

– Жду, – ответил Мяк.

Дежурный строго осмотрел Мяка с ног до головы и произнёс:

– Ты ведь не такой как они. – Он сделал многозначительную паузу и продолжил: – Ведь не такой, а торчишь здесь.

Зачем?

Мяк молчал. Он, изображая наивного человека, улыбался, глядя прямо в глаза дежурному.

– Ну что ты улыбишься? Думаешь, что нет на тебя управы, что не боишься органов? – Дежурный начал нервничать. – Ты думаешь, что тебе здесь можно? Что раз ты даёшь, то можешь стоять и улыбаться?

Мяк догадался, что следует вступить в беседу, иначе дежурный раскипятится – потом не остановишь.

– Я не улыбаюсь. Это у меня нервное, – ответил Мяк и изобразил строгое лицо.

– Нервное, – уже спокойнее повторил дежурный. – Тогда лечись.

– Я уже лечился, – равнодушно ответил Мяк.

– Лечился, – недоверчиво повторил дежурный и добавил: – Лечился – недолечился.

По залу эхом прокатилось объявление об отправлении поезда. Дежурный огляделся по сторонам и, не обнаружив предметов своего внимания, уже почти дружелюбно произнёс:

– Ты бы шёл отсюда. При кафе никого нет – там бы и заработал.

– А фанфарик? – тихо сказал Мяк. – Вы же обещали?

Дежурный прищурился, скупно улыбнулся и ответил:

– Ну, тогда пошли.

Они миновали здание вокзала, прошли вдоль платформ.

Мяк понуро шёл за дежурным, стараясь не отстать от него, энергично шагающего по снежной шуге. Они вышли к черед старых складов, где кое-где виднелись следы от машин, брошенные картонные ящики и прочий мусор, обозначающий некую активизацию складской жизни.

Им навстречу попадались странные личности, по виду которых сложно было определить, кто они: то ли местные рабочие, то ли просто грузчики, то ли такие же свободные индивиды, как Мяк. Встречные, завидев дежурного, старались уступить ему дорогу и незаметно проскочить мимо.

Минут через двадцать дежурный остановился у железной двери и трижды стукнул о неё сапогом. Из-за двери пробасили:

– Кто надо?

– Открывай, свои! – гаркнул дежурный и ещё раз ударил в дверь.

Железное полотно гулко ухнуло, и на сумрачном фоне склада, заставленного до самого потолка ящиками, образовалась тёмная личность с чёрными как смоль волосами.

– Ты уже был, – вместо приветствия пробасила личность.

– Был, да не сплыл, – недовольно произнёс дежурный и безапелляционно добавил: – Давай бутылёк, да получше и побольше.

Личность покорно кивнула и скрылась за ящиками. Мяк с интересом наблюдал за происходящим и подумал:

«Что же мне принесут: белое или красное? Небритый бе-

лое не очень, а мне? Мне всё равно».

Тёмная личность довольно быстро возвратилась с большой бутылкой.

– Пять звезда, – произнесла личность и протянула бутылку дежурному.

– Не мне, – глухо отреагировал дежурный. – Вот ему. – И указал на Мяка.

Личность подала бутылку Мяку и произнесла:

– Бери, дорогой. Хороший бутылка.

– Хороший, хороший, – подтвердил дежурный и, отвернувшись, зашагал прочь.

Железная дверь со скрежетом затворилась, там изнутри что-то бухнуло, словно кто-то ударил по ней чем-то нетвёрдым, и Мяк остался один с фанфариком большой величины. Снова пошёл густой мокрый снег. Небо серьёзно потемнело, низкие облака зависли над складами и вокзалом. Мяк подумал, что пора возвращаться к своим, спрятал бутылку под куртку и не торопясь зашагал по шпалам в сторону от вокзала.

Вскоре он спустился с насыпи к старой дороге, которая вела в те удивительные городские места, где существовала либертория.

Мяк шёл к своим, осторожно ступал по снежной слякоти, стараясь не оступиться, понимая, что должен в целостности и сохранности доставить фанфарик. Быстро темнело, как это обычно бывает в это время года. Густой снег закрыл всю

видимость так, что даже ближайшие предметы проглядывали сквозь снежную завесу только тогда, когда перед глазами Мяка оказывались метрах в двух-трёх.

Мяк эту дорогу знал хорошо – ему не раз приходилось добираться к Нуде от вокзала именно здесь, но сегодня с погодой творилось нечто необычное. Он уже пару раз натыкался на вроде бы знакомые столбы, уже пару раз ноги скользили, а один раз он еле удержался на ногах. Мяк неожиданно для себя крепко выругался и остановился, поправил бутылку под курткой, огляделся по сторонам. Окружающая картина его не радовала. Белое марево закрыло всё вокруг, стало темно, а по сути, он прошёл только половину пути.

«Не ночевать же здесь», – подумал Мяк и пожалел, что решил идти этой дорогой.

– Мог бы пойти через площадь, – тихо сказал он сам себе и удивился тому, как глухо прозвучали его слова. – Ну и времечко для свободной жизни! Надо же при таком хорошем фанфарике застрять здесь, в темноте!

Мелькнула мысль, что, может, стоит вернуться, но подъём по насыпи в такую погоду не обнадёживал на успех.

– Надо идти, – решил Мяк и в густом сумраке двинулся дальше. Ему вспомнилось лето – светлое лето с длинным-предлинным нескончаемым днём, – тёплая ночь со светлыми облаками, и он поёжился от окружающей сырости и наступившей крошечной темноты.

Он упёрся в мокрую кирпичную стену только тогда, ко-

гда ночь, точнее – глухой зимний вечер накрыл окрестности густой холодной темнотой, когда даже широко раскрытыми глазами было тщетно пытаться разглядеть что-либо впереди.

– Дошёл, – выдохнул Мяк и прижался спиной к стене. Ему казалось, что здесь его меньше будет засыпать снегом, но снег продолжал неумолимо падать, накрывая всё, что попадалось ему внизу.

Мяк осторожно повернулся влево и, ощупывая шершавую стену, двинулся к нудинскому лазу. В полной темноте пришлось идти медленно, одной рукой придерживая бутылку под курткой, другой касаться мокрых кирпичей. Обогнув развалины трансформаторной будки, он вышел к небольшой площади. Дальние фонари слабо подсвечивали стоящее впереди нежилое строение; там, где-то в темноте, находился вход, ведущий в подвал, где Нуда существовал уже более года.

Мяк на несколько секунд остановился, отдышался и не спеша, щупая ногами дорогу, двинулся в сторону лаза. У самой стены, куда слабенький свет от фонарей не достигал, он наткнулся на что-то твёрдое, споткнулся, стараясь сохранить равновесие, взмахнул свободной рукой и, крепко прижав бутылку к груди, рухнул лицом вперёд в мокрую снежную жижу. Несколько секунд он лежал затаившись, пытаясь понять, цел ли фанфарик. Чувства ничего ему не подсказывали, и только резкая боль в руке и коленке возвратили его к действительности. Здоровой рукой он ощупал бутылку – фанфарик был цел.

– А остальное? – спросил себя Мяк и повернулся набок. Ему от мысли, что он, может, что-нибудь сломал себе, стало сначала жарко, затем ледяная слякоть охладила его ладони, затекла под рукава, и ему стало уныло и скучно от этого свободного одиночества.

Боль постепенно затихала. Мяк медленно, потихоньку лёг на спину, осторожно вытянул ушибленную ногу. Колено ныло, но резкая боль ушла. Он подставил лицо под падающие хлопья снега и закрыл глаза – точно так же, как тогда, на Глиняной горе в детстве.

Каждую весну, как только появлялись большие проталины, ребятня с радостью бегала по освободившейся от снега земле. Снег за долгую зиму надоедал, а его серые, грязные остатки весной уже не радовали. На глиняной горе было интересно. Там росли громадные сосны, и крутые склоны, покрытые редкой травой, прекрасно подходили для беготни вверх и вниз. На дальнем, особенно крутом склоне местные когда-то пытались добывать глину, потом эту затею забросили, а на горе осталась могучая рытвина, как напоминание об этом прожекте, и гора с тех пор стала называться Глиняной.

Он на самом верху поскользнулся и кубарем скатился в самый центр рытвины, спиной прямо на мокрую глиняную жижу. В первые мгновения он понял, что вляпался в новеньком, демисезонном пальто в нечто липкое и грязное, лежал и даже боялся пошевелиться, чтобы не испачкаться ещё больше. Затем осознание непоправимой беды подкралось к нему,

и он закрыл глаза от страха: как теперь появиться в таком безобразном виде перед матерью?

Солнце спряталось, набежала весенняя тучка, посыпался мелкий снег, снежная крупа падала ему на лицо.

Мяк пролежал уже минут пять. Спина основательно замёрзла – пора было что-то предпринять, и он с великой осторожностью решил встать.

«Сейчас я не боюсь, как там, на Глиняной горе», – подумал Мяк, положил бутылку рядом с собой на мокрый снег и, повернувшись на живот, встал на колени, а затем и во весь рост. До входа в жилище Нуды оставалось пару шагов.

– Вот ещё один! – просипел небритый, завидев, как Мяк пробирается вдоль тёплой трубы.

Небритый сидел в старом, повидавшем много чего на своём веку кресле у стены и смотрел на фонарь, освещавший часть подвала и почти всю утварь, которой Нуда обустроил своё место суще ствования.

– Ты Мяк, подлец, опять без фанфарика, лысый глаз! – прохрипел небритый. – Да к тому же ещё и полный зюзя, лысый глаз! Смотреть на тебя тошно!

Мяк, прихрамывая, подошёл к низкому столу и, вытащив бутылку из-за пазухи, выставил фанфарик на всеобщее обозрение.

Нуда, сидевший на голом матрасе, восторженно произнёс: – Фанфарик! Вот это фанфарик! Ну, Мяк, это ты молодец, и никакой не подлец ты, Мяк!

– Он хороший – Мякушка. Он лучше нас всех, – добавила Воня. – Не то что Злыка – приполз и лежит. Вот кто у нас зюзя!

– Злыка не зюзя, он дурак. Вздумал в маркете ошиваться – вот и дали ему там, – возразил небритый. – Не шурши там, где другие. Теперь лежи. – Небритый встал и отошёл в угол, наклонился над распростёртым на полу телом, что-то прохрипел там и вернулся обратно.

– Уже и не хрипит, лысый глаз, – продолжил небритый. – Не хрипит – так нам больше достанется.

Нуда подошёл к столу и осторожно потрогал бутылку. Его морщинистое лицо как будто разгладилось, и он произнёс:

– Большой фанфарик – и Злыке хватит, если захочет. – Нуда ещё раз с удовольствием дотронулся до бутылки и закусился. – Сейчас сообразим посудину и закусочку. А ты, Мяк, отдохни, посохни. Мокрый весь.

Мяк придвинул обшарпанный стул поближе к трубе и притулился в сторонке, приложил холодные ладони к тёплому месту и закрыл глаза. Ему вспомнился весь его путь сюда: сильный мокрый снег, падение и прозябание в мокроте. Вспомнилась ему опять Глиняная гора и то, как он выбрался из большой ямы и как брёл домой, весь обляпанный жидкой глиной, и было ему противно и страшно, но эти чувства по мере приближения к дому, как ни странно, постепенно уходили. Он этот страх пережил там, в глиняной рывтине. Теперь ему было жалко себя, новое пальто и мать, которая сна-

чала испугается, потом рассердится на него, а может быть, просто сразу пожалеет.

– Мяк, подлец. На, выпей. Не спи, лысый глаз! – услышал он и открыл глаза.

– Он не подлец, – возразила Воня. – Мякушка, выпей – сразу согреешься.

Мяк оторвал ладони от трубы и повернулся к столу. Там сиротливо возвышалась бутылка, куски хлеба и шматок варёной колбасы обрамляли фанфарик. Рука небритого держала наполовину наполненный стакан.

– Выпей, – протягивая стакан Мяку, повторил небритый.

Мяк, глядя на закуску, проглотил слюну, вспомнил, что он с утра ничего не ел, залпом осушил стакан и закусил приятную жидкость куском хлеба.

– Закусывай, закусывай, – затараторил Нуда. – Вот и колбаску бери. Это хоть и просрочка, но вкусная.

Мяк пожевал просрочку и снова прислонился к трубе. Напиток начал своё благодное действие – приятное тепло возникло где-то в середине живота, медленно распространилось вверх и вниз, подогрело грудь и спину и слегка расслабило мозговую деятельность. Мяк закрыл глаза и вспомнил, как его встретила мать после глиняной горы.

– Глиняная гора, – с улыбкой прошептал Мяк, задремал и свалился в глубокий сон, какой бывает после трудной работы, когда труды радуют и на горизонте ещё не маячат новые заботы и обязательства.

Мяк, прижавшись к трубе, крепко спал и не слышал, как опустошался фанфарик, как небритый молча уничтожал его содержимое, как Воня, выпив свою порцию, ласково поглядывала на Мяка, а Нуда суетился за столом, заполняя очередной стакан содержимым из большой бутылки.

– Мяк, Мяк, да проснись ты! – услышал Мяк и почувствовал, что чья-то рука нетерпеливо трясёт его за плечо. – Злыка совсем мёртвый, – повторил голос.

Мяк открыл глаза. Небритый, уронив голову на руки, спал сидя за столом. От него исходило тихое похрапывание, иногда прерываемое тяжкими вздохами. Мяк поднял голову – перед ним с испуганным лицом стоял Мусьё.

– А где остальные? – прокашлявшись, спросил Мяк.

– Да все здесь, только вот Злыка совсем... – Мусьё указал рукой в дальний тёмный угол.

– Почему мёртвый? – спросил Мяк, рассматривая Мусьё. Тот хоть и считался свободным, но небрежность в одежде себе не позволял. Сегодня он облачился в синие, слегка потрёпанные брюки и красную куртку. «Наверное, модную», – подумал Мяк и нехотя поднялся со стула.

– Не дышит он и не шевелится, – ответил Мусьё.

Мяк огляделся вокруг. Внизу за столом на матрасе возлежала Воня, тихо посапывая, – наверное, досматривала очередной сон. За ней, лицом к стене, скрючившись спал Нуда.

«Сонное царство с неживым Злыкой», – подумал Мяк и направился в тёмный угол.

Там, прямо на бетонном полу, лежало тело. Лицо Злыки, побитое до синяков, слабо узнавалось, Злыкины руки лежали на груди, словно у покойника в гробу. Мяк тронул его за плечо, пощупал пульс на шее.

«Похоже, Мусьё прав», – подумал Мяк и, опустившись на колени, приложил ухо к груди лежащего.

– Да, совсем умер, – произнёс Мяк вставая с колен. – Надо хоронить.

– Как это? Как это? – зашептал Мусьё. – Кто его будет хоронить?

– Мы, – ответил Мяк и подошёл к столу. Пожевал кусок хлеба, оставленный у пустого стакана, наклонился к Нуде и постучал его по спине. Нуда всхрипнул, но на стук никак не отреагировал. Мяк повторно похлопал Нуду по спине и прошептал:

– Вставай, Злыка умер.

Нуда заёрзал ногами, отмахнулся рукой и пробормотал что-то несвязное.

– Он не встанет, – заметил Мусьё. – Нуда, когда после фанфарика, ничего не слышит и ничего не понимает.

Мяк выпрямился, покачал головой из стороны в сторону, посмотрел на крепко спящего небритого и произнёс:

– Будем хоронить мы.

– Нет-нет. Я не знаю, я не могу. Пусть они сами, – затараторил Мусьё и сделал вид, что собирается уходить.

– Будем хоронить мы, – тихо, но с железными нотками в

голосе повторил Мяк.

Мусьё обернулся и, стараясь не смотреть в угол, где лежало мёртвое тело, ответил:

– Ты, Мяк, знаешь, как это делать, а я нет.

– И ты узнаешь, – ответил Мяк и добавил: – Возьми его за ноги, а я спереди.

Мусьё на несколько секунд замер в позе уставшего часового и, поняв, что от похорон ему не отвертеться, прошептал:

– Хорошо, я за ноги.

Они с трудом вытащили тело наружу. Передохнули у выхода, и процессия двинулась в сторону местной мусорки. Снег кончился, появился слабый промозглый ветер, и, кажется, похолодало. До мусорки они добрались минут за тридцать. Уже начало светать, когда носильщики положили тело Злыки на снежную корку у бетонного забора.

– Что, будем здесь хоронить? – удивился Мусьё.

– А что, есть другие предложения? – спросил Мяк.

Мусьё молчал и, зябко поёживаясь, оглядывался вокруг.

– Но здесь же мусорка. Вот там, – и он кивнул в сторону забора.

– Да, мусорка, то есть помойка, – подтвердил Мяк и, заглянув за забор, произнёс: – Мусорка для Злыки самое место. Вот изменил ей, к маркету пошёл – вот и умер.

– Да, его место, – согласился Мусьё.

Мёртвый Злыка лежал на снегу, и Мяк подумал:

«Вот был свободный, а стал ещё свободнее, и ничего ему теперь не надо, и, наверное, всё равно ему, где его похоронят».

Они стояли у мёртвого тела, стараясь не смотреть на разбитое лицо Злыки, и тихо думали каждый о чём-то, отгоняя мрачные мысли о смерти и о судьбе Злыки.

За забором послышалось какое-то движение, и прямо на них вышла невзрачная бабулька с кулями. Завидев тело Злыки, бабулька ойкнула и проворчала:

– Что ж вы его, сынки, в снег-то? Замёрзнет ваш товарищ! Нельзя так, нельзя!

– Он уже замёрз, – испуганно произнёс Мусьё и добавил: – Хоронить надо.

Бабулька подошла поближе, прищурившись взглянула на Злыку и ахнула:

– Ах вы, непутёвые! Покойника на помойку вынесли! Креста на вас нет! Вот ужо я заявлю на вас, бесстыдники! В дежурку вас надобно забрать.

Бабулька торопливо перекрестилась и засеменила прочь. Мусьё долго смотрел ей вслед и, когда она скрылась за поворотом, прошептал:

– Я в дежурку не хочу. Мяк, ты слышишь, я в дежурку не хочу!

Мяк подошёл к Злыке, поклонился мёртвому телу и сказал:

– Прости, Злыка. Тебя всё равно подберут и похоронят, а

нам в дежурке делать нечего.

– Боишься дежурки? – спросил он Мусьё.

Тот тихо ответил:

– Боюсь.

Мяк отвернулся от Злыки и молча зашагал в сторону вокзала. Начало дня складывалось неудачно – Злыку они не похоронили.

Вокзальное утро встретило Мяка как обычно – ничего существенного не произошло. Ночные пассажиры, толпившиеся в ожидании своих поездов, исчезли – появились новые, спешащие на утренние поезда. Буфеты работали, уставшая за ночь obsлуга в ожидании смены вяло трудилась на своих местах. Некоторые сувенирные киоски были закрыты до того послеобеденного ажиотажа, когда появлялась основная масса отъезжающих и провожающих.

Мяк миновал большой зал, прошёл во второй, где находилось его законное место в уголке, рядом с дешёвой кафешкой. Здесь даже за полдня он зарабатывал не только на фанфарик, но и на еду. Сегодня он пришёл рано – кафешка пустовала. Знакомая тётка скучала за прилавком в ожидании посетителей. Мяк осторожно прошёл вдоль стеклянной витрины и внезапно остановился, словно наткнулся на твёрдое препятствие: его угол был занят. Некто неопределённого возраста, в сильно поношенном плаще стоял на коленках, опустив голову. В первую секунду Мяк подумал, как тяжело этому новенькому стоять коленками на каменном полу, но

потом другие мысли заполнили голову Мьяка:

«Интересно, сколько этот новенький насобирал?»

Мяк подошёл поближе с сильным желанием немедленно прогнать пришельца, ошеломить его какими-нибудь грубыми словами, напугать дежурным, но Мяк не сделал этого – пришелец был инвалидом. За спиной новенького стояли старые костыли, и Мяк при внимательном рассмотрении заметил, что у пришельца нет одной ноги ниже колена.

– Стоишь? – тихо спросил Мяк.

Пришелец не ответил – то ли сделав вид, что не расслышал вопроса, то ли оказался к тому же и глухим.

– Чужое место занял, – продолжил Мяк. – Как дальше будем работать?

Пришелец ещё ниже опустил голову, подтянул поближе к себе помятую армейскую шапку, где на дне сиротствовала медная монетка. Мяк постарался как можно грубее произнести следующие слова:

– Будешь молчать? Глухонемой, что ли?

Пришелец поднял голову и, заикаясь, ответил:

– Я сейчас, я немножко. Там очень холодно.

Старое морщинистое лицо пришельца выглядело весьма интеллигентно, и если бы не давно не стриженная голова и совсем неухоженные борода и усы, то можно было бы принять пришельца за какого-нибудь профессора каких-нибудь наук.

– Я скоро уйду, – продолжил пришелец. – Не гоните меня,

я скоро уйду.

Мяк несколько смягчил тон и объяснил:

– Здесь моё место. Вас может прогнать дежурный, и здесь надо платить.

– Да-да, я понимаю, – заикаясь, ответил пришелец. – Но там, – и он махнул рукой, – у меня отобрали пальто. Холодно.

Мяк не знал, что делать дальше с этими обстоятельствами, и, подумав, неуверенно произнёс:

– Если хотите, будем работать на пару.

– На пару, – повторил пришелец и застенчиво улыбнулся. – Спасибо, – добавил он, пытаясь встать.

Мяк остановил его попытки и продолжил:

– Я могу договориться. Мне так кажется, что могу.

– Вы хороший человек, – произнёс пришелец и грустно добавил: – Таких сейчас мало.

– Мало? – удивился Мяк и про себя подумал: «Совсем мало. Я-то вовсе не хороший – я подлец, как выражается небритый».

– Ну ладно, – одобрительно произнёс Мяк. – Вы тут работайте, а я вас с обеда подменю. Будет кто приставать – скажите: Мяк разрешил. Запомните?

– Да, – заикнулся пришелец и повторил: – Мяк разрешил.

Постепенно в кафешке начали появляться посетители. Одни что-то брали для того, чтобы перекусить здесь же за столиками, другие покупали продукты в дорогу и торопились к вокзальным перронам. Уже пара человек бросили в

шапку пришельца заработок, уже там, на дне, рядом с первой монетой наблюдалась более крупная мелочь и даже одна купюра на солидную для пришельца сумму.

Мяк не стал более торчать около пришельца, вышел в большой зал и остановился, как в прошлый раз, у автомата, надеясь застать там дежурного. Теперь в мякинскую задачу встал, как говорили местные, вопрос – утрясти пребывание пришельца. Прошло уже более получаса, а дежурный не появлялся. Мяк даже подумал, что, может, стоило забрать у пришельца выручку, дабы сразу заплатить за место, но он не был уверен, что у того в шапке уже имелась необходимая сумма.

Мяк прислонился сбоку к автомату – прошлый плохой сон давал о себе знать. Под монотонный вокзальный шум глаза слипались, и Мяк незаметно для себя задремал. Ему казалось, что он не спит, что ждёт дежурного, а вместо него появилась мама.

– Боже ж мой, где это ты так изгваздался?

«Да, изгваздался», – подумал Мяк, и ему снова стало жалко себя.

– А пальто, а пальто! – всполошилась мать. – Новое пальто! Боже ж ты мой!

А Мяк улыбался во сне – он помнил, что мама всё вычистила, вымыла, отстирала и его, дурную головушку, всего отмыла в большом корыте, которое он любил с детства, потому что там было его море с игрушками и кораблями.

Сквозь сон он прослушал объявление о прибытии и отправлении поездов, с трудом открыл глаза и отстранился от автомата, к которому подошёл прилично одетый мужчина с изящной спутницей. Они, видимо, пожелали приобрести что-то из напитков, но спутница, презрительно осмотрев Мяка, дёрнула мужчину за рукав, и они, ничего не купив, удалились в другой конец зала.

«Презирают, – подумал Мяк. – Наверное, выгляжу я не ахти – надо бы внешний вид поправить».

Он взглянул на часы и понял, что проторчал здесь более часа.

Мяк спустился вниз, вышел в сторону площади, пристроился у закрытых дверей и приступил к работе. Конечно, здесь было не его место. Здесь стоять ему приходилось довольно редко – только тогда, когда был чужой дежурный, да к тому же выручка получалась маловатая. Снаружи клиент нервничал, спешил как можно быстрее проникнуть внутрь, и некогда ему было обращать внимание на просителя.

Мяк вытащил из кармана куртки сложенную картонную коробочку, аккуратно развернул её и положил на асфальт у ног. Вторую картонку, свёрнутую в гармошку, развернул и пристроил на зацепке прямо на куртку.

«Теперь можно и потрудиться, – подумал он. – Только бы погода не подпортила обстановку!»

В плохую погоду здесь снаружи выручки почти не было – кому охота задерживаться у свободного человека с кар-

тонкой на груди, где виднелась надпись: «Помогите бездомным»? Такой текст Мяк, можно сказать, выстрадал; иные варианты, вроде того, что, мол, помогите на лечение или на похороны, оказались менее эффективными. Клиенты на «помогите бездомным» реагировали более активно – наверное, принимали Мяка за руководителя сборов для бездомных, а может быть, были ещё какие-либо неизвестные причины, но картонка помогала.

Мяк достал несколько мелких монет и бросил их в коробочку – работа началась. Погода благоволила Мяку: свежий ветер разогнал утренние облака, в небе проступила синева и, кажется, намечался редкий солнечный день. Через полчаса стояния у дверей в коробочке прибавилось несколько монет. Мяк извлёк выручку, оставив немного монет для приманки, и, сотворив застенчиво-грустное лицо, продолжил работу. К середине дня в кармане набралось немало монет – по подсчётам Мяка, можно было бы перекусить, время приближались к обеду. Мяк свернул свою деятельность и направился к пришельцу. К удивлению Мяка, пришелец отсутствовал. Мякинский угол был пуст, словно никого здесь и не было.

«Ушёл напарник, не дождался», – подумал Мяк и заглянул в буфет. Тётка, как обычно, продала ему три пирожка. Он вернулся к себе и, не разворачивая картонок, решил перекусить.

Как только Мяк приступил к поеданию второго пирожка, появился дежурный. Он мрачно взглянул на Мяка и спросил:

– Закусываешь?

– Обедаю, – вежливо ответил Мяк.

– Нарботал? – снова спросил дежурный.

– Нет ещё, – ответил Мяк.

Дежурный криво усмехнулся и произнёс:

– Зайду потом.

Мяк торопливо заговорил:

– Нас теперь будет двое. Я и инвалид. Хорошо?

Дежурный немного насторожился, вопросительно взглянул на Мяка и заявил:

– Двое так двое. С тебя двойной тариф.

Мяк кивнул, дежурный ещё раз с ног до головы оглядел его и сказал:

– Я зайду. Запомни: двойной.

Дежурный развернулся и, цокая подковками сапог по каменному полу, удалился в сторону касс. Мяк доел второй пирожок, и совсем неприятная мысль пришла ему в голову.

«Двойной тариф, а инвалид испарился! Мне это нужно? Мне это совсем ни к чему!»

Нехорошая мысль не уходила, она даже испортила ему аппетит. Последний пирожок он сжевал почти что без удовольствия.

«Этот пришелец так меня подвёл! – подумал Мяк и укорил себя: – Я... Я-то хороший человек: сразу поддался, предложил работать на пару. Вот тебе и на пару!»

Мяк хотел было уже приступить к работе на своём месте,

но не успел он развернуть коробочку, как заметил, что в его сторону движется, неловко переставляя костыли, инвалид.

«Пришелец, – приглядевшись подумал Мяк. – Явился напарничек!»

Мяку теперь этот деятель совсем не понравился – без него было спокойнее и никакого двойного тарифа.

– Добрый день, – поздоровался пришелец, когда добрался до мякинского угла.

– Добрый, – не очень дружелюбно ответил Мяк.

Пришелец вопросительно посмотрел на Мяка и объяснился:

– Вы, пожалуйста, извините меня. По нужде отлучился, а накидали много. Вот. – И пришелец вытащил из кармана плаща горсть монет и несколько смятых крупных купюр. – Я так понимаю, это теперь наше общее.

Мяк одобрительно кивнул и примирительно произнёс:

– С дежурным я договорился. Надо подумать, где устроить вас на отдых.

– Огромнейшая вам благодарность! – с волнением произнёс пришелец. От заикания он прервал свою речь и, немного отдышавшись, поправил костыли. – Я причинил вам столько неудобств, – продолжил он и замолчал. Серые глаза его увлажнились, но слёзы он сдержал, промокнул глаза кулаком свободной руки и спросил: – Как будет дальше?

– Как будет дальше? – Мяк мысленно повторил вопрос, сознавая, как высоко он поднял мнение о себе у пришель-

ца, немного возгордился собой, что ему уже давно было не свойственно. – Дальше... – задумчиво ответил Мьяк, – дальше будем напарниками.

Он пристроил пришельца до вечера в закутке под передвижной лестницей, отстоял вторую смену, и уже поздно ночью напарники подались в либерторию.

Языки пламени быстро пожирали деревянные обрезки от ящиков и прочего хлама. Ещё издалека были видны сполохи огня. Иногда – видимо, когда небритый подбрасывал в огонь сухую деревяшку, – искры летели вверх и таяли на фоне тёмного неба.

«Старик на своём посту, – подумал Мьяк. – Интересно: сколько времени продолжается этот ритуал? Год, а может быть, небритый управляет костром с детства, когда мальчишкой оказался в либертории? Кто это знает?»

Мьяк с пришельцем, осторожно ступая по свежей наледи, двинулись в сторону костра.

«Вот кто у нас свободный, – подумал Мьяк о небритом. – А остальные, все мы – несвободные, приспособились кто где. А отними у нас эти места – и свобода наша исчезнет, как дым от костра небритого».

Сегодня ночью подморозило. С вечера ветер разогнал облака, небо очистилось окончательно, и в ночь в тёмной высоте выпали звёзды. Небритое лицо сидящего было спокойно и равнодушно – даже когда он открывал глаза, оно ничего не выражало.

– Мяк, а ведь ты подлец, Мяк! – просипел небритый и открыл глаза. – Ты опять без фанфарика.

– Принёс, – ответил ему голос из темноты.

– Да ну! – отреагировал небритый. – Ты, Мяк, всё равно подлец.

– Да, – согласился голос.

Пламя разделалось с последним куском доски и стало затихать. Небритый пошевелился, дотянулся до очередной деревяшки и аккуратно положил её на жаркие угли.

– Я не один, – произнёс голос из темноты.

Небритый промолчал, снова закрыл глаза и замер у костра.

– Я не один, – повторил голос и добавил: – Это мой напарник.

Пламя обхватило кусок доски со всех сторон. Ярко-красные языки оторвались от чернеющей деревяшки и взвились с искрами вверх в темноту.

– У тебя хороший огонь, – произнёс голос.

– Огонь всегда хорош, – ответил небритый и повернулся в сторону говорившего. – Что стоите? Грейтесь, – просипел он и снова погрузился то ли в сон, то ли в свои никому не известные думы.

Мяк с напарником вышли из темноты. Они подошли поближе и, не найдя ничего подходящего для того чтобы присесть у огня, прислонились к стене.

– Огонь бывает разный, – тихо сказал Мяк.

Небритый молчал – казалось, он ничего не слышит или просто не желает общаться с кем бы то ни было. Мяк повторил свою фразу:

– Огонь бывает разный.

Вдоль стены потянул ветерок; минуты две-три он помогал огню пожирать дровяшки, а затем ветер усилился, его порывы удачно боролись с огнём, не давая влажным обрезкам как следует заняться.

– Ты, Мяк, про огонь ничего не понимаешь, поэтому так говоришь.

Небритый пошевелил угли, мокрые обрезки досок легли на них, и костёр задымил.

– Вот видишь, как без огня-то, лысый глаз? – проворчал небритый. – Огонь всегда хорош, даже когда его много. Он заберёт себе столько, сколько нужно.

Сильный порыв ветра сорвал только что появившиеся язычки пламени, и дым повалил ещё сильнее. У стены без огня, на свежем ветре, стало темно и холодно. Мяк присел у костра и сказал:

– Сейчас затухнет.

– Тогда уйдём к Воне, – просипел небритый. – Раз у тебя есть фанфарик, лысый глаз, то и хорошо.

– Как думаешь: возьмёт она напарника? – спросил Мяк.

Небритый мельком взглянул на пришельца и ответил:

– Профессора должна взять. Фанфарик нужен.

– Фанфарик есть, а вот Профессор – не знаю, – ответил

Мяк.

Костёр не желал сильно разгораться – последние угли от ветра быстро прогорали, превращаясь в серую золу. Небритый ещё несколько раз шевелил несгоревшие куски досок, потом бросил эту затею и, откашлявшись, спросил:

– Ты, Мяк, совсем уж, лысый глаз! Не знаешь, кто у тебя напарник?

Мяк не сразу ответил – он повернулся в сторону пришельца и почти минуту рассматривал в полумраке его фигуру.

«Как это небритый смог определить в пришельце Профессора?» – подумал Мяк и, обращаясь к инвалиду, спросил:

– Вы действительно профессор?

– Не совсем так, – заикаясь, ответил пришелец. – Я... – Он долго пытался выговорить следующее слово и, наконец, произнёс: – Я просто так.

– А у нас будешь Профессором, лысый глаз! – прохрипел небритый. – У нас у всех свои имена, только у Мяка родительское.

– Хорошо, – нараспев согласился пришелец.

– Хорошо, – передразнивая его, повторил небритый. – Ты, Профессор, я смотрю, и философ к тому же, – продолжил он. – Любишь свободу, как все философы?

– Нет, не люблю, – ответил пришелец.

– Профессор, а свободу не любишь, лысый глаз! – прохрипел небритый. – А фанфарик любишь?

– Нет, не люблю, – последовал ответ.

После таких слов у почти затухшего костра образовалась напряжённейшая тишина, только ветер подвывал из-за стены. Небритый встал и долго смотрел в сторону пришельца – так долго смотрел, что Мяк решился прервать эту паузу.

– Я тоже не очень, – произнёс он и тоже встал у стены.

– Ты, Мяк, помолчи, лысый глаз, – прохрипел небритый. – У человека цель должна быть. Без цели нельзя. Без цели пустота одна – не жизнь, а морока. Вот возьми меня, – и небритый задумался. – Вот возьми меня, – продолжил он. – Кто я есть? Я есть человек с целью, а это уже кое-что. Некоторые думают, что цель должна быть великая, огромная, а я вот думаю, что мне это ни к чему. Мне и мелкая цель сгодится. – Правильно я говорю, Мяк? – Небритый тяжело вздохнул и неожиданно сказал: – Ну что ж, пошли к Воне, лысый глаз. Чего же здесь без цели торчать?

Воня встретила гостей настороженно. Она долго рассматривала убогую фигуру пришельца, а затем недовольно пробурчала:

– Инвалида-то зачем?

Пришелец скромно прислонился к стене и тихо помалкивал, ожидая своей участи.

– Воня, это Профессор, будет у тебя постояльцем, – заискивающе просипел небритый.

– Постояльцем? – возмутилась Воня. – Ногу на лесопилке отрезал – и сразу ко мне!

– Воня, ты не кипятись, – прохрипел небритый. – Это не

бесплатно.

Воня ещё немного повозмушалась и уже более спокойно произнесла:

– Мякушка, вот скажи: зачем мне этот инвалид? Ты бы пошёл постояльцем – слова против не сказала. А тут профессор-инвалид! Это как же? Я женщина, у меня тоже могут быть потребности...

– Знаем мы твои потребности! – перебил её небритый. – Ты что же, против фанфарика? Да так и скажи, лысый глаз!

Небритый вопросительно взглянул на Мяка, тот востропнулся и, сосредоточившись, произнёс:

– Воня, я за напарника по фанфарнику каждый день. Такая плата тебя устроит?

Воня затихла – она обдумывала это предложение.

– Профессор-инвалид... – прошептала Воня и спросила: – Мякушка, это твой напарник?

– Мой, – ответил Мяк.

Воня приблизилась к пришельцу и оглядела его с ног до головы.

– Так он у вас совсем голый! Плащик на рубашку – смёрзнет в зиму-то!

– Смёрзнет, лысый глаз, точно смёрзнет, – согласился небритый.

– А я отвечаю? – продолжила Воня.

– А как же, ты и отвечаю, лысый глаз! Твой постоялец – ты и отвечаю, – прохрипел небритый.

Воня пробралась к комоду, где горела свеча, смахнула со столешницы какие-то крошки и заявила:

– А где фанфарик?

– Ну вот, Мяк, и напарника твоего, лысый глаз, определили! – заметил небритый.

Когда очередной фанфарик опустел, он изрёк:

– Профессор у нас скромняга, лысый глаз. Фанфарик почти не потребляет, и целей у него, лысый глаз, нету.

Профессор, заикаясь, ответил:

– Цель у меня есть.

– Слышь, Воня, у Профессора цель есть! Фанфарик не любит, а цель есть, лысый глаз! – Небритый посмотрел на пустой стакан, затем взглянул на бутылку и, облокотившись о столешницу, продолжил: – А что я говорил – цель у всех должна быть! Вот возьми нашего Мяка. Как есть подлец, а цель у него есть. – Небритый повернулся в сторону Мяка и спросил: – Мяк, цель у тебя есть?

Мяк высунулся из-за прищельца, прищурился, глядя на догорающую свечу, и ответил:

– Моя цель известна.

– Конечно известна, лысый глаз! – прохрипел небритый. – А некоторые не понимают. Вот возьми Профессора – он не понимает. Профессор, ты понимаешь? – Небритый приподнял голову, зыркнул на прищельца и, снова уронив её, просипел: – Свеча гаснет. Потом темнота.

Воня, озираясь, оторвалась от комода, направилась к пол-

кам, заставленным разнообразным хламом, долго что-то там перебирала, шуршала бумагой и коробками, нашла свечу и вернулась на место.

– Мякушка, поменяй, – еле выговаривая, произнесла она и положила новую свечу рядом с затухающей.

Мяк засветил вторую свечу, приладил её рядом со старой – и в Вониных владениях стало светлее.

– Мусьё приходил? – спросил Мяк и, не получив ответа, решил вопрос не повторять.

«Наверное, о Злыке они ничего не знают», – подумал Мяк и затих.

Через минуту со стороны пришельца он услышал шёпот:

– Здесь я могу... – Пришелец, как обычно, запнулся и с трудом продолжил: – Могу отдохнуть?

– Да, – тихо ответил Мяк.

– А вы? – продолжил пришелец.

Мяк мельком оглядел Вонины «хоромы», взглянул на задремавшего небритого и одутловатое лицо хозяйки, погасил огарок и ответил:

– А мы уйдём к Нуде. Там просторнее.

– А я буду с ней? – спросил пришелец.

– Да, – сухо ответил Мяк и повторил: – Да, с Воней. Так будет теплее.

Пришелец удручённо кивнул, хотел что-то спросить, но передумал, покопался в карманах плаща и выложил на столешницу ключ от замка.

– Вот моя цель, – медленно произнёс он и осторожно, но с удовольствием потрогал его ладонью.

Мяк с любопытством осмотрел ключ и, не найдя в нём ничего диковинного, удивлённо спросил:

– Вы хотите ограбить чей-нибудь дом?

– Нет, – заикаясь ответил пришелец и добавил: – Я хочу вернуться.

– Вернуться? – переспросил Мяк.

Пришелец несколько раз кивнул и загрустил. Он ещё некоторое время смотрел на ключ, затем бережно, но довольно быстро схватил его, словно опасался, что кто-то может его опередить. Спрятал ключ в карман и произнёс:

– Вернуться.

– Куда? – недоумённо спросил Мяк.

Пришелец проверил, на месте ли ключ, и тихо ответил:

– Туда, где был.

– Где был, – повторил Мяк и задумался: «Хочу ли я туда, где был?»

Он вспомнил клинику, санаторий, контору, жену и своих пацанов. Вспомнил то далёкое время, когда казалось, что всё вокруг так хорошо, что счастье бытия не кончится никогда, и даже если где-то рядом случались трагедии и горюшко-горе мелькало невдалеке, то всё хорошее окружение разрушиться не может. Оно будет его защищать долго-долго, и даже там, за горизонтом детства и юности.

Пришелец внимательно взглянул на Мяка и, почувство-

вав, что тот глубоко о чём-то задумался, спросил:

– А ваша... – Он снова запнулся и, напрягшись, закончил вопрос:

– Какая цель?

– У меня – либертория, – тихо ответил Мяк и добавил: – Нам пора. – Он потряс небритого за плечо и повторил: – Нам пора.

Воня очнулась от фанфарного послевкусия, потербила бурелом волос, потянулась и изрекла:

– Мусьё ему одежду достанет. Вы только фанфарики несите.

Небритый кашлянул, поднял голову, обвёл тусклым взглядом компанию и прохрипел:

– Цель должна быть, лысый глаз, и порядок! Вот у тебя, Воня, беспорядок есть, а где цель?

– Фу ты, ну ты, опять за своё! Идите уж. С Профессором сама справлюсь.

Воня двинулась к дивану и, повторяя одни и те же слова – «Фу ты, ну ты», – закончила свой поход фразой: «Тута мягко и тёпло, только фанфарик не забудьте».

Под ногами при каждом шаге хрустели замёрзший снег и лёд. Они прошли мусорку, сделали несколько поворотов мимо кирпичных развалин. Небритый уже несколько раз запинаясь, скользил и, если бы не поддержка Мяка, готов был рухнуть плашмя наземь.

– Ты, Мяк, держи меня, лысый глаз! Сверзнемся в этой

темноте, лысый глаз, до Нуды не дойдём!

Когда они подоברались к самому лазу, небритый проворчал:

– Бродим ночью, лысый глаз, и ты говоришь, это твоя цель. Подлец ты, Мяк, после этого!

– Ага, – согласился Мяк и протиснулся внутрь.

У Нуды горел свет. Сам хозяин и Мусьё полулежали на матрасах и о чём-то спорили.

– А вот и Мяк. Можешь сам у него спросить, как хоронили Злыку. – Мусьё приподнялся с матраса и подмигнул Мяку.

Мяк остановился у стола. Небритый плюхнулся в своё кресло и устало спросил:

– Какие похороны, лысый глаз? Дайте закусить!

Нуда засуетился внизу, неуклюже поднялся и ответил:

– Сейчас чего-нибудь придумаем.

Он с головой залез в большой железный ящик, что-то долго там перекаладывал, затем достал коробку и вытащил из неё засохший батон белого хлеба.

– Вот, – Нуда положил съестное на стол и произнёс: – Старенький, но ещё есть можно.

Небритый с трудом отломил кусок от батона и принялся его грызть. Ещё не прожевав первую порцию, он прохрипел:

– Похороны? Это где? Ты, Мусьё, толком бы объяснил!

Мусьё сел на матрасе, вопросительно взглянул на Мяка и выпалил:

– Мы с Мяком похоронили Злыку.

– Зачем Злыку хоронить? – пробурчал небритый. – Делать вам больше нечего, лысый глаз!

Мусьё возбуждённо махнул рукой, встал и, волнуясь, объяснил:

– Злыка совсем умер. Мяк это проверил. Вот мы и хоронили. Мяк, скажи?

– Да, хоронили, – ответил Мяк.

Нуда закачал головой и протараторил:

– Злыку жалко. Ой, Злыка! Мог бы, мог бы... Ой, жалко!

– Не тарахти, – прохрипел небритый. – Не тарахти, лысый глаз! Злыку, конечно, жалко. Но зачем он попёрся в маркет? Живёшь на мусорке – живи. Не лезь не в своё, а Злыку жалко, лысый глаз.

Небритый потихоньку употребил полбатона, откинулся в кресле и продолжил рассуждения.

– Злыка безобидный был, только не умный, лысый глаз. Старших не слушал. Не слушал – а надо бы, а вот цели имел. На мусорке все цели его. А в маркете всё не для него, лысый глаз. Вот ты, Нуда, где свои цели имеешь?

Нуда хотел было что-то ответить, но небритый продолжил свою мысль:

– На базе – там у тебя цели. Там и просрочку добыть можешь, и никуда в другие места тебя не тянет. Правильно я говорю, лысый глаз?

Нуда встрепенулся и успел сказать:

– Да, на базе...

– А вот возьмите Мусьё. Ты, Мусьё, слышишь? О тебе говорят, лысый глаз! – Небритый повернулся в сторону Мусьё и неодобительно хмыкнул. – У тебя тоже цели есть. Тряпичник ты, лысый глаз, Мусьё! И весь ты в этом.

Небритый замолк, и все подумали, что он иссяк в своих рассуждениях и что можно немного отдохнуть от потока хрипящих звуков, но небритый и не думал останавливаться.

– Что притихли, лысый глаз? – произнёс он. – А есть некоторые, у которых цели нет. Вот Мяк подтвердит, что у Профессора нет цели.

– Есть у него цель, – ответил Мяк.

Небритый многозначительно посмотрел на Мяка, оглядел сумрачное пространство Нудиных владений и спросил:

– Интересно: что за цель у Профессора, лысый глаз? Поди, академиком хочет стать?

– Кто профессор? Где профессор? – забеспокоился Нуда. – Покажите, о ком вы? – Он вопросительно взглянул на Мяка и затараторил: – Вы тут все умные, профессора, а мы простота обычная. Нам бы день прожить и фанфарик с едой. Вот такие мы...

– Не мельтеши, Нуда, лысый глаз! – рявкнул небритый. – У нас теперь есть Профессор – у Вони остался. Не вопи, лысый глаз!

– А-а, так бы и сказали, – ответил Нуда и уселся на матрас. Свет фонаря тускло освещал подвал. Присутствующие затихли в ожидании ответа Мяка, но тот не торопился. Он от-

лепился от тёплой трубы, уселся за столом и только тогда ответил:

– Он вернуться хочет.

Небритый расслабился, закрыл глаза. Остальные не посмели нарушить вновь возникшую тишину, и только Нуда встал, пошевелил фонарь, поковырялся в его внутренностях и тихо произнёс:

– Плохо горит. Батарейки надо менять.

– Ерунда всё это, – не открывая глаз, прохрипел небритый.

– Нет, надо менять, – повторил Нуда. – А то в темноте будем. Тут что с Профессором, что без – в темноте нехорошо. А фанфарик? Ничего не видно, куда лить! Да и вообще...

– Ерунда всё это, – перебил его небритый, на минуту замолчал, и всем стало ясно, что он сказал это не о фонаре.

Нуда отошёл от стола, лёг на матрас и замолчал, повернулся на спину и, словно в ожидании чего-то нового, неизвестного, сложил руки на груди. Мусьё, наоборот, сел, положил руки на стол, как это делают первоклашки в школе, и замер в готовности выслушать новые слова небритого. Тот открыл глаза, не торопясь осмотрел компанию и повторил:

– Ерунда всё это. – Затем закрыл глаза и добавил: – И цели – ерунда, и мы все – ерунда. А вот Профессор не ерунда, лысый глаз, он вернуться хочет.

Небритый неожиданно повернулся к Мусьё и тихо спросил:

– Вот ты, Мусьё, вернуться хочешь?

Мусьё качнул головой и сразу спросил:

– Куда?

– Куда, куда, лысый глаз! – проворчал небритый. – Туда, куда надо.

Мусьё пожал плечами, уставился глазами в потолок подвала и произнёс:

– Я хочу, чтобы тепло и всего полно.

Небритый хмуро усмехнулся, взглянул на остатки батона и ответил:

– Вот видите, наш Мусьё хочет в Африку и на банан, чтоб тепло и всё было!

– И я так хочу, – оживился Нуда. – А что у нас – то холод, то слякоть... Правда, я бананы не очень – мне лучше колбасы да хлебушка.

– Вот видишь, Мяк, кроме твоего напарника, никто не хочет, лысый глаз, вернуться. – Небритый ещё раз оглядел подвал и почти крикнул: – Ау, желающие вернуться, поднимите руки, лысый глаз! Нет желающих, – прохрипел небритый и объявил: – Все, кто здесь, – ерунда, и внимания никто не стоит, лысый глаз: и я, и Мусьё с Нудой, и ты, Мяк. Все ерунда, лысый глаз, как пыль и слякоть одна.

– Я не слякоть, – обиженно возразил Нуда. Он потянулся на матрасе и объяснил: – Я слякоть не люблю. Я что-нибудь другое, но не слякоть. Вот, может быть, Мусьё слякоть – он там по барахолке шляется, там и сырость бывает, а у меня

на базе сухо.

Мусьё повернулся в сторону Нуды и недовольно ответил:

– У меня товар разный, а у тебя одна жарчка!

– Молчать! – просипел небритый. – Какая разница, кто есть кто, лысый глаз! Ерунда – она разная: то пыль, то слякоть. Не всё ли вам равно, лысый глаз? А ты, Мяк, что молчишь? Тоже вернуться хочешь?

Мяк встал из-за стола, прошёлся вдоль трубы, потрогал тёплую, шершавую поверхность и ответил:

– У него, наверное, есть дом, а у наших его нет.

Небритый хмуро посмотрел на Мяка, прищурившись, попытался улыбнуться, но улыбка не получилась.

– Это правда: у нас нет дома. У нас есть либертория. Правильно я говорю, Мяк?

– Вы всегда говорите правильно, – ответил Мяк и закрыл глаза. Он вспомнил что-то давнее: как шёл в школу с цветком в горшочке. Это было начало учёбы в сентябре. Он пытался вспомнить, какой это был класс.

«Наверное, не первый», – подумал Мяк.

Первую поделку в школе он сделал классе в четвёртом, а может быть, и в пятом. Все мальчишки в школьной мастерской изготавливали железные совочки. Железо резал и гнул он самостоятельно, а учитель помог ему приладить к совку ручку. Мать, увидев сие произведение сына, обрадовалась: «Ай да мастер мой, золотые ручки!» Этот совочек долго стоял за печкой, а потом было потом...

Мяк вспоминал школьные годы, и вдруг совсем неожиданно жирные, красивые утки поплыли вдоль берега озера. Он шёл за ними и любовался, показывал всем, какие они симпатичные.

Поднимаясь по песчаной косе к обрывистому берегу, заметил, что там, наверху, стоит Воня, машет руками и что-то кричит ему. Он слышал только: «Мякушка, Мякушка». Он поднимается выше и видит, что это совсем не Воня, а его мать. Она обнимает его, гладит по голове, приговаривая: «Ай да мастер мой, золотые ручки!»

– Мяк, Мяк, лысый глаз, не спи, тебе на вокзал пора! – слышит он и открывает глаза.

Фонарь еле-еле освещает пространство у стола. Батона на столе уже нет – на его месте стоит помятая алюминиевая кружка. Небритый осторожно берёт её в руки и мелкими глотками отпивает из неё горячую воду.

– Проснулся, лысый глаз! Спишь – не разбудить. Тебе Профессора пора проверить – твой же напарник, лысый глаз.

– Мой, – спросонья отвечает Мяк и встаёт из-за стола.

На улице просыпался поздний рассвет. Звёзды потускнели. Где-то за полуразрушенной стеной кочегарки небо светлело, и на его фоне, как обелиск, торчала кирпичная труба. Мяк несколько секунд раздумывал, стоит ли ему зайти к Воне, но эту мысль он быстро погасил, поёжился от утреннего морозца и уверенно зашагал к вокзалу.

Пришелец уже был на месте.

– Я от неё удрал, – заикаясь, произнёс он и стыдливо потупил глаза.

– Совсем? – спросил Мяк.

– Навсегда, – ответил пришелец.

Мяк тяжело выдохнул и снова спросил:

– Зачем?

Пришелец задумался, почесал затылок, по инерции поправил мятый воротник плаща и, заикаясь, начал отвечать.

– Она с... – Он застрял на втором слове, помотал головой и, собравшись с силами, произнёс: – Совсем плохая.

Мяк в знак согласия кивнул, произнёс что-то вроде «Ага» и предложил:

– Тогда будете жить в подвале.

– Будет тепло? – спросил пришелец.

– Только зимой, – ответил Мяк.

– Странно, – удивился пришелец. – Почему так?

Мяк уже в который раз внимательно рассмотрел одежонку напарника и, в очередной раз убедившись, что она не для зимы, ответил:

– Климат у нас такой.

Пришелец догадался: Мяку его одежда не нравится. Он неловко запахнул плащ одной рукой и кивнул: мол, понимаю я, что одежда у меня не та.

Мяк перевёл взгляд на шапку пришельца, вытащил из неё почти всю мелочь и пару купюр, засунул всю эту добычу в карман и объявил:

– Будем вас одевать.

Пришелец послушно склонил голову, одной рукой опёрся о костыль, а ладонь другой приложил к груди и, стараясь не запинаться, прошептал:

– Как мне вас благодарить?

Мяк удивился вопросу и, не думая, быстро ответил:

– Не за что. – Затем он сообразил, что ответил как-то плохо, машинально, и добавил: – Мы напарники, и должны... – Он не хотел произносить это банальное слово «помогать» и произнёс: – Должны понимать.

– Да, понимать, – согласился пришелец и с благодарностью посмотрел Мяку в глаза.

Одежку для пришельца Мяк решил достать у Мусьё – у того всегда была возможность найти что-нибудь приличное на рынке. Мусьё он нашёл в закутке у подсобки – тот разглагольствовал о моде среди заскоружлых грузчиков.

– Вот ты думаешь, – Мусьё обратился к одному из них, – что эти цвета не сочетаются?

Хмурая персона кивнула и брякнула:

– Ага, – и, широко улыбнувшись, добавила: – Цирк один.

– А вот и не цирк! – возразил Мусьё. – Серые вы люди, что с вами говорить!

– Тебя, парень, ждут, – заметил один из слушателей.

Мусьё обернулся и, увидев Мяка, удивился.

– Редкий гость, – сказал он и, поправив свои ярко-синие штаны, спросил: – Что случилось?

– Отойдём, – ответил Мяк.

Они пробрались вдоль рядов на край рынка и устроились на ящиках. Здесь было тепло, светило солнце, и утренний морозец ощущался не сильно.

– Что случилось? – повторил вопрос Мусьё.

– Надо одеть Профессора, – ответил Мяк.

– Одеть? – повторил Мусьё и, пристально взглянув на Мяка, спросил: – А сам-то где учёный? Как одевать-то будем?

– Заочно, – ответил Мяк. – Нужны тёплая куртка, штаны, обувь. В общем, всё, что нужно для либертории.

– А чем платить будем? – спросил Мусьё.

Мяк выгреб из кармана деньги и выложил их на ящик:

– Вот на всё.

Мусьё бережно разгладил купюры, пересчитал все монеты и как-то неуверенно сказал:

– На модное не хватит.

Он вопросительно посмотрел на Мяка, аккуратно оправил на себе куртку и продолжил:

– Будет не очень. Как у Нуды, но Нуда же не Профессор!

– Сгодится, как у Нуды, – уверенно ответил Мяк. – Давай веди – надо закупить быстро.

– Быстро так быстро, – недовольно ответил Мусьё, собрал деньги, и они двинулись вдоль ржавого забора в дальний угол барахолки.

В столь раннее время для торговли рынок практически пустовал. Много прилавков и ларьков ещё не имели торго-

шей. Иногда Мяк с Мусьё проходили целиком пустые ряды, где один-два торговца ещё только раскладывали свой товар. Добравшись до глухой, бетонной стены, Мусьё остановился, огляделся по сторонам и пояснил:

– Хозяин ещё не пришёл. Подождём.

Они расположились за деревянным, грубо сколоченным из досок столом, и в ожидании хозяина Мусьё произнёс:

– Я буду торговаться, а ты только кивай.

– Хорошо, – согласился Мяк.

Здесь, за стеной в тени, было прохладно, к тому же небольшой ветерок вносил некоторый дискомфорт в процесс ожидания торговли. Мусьё поёжился, поднял воротник куртки, поглубже натянул на голову вязаную шапчонку и заявил:

– Если скоро не придёт, тогда в следующий раз.

Мяк недовольно ответил:

– Профессору ходить голым не положено! Будем ждать.

Они молча простояли у стены ещё полчаса, и Мусьё проворчал:

– Профессору надо дома сидеть, а не в либертории!

Мяк промолчал. Он выразительно отвернулся от Мусьё и занялся наблюдением утренней жизни барахолки.

В дальних рядах, что находились ближе к центральному входу, стали появляться продавцы с товаром, за ними потянулись редкие покупатели. В основном по их поведению было понятно, что это случайные люди, зашедшие сюда лишь

из любопытства.

Не поворачиваясь к Мусьё, Мяк заметил:

– Твой рынок слабо работает.

– Рано, ещё рано, – ответил Мусьё. – Пришёл бы к обеду – тогда и увидел.

Мяк вспомнил, как вместе с дядькой продавал смородину. Его дядька был человек практичный, жил с супругой и сыном в своём доме с большим садом. Сад этот являлся гордостью дядьки. Яблони, груши, вишня и множество ягодных кустов всегда были окружены его заботой. Самым любимым временем года для Мяка тогда была зима. Зимой он отдыхал от садовых работ. Дядька же в это время в основном следил за домашним вином, которое с осени усердно заготавливалось из собственного сырья, а сырья осенью хватало.

Мяк вспомнил, как вечера и все осенние выходные посвящались сбору ягод и плодов. Особенно доставалось ему от ягод.

Он ощипывал кусты смородины и крыжовника, относил полные корзины дядьке в подвал, где шла непрерывная сортировка, переборка и переработка ягодной массы. Осень Мяка, тогда ещё молодого пацана, вовсе не радовала. Работа по саду занимала всё его свободное время. Супруга дядьки и его сын садом не занимались, находились в привилегированном положении, занятия дядьки по изготовлению вина и варений не очень одобряли, и сад для них представлял лишь зону отдыха в хорошую погоду.

Ветер усилился, в небе появились рваные облака, и Мяк заявил:

– К слякоти дело идёт. Мороз слабеет.

– Для торговли слякоть не нужна, – пробубнил Мусьё. – Будет сырость – покупатель уйдёт.

– Уйдёт, – согласился Мяк. – Но мы дождёмся.

– Дождёмся, – безнадёжно произнёс Мусьё.

Хозяин появился ближе к обеду, когда барахолка более-менее наполнилась торгующей и покупающей публикой.

– Салька, мы тебя ждём! – вместо приветствия произнёс Мусьё.

Салька – худощавый старичок в стёганке и меховом тюрбане – скинул с тележки несколько холщовых мешков и поздоровался кивком.

– Салька, разворачивайся, нам одежда нужна! – поторопил его Мусьё.

Старичок, постоянно улыбаясь и не прекращая заниматься своим делом, ответил:

– Одежда всегда нужно. Без одежда плохо.

– Нам нужны тёплая куртка, штаны и обувь, – нетерпеливо проговорил Мяк.

Мусьё округлил глаза, махнул рукой, отстраняя Мяка от горы тряпок, и обратился к Сальке:

– Ты же знаешь: мы заплатим.

– Я хорошо знать. Сейчас, сейчас. – Старик быстро вывалил остатки из мешков – и на деревянном столе образовалась

куча помятой одежды.

– Сейчас, сейчас, – повторил Салька, раскладывая вещи на столешнице.

– Вот это нам подойдёт, – произнёс Мусьё, вытаскивая чёрную куртку из общей кучи.

– Надо ждать, надо ждать, – улыбаясь, ответил Салька и перехватил куртку у Мусьё.

Мусьё подмигнул Мяку и объявил:

– Салька, а у тебя всё барахло! Ничего путного я не вижу. Плохо стал торговать. Товар плохой.

– Как плохой? – удивился Салька. – Зачем плохой?

Он вытащил из последнего мешка красные штаны, встряхнул их и, показывая товар Мусьё, добавил:

– Твой красный.

Взгляд Мусьё сосредоточился на ярком. На его лице машинально проступило удивление и предвкушение чего-то приятного и радостного.

– Красные штаны, – произнёс он и на несколько секунд замер, созерцая сильно помятую вещь.

Мяк неодобрительно замотал головой, но, вспомнив наставления Мусьё, прекратил всякие движения, кроме кивков. Салька, приговаривая: «Красный, твоя», старческими руками попытался разгладить штаны, выровнять красную ткань. Вид товара от этого не улучшился, но манипуляции старика всё-таки вывели Мусьё из состояния заворожённости. Мусьё сосредоточился и произнёс:

– Подумаешь: красные! Но не новые – быстро протрутся.

– Как быстро? Как быстро? – загулил старик. – Крепкая. –

Он несколько раз перевернул штаны, показывая довольно крепкую ткань. – Будет довольна. Будет довольна.

Мусьё нарочито поморщился и объявил:

– Всё-то у тебя крепкое, но старое. Как проверить? Возьмёшь вещь, а она развалится.

Старик сильно задумался, подёргал штаны, показывая, что швы не расходятся, и ответил:

– Не хочешь красный. Почему?

Мусьё отвернулся от вещей Сальки и взглянул на Мяка. Тот, следуя указаниям, кивнул.

– Хорошо, возьмём красный, но с большой скидкой. Красный, кроме нас, никто не возьмёт.

Старик радостно засуетился и, улыбаясь, назвал цену:

– Пять.

– Пять много, – ответил Мусьё, – возьмём за один.

– Один совсем мало будет, – не прекращая улыбаться, ответил Салька.

– А сколько не мало? – спросил Мусьё.

– Два, – услышал он в ответ.

Мусьё повернулся в сторону Мяка, подмигнул ему и спросил:

– Два – не много?

Мяк кивнул.

Мусьё заплатил за штаны и передал товар Мяку.

– Будет твой Профессор доволен! Профессор в красных штанах – это класс!

Мяк удивился этим словам и сначала никак не среагировал на «Профессор в красных штанах», затем, пощупав плотную ткань, занервничал и недовольно проворчал:

– Я думал, что это ты себе берёшь.

– Себе? – теперь удивился Мусьё. – Мы же Профессора одеваем.

Салька, улыбаясь, внимательно наблюдал за происходящим и, попав в паузу, спросил:

– Ещё надо?

– Надо, надо, – ответил Мусьё и, так, чтобы не слышал старик, только одними губами объяснил Мяку: – Возьмём по дешёвке. Дёшево. Сэкономим.

Мяк, поморщившись, кивнул и подумал:

«Ничего, пусть будут красные – под длинным плащом не заметно».

Минут через пятнадцать, сильно поторговавшись, они приобрели чёрную куртку, и дело осталось за обувью.

– Сапога нет, – ответил им Салька, когда Мусьё объяснил, какая обувь им нужна.

– Салька, ты же местный, всё можешь! Найди нам ботинки, – настаивал Мусьё.

– Я местный, ты местный. Сапога нет, – упрямо ответил старик и, прекратив улыбаться, добавил: – Иди к Шузка – там сапога.

– Ладно, старик, уговорил, – ответил Мусьё и, довольный окончанием торга с Салькой, произнёс: – Пошли за обувкой.

Шузка торговала в самом центре рынка, рядом с большой часовой лавкой. Крупная, ещё не старая женщина знала себе цену и цену своему товару. Мусьё скромненько и, пожалуй, несколько стеснительно поздоровался с ней и сразу же представил Шузке своего спутника.

– Приветик, Шузка, а это Мяк. Нам ботинки для Профессора надо бы...

Шузка, не глядя на Мусьё, изучающе осмотрела Мяка с ног до головы и, видимо, довольная мякинским видом, ответила:

– Смотрите, выбирайте. Я ерундой не торгую. Всё фирменное.

Мяк пристально осмотрел прилавок с обувью, остановился на добротной зимней паре и, взглянув на Мусьё и получив от него одобрителный кивок, спросил:

– Это почём?

– Это? – по-деловому переспросила Шузка и, приподняв правый ботинок, ответила: – Отдам за десять. Меньше не могу, самой за... – Она хотела ещё что-то сказать, но передумала и просто спросила: – Берёте?

Мяк вопросительно взглянул на Мусьё, а тот, в свою очередь, взял с прилавка ботинок, осмотрел его со всех сторон, даже засунул ладонь внутрь и неуверенно спросил:

– Кожа?

– Фирменная, – без сомнения ответила Шузка.

– Ага, фирменная, – нехотя согласился Мусьё, но, осмелившись, добавил: – Сейчас так делают, что не отличишь.

– Не хочешь – не бери, – как отрезала, произнесла Шузка. – Вот твой товарищ не сомневается.

Мяк пожал плечами, взял в руки один из понравившейся пары ботинок, поскоблил ногтём краешек кожи и произнёс:

– Возьмём один за пять.

– А два – за десять, – уточнила Шузка.

– Нет, два не возьмём, – ответил Мяк. – Нам один нужен, у нас инвалид.

– Ну вы, ребята, даёте! – возмутилась продавщица. – Куда я второй дену?

Мусьё, немного ошарашенный предложением Мяка, быстро сообразил, в чём дело, и ответил:

– Потом продашь инвалиду – вот и выгода будет.

– Какому инвалиду, кочерыжка ты обглоданная, я продам? – загнула Шузка. – Я сейчас из тебя сделаю инвалида, сморчок сопливый! Берите, как сказала, или уматывайте отсюда.

Мяк понял, что конфликт следует прекратить, и произнёс:

– Мадам, мы купим два, а один за пять – это так, торговая шутка. Просим извинения, но у нас действительно имеется одноногий Профессор.

– Одноногий профессор! – громко повторила Шузка. – А мне какое дело, какой у вас профессор! Рассчитывайтесь за

два, или... – Она немного утихла и уже более спокойно продолжила: – Или позову дежурного. Он вас, шутников, ответит куда надо.

– Пардон, мадам, – вступил в разговор Мусьё. – Мы не хотели вас обидеть. Зачем дежурный? Мы мирные люди, просто покупатели. Хотели поторговаться, а оно вон как некрасиво вышло. Просим пардону!

– Ну ладно, – почти дружелюбно произнесла Шузка. – Так и быть: для инвалида продам... – Она прищурилась, глядя на Мяка, и объявила: – Для инвалида продам за восемь – меньше не могу.

Когда Мусьё расплатился с Шузкой и оба ботинка оказались в руках Мяка, он спросил:

– А шнурки? Где шнурки?

Продавщица недовольно повела плечами и ответила:

– Такие фирма доставила.

– Ага, – кивнув, произнёс Мяк и задумался, какой ноги не было у пришельца: правой или левой?

Мяк закрыл глаза, вспомнил, как пришелец шёл к нему, и определился. Он положил на прилавок левый ботинок, поблагодарил Шузку и, подхватив Мусьё за локоть, зашагал прочь от обувной торговой точки.

Ветер нагнал серые облака, небо потемнело, сверху посыпалась мелкая снежная крупа. Мусьё проводил Мяка к выходу, передал ему большую кошёлку с курткой и штанами для Профессора.

– Вот, ещё осталось. – Мусьё достал из кармана остатки денег и, протягивая их Мяку, добавил: – Наэкономили.

– Оставь себе, – ответил Мяк. – Это тебе за работу.

Мусьё сжал монеты в кулаке, засунул руку в карман брюк и, шмыгнув носом, ответил:

– Я пойду. Ещё поработать надо.

К вечеру пришелец был полностью облачён в подобающую одежду, и только красные штаны несколько тревожили Мяка – ярковатый низ не совсем соответствовал имиджу человека из либертории.

– Он у вас главный? – заикаясь, спросил пришелец, когда они увидели впереди сполохи огня.

Мяк остановился и задумался: «Действительно: кто же у них небритый?»

– Он старый, – ответил Мяк и добавил: – Раз старый – значит, главный.

– Да-да, – согласился пришелец. – Так должно быть, но так... – Он запнулся – то ли подбирая нужное слово, то ли от заикания. – Но так... – продолжил он, – ...не всегда бывает.

– Не всегда, – согласился Мяк. – Но здесь бывает.

– Пойдёмте, – продолжил он. – Меня ждут.

– А меня – нет, – ответил пришелец, прилаживая под мышки костыли. – Меня уже не ждут.

– Когда-нибудь будут, – произнёс Мяк, и они двинулись дальше.

Небритый неподвижно сидел у костра. Языки пламени

жадно пожирали деревянные обрезки от ящичков. Ветра почти не было, и пламя играло в темноте, огонь колыхался ровными струями и устремлялся вверх, обрываясь острыми кончиками чуть ниже головы небритого. Костёр ровно гудел, пока свежие дрова чернели под действием огня.

Сегодня ночью потеплело. С вечера мелкая снежная крупа подзасыпала старый снег. К ночи серые тучи нависли над городом, но снег прекратился. Небритое лицо сидящего было спокойно и равнодушно – даже когда он открывал глаза, оно ничего не выражало.

– Мяк, а ведь ты подлец, Мяк! – просипел небритый и открыл глаза. – Ты опять без фанфарика.

– Мы принесли, – ответил ему голос из темноты.

– Да ну? – отреагировал небритый. – Ты, Мяк, всё равно подлец.

– Да, – согласился голос.

Пламя разделалось с последним куском доски и стало затихать. Небритый пошевелился, дотянулся до очередной деревяшки и аккуратно положил её на жаркие угли.

– Мы принесли фанфарик, – повторил голос из темноты.

Небритый промолчал, снова закрыл глаза и замер у костра. Пламя обхватило кусок доски со всех сторон. Ярко-красные языки оторвались от чернеющей деревяшки и взвились с искрами вверх в темноту.

– У тебя хороший огонь, – произнёс голос. – Я знаю, что ты ответишь, но сегодня тихо, и поэтому сегодня хороший

огонь.

– Огонь всегда хорош, – ответил небритый и повернулся в сторону говорившего. – Что стоите? Грейтесь, – просипел он и снова погрузился то ли в сон, то ли в свои никому не известные думы.

Мяк с Профессором вышли из темноты и, не найдя ничего подходящего для того, чтобы присесть у огня, прислонились к стене.

– Огонь бывает разный, – тихо произнёс Мяк.

Небритый молча подбросил в огонь пару свежих обрезков досок и проворчал:

– Ты, Мяк, про огонь ничего не понимаешь, поэтому так и говоришь. Вот видишь, как пламя живёт, если есть чем жить. Как и у нас: есть фанфарик – живём, нет фанфарика... – Небритый тяжело вздохнул и продолжил: – Ну, в общем, вы знаете.

– Догадываемся, – ответил Мяк.

– Догорит – к Воне пойдём, – прохрипел небритый.

– Я не пойду, – заикнулся Профессор.

Огонь ярким пламенем устремился вверх, разогретые жаркими углями дрова потрескивали, шипели и в конечном счёте сдавались огню. Огонь действительно жил, двигался, играл языками пламени, поглощал новую порцию дров и умирал, когда красные угли таяли, превращаясь в горячую золу.

– А ты, Профессор, бунтовщик, – прохрипел небритый. –

Прибарахлился и бунтуешь – это нехорошо. Компанию не уважаешь.

– Уважаю, – заикаясь, ответил пришелец.

– Он уважает! – с сомнением прохрипел небритый и добавил: – Уважает, а к Воньке не идёт. Как это понимать?

От свежих дров костёр разгорелся довольно сильно. Пламя гудело, вырывалось из-под чернеющих обрезков и обрывалось рваными сполохами на уровне глаз небритого.

– Гудит, – просипел небритый.

– Хороший огонь, – согласился Мяк. – Хорошие дрова, и огонь хороший.

Небритый промолчал, ладонью заслонил от яркого пламени глаза и пошевелил длинной палкой горящие обрезки. Из костра посыпались искры; некоторые из них, подхваченные горячим потоком, взлетали высоко вверх и гасли там, в темноте.

– Профессору она не понравилась, – произнёс Мяк.

– Не понравилась? – спросил небритый.

Мяк ответил за пришельца:

– Да, не понравилась.

– Ну-ну, – проворчал небритый. – Ему не понравилась Вонька! А мне она понравилась? – и небритый сам себе ответил: – Не понравилась. Однако я хожу, и ты, Профессор, будешь ходить. Свыкнешься.

Пламя превратило деревяшки в красные угли. Свет от огня потускнел, а жар прибавился. Небритый привстал и ото-

двинулся от костра.

– Не надо помнить плохое, надо помнить хорошее – тогда будет чем жить, – произнёс он и спросил: – Ты, Профессор, должен помнить хорошее – ты же хочешь вернуться. Хочешь?

Пришелец, прижавшись к стене, открыл рот и с трудом выдавил из себя:

– Да.

Небритый встал, снова поправил костёр. Красные угли таяли. Синие, короткие сполохи пламени ещё некоторое время вились над ними, постепенно исчезая. Костёр умирал. Оставалось только тусклое сияние красных угольков на чёрном фоне. Ночная темнота брала своё.

– Пошли, – прохрипел небритый и, медленно ступая по тропочке вдоль стены, двинулся прочь от кострища.

– И этого привели! – Воня, оглядев гостей, недовольно ретировалась в глубину комнатушки.

– Не ворчи, хозяйка, принимай гостей, лысый глаз! С фанфариком, лысый глаз!

– Много вас, а фанфарик, небось, один, – заключила хозяйка и поправила свечу на комод.

– А постояльца ты не жури. – Небритый подошёл к комоду и, потерев остаток волос на голове, дополнил свою мысль словами: – Не журился, Вонька, не журился, а посуду нам подай скорей.

– Проходите уж, – отозвалась Воня и ушла в тёмный угол

за посудой.

Через минуту она возвратилась с двумя кружками в руке.

– Больше нет, – произнесла она, вопросительно глядя на небритого.

– А стакан? Воня, где стакан? – прогудел тот.

– Стакан Нудка забрал, – ответила Воня. – Прибежал, весь нервный, и забрал. Сказал, что обижают его.

– Обижают? – переспросил небритый.

– Сказал, что обижают, – повторила хозяйка.

– Слышь, Мяк, Нуду обижают! Вот новость-то! – прохрипел небритый. – Доставай – что ж мы тут стоять-то без толку будем!

Мяк достал большой фанфарик, поставил его рядом с кружками и предложил:

– Надо бы Нуде оставить. Для снятия обиды.

– Вот ещё! – возразила Воня. – Я ему говорила: не нуди ты на своей базе. Клянчит у всех без разбора. Надоел, наверное.

– Нуда надоесть может, – подтвердил небритый, откупоривая бутылку. – Останемся без колбасы, лысый глаз! – Он налил в кружки светло-коричневую жидкость и продолжил: – База – вещь серьёзная. Я правильно говорю, Профессор?

Пришелец вздрогнул от обращения в свой адрес и, прижавшись к столешнице, ответил:

– Я не знаю. Я... – Он попытался дополнить свой ответ, но на «я» застрял и еле-еле выговорил: – Не был...

Мяк объяснил, что хотел сказать напарник:

– Он на базе не был.

– Ага, – прохрипел небритый. – Я тоже не был. Держи кружку, Профессор.

Пришелец с испугом заглянул в кружку, которую ему подвинул небритый, и, разглядев тёмную жидкость, заполнявшую половину кружки, тяжело вздохнул.

– Я не... – Он, видимо, хотел отказаться от своей порции, но небритый знаком остановил его попытку что-либо выговорить.

– Ты, Профессор, не бойсь! Это для организма полезно. Да и коллектив тебя из уважения просит. Пей, я вот с тобой чокаюсь. – Небритый поднял вторую кружку и легонько стукнул ею о кружку Профессора.

– Я не... – Пришелец возобновил свою попытку отказаться, но небритый его перебил:

– За твои обновки, Профессор! Не тяни, пей, а то носиться не будут!

Пришелец, ища поддержки, взглянул на Мяка и замотал головой. Мяк взял кружку, предназначенную Профессору, и залпом выпил её.

– Мы ему потом нальём – пусть сосредоточится, – произнёс Мяк, возвращая пустую кружку на стол.

– Пусть, – недовольно прохрипел небритый и медленно осушил свою кружку. Затем снова наполнил посуду спиртным и произнёс: – Воня, это тебе с Профессором. Если хо-

тите, то на брудершафт, лысый глаз!

Пришелец совсем растерялся. Пытаясь отстраниться от комода, он уронил один костыль, судорожно зацепился рукой за край столешницы и промычал что-то невнятное.

– Ты, Профессор, не трясись. Напиток достойный. Мы тебя уважаем. Давай с Воней осуши.

Пришелец отчаянно схватил кружку и, торопясь, заглотил содержимое. В конце поперхнулся, еле удержал посуду в руке, покачнулся, и Мяку пришлось его поддержать.

– Молодец! – прохрипел небритый. – Вот, Воня, молодец у нас Профессор, лысый глаз, а ты ворчишь на него!

– Я не ворчу, он сам не хочет. – Воня прихватила кружку и, словно жажда мучила её последние несколько дней, торопливо проглотила свою порцию, утёрла рот рукавом, благостно вздохнула и, оглядев присутствующих, заявила: – Нас всякий обидеть может. Только Мякушка не обижает. А ты... – она обратилась к небритому, —.. придираешься.

– Придираюсь, – согласился небритый и в третий раз наполнил кружки. – А ты не обижайся. Вот, лучше выпей.

– «Не обижайся, не обижайся», – загнусавила Воня. – А как же не обижаться? Живу одна. Никто не хочет с одинокой поселиться.

Воня быстро выпила вторую кружку, шмыгнула носом и снова пожаловалась:

– Всегда одна. Вот ты... – Она обратила внимание на пришельца: – Вот ты, Профессор, меня не уважаешь? Не уважа-

ешь, я знаю. Мякушка тебя мне подсунул, а ты? А ты... – Она безнадежно махнула рукой и замолчала.

Небритый осушил до дна свою кружку, прокашлялся, хмуро осмотрел компанию и, снова наполняя напитком опустошённую тару, прохрипел:

– Не знаю, чего ты плачешься! Фанфарик есть, компания есть. Чего же ещё?

Небритый уставился на Воню, долго смотрел на неё и, переведя взгляд на пришельца, спросил:

– Профессор, ты же умный – скажи: чего же ещё?

Пришелец еле держался на одной ноге. Он уже полностью облокотился о столешницу, низко уронил голову и, по всей видимости, плохо расслышал вопрос небритого. Он попытался приподнять голову и взглянуть в сторону говорившего. Это на мгновение ему удалось – он даже неожиданно улыбнулся, а затем голова его снова склонилась над столом.

– Да-а... – прохрипел небритый. – Ты, Профессор, не знаешь, чего же ещё? Никто здесь не знает. Пей и молчи.

Мяк подвинул кружку к себе и проворчал:

– Ты Профессора не беспокой. Он утомился – еле стоит. Его бы надо уложить.

– Уложить? – просипел небритый. – Уложить, так уложить. Вонька, уложай Профессора, лысый глаз!

Хозяйка взглянула на бутылку и ответила:

– Ещё рано. Фанфарик ещё не кончился.

Небритый вскинул голову и грозно прохрипел:

– Для Профессора кончился. Видишь, мается он, лысый глаз!

Воня, ни на кого не глядя, подвинула к себе кружку и быстро выпила содержимое:

– Вы привели – вы и укладывайте.

– Вот зараза, лысый глаз! – проворчал небритый. – Мяк, давай его отведём. Положим учёного. Сам-то он никудышный нынче, лысый глаз!

Они несколько минут возились с пришельцем, оторвали его от комода, подхватив под руки, протащили к Вонькиному дивану и, запыхавшись, плюхнули тело Профессора на рыхлую тёмную поверхность. Мяк следом поднёс костыли и положил их рядом на пол.

– Надо идти, – предложил он и, обращаясь к небритому, добавил:

– Допивай и пойдём.

Небритый взглянул на Мяка, на Воню, которая, стоя у комода, раскачивалась из стороны в сторону и что-то мурлыкала себе под нос.

– Уже поёт, – произнёс небритый. – Значит, нам пора, и остатки Нуде принесём. – Он подхватил фанфарик, заткнул горлышко пробкой и сунул бутылку в карман куртки.

Около часа они добирались до Нудиного подвала. Небритый несколько раз останавливался, проверял, цел ли фанфарик в кармане, ворчал, жалуясь на темень и сырую погоду, ругал Воню, Нуду и всё, что мешало ему идти по тёмным

переулкам в сторону либертории. Мяк поддакивал ему, не спорил, соглашался с несколько странными доводами небритого и, как правило, хвалил его за мудрость и правильность суждений обо всём.

В подвале было тускло и холодно. Нуда сидел на стуле и мотал головой, словно не соглашался с кем-то.

– Ну и холодно у тебя! – произнёс Мяк, приближаясь к столу. – Почему не топят?

– Не знаю, – равнодушно ответил Нуда. – Труба холодная с утра.

– Погрейся. – Небритый выставил бутылку на стол и продолжил:

– Мы тебе фанфарик принесли.

Нуда перестал мотать головой, встал и подошёл к столу.

– Да, погреюсь, – ответил он и достал откуда-то снизу стакан, налил себе спиртного, медленно выпил и тихо произнёс: – Меня с базы того... Вот... – И он показал синяк под глазом. – Прямо в переходе...

Небритый хмыкнул – то ли от удивления, то ли от жалости к Нуде – и, кряхтя, расположился в своём кресле.

– Обидели, значит, лысый глаз! – прохрипел небритый. – А ты радуйся. Радуйся, что глаз цел, а база и переход твой – ну их, лысый глаз! Пойдёшь на мусорку вместо Злыки.

Нуда промолчал, отошёл от стола и улёгся на матрас. Он несколько раз переворачивался с боку на бок, в конечном счёте лёг на спину и заговорил:

– Никуда не пойду. Буду Мяку на вокзале помогать. Я много чего могу. Могу носить чего-нибудь, могу помогать по хозяйству. Могу на подхвате...

Он на несколько секунд задумался над тем, что же может, и продолжил:

– Могу даже ухаживать за кем-нибудь. Был же я когда-то...

– Когда-то все мы были, – перебил его небритый. – Были когда-то, а теперь не стали. Что, не хочешь на мусорку идти?

– А что я там не видел, на мусорке вашей? Работа вредная, чистоты нет. Не резон мне там ошиваться.

– Смотри-ка, Мяк, не резон ему! – прохрипел небритый. – Непыльную работёнку ему подавай!

– Да, непыльную. Я уж здесь который год – привилегии должен иметь, а вы меня на мусорку! Злыка и то хотел уйти оттуда, а я что, хуже Злыки? Что, хуже?

Нуда резко поднялся с матраса, кинулся к столу, вылил в стакан остатки содержимого бутылки и залпом выпил.

– Обидеть хотите мусоркой... Обидеть? – Нуда сгорбился и, скрючившись, снова улёгся на матрас.

– Ну поспи, поспи, обиженный, – прохрипел небритый и закрыл глаза.

Мяк потрогал рукой трубу в нескольких местах и, убедившись, что она везде одинаково холодна, сел на стул и, скрестив руки на груди, задремал. В дрёме вспомнил он свою обиду у дядьки.

Мякинский дядька жил с семьёй в маленьком городке на берегу реки – не очень большой, но и не маленькой. Летом по реке ходили малые судёнышки, перевозили и людей, и грузы разные, помогали железной дороге снабжать население разнообразными необходимостями. На реке рыбалка была, но не промысловая, а так – для любителей. Дядька рыбалку любил, и, как выдавалась свободная минутка, так он и на рыбалку. Изредка брал он с собой и Мяка, и сынишку – пытался приручить к своему любимому занятию. И вот такой случай произошёл.

Собрались они втроём на рыбалку. Дядька червей отменных в саду накопал, снасти приготовил, поручения сыну и Мяку выдал, что кому прихватить с собой. Погрузились они рано поутру в лодку и пошли против течения в те места, где полагалось хорошей рыбе быть. Течение на реке приличное, не давало оно возможности выгрести лодку против него – и приходилось толкать, тащить посудину вдоль берега через перекаты по грудь в воде, а то и выше. Добрались рыбаки через час до заветного места, бросили якорь, удилища размотали – хватать, а червей нет! Баночка с отменными червями отсутствует в лодке, словно её и не было здесь никогда.

Дядька на Мяка:

– Забыл? Как же забыл? Как рыбалить-то без червей?

Дядька на парня сердится, а парень-то помнит, что не ему поручали червей не забыть взять. Сынишке своему дядька это дело поручил.

Сидит Мяк в лодке, слушает дядькины упрёки, и обида его берёт всё больше – хоть из лодки в воду прыгай и за червями назад в город плыви несколько километров. Парень хочет дядьке возразить, что не он виноват, а сынишка его, но не может – дядька сердитый не поверит ему, а этот сын-забывалкин тихо сидит и виду, что виноват, не подаёт.

У дядьки сердитый запал поутих понемножку, и соображает он, что червей где-то добыть надо. И поручает он Мяку сойти на берег и порыскать червей где-нибудь на берегу, а они с сыном подождут его, посидят в лодке.

Выбрался Мяк на топкий берег. В болотину забрался и больше часа ковырялся голыми руками в болотной траве, набрал в баночку червей и жуков болотных, на лодку вернулся, и с этой наживкой кое-как рыбалка продолжилась, но удовольствия у парня от этой рыбалки не было. Как, впрочем, и от всего житья у дядьки.

Мяк задремал, и сны ему снились, менялись сюжеты и не запоминались. Сидя спалось не очень – он часто просыпался оттого, что чуть ли не падал со стула, а под утро прозяб основательно, встал, оглядел спящую компанию и выбрался наружу.

Погода за ночь не улучшилась, утро выдалось тёмное, небо всё сплошь в темно-серых облаках.

«Надо идти за напарником», – решил Мяк и, по ходу разминая затёкшие за ночь суставы, зашагал к Воне.

Он долго стучал в дверь, но Воня не открывала. Он даже

подумал, что они с пришельцем куда-то подались спозаранку. Через минуты три упорного стука за дверьми послышалось какое-то движение.

– Чего надо? – раздался заспанный голос Воня.

Мяк ответил, что пришёл к Профессору, то есть зашёл проведать.

Воня что-то проворчала, не открывая дверь, и ответила:

– Профессор отдыхает.

Очень удивился Мяк и не сразу сообразил, как на это отреагировать.

– Воня, – спросил он. – А работать сегодня он будет?

За дверью с минуту молчали, затем он почувствовал какое-то движение и услышал голос Профессора. Заикаясь, тот произнёс довольно длинную фразу:

– У меня сегодня выходной. Я могу иметь выходной?

«Можете», – подумал Мяк и, ничего не ответив, направился к вокзалу.

У вокзала с левой стороны – со стороны складов – развернулась мелкая торговля. На самодельных прилавках в основном торговали пожилые женщины – предлагали разнообразный товар сомнительного происхождения. Сегодня было воскресенье, и стихийный рынок обещал оживлённую торговлю.

Мяк не спеша двинулся вдоль прилавков, отмечая про себя, где товар более-менее, а где барахло и дрянь всякая. Торговали всем подряд – от шмоток до консервов овощных да

фруктовых. Он подошёл к одной из бабулек, на прилавке которой стояло несколько банок то ли с вареньем, то ли ещё с чем-то тёмным.

– Сынок, вот бери смороду. Сплошные витамины! – услышал он голос продавщицы и снова вспомнил, как вместе с дядькой торговал смородиной.

В тот год смородины назрело видимо-невидимо. Урожай образовался сверх меры богатый. Дядька не успевал перерабатывать ягоды. Ни сил, ни тары под это дело уже не хватало, и было решено остатки смородины продать на рынке. Таких умных в городе оказалось много – у всех урожай знатный был. Как только они с дядькой расположились на выделенном месте, стало ясно, что смородины на рынке завались, а покупателей немного.

Простояли они с дядькой уж часа два, а торговля совсем не идёт, да и у соседей со смородиной та же петрушка. Переизбыток товара образовался на рынке. Скучно стало дядьке без толку стоять с полными корзинами ягод, и решил он Мяку на ухо задание нашептать: надо, мол, самых крупных ягод отобрать из корзин и в лоток подсыпать – вид товару создать более привлекательный. Пришлось Мяку под прилавком потрудиться: крупные ягоды выбрать из корзин и в лотки на прилавок сверху подсыпать. Дядька доволен остался: товар выглядеть стал значительно лучше, а главное – покупатели начали задерживаться у дядькиного прилавка и изредка покупать смородину. А Мяку от этого труднее стало на рынке

пребывать: ранее он просто стоял рядом с дядькой и просто наблюдал за происходящим – ведь в первый раз пацан на рынок попал, всё интересно! А теперь сидел он под прилавком на корточках и ягоду, что покрупнее, выбирал из корзины и подавал дядьке. Корзины тяжёлые – трясги их, чтобы ягоды крупные наверху оказались, тяжело ему стало. Через час такой работы запарился парень. Торговля наверху, на прилавке, постепенно наладилась, покупатели у дядьки чаще стали появляться – всем хотелось ягоду покрупней приобрести. Со временем содержание корзины убавлялось, настроение у дядьки улучшалось, пацан работает, покупатель покупает – торговая идиллия наступила!

Утомился пацан с ягодами разбираться, оторвался от корзины, поднялся, спину разогнул, рядом с дядькой оказался за прилавком и решил немножко передохнуть от нижней работы. Дядька доброжелательно смотрит на него, кивает, одобряет его труды и понимает, что парню передых требуется.

– Ну что, сынок, смороду берёшь? – услышал Мяк от старушки.

Он пошарил в карманах, нашёл там несколько монет и спросил:

– Вот та, маленькая, почём?

Старушка тронула баночку рукой, взглянула на Мяка и ответила:

– Тебе, сынок, почти что задаром отдам. Сколько у тебя есть?

Мяк раскрыл ладонь и показал всё, что у него есть.

– Маловато, сынок, – отреагировала старушка.

Мяк пожал плечами и, спрятав монеты в карман, ответил:

– Больше нет. Не заработал.

Он внимательно оглядел всё, что выставила бабка для продажи, и, вздохнув, решил двинуться дальше.

– Стой, погоди! – услышал он, не успев отойти от прилавка. – Давай твою цену и забирай смороду-то. Поди, смороду любишь?

Мяк остановился, достал монеты и положил их на прилавок. Старушка протянула ему баночку с вареньем и снова спросила:

– Смороду любишь?

– Это память о детстве, – ответил Мяк и положил баночку в карман.

– Кушай, сынок, на здоровье, – произнесла старушка и, вздохнув, добавила: – Детство – это хорошо. Ох, давненько это было!

До обеда Мяк прилично наработался – в карманах улеглось довольно мелочи и купюр. В полдень появился дежурный, и Мяк расплатился с ним по двойному тарифу. После обеда он ещё немного постоял на своём месте, через час заскучал, стараясь быть незаметным, побродил по вокзалу, подумал: «Может быть, заменить Профессора на Нуду?» и, ничего не решив, вернулся в свой угол.

Вихрастого из конторы с какой-то подружкой он заметил

сразу: тот внезапно появился у дальнего входа и, поддерживая спутницу за талию, оживлённо что-то ей объяснял. Спутница, стреляя глазками, была очень довольна вихрастым, часто улыбалась его словам, одобрительно кивала и с восторгом сверлила его широко раскрытыми глазами.

Мяку буквально несколько секунд было достаточно, чтобы сразу понять, что вихрастый со своей девицей неминуемо пройдёт мимо него и Мяку никак не удастся избежать встречи с этой парочкой. Он опустил голову и, стараясь не смотреть в сторону вихрастого, затаился в своём уголке. Вихрастый увлечённо продолжал вещать нечто весёлое и занимательное своей подружке и в то же время энергично двигался вдоль витрины буфета в мякинскую вотчину. Поравнявшись с Мяком и мельком взглянув на странного бездомного с табличкой на груди, он остановился, посмотрел на него более внимательно – и, к неудовольствию Мяка, на лице вихрастого появилось удивление. Он даже приоткрыл рот и сразу хотел что-то сказать, но подружка в нетерпении дёрнула его за руку. На что вихрастый несколько раздражённо остановил её, отлепился от её талии и развернулся прямо лицом к странному бездомному.

– Мякин, это Мякин! – радостно заорал вихрастый. – Ты смотри! – потеревил он подружку. – Это же Мякин!

Подружка, взглянув на бездомного, скривила лицо и, выдавив из себя нечто вроде «фи», снова дёрнула вихрастого: – Пойдём. Нам пора.

– Постой, – отмахнулся от неё вихрастый. – Это же Мякин!

Мяк понял, что просто так от вихрастого не отделаться. Он машинально представил себе, что произойдёт, если он признается, и изобразил из себя пугливого дебила.

– Мне здесь можно, – прохрипел он, подражая голосу небритого, и, немного заикнувшись, повторил: – Здесь можно.

Вихрастый от этих слов опешил и, нахмутив брови, опустил взгляд вниз – на мякинскую коробочку, в которой сиротствовали всего три монетки.

– Очень похож, – растерянно произнёс вихрастый и неуверенно продолжил: – Простите, мы обознались.

Мяк прищурился и не мигая уставился на спутницу вихрастого.

– Мне надо, – прохрипел он, обращаясь к девице, и протянул ей ладонь.

– Дай ему что-нибудь и пойдём, – проворковала подружка и отвернулась от бездомного.

Вихрастый бросил в коробочку пару монет, несколько искусственно улыбнулся, подхватил подружку и скоренько удалился из зала. Настроение у Мяка испортилось, торчать в уголке с коробочкой более не хотелось, и он бросил это занятие, прикупил небольшой фанфарик и подался в Нудин подвал.

Помещение встретило его крошечной темнотой, Мяк на

ощупь нашёл холодную трубу и вдоль неё пробрался внутрь к самому Нудиному месту. Тишина и глухая темень окружили его, и Мяк некоторое время стоял у стола и соображал: что же делать дальше?

Он тихонько спросил:

– Есть кто живой?

Ответа не последовало. Мяк пошарил руками по столу, нашёл фонарь, включил его – и небольшое пространство около стола осветилось слабенькой лампой.

«Не сменил Нуда батарейки», – подумал Мяк и огляделся.

Всё Нудино хозяйство было на месте, только ни самого Нуды, ни остальных обитателей либертории окрест не наблюдалось. Мяк выставил фанфарик на стол, задумался, стоит ли хлебнуть горячительного, всё-таки решил сегодня обойтись без фанфарика и устроился на одном из матрасов. Холод от Нудиного ложа проник в мякинское тело – он повернулся набок, скрючился так, чтобы тело заняло как можно более компактный объём, и вспомнил, как ложился спать у дядьки в каморке, где ему была выделена старая оттоманка. Лежбище для пацана представляло собой весьма некомфортный вид. Промятая предыдущими пользователями поверхность при каждом движении молодого тела вгрызалась пружинами в мягкие ткани организма. Юный Мякин со временем привык к экстремальному сну и умудрялся высыпаться с минимумом поворотов с боку на бок.

Мяк ещё плотнее прижал колени к животу, покрепче об-

нял себя руками и на несколько минут провалился в сон. Лежит он будто бы на своей оттоманке и вспоминает, как опрятная старушенция подошла к дядькиному лотку со смородиной, как попросила взвесить ей полкило покрупней и как дядька услужливо насыпал ягоду в бумажный куль. Старушенция подозрительно взглянула на весы, заглянула в кулёк и строго произнесла:

– Вы насыпали мне мелкой. Разве я это просила?

– Разве она это просила? – повторил Мяк и вытянул ноги.

Ноги прозябли основательно, и Мяк проснулся. Он сел на матрасе, достал баночку с вареньем и открыл её. Запах смородины напомнил ему дядькин сад, уборку урожая и дядькины заготовки. Мяк прямо из банки попробовал варенье, немного удивился тому, что оно не загустело, как бывало у дядьки к середине зимы, и маленькими глотками не спеша опустошил всю баночку. Затем он встал, поставил банку на стол, обратил внимание на то, что на дне и на стенках ещё оставалось немного варенья, и решился на потребление в малой дозе фанфарика. Спиртное из бутылки в смеси с остатками варенья на вкус оказалось довольно приятным. Мяк, смакуя, выпил всю баночку, для сугрева немного помахал руками, поприседал рядом со столом, засунул бутылку со спиртным в карман и выбрался наружу.

С юга поддувал слабенький ветерок, небо было закрыто облаками, и чувствовалось грядущее очередное потепление. В эту зиму настоящей зимы ещё не было. Такие зимы старо-

жили называли сиротскими, и Мяк подумал:

«А ведь я и есть сирота», – и он вспомнил, как дядька однажды сказал: «Ты, парень, молодец. Вот мать бы обрадовалась, царствие ей небесное».

Языки пламени быстро пожирали деревянные обрезки от ящичков и прочего хлама. Старик сидел у костра. Огонь жадно расправлялся с деревяшками. Издалека казалось, что костёр живёт сам по себе, и, только когда небритый открывал глаза и подбрасывал новую порцию дров, становилось понятно, что старик и костёр – одно целое. Мяк любил наблюдать за этой парочкой и всегда, прежде чем приблизиться к кирпичной стене, несколько минут стоял поодаль, тихо размышляя, о чём думает небритый, старожил этих мест. Может быть, он вспоминает, мысленно перебирает изо дня в день эпизоды своей жизни в либертории, а может быть, думает о своём детстве – ведь было же у него когда-то детство.

Небритый пошевелился, открыл глаза, аккуратно положил на раскалённые угли обрезок доски, и Мяк подумал:

«Вот и я когда-нибудь буду в одиночестве сидеть у костра. Интересно, о чём я тогда буду думать? Может быть, только об огне? Интересно, подойдёт ли ко мне кто-нибудь, и кто это будет? Новый Мякин, которому я скажу: “Подлец ты, братец, опять без фанфарика явился?”»

Новый обрезок доски задымился, языки пламени сначала нехотя облизили его, а затем охватили деревяшку со всех сторон. Почернела доска, потрескалась с краёв, и не было

у неё шансов сопротивляться огню. Мяк почувствовал, что холод проник под его одежды, и, осторожно ступая по мокрому снегу, сделал несколько шагов к костру. Небритый, не открывая глаз, прохрипел:

– Подлец ты, Мяк! Опять явился без фанфарика.

– Принёс, – ответил ему голос из темноты.

– Да ну! – отреагировал небритый. – Ты, Мяк, всё равно подлец!

– Да, – согласился голос.

Пламя разделалось с последним куском доски и стало за-тихать. Небритый пошевелился, дотянулся до очередной деревяшки и аккуратно положил её на жаркие угли.

– Я принёс фанфарик, – повторил голос из темноты.

Небритый промолчал. Он снова закрыл глаза и замер у костра. Пламя обхватило кусок доски со всех сторон. Ярко-красные языки оторвались от деревяшки и взвились с искрами вверх в темноту.

– У тебя хороший огонь, – произнёс голос. – Сегодня особенно хорош.

– Огонь всегда хорош, – ответил небритый и повернулся в сторону говорившего. – Что стоишь? Грейся, – просипел он и снова погрузился то ли в сон, то ли в свои никому не известные мысли.

Мяк вышел из темноты и, не найдя ничего подходящего для того, чтобы присесть у огня, прислонился к стене.

– Огонь бывает разный, – тихо произнёс он.

Небритый молча подбросил в огонь пару свежих обрезков досок и проворчал:

– Ты, Мяк, про огонь ничего не понимаешь, поэтому так и говоришь. Видишь, как живёт пламя? Оно живёт, если есть чем жить. Так и у нас: есть чем жить – живёшь, а если нет... – Небритый тяжело вздохнул и продолжил: – Я думаю, если есть надежда на что-нибудь, то и живёшь. Ну, в общем, ты и без меня знаешь.

– Догадываюсь, – ответил Мяк.

– Догорит – к Нуде уйдём, – прохрипел небритый.

– А почему не к Воне? – спросил Мяк.

Огонь ярким пламенем устремился вверх, разогретые жаркими углями дрова потрескивали, шипели и сдавались огню. Огонь жил, двигался, играл языками пламени. Костёр от свежих дров разгорелся, пламя гудело, вырывалось из-под чернеющих обрезков и обрывалось вверху рваными сполохами.

– Гудит, – просипел небритый.

– Хороший огонь, – согласился Мяк. – А всё-таки, что с Воней?

Небритый ответил не сразу – он ладонью заслонился от яркого пламени и пошевелил длинной палкой горящие угли. Искры посыпались из костра. Некоторые из них, подхваченные горячим потоком, устремились вверх и там гасли в темноте.

– У Вони теперь твой Профессор, лысый глаз, – проворчал

небритый. – А мы теперь не то... лысый глаз!

Мяк отступил от сильного огня и согласился:

– Да, мы не то... Мы без цели, а у Профессора есть цель.

Пламя костра начало затихать. Нebrитый открыл глаза и долго не мигая смотрел на огонь.

– Пойдём к Нуде, – прохрипел он. – Там с фанфариком одружимся, лысый глаз!

Мяк пощупал бутылку в кармане, поправил её и ответил:

– Труба холодная, и никого нет.

Небритый ещё раз пошевелил костёр, повернулся к Мяку, прищурился, глядя на него, словно проверял, правду ли он говорит, и прохрипел:

– Нам больше достанется. А Нуда, наверное, новое место ищет. Футляр мой потерял, лысый глаз!

Небритый машинально подбросил в костёр несколько обрезков – пламя вновь занялось.

– А какая цель у него? – спросил он, глядя на огонь.

– У кого? – переспросил Мяк.

Небритый, кивая в сторону огня, ответил:

– У него.

Мяк задумался. Он протянул руки к огню, будто хотел ладонями погладить пламя, и ответил:

– Чтобы греть.

– Чтобы греть, – медленно повторил небритый и добавил: – Греть нас, не перегреть, лысый глаз! Всех греть и всем светить. Так, что ли?

Мяк угукнул в ответ.

– И Воньку, и Профессора, и тех, что Злыку и Нуду побрили? – спросил небритый.

Мяк потёр разогретые ладони друг о друга и ответил:

– Всем нужны свет и тепло.

– Да, – согласился небритый. – Только мы ему не нужны, и цель у него другая.

Костёр догорал. Небритый тихо сидел и молча шевелил угли. Россыпи красных звёздочек вспыхивали и постепенно гасли в тёмной золе.

– Он сам по себе, – прохрипел небритый. – Горит для себя. Горит и живёт, лысый глаз! Совсем как мы. Слышишь, Мяк, совсем как мы!

– Да, – ответил Мяк и повернулся спиной к костру. Мякинская спина у стены немного прозябла.

Костёр окончательно погас, и уже через полчаса они проникли через лаз в Нудин подвал. Небритый проворчал:

– Темень, лысый глаз, у этого Нуды! Где этот любитель просрочки?

Мяк потрогал в нескольких местах трубу и произнёс:

– Труба холодная. Холодно будет.

– Будет, – просипел небритый и на ощупь двинулся в сторону Нудиного угла.

Когда они добрались до стола, сонный голос откуда-то снизу спросил:

– Кто здесь?

– Свои, – прохрипел небритый и добавил: – Свои, лысый глаз, а вот ты кто?

В темноте почувствовалось некоторое шевеление, и кто-то, прокашлявшись, объявил:

– Нуда я – что, совсем не узнаете?

– Темень тут у тебя, лысый глаз! Тут и себя не узнаешь. Где фонарь? И фонарь потерял, что ли?

– Фонарь на столе... Горит слабо, – последовал ответ.

– Сам ты слабо горишь, лысый глаз! – проворчал небритый, и было слышно, как он плюхнулся в кресло. – Совсем людей не уважаешь, без огня встречаешь, лысый глаз!

– Я на бюллетене, – ответил Нуда и загундосил: – Мне бюллетень дали, а вы не понимаете! Я теперь при работе – словорубщик я на кладбище. Вот как.

Мяк нашёл фонарь, и слабенький желтоватый свет появился на небольшом пространстве в центре стола.

– Ну и огонь, лысый глаз! – прохрипел небритый. – Ты, Нуда, не блюдёшь своё имущество, фонарь твой еле-еле.

– У меня бюллетень, говорю вам. Бюл-ле-тень, – по складам повторил Нуда. – Мне лечиться надо, а вы про фонарь.

– Вылезай! – прохрипел небритый. – У нас фанфарик, будем тебя лечить.

– Мне нельзя, бюллетень у меня, – последовал ответ, и Нуда, оторвавшись от своего лежбища, появился у стола. – Вот. – Он показал средний палец левой руки, плотно обмотанный бинтом.

– Ещё один инвалид! – проворчал небритый. – Ну, Мяк, мы с тобой одни остались. У остальных бюллетень. Доставай фанфарик – чего уж теперь тянуть-то.

Мяк выставил бутылку на стол, подвинул к себе баночку, которую он оставил здесь недавно, и наполнил её. Нуда пристально наблюдал за его действиями и, похоже, даже сглотнул слюну, когда баночка наполнялась светлой жидкостью.

– Не будешь? – спросил его небритый. – Будешь бюллетенить?

Нуда отвёл глаза от полной баночки, взглянул на свой забинтованный палец и, вздохнув, произнёс:

– Это бюллетеню не помеха. Имея травму, имею право.

– Имеешь, имеешь, – прохрипел небритый. – Тогда пей, не тяни. Твоя правая ведь без травмы?

– Без травмы, – подтвердил Нуда и аккуратно, мелкими глотками опустошил баночку.

Фанфарик осушили оперативно. Нуда раскопал в своих закромах немного съестного, и компания мало-мальски закусила. Посиделки плавно перешли к свободной беседе. Холод после фанфарика стал менее заметным, и Нуда кратко изложил свои приключения.

– Словорубщик, наверное, хорошее дело, лысый глаз. Мяк, как ты думаешь: что значит словорубщик?

Мяк без суеты устроился на стуле, около минуты смотрел на довольного собой Нуду и, осторожно подбирая слова, ответил:

– Я думаю, что такой человек произносит слова, словно рубит их топором. Сказал слово – словно отрубил нечто окончательно, и возражать нечего.

– Да, лысый глаз, – прохрипел небритый. – Там, на кладбище, так и надо говорить: мол, ушёл от нас такой-то – не воротишь. Очень резонно.

Нуда обиженно вскинул голову и эмоционально возразил:

– Вот, вы опять смеётесь! Смеётесь без понятия. Слово-рубщик – это работа по камню, по надгробиям.

Небритый закрыл глаза, откинул голову в кресле и прохрипел:

– Ты, Нуда, не бойся: мы не смеёмся – мы рассуждаем. А если что и неправильно, то мы и поправиться можем. Можем? – спросил он Мяка.

Мяк кивнул, что-то подкрутил в фонаре – и лампа засветилась чуточку ярче. Он облокотился о столешницу и произнёс:

– Нуда, наверное, буквы на камнях выдалбливает. Вот и палец повредил.

– За буковку зацепился, – добавил небритый.

Нуда замотал головой, поднял вверх левую руку, оттопырил перевязанный средний палец и начал объяснять:

– Мужики делают памятники и буквы, а мне – камни подтаскивать. Взяли за еду работать. Хорошие мужики – накормили... Камень палец придавил. Сказали: «Сиди, лечись на бюллетене. Потом придёшь».

– Ага, значить, каменщик ты, а не этот... как его, лысый глаз... словорубщик, – заключил небритый.

Нуда снова замотал головой и обиженно заявил:

– Я словорубщик. Мы там все словорубщики. Так контора называется – словорубочная мастерская. Вы завидуете – вот и всё переделываете, издеваетесь, а это совсем нехорошо. Злые вы, хоть и фанфарик принесли!

Мяк взглянул на недовольного Нуду и произнёс:

– Не сердись, мы не злые – мы глупые. Прости, словорубщик, теперь ты у нас настоящий трудяга!

– Да, трудяга, – повторил небритый. – С камнями работать тяжко. Отдых хороший нужен, а здесь совсем не то, да и холодина жуткая. Надо новое место искать, лысый глаз. Правда, Мяк?

Мяк кивнул головой, встал из-за стола и подошёл к трубе. К его удивлению, труба потеплела.

– Что-то там исправили, – произнёс Мяк. – Труба затеплела.

– Вот и радость: труба затеплела, – просипел небритый. – Место менять не надо, лысый глаз. Слышь, камнетёсец, поспать можно, лысый глаз?

Мяк взглянул в сторону Нуды и заметил, что тот устал и уже кивает носом, закрывает глаза и не очень реагирует на слова небритого. Вернувшись на место, Мяк опёрся локтями о стол, уронил голову на ладони и пробормотал:

– Да, действительно, поспать можно, и место менять не

надо.

В полудрёме он вспомнил аккуратную старушеницу на рынке.

– Разве я это просила? – повторила старушеница.

Дядька убрал с весов кулёк со смородиной и изрёк:

– Мамаша, мы можем насыпать вам исключительно крупняк.

– Я вам не мамаша! – последовал строгий ответ. – Жульничаете, молодой человек! Отроку какой пример показываете?

Дядька очень удивился таким словам, даже на некоторое время дара речи лишился. Ну никак он не ожидал от аккуратной старушеницы такой реакции на его смородину! Он почти минуту с приоткрытым ртом смотрел на покупательницу, потом взглянул на пацана своего и с усилием выдавил из себя:

– Пардон, мадам, мы всё можем исправить. Вы сами можете выбрать товар.

– Сама? – возмутилась старушеница. – А вы для чего здесь находитесь? Вы обязаны достойно и вежливо обслужить покупателя. Вас что, никто этому не учил?

Дядька вторично обалдел от напора клиентки и несколько секунд подбирал вежливые слова для ответа.

– Гражданочка, – играя желваками, дядька обратился к старушенице, – вам нужна смородина или улыбочка продавца? Мы можем с отроком заулыбать вас на многие лета!

Дядька соорудил стандартную улыбку на лице, легонько подтолкнул растерянного пацана – мол, улыбайся по купальнице – и смиренно сложил руки на животе. Старушенция изобразила сверхпостное лицо, ещё раз осмотрела дядькины лотки со смородиной и заявила:

– Не нужна мне ваша ягода! Я вообще смородину не употребляю, мне принцип торговый важен.

Дядька от этих слов сделался красным и угрюмым. Он опустил руки по швам, сжал ладони в кулаки и, озираясь по сторонам, словно ища поддержки со стороны соседних продавцов, пробубнил:

– Если ягода не нужна, чего же стоять-то здесь?

Старушенция грозно зыркнула на дядьку и произнесла:

– Трепещите, молодой человек, я ещё вернусь!

Она резко отвернулась от дядькиного прилавка и гордо удалилась в сторону мясных рядов. Дядька облегчённо выдохнул и тихо произнёс:

– Уж думал, место менять придётся.

– Место менять не надо, – прошептал Мяк и проснулся.

Небритый, склонив голову набок, тихо посапывал в своём кресле. Нуду вообще было не видно и не слышно.

«Наверное, притулился на матрасе», – подумал Мяк, покачал головой из стороны в сторону, разминая шею, помял ладони друг о друга и встал. Подошёл к трубе, труба пылала жаром.

– Топят сильно, на мороз, – подумал Мяк и выбрался на-

верх.

Однако раннее утро встретило его не морозом, а слякотью, и если бы не набухшие от воды остатки сугробов, можно было бы предположить, что на дворе начало ноября.

«Мокрища! Когда же зима придёт?» – подумал Мяк и пошлёпал по лужам либертории.

Длинная дорога до вокзала проходила по старому кварталу, где уже много лет никто не жил. Дома без обитателей ветшали, разрушались. Кое-где их добивали пожары от неизвестных поджигателей. Считалось, что строения горели от таких свободных бездомных, как Мяк, но на самом деле горело от случайных путешественников, коих иногда здесь встречал Мяк. Это были просто бродяги да несмышлёные сорванцы, ещё не нажившие ума.

Через полчаса хода левый ботинок промок, и Мяк подумал, что надо бы новую обувь добыть. На вокзале было тепло и душно – ночные обитатели надышали, нагрели общее пространство, и застоялый воздух долго сохранял разнообразие ночных запахов. Мяк занял своё рабочее место, развернул свою атрибутику и только успел кинуть в коробочку несколько монет, как появился дежурный.

– Идём, – приказал он и ткнул сапогом мякинскую коробочку.

Мяк собрал монетки, сложил свои пожитки в куртку и спросил:

– Почему так рано? У меня ещё нет тарифа.

Дежурный криво ухмыльнулся и повторил:

– Идём.

Мяк подчинился и потащился вслед за дежурным. Перед дверью в дежурку Мяк остановился и произнёс:

– За что? Почему?

– Заходи, – услышал он в ответ.

Дежурный подхватил Мяка за локоть и жёстко впихнул его в маленькую комнату со столом посередине и парой стульев по краям.

– Смотри. – Он ткнул Мяка в бок и развернул его лицом к стене, где на фанерной доске на кнопках болтались листочки с фотографиями различных личностей.

Мяк мельком взглянул на доску и спросил:

– Что смотреть?

– Не узнаёшь? – Дежурный указал пальцем на одну из фотографий.

Мяк вплотную приблизился к указанному месту, прищурился, разглядывая своё собственное лицо. Он помнил, как его «щёлкнули» пацаны, отдыхающего в своём кресле. Внизу на фото были напечатаны его фамилия и приметы, а наверху – крупно: «Разыскивается».

Мяк тихо ответил:

– Не узнаю. – И загрустил, вспомнив пацанов и супругу. Вся его семейная жизнь промелькнула перед ним, и нечто чувствительное, вроде детских воспоминаний, нахлынуло на него – и он, отвернувшись от фотографий, произнёс: – Я не

знаю этого человека.

– Не знаешь? – переспросил дежурный и, недоверчиво взглянув на Мяка, произнёс: – Придётся оформить тебя – там разберутся.

– Вы зря это, – спокойно ответил Мяк. – Я говорю вам, что не знаю этого человека, и тут оформляй, не оформляй – ничего не изменится.

– Это верно ты говоришь: не изменится. – Дежурный сел за стол, достал лист бумаги, ручку и произнёс: – Ты садись. Бумагу оформим, и делу конец.

Мяк покорно уселся на стул возле стола и приготовился к вопросам.

– Фамилия, имя, отчество? – спросил дежурный.

Мяк поскрябал бороду, улыбнулся и ответил:

– Зовут меня Мяк, а остального у меня нет.

– «Мяк» – так и запишем, – произнёс дежурный и записал имя Мяка в левом верхнем углу листочка. – Документы есть? – продолжил опрос дежурный.

– Нет, – коротко ответил Мяк.

– Та-а...ак, – растянуто произнёс дежурный. – Без документов. Натворил чего-то? Сбежал? Мы это быстренько поправим. Передадим тебя в нужные руки.

Дежурный принялся быстро записывать что-то в листочке. Мяк попытался прочесть запись, но скверный почерк не позволил это сделать.

– Нервничаешь? – спросил дежурный, заканчивая запись.

Мяк от неожиданного вопроса растерялся и неуверенно ответил:

– Вроде нет. Совсем нет.

– Ага, так и запишем: «подозреваемый отвечает неуверенно», – отреагировал дежурный.

Он закончил писать и внизу подрисовал размашистую подпись, сложил бумагу вчетверо, засунул её в нагрудный карман кожаной куртки и объявил:

– Всё, гражданин Мяк, оформили мы тебя. Можешь собираться.

– Куда? – тихо спросил Мяк.

– Куда положено, – ответил дежурный и встал из-за стола. – Смотрю, тебе оформление не по душе?

Мяк насторожился и ещё не очень понял, к чему дежурный так заговорил, а дежурный продолжил:

– Что молчишь, гражданин Мяк? Не хочется свободу терять?

– Не хочется, – осторожно ответил Мяк.

– Да, свобода – это... – Дежурный задумался, как же обозначить это понятие, и закончил фразу словами: – Свобода – это дорогое удовольствие. За неё многое можно отдать. Некоторые... – Дежурный сделал многозначительную паузу, подошёл к фотографиям на доске и продолжил: – Некоторые большой выкуп за неё дают.

– Какой выкуп? – не вставая со стула, спросил Мяк.

– Разный выкуп, разный, гражданин Мякин, – ответил де-

журный.

Он снял мякинскую фотографию с доски, аккуратно положил её на стол перед Мяком и спросил:

– Что, действительно, не знаешь этого человека?

Мяк внимательно посмотрел на своё лицо – лицо обычного человека, чуточку испуганного, с умными глазами, попыткой сотворить хоть какую-нибудь улыбку – и ответил:

– Может быть, и знал, но сейчас это не имеет никакого значения.

– «Может быть, и знал», – повторил дежурный. – А сейчас знать не хочешь?

Мяк отвёл взгляд от фотографии и спокойно, без каких-либо сомнений, ответил:

– Сейчас я знаю, что я – Мяк, и этого мне достаточно.

Дежурный подвинул листок с фотографией поближе к себе, ещё раз всмотрелся в изображение и произнёс:

– Ну что ж, гражданин Мяк, будем считать, что ты просто Мяк.

Мяк поднял голову и внимательно посмотрел на дежурного.

– Что смотришь? – произнёс дежурный. – Будешь работать исполу. Иначе... – дежурный насупился, – иначе сам знаешь, что будет.

– А это? – спросил Мяк, указывая на фотографию.

– А это... – Дежурный смял бумажку и ловко забросил комок в урну. – Пусть там полежит до уборки.

Дежурный подошёл к двери, открыл её и произнёс:

– Свободен. Иди работай.

Мяк, ничего не сказав и не глядя на дежурного, вышел наружу и не торопясь пересёк большой зал.

«Теперь могу работать, где хочу», – подумал он.

Мяк прошёлся мимо витрин вокзальных магазинчиков, и странное чувство хозяина места проснулось в нём.

– Хозяин места, – прошептал Мяк и усомнился в этом новом состоянии.

«Какой ты хозяин? – подумал он. – Работать будешь исполу, половину отдавать. Вот и всё твоё хозяйство».

– Вот и всё моё хозяйство, – прошептал Мяк, остановился у витрины буфета и понял, что страшно проголодался и надо срочно заработать на обед. Он занял свой угол и развернул свои рабочие атрибуты. К обеду средств оказалось достаточно, чтобы приобрести в буфете съестное. Подкрепившись, Мяк расслабился и около получаса отдыхал за передвижным экраном. Настроение после пирожков улучшилось – дежурный уже не казался таким циничным и злым.

«Он ведь тоже хочет заработать, – подумал Мяк. – Вот и крутится здесь, на вокзальной территории, как может».

Мяк поднялся и решил доработать день на своём месте, тем более что слабенькая надежда на то, что Профессор может появиться, у Мяка была. Но пришелец после обеда не появился. Не появился он и вечером, и Мяк подумал: «Как быстро Профессор забыл о своей цели!» Ему было непонят-

но такое перевоплощение пришельца из скромного интеллигента в предателя.

«Да, в предателя», – подумал Мяк, убирая в карман накопившуюся в коробочке мелочь. «Предатель», – он так когда-то назвал дядьку, когда тот, по мнению Мяка, нахально вмешался в мякинские отношения с девушками. Он до сих пор помнил слова дядьки, который сказал:

– Безотцовщина ты, парень. Был бы отец – он научил бы тебя общению с тётками.

Дело в том, что дядька, когда узнал, что его подопечный, как тогда говорили, закрутил любовь с одной симпатичной девицей, расстроил эту идиллию. Расстроил, как думал тогда Мяк, грубо и несправедливо. Дядька встретил эту подружку и что-то такое ей наговорил, что она категорически отказалась от Мяка. Мяк страдал, а дядька учил его уму-разуму:

– Ну что ты будешь с ней делать, с этой смазливой девчонкой? Голытьба голытьбой! Ни кола ни двора! Из общаги! Ты что, приведёшь её сюда, на оттоманку, и в каморке вдвоём будете миловаться? Не пара она тебе, не пара! – Дядька, видя мякинские страдания, продолжал его вразумлять: – Вот выучишься, получишь специальность – найду я тебе подходящую девицу, как говорится, с приданым. Вот тогда дядьку благодарить будешь, а не называть в запале предателем! Эх ты, жених! Молодой ещё пацан! Жизни за дядькиной спиной не знаешь. Терпеть должен уметь мужик. Хочешь быть мужиком – терпи.

И Мяк терпел. Он вспомнил, как действительно дядька познакомил его с тихой девицей. Как тихоня ухаживала за ним и Мяк, довольный заботой о себе, потихоньку, постепенно свыкся с ролью жениха, а затем и мужа.

«Может быть, Профессор тоже свыкся?» – подумал он и спросил сам себя:

– А я могу быстро свыкнуться? Профессор смог.

Соседний буфет закрылся на пересменку; ночная обслуга Мяку не очень нравилась: ночные не любили, когда он заходил к ним за покупками. Мяк свернул свою деятельность, в киоске у вокзала прибрёл фанфарик и, подумав, что на Нуду теперь надежды мало (наверное, он так и сидит на бюллетене), купил немного закуски и направился в сторону либертории.

К ночи слякоть вроде бы поутихла. Лужи ещё оставались, но на высоких местах подсушило. В воздухе чувствовалась некоторая свежесть, потянул ветерок, и появилась надежда на ночной морозец и лёгкий снежок.

Мяк шёл по темноте; эту дорогу мимо Злыкиной мусорки он знал наизусть. Ничего не изменилось с тех пор, как они с Мусьё хоронили Злыку.

«Здесь вообще ничего не менялось уже, наверное, от древних времён, – подумал Мяк. – Может быть, со времени строительства вокзала».

Тогда целый квартал сначала хотели снести и построить нечто великолепное, потом что-то не заладилось, сменилась

власть, другие люди подумали, что это нечто слишком дорогое, а к тому же и хлопотная вещь, – и все идеи постепенно заглохли. Часть жителей отсюда убралась, часть, весьма малочисленная, осталась доживать в старых строениях. Пустота и неустроенность поселились здесь, и потихоньку образовалась страна под названием Либертория.

Мяк шёл почти что на ощупь, ориентиром служили кирпичные стены, остатки старых каменных заборов и труба кочеварки. Он осторожно обошёл мусорку, несколько железных контейнеров, наполненных старым хламом, и вышел в переулок, ведущий к обиталищу Нуды. Впереди горел огонь. Слабенькое мерцание было заметно в проёме окна в нескольких десятках метров от Мяка.

«Опять бродяги забрались и развели костёр», – подумал Мяк и вдоль стены двинулся в сторону огня. Пока он осторожно продвигался вперёд, сполохи света за окном усилились, и Мяк понял, что некто подбросил дрова и пламя разогрелось сильнее.

«Сожгут строение, – подумал Мяк. – Испортят убежище Нуды, да и трубу тёплую могут повредить».

Костёр горел почти что над Нудиным подвалом.

«А может быть, это Нуда так развлекается на бюллетене?» – подумал Мяк и прогнал эту дурную мысль, потому что Нуда хоть и считался болтуном, но разумность его не подвергалась сомнению.

Мяк проник через проём, где когда-то находилась вход-

ная дверь, на ощупь поднялся по ступенькам к площадке первого этажа, определился, что костёр находится слева от него, и нащупал дверь в помещение, где, по его расчётам, полыхал огонь. Дверь, когда-то обитая то ли кожей, то ли ещё чем-то под кожу, уже давно была разодрана в клочья, во многих местах покрытие было сорвано, и Мяк нащупал старую дверную доску. Он несколько минут пытался найти дверную ручку, но ни справа, ни слева ручки не обнаружилось, только глубокое отверстие от вырванного замка указывало на то, что когда-то ручка существовала и бывшие обитатели ею пользовались.

Мяк постучал в дверь, некоторое время перебирал пальцами косяки в поисках кнопки от звонка и, поймав себя на мысли «Какие звонки в заброшенном доме?», бросил все попытки цивилизованного проникновения в помещение. Он просто надавил на дверь, но результата не добился – дверь не поддалась. Мяк вышел наружу, сполохи огня по-прежнему освещали комнату. В желании уловить хотя бы какие-нибудь звуки Мяк прислушался, но за окном, где, на удивление, ещё стёкла были целы, ни единого звука не ощущалось. Мяку даже показалось, что там вообще никого нет, а костёр горит сам по себе, как у небритого, когда он не подбрасывает дрова. Мяк снова поднялся на этаж и со всей силы ударил ногой в дверь – и ему показалось, что дверь дрогнула и на несколько сантиметров сдвинулась внутрь. Он снова отошёл от неё и с разбега, что есть мочи, ударил подошвой ботинка в

самый центр дверного полотна – и дверь сдалась. Справа, со стороны дыры от замка, она отошла вовнутрь, и через образовавшуюся щель появился свет от костра, и кто-то изнутри крикнул:

– Не ломай дверь, сейчас открою!

Голос Мяку показался знакомым, но кто это, он сразу определить не смог.

– Чего ломать, стучаться надо! – послышалось изнутри, и Мяк узнал говорившего. Это был Мусьё.

– Желаешь сжечь дом? – спросил Мяк через щель.

Мусьё не ответил, но в результате его сопения дверь отошла ещё на некоторое расстояние назад.

– Пролезешь? – спросил Мусьё, указывая на пространство между дверью и косяком.

– Попробую, – ответил Мяк, боком протиснулся внутрь к небольшому костерку и снова спросил: – Хочешь сжечь дом?

Мусьё пошевелил головешку в костре и недовольно ответил:

– Некоторым можно жечь, а мне нельзя?

– Некоторые – бродяги, а мы – жители либертории, – ответил Мяк. – Спалишь дом, и Нуду заодно.

– У него скучно: лежит с пальцем, фонарь еле горит, – оправдался Мусьё и добавил: – У меня всё под контролем, как у Небритого. Он-то жжёт каждый день!

– У него кирпичная стена, – возразил Мяк. – А у тебя кругом дерево. Сгорит же всё!

– Ты, Мяк, дружишь с ним, поэтому так и говоришь, что ему можно, а мне нельзя.

Мяк огляделся вокруг – стены комнаты ещё имели кое-где выцветшие от времени обои. На тех местах, где их уже не было, виднелись старые газеты.

«Наверное, древние, как весь этот дом», – подумал Мяк.

Потолок, когда-то подшитый фанерой, обветшал настолько, что фанерные листы от сырости скрючились, часть их упала вниз, а посередине образовалась мусорная куча из битых кирпичей и железа от разбитой печи, которая когда-то стояла в углу комнаты. Это грустное зрелище почему-то напомнило Мяку его каморку, которую предоставил ему для жилья дядька. Каморка та предназначалась для хранения дядькиных варений и солений, одна стена её представляла собой полки от пола до потолка и почти всегда была занята банками, заготовленными осенью год назад, а то и ранее. Мякинская оттоманка стояла у свободной стены, уклеенной старыми газетами. Видимо, когда-то дядька задумал эту стенку облепить обоями, но, сделав подложку из газет, решил, что для каморки и так будет хорошо.

В каморке для мякинского удобства были выделены стул и одна из полок для одежды и книг. Верхний свет дядька сделал ему хороший, вкрутил мощную лампу – так что книжки читать парню было легко. И парень читал по вечерам, причём не только книжки и учебники, но иногда и газеты, наклеенные на стену. Когда в долгие зимние вечера ему ста-

новилося грустно, он всегда читал газеты; некоторые тексты он знал наизусть и с удовольствием проверял свою память, мельком пробегая глазами по газетным листам.

Здесь, у Мусьё, ему тоже захотелось прочесть настенные тексты; он даже подошёл к одной из стен, но свет от костра был не так велик, как от лампы в дядькиной аморке, и Мяк вернулся к огню.

– У меня есть фанфарик и еда, – сказал Мяк и посмотрел на Мусьё. – Может быть, пойдём к Нуде?

– Может, и пойдём, втроём будет веселей, – ответил Мусьё.

– А огонь? – спросил Мяк.

– Огонь потухнет сам, – ответил Мусьё.

– Не потухнет, – возразил Мяк. – Надо загасить.

Мусьё пожал плечами и как-то неуверенно ответил:

– Это надо с улицы, снегом.

Мяк огляделся, подхватил из мусора железяку от печи и предложил:

– Вот на неё снега наберёшь и принесёшь – тогда загасим.

Мусьё нехотя взял железный лист и вышел наружу. Костёр окончательно потух только после двух его ходок. В полной темноте они выбрались из комнаты и уже минут через пять расположились у Нуды за столом.

– Спишь? – спросил Мусьё, наклонившись в темноту за столом.

– Не сплю, – ответил Нуда, и через несколько секунд снизу

появилось его заспанное лицо. – О! У вас фанфарик! – произнёс он, разглядев в слабом свете фонаря бутылку на столе.

– Вылезай, вылезай! – проговорил Мусьё. – Это Мяк принёс, и закуски тоже. У тебя же теперь ничего нет.

– Я на бюллетене, – пробубнил Нуда и полностью, во весь рост, появился у стола. – Сейчас организуем посуду, – добавил он и удалился в тёмный угол подвала. – А что, больше никто не придёт? – спросил он, когда на столе появились стакан, кружка и пирожки, которые Мяк вытащил из кармана.

– Нуда, тебе что, наша компания не нравится? – спросил его Мусьё. – Наливай лучше, пока есть что наливать. – Первую – Мяку. Он у нас сегодня добытчик.

Мяк осушил полкружки спиртного, отломил полпирожка и закусил. Когда все выпили по одной, а в бутылке осталось ещё половина, он заявил:

– Если кто-то ещё придёт, надо ему оставить.

Мусьё, дожёвывая пирожок, ответил:

– Зачем? А если никто не придёт, зачем оставлять?

– Ты, Мусьё, молодой ещё, – ответил Нуда. – Мяк, наверное, знает, что кто-то придёт.

Мяк прислонился к горячей трубе и произнёс:

– Ничего я не знаю, а оставлять – это такая традиция есть. Вот, например, ты, Мусьё, опоздал бы спуститься в подвал, с костром своим провозился, а мы бы с Нудой бутылочку приговорили бы.

– Могли приговорить? – спросил Мяк Нуду.

– А что ж не приговорить? – ответил Нуда. – Фанфарик – он для того и создан, чтобы его того... приговорить.

Мяк повернулся к Мусьё и продолжил:

– И остался бы ты без фанфарика. Хорошо ли это?

– Нехорошо, – сразу ответил Мусьё. – Без фанфарика нехорошо.

Мяк взглянул на бутылку и заключил:

– Так надо всегда оставлять, на всякий случай. Мало ли кто придёт?

– А если не придёт? – спросил Нуда. – Тогда что ж, так и будет стоять?

– Так и будет стоять, – ответил Мяк. – Мы кому-нибудь оставим, нам кто-нибудь оставит – тогда будет хорошо.

– Будет хорошо, – повторил Мусьё. – Но не всем, а только...

– Всем, именно всем, – перебил его Мяк. – Если оставлять другим, то всем будет хорошо.

Разговор прервался, троица затихла на некоторое время, а затем Нуда неожиданно произнёс:

– Всем никогда не будет хорошо. Будут такие, кто не оставляет.

– Да, наверное, будут, – согласился Мяк. – Вы же с Мусьё не хотели оставлять, не хотели же?

– Не хотели, – подтвердил Мусьё.

– А сейчас хотите? – спросил Мяк.

Ответа не последовало. Слабый свет фонаря освещал бу-

тылку, стакан, кружку и остатки пирожков. Несколько минут компания молчала. Слова Мяка в сумрачном подвале воспринимались с трудом.

– Может, кто-нибудь и придёт, – неуверенно произнёс Нуда. – Может, Небритый зайдёт с кем-нибудь. А если все придут – и Вонька, и Профессор, – тогда всем мало будет.

– Мало будет, – согласился Мяк. – Тогда допивайте, раз мало будет.

Мусьё потянулся к бутылке, а Нуда предложил:

– Сначала Мяку, а потом нам.

На что Мяк отреагировал отрицательно – он отодвинул от себя кружку и заявил:

– Мне уже хватит, допивайте без меня.

Мусьё с бутылкой в руке нерешительно остановился и вопросительно взглянул на Нуду, видимо, ожидая дальнейших указаний. Нуда пожал плечами, вздохнул и, махнув рукой, произнёс:

– Наливай, добьём фанфарик – чего же ждать?

– Выпиваете? – раздался хриплый голос из темноты.

Мусьё, так и не налив ничего из бутылки, поставил её на стол, оглядел компанию и ответил:

– Мяк вот фанфарик принёс.

– А чего это Мяк ко мне не зашёл? – спросил голос. –

Посидели бы у костра.

Мяк повернулся в темноту и ответил:

– Другой огонь обслуживал. Подходите, выпейте да со-

грейтесь. А про костёр потом покалякаем.

Из темноты вышел Небритый, занял своё кресло и произнёс:

– Раз есть фанфарик, то наливайте, не тяните резину, а ты, Мяк, всё равно подлец!

– Я знаю, – ответил Мяк.

Небритый не спеша выпил целый стакан, занюхал выпитое кусочком пирожка и спросил:

– Что тут за огонь у вас, который надо обслуживать?

Мяк взглянул на Мусьё; тот тщательно делил остатки фанфарика между собой и Нудой и, видимо, совсем не собирался отвечать Небритому. Мяк не стал тревожить его и ответил:

– Бродяги костёр наверху развели – пришлось потушить.

– Ага, – удовлетворённо ответил Небритый и прохрипел: – Бродяги есть дерьмо, нам с ними не дружить. Гнать их всех надо из либертории, скоро всё здесь загадят, лысый глаз!

– Да, надо гнать, – поддакнул Нуда. – Вот я сижу на бюллетене, огонь не развожу, как эти бродяги. Надо против них закон какой-нибудь сделать, чтоб не шлялись здесь. Не их это место, это наше место! Куда смотрит начальство?

– Никуда оно не смотрит, – прохрипел Небритый. – Ты, Нуда, всё с пальцем своим сидишь – долго ли будешь бюллетенить? Вот бы, как поправился, и стал бы охранять наше место от бродяг.

– Я не могу, – решительно ответил Нуда. – Я словоруб-

щик, у меня другое занятие. Вот бы Профессор – он хоть и без ноги, но зато фанфарик не любит. Для охраны это полезно.

– Ты, камнетёсец, совсем без головы! Как инвалид охранять может? Разве что часовым его на входе установить – если что, криком кричать будет. А так... – Небритый задумался и добавил: – Не выйдет из Профессора ничего. Вонька его не отдаст. Заходил я к ним. – Небритый криво улыбнулся, кашлянул пару раз и прохрипел: – Она его у церкви пристроила. Прибыльное место. Постоит пару часов – и барышом на весь день Воньку и себя обеспечит. Не то что у тебя – камни ворочать за еду.

– Я на бюллетене, а то бы... – грустно ответил Нуда.

– А то бы, а то бы... – перебил его Небритый. – А то бы что, озолотил бы всех? Молчи уж, лысый глаз! Небось без жратвы целый день сидишь?

– Как вы не понимаете! Я на бюллетене, – ответил Нуда и недовольно отвернулся от стола.

Небритый тяжело вздохнул, вяло пожевал остатки пирожка и заметил:

– Мало мудрости здесь. Мало. Дорогу ещё никто не прошёл.

– Дорогу? – удивился Мусьё. – Какую дорогу?

– Такую, – нехотя ответил Небритый. – Да ты и не поймёшь. Вот только Мяк, может, и сообразит. Сообразишь, Мяк?

Мяк подошёл к столу, осмотрел пустую бутылку и ответил:

– Не знаю. Может, и смогу.

– Вот, даже Мяк сомневается, а ты... – Небритый повернул голову в сторону Мусьё, – ещё спрашиваешь, какую дорогу!

Нуда повернулся к столу и забормотал:

– Вы опять мудрите – хотите сказать, что умнее всех! Норовите обидеть. Ну, Мусьё – так он ещё молодой, ему вы завидуете, а я? Я уж ветеран, и кое-что соображаю. И нечего тут передо мной вилять! Говорить надо понятно, а если непонятно, то это шизики разные так делают. Мы же не шизики – зачем нам так сложно?

– Нам незачем, – согласился Небритый. – А кто осилит дорогу, тот знает путь. Вот Мяк ещё не знает путь, дорогу ещё не осилил, лысый глаз! Он идёт по ней и конца её не видит. – Небритый обратился к Мяку:

– Прав я или нет?

Мяк молча кивнул.

– Соглашаешься, – прохрипел Небритый, склонил голову набок и тихо засопел.

Мусьё потрогал горячую трубу, потёр ладонью лоб и тихо объявил:

– Посплю – завтра рано на рынок.

Он залёг на матрасе и моментально заснул. Нуда вскинул голову, огляделся и, ни слова не говоря, сполз вниз. Мяк

остался один за столом, положил голову на руки и задремал. И снилось ему детство.

Тёплый день, и он в одних трусах бежит по ромашковому полю, а мать стоит на краю и, улыбаясь, следит за ним. Мальчишка бежит к ней, разрывая высокую траву; стебельки цепляются за ноги, не дают ему сильно разбежаться. Он торопится, руками раздвигает траву и бежит дальше и дальше. Конец поля уже близок, он поднимает голову и видит, что матери там уже нет. Он подбегает ближе к краю и останавливается – перед ним глубокий обрыв, и внизу, в тумане, ничего не видно. Ему становится страшно, он отступает назад и просыпается.

В подвале никого нет. Кресло пусто. На матрасах тоже никого. Фонарь еле светится. Мяк встаёт из-за стола и по темноте выбирается наружу. Звёздное небо встречает его, лёгкий мороз освежает заспанное лицо. Новый день сулит ему новые заботы, новую работу исполу. Мяк не спеша идёт в сторону вокзала, где теперь его место, где он хозяин своего угла до тех пор, пока дежурный не передумает.

«Он теперь, наверное, долго не передумает», – думает Мяк и ускоряет шаг. На востоке забрезжил зимний рассвет.

Он не сразу заметил её. Она, наверное, уже несколько минут наблюдала за ним, и ему это не понравилось. Кому же понравится, когда за ним исподтишка внимательно наблюдают!

Мяк несколько раз поглядывал в её сторону и наконец-то

узнал её. Это была Раиса. Она наблюдала за ним издалека, от самой дальней колонны, и, когда он поднимал голову, старалась спрятаться от него.

«Этот вихрастый что-то там в конторе наплёл, – подумал Мяк. – Теперь весь коллектив из любопытства кинется проверять эту болтовню».

Мяк повернул голову в сторону буфета и постарался боковым зрением определить, какие у Раисы намерения: то ли просто понаблюдать за ним, то ли подойти поближе и затеять разговор. Раиса оставалась на месте, просто стояла и внимательно наблюдала за Мяком. Это состояние продолжалось несколько минут, и Мяку было непонятно, во что оно превратится в дальнейшем. Ему уже пару раз бросили несколько монет и одну купюру. Он было собрался, как обычно, сложить деньги в карман, но передумал и остался смиренно стоять на месте, а Раиса решила подойти поближе и сделала вид, что желает зайти в буфет. Мяк опустил голову и старался не смотреть в её сторону. Он соображал, как ему поступить: нагло сбежать и оставить Раису ни с чем или, как говорится, изображать из себя чужого, не выдать себя ни единым движением, ни единым словом.

Раиса скрылась за дверями буфета; через витрину он видел, как она, маскируясь, сделала вид, что выбирает что-то из пирожков. Мяк на всякий случай надвинул шапку почти на глаза, поднял воротник куртки и пожалел, что не обзавёлся тёмными очками, – сейчас бы они были ему кстати. Он

ещё минут пять простоял в расстройстве от своей нерешительности и, к своему удивлению, даже не заметил, как перед ним образовался дежурный.

– Отойдём, – услышал Мяк.

Он быстро собрал свои манатки и с удовольствием двинулся вслед за дежурным. Тот, цокая подковками, направился в сторону дежурки, и Мяк подумал: «Спасибо случаю: забрал меня дежурный – избавил от Раисы!»

В сумрачном коридоре, не дойдя до дежурки, Мяк остановился, дежурный резко повернулся и объявил:

– Тобой, гражданин Мяк, интересуются.

Мяк машинально спросил:

– Кто?

– А ты не догадываешься? – последовал ответ.

Мяк поправил шапку, опустил воротник и произнёс:

– Семья, кто же ещё?

– Не угадал, – прогудел дежурный и хитровато взглянул на Мяка.

– Дамочка одна тобой интересуется. Говорит, что с работы.

«Раиса», – мелькнуло в голове у Мяка.

– Вижу, догадался, – произнёс дежурный. – Что будешь делать?

Мяк не задумываясь ответил:

– Работать исполу.

– Ты, гражданин Мяк, плохо соображаешь. Ситуация из-

менилась. Вычислила тебя дамочка. Заявит куда следует – тебя оформят, а мне нахлобучка, что не усёк, как положено. Соображаешь?

– Соображаю, – вздохнул Мяк и задумался.

Дежурный огляделся по сторонам и тихо произнёс:

– Ты, я вижу, возвращаться не желаешь, и здесь тебе нельзя – так что решай: как будешь? Нравишься ты мне, а так бы не стал с тобой возиться, – уже погромче добавил он.

Мяк ещё раз тяжело вздохнул, вытащил из кармана весь барыш, протянул горсть монет и несколько купюр дежурному со словами: «Спасибо» и объявил:

– Уйду с вокзала.

– Уйдёшь, – повторил дежурный, взглянул на мякинский барыш, выбрал одну купюру из общей кучки и произнёс: – Это мне премиальные на пиво. Остальное тебе пригодится. Прощай, свободный человек!

Дежурный резко отвернулся от Мяка и скрылся в своей комнатухе.

– Прощай, – прошептал Мяк. – Прощай, вокзал, – придётся начать новую жизнь.

Выйдя из переулка, Мяк сразу заметил, что сегодня костёр необычный. Даже из-за бетонной стены были видны сполохи огня.

«Большой огонь, – подумал Мяк. – Наверное, у старика какой-то праздник... А может, и не праздник».

Он медленно двигался вдоль стены. Искры от костра вих-

рем поднимались вверх и кружились в хаотичном хороводе.

– Салют либертории! – прошептал Мяк. – Салют свободному от вокзала Мяку!

Он обогнул грудь старого кирпича, что совсем недавно образовалась от падения арки, остановился и долго смотрел на огонь и сидевшего рядом Небритого.

«Может, у него день рождения, юбилей какой-нибудь?» – подумал Мяк и пожалел, что не приобрёл фанфарик.

Свой день рождения Мяк провёл в клинике. Пришла супруга, принесла кулёк сладостей, чмокнула его в щёку и сказала:

– С днём рождения тебя, Мякиша!

– Как дети? – спросил он.

– Хорошо, – ответила она и, как бы оправдывая их отсутствие, объяснила: – Они сегодня в кружке. Ты же знаешь: пропускать нельзя.

Мякин взглянул на супругу и согласился:

– Всё правильно: пропускать нельзя.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила супруга. – Сосед не беспокоит?

– Он тихий, – ответил Мякин и заглянул в кулёк с гостинцами. – Адмиралу понравятся.

– Кому? – спросила супруга.

– Соседу, – ответил Мякин и замолчал.

– Мякиша, ну я пойду? – сказала супруга. – Дети придут, а меня нет.

– Да, конечно, – ответил Мякин.

Мяк переступил с ноги на ногу и осторожно зашагал к костру. Небритый пошевелился, встал и положил в костёр приличного размера брёвнышко. Огонь на минуту сник, а затем принялся за свою работу. Пламя обхватило обрезок кругляка и снова взвилось вверх.

– Мяк, а ведь ты подлец, Мяк! – прохрипел Небритый, не открывая глаз. – Ты опять не принёс фанфарик.

– Не принёс, – ответил ему голос из темноты.

Пламя разыгралось не на шутку. Небритый пошевелился, дотянулся до обугленной деревяшки и аккуратно подвинул её на жаркие угли.

– Не принёс фанфарик, – повторил Мяк.

Небритый промолчал; он снова закрыл глаза и замер у костра. Пламя обхватило брёвнышко со всех сторон. Ярко-красные языки оторвались от него и взвились с искрами вверх в темноту.

– У тебя хороший огонь, – произнёс голос. – Сегодня особенно хорош: погода хорошая, и огонь хорош.

– Огонь всегда хорош, – ответил Небритый и повернулся в сторону говорившего. – Что стоишь? Грейся, – просипел он и снова погрузился то ли в сон, то ли в свои никому не известные мысли.

Мяк вышел из темноты и прислонился к стене.

– Огонь бывает разный, – тихо возразил он. – Сегодня у тебя он особенный.

Небритый молча подбросил в огонь пару обрезков и проворчал:

– Ты, Мяк, про огонь ничего не понимаешь, поэтому так говоришь. Видишь, как живёт пламя? Оно живёт, если есть чем жить. Сегодня будет жить долго. Как мы. Есть чем жить – живём. – Небритый шумно вздохнул и продолжил: – Есть надежда – значит, живёшь. Ну, в общем, ты сам знаешь.

– Догадываюсь, – ответил Мяк.

Небритый долго молчал и тихо ждал, когда пламя разделается с деревяшками, и, как только огонь начал угасать, прохрипел:

– Опять к Нуде пойдём?

– Да, пойдём, – согласился Мяк.

Когда они обходили мусорку, Мяк произнёс:

– Вот здесь мы похоронили Злыку.

– Злыке теперь хорошо, – прохрипел небритый. – Можно не копать в хламе. Теперь он отдохнёт.

– Да, – согласился Мяк. – Теперь может не копать в мусорке. Теперь буду я.

Небритый остановился у железного бака, откашлялся и спросил:

– Ты что же, с вокзала ушёл, лысый глаз?

– Ушёл, – ответил Мяк.

– Вот дела! – прохрипел Небритый. – Теперь фанфарика от тебя не жди, лысый глаз! Подлец ты, Мяк! Разве не подлец?

– Да, – согласился Мяк. – А фанфарик у Профессора про-
си.

Небритый что-то буркнул себе под нос и, ничего не отве-
тив, зашагал дальше. Мяк последовал за ним.

У Нуды горел яркий свет и было довольно тепло. Когда
они пробрались вдоль трубы к столу, Небритый, заняв своё
кресло, произнёс:

– Ну Нуда молодец – засветил свои хоромы!

Нуда, сидевший с Мусьё за столом, ответил:

– Ты знаешь, я на бюллетене. А свет – так это от Мусьё,
его батарейки.

– Всё равно молодец! – повторил Небритый. – А Мусьё
отдельное спасибо! Одно плохо: фанфарика нет, лысый глаз!

– Зато есть что пожрать, – радостно заявил Мусьё. – Се-
годня так свезло, что вот... – И он вывалил из картонной ко-
робки пару палок колбасы и две буханки хлеба.

– К колбасному заводу пристроился, лысый глаз? – спро-
сил Небритый. – А хлебушка на дороге подобрал?

Мусьё широко улыбнулся, развёл руки в стороны, изобра-
жая из себя щедрого парня, осмотрел колбасное изобилие и
заявил:

– Ловкие руки – и никакие заводы не нужны!

– Ворюга ты, Мусьё, лысый глаз! – проворчал Небритый.

Мусьё сделал вид, что обиделся, и ответил:

– Как хотите: я принёс, а вы... – Он запнулся и просто
добавил:

– Лысый глаз.

– Вот ты, Мяк, применяешь ловкие руки? – недовольно спросил Небритый.

Мяк внимательно осмотрел еду на столе и как-то неуверенно ответил:

– Я применяю... – Он на несколько секунд задумался и продолжил:

– Мне нужна умная голова, так мне кажется.

– Так ему кажется! – повторил Небритый. – А ты, Нуда, что скажешь?

– Я? – удивился Нуда. – Я тут ни при чём. Я могу и не есть эту колбасу. Я уже обедал. А Мусьё – он молодец: видите, как фонарь горит? Всё видно.

– Всё видно, всё видно... – проворчал Небритый. – Иногда видно даже то, что не видно.

– Ты опять сложно говоришь, – ответил Нуда. – Я не люблю, когда сложно. Мяк тоже не любит, когда сложно. – Нуда взглянул на молчаливого Мяка и спросил: – Мяк, ты же не любишь, когда сложно?

– Всегда есть место сложному и простому, – ответил Мяк.

– Сложному есть место? – запротестовал Нуда. – Нет во мне ничего сложного! Вот он я, весь простота! – Он распахнул старую куртку, постучал себя ладонью в грудь и продолжил: – Вот, всё во мне просто, и душа моя простая покоя просит!

– Покоя просит душа? – прохрипел Небритый. – Без фан-

фарика просит?

Нуда запахнул куртку, поёжился и пробубнил:

– Без фанфарика. Могу и без фанфарика.

Он потрогал свой раненый палец, выставил его на общее обозрение и уверенно заявил:

– На бюллетене я! На бюллетене.

– Пора на работу, – прохрипел Небритый. – Все при деле, а Нуда у нас в санатории.

– На бюллетене я! – повторил Нуда и осторожно погладил свой палец.

С минуту компания молча рассматривала съестное. В ярком свете фонаря колбаса выглядела весьма привлекательно, да и запах, потихоньку поднимавшийся от поверхности стола, будоражил аппетит присутствующих.

Мусьё подхватил одну колбасину, сломал её пополам, откусил приличный кусок и смачно прожевал его. Остальные пристально наблюдали за ним, застыли вроде как в ожидании, что же произойдёт далее. А Мусьё, с удовольствием проглотив первый кусок, повертел шматок колбасы перед своим носом и, прежде чем откусить второй кусок, произнёс:

– Ништяк! Чего ждёте? Ешьте.

Нуда огляделся и, не заметив недовольства в поведении небритого, взял вторую половину колбасины и откусил от неё небольшой кусочек. Небритый несколько раз кашлянул и, закрыв глаза, прохрипел:

– Инстинкт важнее мысли.

А Нуда, ещё не прожевав колбасу, пробормотал:

– Ваши сложности мне ни к чему. Лучше жуйте продукт.

Небритый открыл глаза и, указывая на Нуду, произнёс:

– Ну что ж, Мяк, придётся его на вокзал послать вместо тебя. Пусть поработает на бюллетене.

Мяк очнулся от созерцания фонаря и, кивнув, ответил:

– Я договорюсь. На моё место.

Небритый снова закрыл глаза, откинулся в кресле и прохрипел:

– Ну что, Нуда, пойдёшь на культурную работу? Это не камни ворочать.

Нуда, распробовав еду, жадно поглощал кусок колбасы.

– Что молчишь, камнетёсец? Боишься вокзала?

– Не боюсь, – отреагировал Нуда, отрывая руками кусок хлеба. – Только пусть Мяк научит меня. На базе у меня всё другое было.

Небритый закрыл ладонями глаза и проворчал:

– Да, учиться надо! Всех учить надо! А где взять учителей? Мяк, где взять учителей?

Мяк отошёл от стола, прислонился к тёплой трубе и вспомнил, как его учил дядька. Как заставлял общаться со сверстниками и изживать из себя, как частенько ворчал он, эту интеллигентскую застенчивость.

В дядькином городке, недалеко от вокзала, имелось культурное заведение. Местные называли его клубом, хотя на самом деле это каменное строение с колоннами обзывалось

Домом культуры. По выходным для граждан в клубе показывали кино, а в субботние дни вечером (такая уж была традиция) происходили танцы под пластиночную музыку. Старшее поколение относилось к танцевальным мероприятиям без восторгов, даже скорее как к неизбежному негативному явлению, поскольку частенько молодёжь хулиганила там и дело доходило до драки между верхним и нижним городом. Но поскольку танцульки – так эти события называли старики – среди молодёжи были весьма популярны и, как-никак, мало-мальски создавали, как выражалось местное начальство, территорию культурного общения, то субботние танцы проводились регулярно, особенно в зимнее время, когда у городской молодёжи свобода была ограничена холодной погодой.

И вот как-то раз решил дядька выпихнуть своего подопечного на танцы. Резон дядьки был понятен: пусть парень общается со сверстниками в непринуждённой обстановке. А парень после учёбы уединялся в каморке и с неохотой выходил из своего логова на люди. Дядька решил лично проводить его в клуб, то есть почти что насильно доставить парня на территорию культурного общения. Приоделись они во всё, для таких случаев, лучшее. Дядька даже достал из старого шкафа свой бостоновый костюм и галстук, который он надевал, наверное, на свадьбу, а парнишку облачили в выходную куртку и брюки, но без галстука, так как этот предмет мужского туалета в доме существовал в единственном

экземпляре.

Танцульки были в самом разгаре. Усилитель гремел, быстрый фокстрот сменял танго, звучали популярные песни. Девчонки жались по краям, а парни щеголяли модными в то время клёшами, дефилировали вдоль стен, выбирая себе партнёш. Дядька явно выделялся, как белая ворона, в старомодном костюме среди веселящейся молодёжи. Особо не соответствовали местной ауре его прямые, как столбы, брюки. Дядька к наблюдаемым модностям относился если не враждебно, то уж во всяком случае неодобрительно. Наверное, он редко выходил в люди и, увидев эдакую расклёшенность мужских брюк, вначале несколько изумился, даже открыл рот от удивления, а затем насмешливое выражение ярко проявилось на его физиономии и дядьку разобрал нравственный порыв обличения неправильной моды. Он на пару минут подзабыл о своей миссии и о своём подопечном. Завидев парня с особо широкими штанинами, в складках которых для пушшего воздействия на противоположный пол были обустроены маленькие лампочки, горящие разноцветными огоньками, дядька изрёк:

– Во, электричество в штанах!

Громкий возглас дядьки не остался без внимания – его язвительно-осуждающий тон произвёл на слушателя возбуждающее впечатление. А поскольку парень к тому же уже был несколько разогрет танцулками, присутствием девчонок и, видимо, простыми напитками, которые по традиции неко-

торые ухажёры употребляли мало-помалу для куража, то его реакция на дядькины слова оказались весьма резкой.

– Ты, папаша, шёл бы отсюда пока цел! – ответил ухажёр дядьке и угрожающе остановился возле него.

А дядька и не думал убавлять градус воспитательной работы.

– Эко, парень! Грубишь! Электричество завёл в штанах – и думаешь, что умным стал?

Вскипел ухажёр – а как же: его супермодный аксессуар ни в грош не ставят! Ни слова не говоря, вдарил он дядьку кулаком в нос, повредил переносицу – и кровь потекла из дядьки. Инцидент произошёл так молниеносно, что ни дядька, ни его подопечный не успели должным образом отреагировать на хулигана, а тот, с электричеством в штанах, внезапно исчез – видимо, опасаясь общественного мнения.

Дядька стоял ошеломлённый, растерянный и, пытаясь остановить кровотечение, испачкал платок и галстук. Музыка звучала жизнерадостным вальсом, и практически никто, кроме Мяка, не обращал на дядьку внимания. А дядьку было жалко, и Мяк, не зная, как его успокоить, тихо сказал:

– Пойдёмте домой.

Потом, в угоду дядьке, Мяк регулярно посещал танцульки и выучился неплохо двигаться под музыку, но каждый раз, появляясь в клубе, он вспоминал растерянного дядьку с окровавленным носом. Ему и сейчас было жалко дядьку – тот всё-таки много хорошего сделал в жизни.

Мяк пригрелся у трубы. Глаза начали слипаться, потихоньку дремота одолела его, и тревожный сон сковал мякинский организм, и снилась ему какая-то чепуха, мелькали странные эпизоды и странные герои, и каждый раз в конце концов появлялось дядькино лицо с разбитым носом.

– Будешь учить? – услышал Мяк сквозь сон и открыл глаза.

Обстановка возле стола не изменилась, за исключением сервировки. Одна палка колбасы исчезла вместе с буханкой хлеба. Небритый внимательно смотрел на Мяка и ждал ответа, а Мяк, вспомнив о своих картонках, достал их из кармана и разместил на столе.

– Вот, – сказал он и кивнул в сторону своего рабочего инструмента. – Вот и вся учёба.

– Чего это? – недоверчиво спросил Нуда.

Мусьё взял со стола картонку и по складам прочёл:

– «Помогите бездомным».

Он усмехнулся и, положив картонку на место, заметил:

– Всё правильно. На всех нас будешь работать. Только Воньке и Профессору ничего не давай – у них есть дом.

– У всех есть дом, – прохрипел небритый и добавил: – У всех, даже когда кажется, что его нет.

Мусьё несогласно покачал головой, оглядел подвал, ещё раз покачал головой и изрёк:

– И это – дом? Нуда, это дом? А где хозяин? Ты, что ли, хозяин?

Нуда встрепенулся и забормотал:

– Я хозяин. А кто же ещё?

– Значит, мы гости? – спросил Мусьё.

Нуда задумался, искоса взглянул на небритого и, не зная, как ответить, вздохнул.

– Что пыхтишь? – оживился небритый. – Думаешь, если хозяин, то остальные так просто зашли, проведать камнетёсца?

– Я теперь не он, не этот – словорубщик, – ответил Нуда, размотал грязный бинт с пальца и торжественно объявил: – Вот и нет бюллетеня.

– Да-а... – продолжил небритый. – Теперь ты у нас будешь вокзальным. Там работа тонкая – не посрами либерторию!

Нуда подхватил картонку с надписью и приложил её к груди.

– Жертвуйте, граждане, кто сколько может на прокорм бездомных! – громко произнёс он и повертелся у стола, изображая человека в середине толпы.

– Видишь, Мяк, он уже тренируется, – прохрипел небритый. – Эдак распугает он твоих клиентов! Как думаешь: распугает?

Мяк пожал плечами, отломил кусок хлеба и понюхал его.

– На хлеб заработает, – ответил он.

– На хлеб заработает, – повторил небритый и хотел что-то добавить, но махнул рукой и замолк.

Глубокая ночь опустилась на либерторию. Нуда ещё раз

осмотрел мякинские картонки, сложил их себе в куртку и сполз вниз на матрас. Мусьё потоптался возле стола, переложил колбасное изделие ближе к буханке хлеба, почесал взлохмаченный затылок и заявил:

– Буду спать.

Небритый сквозь щёлочки глаз наблюдал за происходящим и тихо прохрипел:

– Спокойной ночи, господа! Завтра уже наступило, а завтра – это значит, что не сегодня.

«Значит, что не сегодня», – подумал Мяк, а вслух произнёс:

– Завтра идём с Нудой на вокзал. Ты слышишь, на вокзал! – погромче добавил Мяк.

– Слышу, – тихо донеслось снизу из-под стола.

Либертория засыпала. Ночные звуки и шорохи не тревожили компанию – она привыкла к ним. Что-то грохнуло недалеко от выхода. Возможно, это порыв ветра сорвал старую железяку со стены, на которой ещё несколько лет тому назад были заметны номер дома и название улицы, а теперь этот ржавый хлам годился всего лишь для того, чтобы сдать его в утиль, да и то весу в железяке этой было мало и судьба её была почти что окончательно решена. Ржаветь ей в битом кирпиче осталось всего года два-три.

А может быть, это какой-нибудь бродяга зацепился в темноте за гнилую деревяшку и с шумом распластался на потрескавшемся асфальте, крепко ругнулся, ощутив удар всем

телом, и, продолжая проклинать невидимое препятствие, постарался встать на ноги.

Много чего происходило в либертории, только перемены её не трогали. Разрушалась она медленно и совсем незаметно, а если посещать её в тёмное время, то перемены можно было совсем не замечать, как не замечали этих перемен бродяги, забредающие сюда случайно, так и её постоянные обитатели.

– Что, передумал? – удивился дежурный, завидев Мяка у двери комнатухи.

– Замену привёл, – ответил Мяк.

– Да ну? – дежурный хмуро поздоровался и спросил: – Инвалида?

– Нет, другого, – ответил Мяк.

Дежурный остановился у двери и спросил:

– Как будет работать?

Мяк задумался и через несколько секунд спросил:

– Можете договориться без меня?

– Нет, – твёрдо заявил дежурный. – Научи его сам.

Он открыл дверь дежурки и молча скрылся за ней. Мяк вернулся в зал, забрал с собой Нуду и в закутке у старой лестницы долго объяснял ему, как надо работать и как общаться с дежурным. Через полчаса Нуда наконец-то смог в точности повторить сказанное.

«Прощай, вокзал», – подумал Мяк и оставил Нуду на своём месте. С чувством грусти и в то же время ожидания че-

го-то нового он покинул почти что родное место, в дальнем киоске купил корж и не торопясь, подгрызая жёсткую выпечку, двинулся в сторону мусорки.

Мусорка процветала – видимо, последний раз мусор вывозили отсюда давным-давно. Контейнеры полностью были завалены хламом, в котором что-либо разобрать было крайне трудно. Даже то место, где они с Мусьё оставили Злыку, было завалено разнообразной гадостью.

«Откуда это всё берётся? – подумал Мяк. – Ведь либертория почти безлюдна. Неужели...» – у него мелькнула мысль, что это чей-то чужой мусор, и тут же он услышал звук приближающейся машины.

Потрёпанная в трудах железяка, рыча двигателем, натужно пробуксовывала в снежной колее. Небольшой фургон остановился у помойки, из кабины выбралась невзрачная личность в затасканном комбинезоне, осмотрелась и открыла задние дверцы. Мяк подошёл поближе и из-за бака приглянулся наблюдать за дальнейшими событиями.

Личность с шумом выгрузила прямо на снег старые двери, несколько оконных рам с разбитыми стёклами и, отряхнув рабочие рукавицы, собралась закрыть дверцы фургона.

– Зачем вы это сделали? – громко спросил Мяк.

Невзрачная личность обернулась на незнакомый голос, прищурилась, пытаясь понять, что за деятель появился на мусорке и чего ему надо.

Мяк повторил вопрос:

– Вы... это... зачем мусор здесь выгрузили?

Личность вылупила глаза на Мяка и не мигая ответила невпопад:

– Выгрузились. А что?

– А то, что здесь нельзя! – строго ответил Мяк.

Личность, видимо, убедившись, что пристающий к нему деятель не начальник, отвернулась от Мяка и по-деловому занялась своей машиной, закрыла двери фургона, обошла машину и, подойдя к дверце кабины, изрекла:

– Ты что пристаёшь? Шёл бы ты, пока цел, – замёрзнешь, гольтьба.

Мяк подумал, что следует на грубость как-то жёстко отреагировать, но слова почему-то не находились, и он просто стоял и смотрел на водителя.

– Что стоишь? Не понял, что я сказал?

Мяк усмехнулся и ответил:

– Вы больше никогда не будете здесь мусорить.

Он хотел прибавить какое-нибудь бранное слово, но запнулся и повторил:

– Никогда.

– Ты что сказал? – зло спросил водитель, открыл дверцы кабины и вытащил из-под сиденья какую-то железку. – Ну-ка повтори! – прошипел он и угрожающе выставил железяку вперёд.

Мяк вспомнил дядьку с разбитым носом, и чувство страха проникло в его тело, руки как будто стали не свои, сердца

це на секунду замерло, а по спине пробежал лёгкий холодок. Мяк опустил голову, глаза его лихорадочно шарили по близлежащему мусорномухламу и машинально выхватили в кучке битого кирпича обрезок арматуры.

Когда арматура оказалась у Мяка в руке, он заявил:
– Вы никогда здесь больше не появитесь.

Запал невзрачной личности исчез так же быстро, как и появился. Он ещё несколько секунд стоял у кабины, затем, озираясь по сторонам, вернул железяку на место, что-то пробурчал себе под нос и с несколько испуганным лицом занял своё место в кабине.

Двигатель завёлся не сразу – возраст машины не позволял ей мгновенно реагировать на желание человека. Через полминуты движок затарахтел и фургончик удалился из новых владений Мяка.

«Была бы у дядьки железяка – нос был бы цел, – подумал Мяк. – Но где же на танцульках найдёшь арматуру?»

Он не торопясь обошёл мусорку, внимательно осмотрел контейнеры и хаотичные кучки недалеко от них – оценил, так сказать, полезность мусорногохлама – и пришёл к выводу, что народ иногда выбрасывает весьма полезные вещи.

«Наверное, самое полезное привозят из-за пределов либертории», – подумал Мяк.

Местный мусор от родных жителей был мало интересен, и Мяк уже было пожалел, что прогнал невзрачную личность, но, подумав, решил, что если поток чужого мусора не регу-

лироваться, то со временем вся либертория покроется хламом и свободным, местным обитателям прибавится неудобств.

К вечеру, когда зимняя темнота опустилась на мусорку, у Мяка в холщовом мешке как-то само собой насобирались несколько полезностей. Он остался весьма доволен своим первым рабочим днём – мусорка обрадовала его изобилием, и поэтому существование на помойке ему теперь казалось не таким мрачным, как в самом начале. К ночи похолодало, изрядно подморозило, и Мяка это обстоятельство одновременно и озадачило, и обрадовало. На морозе работать было холодно – не то что на вокзале, – а с другой стороны, наконец-то пришла настоящая зима и, может быть, прекратится эта слякоть, которая испортила мякинский ботинок. Он вспомнил, что один ботинок они с Мусьё оставили продавщице, и подумал: «Надо бы попросить Мусьё забрать его – заплатили ведь за два».

Мяк подхватил мешок с полезными вещами и двинулся в сторону Нудиного подвала. Зимняя ночь была хороша. Звёздное небо с сияющим Млечным Путём здесь, в тёмной либертории, внушало великое чувство причастности к этому огромному миру и даже вызывало тихую радость оттого, что ты здесь, что ты есть и эта громадина, да нет, не громадина, а бесконечность зрит тебя, и ты – часть её.

– О! Мяк с мешком! – воскликнул Мусьё, когда Мяк вышел к свету фонаря. – Надыбал продуктов? – спросил он.

Мяк молча опустил мешок на бетонный пол и ответил:

– Презенты вам доставил.

– Кому? – переспросил Мусьё.

– Всем, – ответил Мяк и развернул мешок. Он вытащил всё, что собрал за день, и разложил вещи на полу.

– Шмотки, – разочарованно произнёс Мусьё.

– Одежда, – уточнил Мяк.

Он поднял почти новую куртку, встряхнул её и приложил к себе со словами: «Можно носить, только пришить рукав – и щеголяй!».

Мусьё подошёл поближе, потрогал материал и заметил:

– Вроде кожанка.

– Похоже, – согласился Мяк.

Мусьё взял куртку и осмотрел её со всех сторон.

– Спина испачкана.

– Зато модная, – произнёс Мяк и собрался поднять снизу ещё одну вещь.

– Это мне? – спросил Мусьё и попытался рукой почистить куртку.

– Если нравится, то тебе. А вот это, наверное, Нуде подойдёт.

– Нуде всё подойдёт, – ответил Мусьё, примеряя куртку.

Мяк показал Мусьё тёмное пальто с меховым воротником.

– Старое, потёртое, но ещё крепкое, – заявил он. – Нуда будет доволен.

– Нуда всегда доволен, когда дают, – согласился Мусьё.

Он прошёлся в куртке вокруг стола, уселся в кресло небритого и, заложив ногу на ногу, произнёс:

– Одежда делает человека, а человек – одежду.

Мяк кивнул и поднял с пола полушубок:

– А это шуба, мех целый, только подкладка и рукава оторваны.

– Это для него? – спросил Мусьё и пальцем указал на кресло.

Мяк повертел полушубок, приложил его к себе и ответил:

– Ему подойдёт у огня сидеть.

Мусьё встал, подошёл поближе и возразил:

– Сожжёт он шубу-то. Искры летят – сгорит вещь.

– Не сгорит, – ответил Мяк. – Его огонь любит, огонь его знает.

Мусьё пожал плечами, сел к столу и на минуту задумался, а Мяк аккуратно повесил полушубок на спинку кресла.

– Всем принёс, а себе что? – спросил Мусьё.

– Себе ботинок левый нужен. Этот течёт, – ответил Мяк.

Он уселся на матрас, разулся и обследовал обувь.

– Правый ещё ничего, а левый ремонта требует. Может, у Шузки забрать ботинок, что мы купили? – спросил Мяк.

– Профессорский? – переспросил Мусьё.

– Да, профессорский, – ответил Мяк и пояснил: – Мы же заплатили за два.

– Заплатили за два, а взяли один, – уточнил Мусьё. – Может не отдать – время ушло.

– Если по справедливости, то должна отдать, – сказал Мяк и обулся.

– Ага, по справедливости, а на рынке по-другому, – возразил Мусьё.

Мяк поднялся с матраса и, вздохнув, проворчал:

– Есть хочется. На мусорке хорошего питания нет.

Мусьё в знак согласия кивнул головой и ответил:

– Сейчас у Нуды что-нибудь найдём.

Он пошарил по Нудиным ящикам и выставил на стол кусок чёрствого хлеба.

– Вот и вся еда, – сказал Мусьё и посмотрел на Мяка. – Будешь?

– Буду, – ответил Мяк.

Хлеб зачерствел, наверное, ещё с осени, и было удивительно, что в таком состоянии эта, с позволения сказать, еда сохранилась до середины зимы.

Мяк долго трудился над хлебным сухарём. Мусьё уже несколько раз присаживался в кресло небритого и вставал, рассуждая на тему рыночной справедливости.

– На рынке по-другому, – повторил он. – Там справедливость другая.

– Другая? – догрызая сухарь, удивился Мяк.

– Да, другая, – повторил Мусьё. – Там коммерция. А коммерция – это «купи-продай», то есть если купил, то думаешь, что переплатил, а когда продал, думаешь – продешевил.

– И где же здесь справедливость? – спросил Мяк.

– Нет там справедливости, – грустно продолжил Мусьё. – Там каждый за себя. А где каждый за себя, там справедливости нет.

– Где каждый за себя, там и дружбы нет, – добавил Мяк.

– А дружбы нигде нет, – заявил Мусьё.

– Не соглашусь, – ответил Мяк. – Вот возьми нас – разве у нас нет дружбы?

– У нас, может быть, и есть, но не у всех. Вот у него... – и Мусьё указал на место небритого, – дружбы нет: ни разу фанфарик не принёс.

Мяк подошёл к кре слу, погладил рукой полушубок и произнёс:

– Он мудрый. А у мудрых друзей нет. Одиноки они.

– Мы тоже одиноки, и что из того? – произнёс Мусьё.

– Одиноки, – повторил Мяк и задумался.

– Ну что, вечерите? – раздался голос небритого.

– Да уж ночуем, – ответил Мяк.

Небритый пробрался к столу, взглянул на своё кресло, хмыкнул и остался стоять рядом.

– Подарочки раздаёте! – прохрипел он. – А фанфарика нет.

– Нет фанфарика, – подтвердил Мяк. – Может быть, Нуда принесёт с вокзала. Это будет справедливо.

– Справедливо? – удивился небритый.

– Конечно! – И Мяк пояснил свою мысль: – У него на вокзале хороший доход – ему и фанфарики приносить.

– Да, справедливо, – согласился небритый и разместился в кресле. – Тёплая штука, – сказал он, ощутив спиной меховую безрукавку.

– Это вам, – произнёс Мяк. – У огня уютнее будет.

– У огня всегда уютно, – ответил небритый, надел полубок и продолжил рассуждения об огне: – Вот ты, Мяк, не пришёл сегодня к огню, а он, может быть, ждал тебя. А ты не пришёл, Мяк.

– Я был на мусорке, а потом...

Небритый перебил Мяка и прохрипел:

– А потом ты принёс всем подарки – это справедливо. Справедливо, когда думаешь о других. Если думать только о себе, справедливости не будет.

– А ты, Мяк, всё равно подлец, – после паузы добавил небритый.

– Я знаю, – тихо ответил Мяк.

В разговор вступил Мусьё:

– Вот ты говоришь, когда о себе думаешь, то несправедливо. А когда же о себе думать, если для справедливости надо о других?

– Дурак ты, Мусьё! Это у тебя всё от молодости. Потом пройдёт, – ответил небритый.

– Э-э... вы все так! Опять одно и то же: молодой, дурак, а объяснить некому, – обиделся Мусьё. – Мы все подарки любим – значит, думаем о себе. Так это значит, что несправедливые мы все.

– Вот это верно ты говоришь, – похвалил его небритый. – Любим мы себя, только себя. Вот беда в чём, а для других притворяемся.

– Ну что, Мяк, притворяемся? – прохрипел небритый, откинулся в кресле и закрыл глаза. – Не слышу ответа, – произнёс он. – Нет ответа.

– Есть ответ, – послышался голос Нуды. – Есть ответ, – повторил он, выбираясь из темноты. – Есть фанфарик. – И Нуда выставил на стол бутылку дешёвого вина.

– Фанфарик есть – тогда хозяйничай, – прохрипел небритый, подвигаясь к столу. – К фанфарнику всегда ответ найдётся.

Мусьё подсуетился, достал кружку и стакан и, когда сиротство бутылки закончилось, произнёс:

– Фанфарик есть, закуски нет.

– Есть закуска! – с гордостью объявил Нуда, достал из-за пазухи бумажный кулёк и высыпал на стол конфеты.

– Сладкий стол! Сладкий стол! – обрадовался Мусьё, развернул обёртку и восторженно изрёк: – Шоколад. Это шоколад!

– Несправедливо, – пробурчал небритый.

Присутствующие в недоумении уставились на него, Нуда от удивления даже приоткрыл рот, а небритый уточнил:

– Несправедливо к дешёвой бутылке иметь шоколад.

– Да ну ты! Всё, что есть, – справедливо. Вот если бы не было, тогда... – Нуда хотел сказать нечто важное, но небри-

тый перебил его:

– Тогда что, плохо бы было, лысый глаз?

Нуда молча пересчитал конфеты, вздохнул и смиренно произнёс:

– Каждому по три.

– Это справедливо? – спросил Мусьё и посмотрел в сторону небритого.

Тот откинулся в кресле, закрыл глаза и тихо, еле слышно, прохрипел:

– Поровну – это справедливо. А всё остальное – суета.

Компания молча осушила фанфарик и, смакуя шоколад, поедала каждый свою долю конфет. Небритый употребил одну конфету, остальные отложил в сторону, встал, оправил на себе полушубок, остался доволен и произнёс:

– Когда подарок нужен – так это и не подарок вовсе.

Мяк с любопытством взглянул на небритого и спросил:

– А что же это?

Небритый запахнул на себе полушубок, уселся в кресло и ответил:

– Это жертвенная помощь.

– Жертвенная помощь... – повторил Мяк, ещё не совсем понимая, что хотел сказать небритый. – Я вроде бы ничего не жертвовал, – произнёс он после небольшой паузы.

Небритый закрыл глаза и долго молчал. Фонарь освещал его хмурое лицо, и Мяк всегда, когда внимательно разглядывал физиономию небритого, удивлялся: зачем небритому

нужна скрипка? Мяк ни разу не слышал, как он играет на инструменте.

Небритый открыл глаза, заметил, что Мяк ждёт ответа, шумно вздохнул и произнёс:

– Ты сам не знаешь, когда жертвуешь, а когда – нет. Многие думают, что жертвуют, а на самом деле врут сами себе. Ты думаешь, что жертвуешь, а на самом деле...

Небритый не закончил фразу и через несколько секунд добавил:

– Кто знает, что бывает на самом деле?

Он снова закрыл глаза и через минуту тихо засопел. Мусьё и Нуда расположились на матрасе, прижались друг к другу, и Нуда, уже засыпая, пробормотал:

– Мяк, ложись на своё место, а мы здесь.

Мяк сел на матрас, лёг на спину и с удовольствием вытянул ноги. За день на холоде они устали и гудели. Мяк положил руки под голову и долго рассматривал подвальный потолок – ржавые балки и бетонные плиты.

«Это всё когда-нибудь рухнет», – подумал он и заснул.

Спал он долго и крепко, и только под утро почувствовал, что кто-то прошуршал у его лица. Мяк открыл глаза. Нуды и Мусьё на месте уже не было. Он повернул голову и щекой уткнулся во что-то шершавое. Потрогал рукой – две конфеты лежали на матрасе.

«Две конфеты небритого», – подумал Мяк и встал. Кресло небритого пустовало.

Мяк забрал конфеты, мысленно поблагодарил небритого, выключил фонарь и, как обычно, на ощупь выбрался наружу. Крепкий мороз охладил его.

«Жалко, нет снега, – подумал Мяк. – Холод пришёл, а красоты нет».

Старый, замёрзший снег и лёд на асфальте не радовали глаз, и только чистое небо, слегка подсвеченное уже готовым рассветом, предвещало светлый, солнечный день. Мяк сжевал одну конфету и не спеша направился на свой объект. Мусорка ждала его свежего, хозяйского взгляда. За ночь здесь практически ничего не изменилось, новый мусор не появился, и только старая тощая собака испуганно посмотрела на него и отошла на безопасное расстояние. Она внимательно изучала Мяка, словно пыталась спросить: «Что ты здесь делаешь? Это моё место».

Мяк стоял не шевелясь, стараясь не спугнуть собаку. Осторожно достал вторую конфету, развернул обёртку и протянул шоколад собаке. Собака перевела взгляд на конфету, потянула ноздрями воздух и преступила передними лапами.

– На, бери, – тихонько, как можно дружелюбнее произнёс Мяк.

Собака не сдвинулась с места. Мяк положил конфету на картонку и отошёл в сторонку.

– Бери, ешь, – предложил Мяк, указывая рукой в сторону конфеты.

Собака взглянула на конфету, повернулась мордой к Мяку и всё же осталась на месте.

– Ты хочешь, чтобы я ушёл совсем? – спросил Мяк.

Собака попыталась сесть. Она потопталась на месте, поджала хвост и на несколько секунд присела, но, видимо, от холода поднялась и вновь застыла на месте.

– Да, ты здесь хозяйка, а я... – прошептал Мяк и подошёл к шоколадке, взял её в руку и подумал: «Да ты тоже здесь не хозяйка – кажется, из пришельцев».

– Ну что же, будем считать, что пришельцев здесь двое, – сказал Мяк и вернул шоколадку на картонку. – Ешь, пришелец, – прошептал он и скрылся за железными контейнерами.

Несколько минут Мяк бродил среди замёрзшего мусора, но, ничего симпатичного не обнаружив, вернулся к собаке. Конфеты на месте не было, а собака по-прежнему стояла и смотрела на него.

– Полакомилась? – спросил Мяк.

Собака слабенько вильнула хвостом и облизнулась.

– Бездомная ты, – сказал Мяк. – А конфеты больше нет. Извини, съел сам по дороге.

Собака, склонив голову набок, внимательно слушала его.

– Нам бы надо что-нибудь перекусить, – сказал Мяк, сделал шаг в сторону собаки, а она на полметра отступила назад и остановилась.

– Боишься, – произнёс Мяк. – Били, наверное.

Он отступил назад, сказал собаке: «Жди, скоро вернусь»

и двинулся к Воне. Там, как он предположил, ему удастся достать хоть что-нибудь поесть.

«А заодно проведаю Профессора», – подумал Мяк и ускорил шаг.

Он долго стучал в Вонину дверь. Ждал и снова аккуратно выдавал серию из трёх ударов, но отклика никакого не получил.

«Нет никого», – подумал Мяк и решил податься на рынок к Мусьё.

Он более получаса добирался до места. Вначале шагалось легко, холодный воздух проникал в рукава, под воротник куртки, и хотелось двигаться энергичнее, разогревая тело на морозе. Затем он стал уставать – голодная диета не способствовала большим физическим нагрузкам, движение уже больше не согревало, и Мяк сбавил ход и почти машинально переставлял ноги.

«Голодуха на морозе – это плохо», – подумал Мяк, и, когда начала кружиться голова и движение превратилось в неуверенное перемещение тела в пространстве, он остановился. Стало жалко себя как никогда, так грустно, что он с трудом попытался вспомнить, когда же ему было так нехорошо, и не нашёл в своём прошлом ни одного такого случая.

«Как ни одного? – спохватился Мяк. – А смерть дядьки и похороны?» Ему тогда было так же, а может быть, даже грустнее, чем после ухода матери. Когда хоронили её, с ним был дядька, а когда попрощались с дядькой, у него никого

не осталось. Сиротой он стал, круглым сиротой.

Мяк отдышался, погрел ладонью холодный нос и щёки и усилием воли заставил себя двинуться дальше. Рынок в холодный день нельзя сказать, что пустовал, – торговля кое-где шла, но такого количества участвующих в актах купли-продажи, как тогда, когда они с Мусьё покупали вещи для Профессора, не было. В отдельных рядах всего-то торчали два-три продавца, плотно закутанные в зимние одежды и, видимо, оттого серьёзные и насупленные, словно и не собирающиеся продавать свой товар.

Ни у сторожки, ни у подсобки и нигде в других местах Мусьё не оказалось. Салька, как ни старался, Мяка не вспомнил. Только тогда, когда Мяк напомнил ему о красных штанах, Салька улыбнулся и сказал:

– Модная – всегда хорошо!

Мяк отвернулся от него, ещё раз прошёлся по рядам и остановился возле Шузки.

– Вы меня помните? – спросил он.

Шузка, краснощёкая Шузка, жалостливо посмотрела на него и почти что ласково спросила:

– Замёрз, гражданин?

– Есть немножко, – ответил Мяк и поглубже натянул шапочку.

Чувствовалось, что Шузка не узнала его и не воспринимала заросшего, худого до измождения мужчину как потенциального покупателя.

– Ты бы шёл погрелся, – настойчиво произнесла она и, подышав в ладони, спрятала их в глубокие карманы длинного пальто.

– Я бы взял ботинок, – неуверенно произнёс Мяк.

– Зачем? – удивилась Шузка.

– Мы у вас купили, – пояснил Мяк. – Купили с Мусьё намедни. Помните?

– Намедни? – повторила Шузка, и Мяк заметил, что его присутствие у прилавка ей стало неприятно.

Шузка сделала безразличное лицо и пробурчала:

– Ты вот что, проходи, мил-человек, не мешай работать!

Мяк сосредоточился и, разминая замёрзшие губы, не торопясь объяснил Шузке, что они с Мусьё купили для инвалида пару ботинок, а забрали один – только правый, – а левый оставили.

– Я хотел бы забрать левый, – стараясь быть достаточно убедительным, произнёс Мяк.

– Что левый, что правый – не в ногу ты шагаешь! – ответила Шузка.

– На держи. – Она подала Мяку пару мелких монет и добавила: – Отдыхай, мил-человек, то есть проваливай.

Мяк принял подаяние, что-то ещё хотел сказать, но, встретив пустой взгляд продавщицы, кивнул головой и отошёл от прилавка. Монеты он положил в карман и понял, что если что-нибудь не поест, то замёрзнет окончательно. У самого выхода Мяк приобрёл полхлеба. Половинка была ещё

тёплой. Приятный, знакомый запах напомнил ему булочную, куда мать посылала его за хлебом.

Ему в надлежащей строгости выделялись деньги ровно на то, чтобы без сдачи купить хлеб и батон. Мальчишка, понимая ответственность задания, энергично шагал за покупками, крепко сжимая в кулачке небольшую купюру и несколько монет. У самого прилавка, поднимаясь на цыпочки, он протягивал кулачок, разжимал пальцы и, отдавая деньги, произносил заученную фразу: «Батон хлеба за...», – здесь к фразе добавлялась цена этого хлеба, и в продолжение: «...и булку за...». Продавщица – чуточку похожая на Шузку, только немного помоложе – всегда с улыбкой обслуживала его, и мальчишка радостно мчался домой с авоськой, заполненной хлебом и булкой.

Хлеб на морозе быстро остывал, и Мяк прямо на ходу, не пристроившись в каком-нибудь закутке, кусал мякиш и почти не жуя глотал куски хлеба. После нескольких таких операций в горле что-то сработало неправильно, и Мяк с большим усилием проглотил плохо прожёванный кусок.

– Не торопись, Мяк, – сказал он сам себе. Даже не сказал, а просто подумал, что ещё не хватало ему с голодухи подавиться хлебом.

Солнце ушло на закат, скрылось за ближайшими строениями, и Мяк вспомнил о бездомной собаке.

– Я-то хлебушком разговелся, а животное на мусорке голодует! – упрекнул себя Мяк и оставшуюся корку хлеба за-

сунул в карман.

Собаки на мусорке не было. Мяк обошёл окрестности, присел на сломанный стул у бачка, прислонился спиной к холодной железяке и немного расслабился.

«Не дождалось животное, – подумал Мяк, нащупал в кармане корку хлеба и решил догрызть её, но мысль о собаке удержала его. – Может, придёт, вернётся», – подумал он.

Светло-синие сумерки окутали его, сзади на тёмном горизонте уже мелькнула первая звезда, Мяк закрыл глаза и вроде как задремал. Холод куда-то исчез, тепло со спины проникло под одежду. Мяку даже показалось, что сполохи огня от костра осветили его замёрзшее лицо. Вокруг зима – снежная, морозная. Высоко в небе сверкают звёзды. Костёр догорает в середине круга, а вокруг такие же, как он, сидят на ящиках. А рядом с ним небритый на скрипочке что-то душевное играет. Скрипка поёт, плачет о горькой судьбе, а то и весёлость от неё идёт безудержная. Небритый склоняется к нему и шепчет под рыдание скрипки:

– Домой тебе нужно, домой. Не годишься ты для свободной жизни.

– Сынок, не спи – замёрзнешь! – услышал Мяк.

– Проснись, милоч! – И чья-то рука потрясла его за плечо.

Мяк с трудом открыл глаза. На фоне низкой вечерней зари появившееся лицо, испещрённое старческими морщинами, показалось ему знакомым.

– Бабушка, я не сплю, – ответил он.

– Как же не спишь. Застыл весь, поди? – не унималась старушка.

Еле выдавливая звуки застывшими губами, Мяк снова ответил:

– Не застыл.

– Не застыл, не застыл, – укоризненно продолжила старушка. – Ты же, милок, местный. Что ж товарищи-то? Бросили тебя?

Мяк отрицательно покачал головой и попытался встать. Ноги не слушались, и ему пришлось уцепиться за край бачка, подтянуться и, изо всех сил держась за железный край, принять вертикальное положение.

– Дойдёшь до своих-то? – участливо спросила старушка, и Мяк узнал её. Это была та самая бабулька, которая спугнула их, когда они хоронили Злыку.

Твёрдым голосом, стараясь уверить бабульку в том, что он решителен в своих намерениях и полон сил, Мяк ответил:

– Дойду.

Старушка внимательно осмотрела его, сомневаясь в его возможностях, покачала головой и спросила:

– Голодный, небось?

Мяк молча достал недоеденную корку хлеба и показал старушке.

– Питаешься, значит, – кивнула она головой и что-то тихо произнесла про себя.

Мяк оторвался от железного края бачка и сделал пару ша-

гов. Получилось совсем плохо: его качнуло сначала в одну сторону, потом в другую. В конечном счёте ему пришлось снова уцепиться за бачок и стабилизировать своё состояние.

– Нет, милоч, так далеко не уйдёшь, – заметила старушка. – Пойдём-ка со мной. Держись. – И она подхватила его под локоть, и таким образом медленно, но более-менее сносно они двинулись в сторону от мусорки.

Мяк, переставляя заочеченные ноги, пытался о чём-нибудь размышлять, но мысли путались, замёрзшие ладони рук в карманах были вроде не свои. Промороженный организм не давал ни на чём сосредоточиться, и только один вопрос интересовал его: зачем он сдался этой бабушке, и куда она его ведёт? Но чем дальше они удалялись от мусорки, тем менее и менее его интересовала собственная судьба.

Старушка крепко держала его, не давая оступиться на скользкой дорожке, и Мяк подумал:

«Крепкая эта бабушка! Старенькая, а сил ещё много, не то что во мне!»

– Чего ты там говоришь-то? – произнесла старушка, и Мяк, услышав её вопрос, удивился:

– Это я что, мыслю вслух?

– Бормочешь что-то, – снова произнесла бабушка. – Вроде спишь на ходу.

«Это я точно сплю, – подумал Мяк. – И всё это мне снится: и мусорка, и бабушка, и эта ночь со звёздами, и сильная боль в руках – обморозил, наверное, – и эта либертория. Всё

во сне, а проснусь – где я буду?»

– Где я буду? – повторил Мяк и услышал ответ:

– В тепле, милоч, в тепле.

Сколько времени они брели, Мяк, конечно, не заметил. Он помнил, что выбрались они к небольшому дому на краю либертории, и что в доме некоторые окна были освещены, и что завела его бабулька в комнату, уложила на что-то мягкое, и провалился Мяк в тартарары, и сколько времени он провёл в беспомощности, ему неизвестно было.

– Проснулся, – услышал он голос бабульки и открыл глаза.

– Где я? – спросил Мяк.

– Здесь, – ответила старушка. – Отдыхай.

– Зачем? – произнёс Мяк и добавил: – Вы меня зачем это?

– Помирал ты, милоч, совсем помирал, – ответила старушка.

– Совсем помирал... – повторил Мяк, закрыл глаза и попытался вспомнить что-нибудь весёленькое, но ничего, кроме колбасы, что принёс недавно Мусьё, на ум не шло.

«Совсем ты, Мяк, духом обнищал», – подумал он и пошевелил сначала руками – руки не болели. Потом покачал правой ступнёй, левой – и остался доволен.

«Вроде всё работает», – подумал Мяк и открыл глаза.

– Ну вот, теперь не помрёшь, – прошепелявила старушка. – А то совсем опаскудились: давеча усопшего на помойку вынесли!

Мякин повертел зрачками. Чистый белый потолок со ста-

реньким абажуром посредине напомнил ему о той комнатухе, в которой они с матерью ютились вдвоём и он, маленький мальчик, был счастлив.

– Да, счастлив, – прошептал Мяк и осторожно, не спеша осмотрел комнатёнку бабульки.

Обиталище его спасительницы поразило его какой-то древней аккуратностью, граничащей и с унылостью обстановки и, может быть, в то же время с некоторой наивностью хозяйки.

В красном углу висела дешёвая иконка, а в противоположном красовался портрет известного революционера и политического деятеля. Мяк, осматривая обстановку, даже немного улыбнулся и спросил:

– Вы верите в Бога?

Старушка отвлеклась от хлопот у старого комода, обернулась и дружелюбно ответила:

– Все верят, только стесняются, а то иногда злятся, что он есть. – Она кивнула в сторону иконки. – А от этого завихрения в голове происходят: мол, нет доказательств, нет чудес – значит, нет его. Вот от этого паскудство идёт.

– Да, – тихо согласился Мяк и почувствовал, что страшно изголодался. – Бабушка, а можно мне поесть чего-нибудь?

Бабулька встрепенулась.

– Вот молодец – есть захотел! Много тебе ещё нельзя.

Она подхватила какую-то тёмную посудину и покормила его с ложечки чем-то вроде каши. Мяку эта нежная еда по-

навивалась, он съел бы побольше, но старушка убрала посудину со словами: «Через часик ещё подкормлю; лежи, пока я сбегаяю по делам».

И Мяк остался один. Попробовал встать, потихоньку свесил ноги с кровати, осторожно поднялся. Голова немного кружилась, слабость чувствовалась во всём теле. Минут десять Мяк осваивал бабулькино пространство. В кресле у окна обнаружил всю свою одежду, натянул на себя бельё, надел штаны и свитер, огляделся. Не хватало куртки, ботинок и шапчонки.

«Спрятала бабулька», – подумал Мяк и приоткрыл дверь.

Из тёмного коридорчика потянуло холодом, и Мяк в нерешительности остановился, закрыл дверь и взглянул на старушечье хозяйство.

– Ну что, Мяк, ты будешь здесь жить? – спросил он сам себя и снова приоткрыл дверь.

Справа на вешалке обнаружили все его недостающие вещи. Мяк окончательно оделся, вернулся в комнатушку и хотел было оставить бабушке прощальную записку, но, не найдя ни бумаги, ни карандаша, оставил эту затею и выбрался наружу.

Солнце приподнялось над крышами одноэтажных домиков. Его лучи ослепили Мяка – он зажмурился и пару минут привыкал к яркому свету. На небольшом крылечке он осмотрелся; маленький дворик и переулок, ведущий к нему, утопали в снегу.

«Вот и пришла красивая зима», – подумал Мяк и, тихонько ступая по узкой тропочке, проложенной от дома, направился к себе в либерторию.

Либертория, укрытая свежим пушистым снегом, искрилась и сверкала на солнце. Сказочный пейзаж радовал глаз, и мусорка – мякинская мусорка – казалась произведением какого-то импрессиониста. Мяк остановился, чтобы передохнуть, постоял несколько минут у того места, где его обнаружила старушка, и почувствовал себя неблагодарным человеком.

Его спасли от смерти, а он, как последняя свинья, сбежал! Сбежал, как собака, не дождавшаяся его! «Собака я и есть. Бездомная собака», – подумал Мяк и двинулся дальше.

У Нуды он долго отогревался у трубы, грыз хлебную корку, что не доел тогда на мусорке. Пошарил по нудинским сушкам, обнаружил несколько белых сухарей. Всё найденное с голодухи употребил и завалился спать на матрас. Спал, наверное, долго, и только в самую ночь услышал голос небритого:

– Явился, лысый глаз! А мы подумали, возвратился.

– Ну и где же ваше сиятельство прохлаждалось эти дни? – прохрипел небритый и пристально взглянул на лежащего Мяка.

– У старушки, – сухо ответил Мяк.

– У старушки, лысый глаз! – повторил небритый. – Небось фанфарики потреблял непрерывно, лысый глаз! Хоть бы нам

один доставил!

Небритый уселся в кресло и, оглядевшись, спросил:

– А где все?

– Не знаю, – ответил Мяк и с трудом поднялся с матраса.

– Ну и видок у тебя, Мяк! Худой ужась как, лысый глаз! – прохрипел небритый. – Заболел, что ли?

– Есть маленько, – ответил Мяк.

Небритый покопался в карманах, достал белую пилюлю и протянул Мяку:

– Кушайте, Ваше величество, лысый глаз!

Мяк недоверчиво взглянул на таблетку и проворчал:

– Стимулятор?

– Ага, лысый глаз, – ответил небритый. – Не бойсь, взбодрит. Вреда ноль, а организму полезно.

Мяк сунул пилюлю в рот – лёгкая прохлада, обволакивая полость рта, отвлекла от усталости.

– Помогает, – через минуту произнёс Мяк.

– Всем помогает, и тебе поможет, – прохрипел небритый.

– А старушка, видать, утомила тебя, – ехидно добавил он.

Мяк притулился у стола и ответил:

– Она спасла меня от замерзания.

Небритый прокашлялся, несколько раз тяжело вздохнул и мечтательно произнёс:

– Это хорошо, когда женщина спасает мужика! Это, лысый глаз, сверхблагородно и чувствительно. Это не по обязанностям, не по долгу, а по любви.

– По любви? – спросил Мяк.

Небритый закрыл глаза и произнёс:

– Вот именно, по любви. А как же без неё? Без неё ничего не бывает.

У трубы появился Нуда. Он подчёркнуто торжественно нёс впереди себя пакет. Поставив его на стол, изрёк:

– Пируем!

– В честь чего это? – спросил небритый.

– Премию получил, да вот и Мяк объявился – не пропал, как мы думали. Так ему праздник и нам.

Нуда достал из пакета два фанфарика, с десяток пирожков и горсть конфет.

– Заработал? – прохрипел небритый. – Чисто заработал?

– А как же! – радостно ответил Нуда. – Таковую бумажку мне кинули!

– Не наш кинул, – вроде как оправдываясь, добавил Нуда и забормотал: – По-нашему ни бум-бум, а что нашему брату надобно, соображает. Вот я и говорю: соображает...

Нуда хотел ещё что-то доложить о своей удаче, но небритый прервал его:

– Так ты на всю бумажку и купил? – спросил он.

– Ага, – ответил Нуда. – Зато всего много. – Он потянулся к бутылке, открыл её и кинулся искать посуду.

Три кружки и стакан появились на столе.

– А что Мусьё, ещё не вернулся? – спросил Нуда и, наполнив кружки, отодвинул стакан в сторону.

– Не вернулся, лысый глаз! – прохрипел небритый. – На рынке нет. Говорят, в дежурку его забрали, но толком никто не знает.

– Жалко, – произнёс Нуда. – Ну давайте, давайте, – поторопил он всех, поднимая свою кружку. – Давайте выпьем за премию и за Мяка – вокзал он мне уступил! Хороший ты, Мяк, и вокзал у тебя хороший.

Нуда залпом опустошил кружку, выдохнул воздух, тут же схватил пирожок и начал его интенсивно кусать, будто опасаясь, что кто-то может ему помешать.

Мяк сглотнул слюну, мелкими глотками выпил содержимое кружки, взял в руки ближайший пирожок и, откусив небольшой кусочек, принялся медленно его жевать.

Минуты через три справились с первым фанфариком. Нуда открыл вторую бутылку и, наполняя посуду, загадочно объявил:

– Подошла ко мне одна. – Он весело взглянул на Мяка и продолжил: – Расфуфыренная вся – такую я не видел ох как давно!

Мяк, не обращая внимания на Нуду, машинально жевал пирожок и, казалось, никого не слушал.

– Мяк, о тебе спрашивала, – произнёс Нуда и мигом опорожнил свою кружку. – Слышь, Мяк, о тебе...

Мяк, склонив голову к столу, никак не отреагировал на эти слова.

– Спрашивала: мол, стоял здесь мужчина, а теперь где

он? – продолжил Нуда. – Но я – нет. Ничего, ни словечка. Слышь, Мяк, ни словечка! Ты, Мяк, пей. За премию мою пей, – забалаболил Нуда. – Уж как она меня обхаживала! Слышь, Мяк, всё допытывалась: как, мол, тебя зовут и вообще? Но я ни словечка! Я, Мяк, за тебя, слышь, за тебя... Такую деньгу мне дала. Не нашу деньгу. Таковую премию, но я ни словечка! – Язык у Нуды заплетался, и он ещё долго повторял эти два слова: «Ни словечка».

Опустошили второй фанфарик. Душевный разговор не получался. Нуда что-то невпопад гундел себе под нос. Мяк совсем устал, сложил руки на столе, опустил на них голову и молча смотрел на небритого. А тот, откинувшись в кресле, рассуждал:

– Ты, Нудка, что-то забалаболил нас. Мы так и не поняли. Мяк, мы не поняли?

Мяк тихо буркнул: «Угу» и закрыл глаза.

– Так вот, Нудка – лысый глаз, мы это, значит, не поняли. Ты слышишь, Нудка?

Нуда вскинул голову, мутными глазами обвёл окружающее пространство и заявил:

– Я ни словечка, я за Мяка... – Он два раза клюнул носом и, сосредоточившись, добавил: – Мяк нам друг... Она хотела, а я – ни словечка.

– Поплыл! – прохрипел небритый. – Разбалаболился, друг! Теперь и путается в показаниях.

Нуда повернул голову в сторону небритого, пробовал сфо-

кусировать взгляд на его физиономии, раза два пытался выпучить на небритого глаза и в конечном счёте, отвернувшись от говорившего, пробурчал:

– В показаниях никогда, ни словечка... Она хотела, а я – ни словечка.

Нуда сполз вниз, несколько раз икнул и завалился на матрас.

– Заложил он тебя, Мяк. Слышь, заложил, – прохрипел небритый и закрыл глаза.

Мяк уже давно никого не слушал – он после фанфариков провалился куда-то и сейчас находился совсем не здесь, и снилась ему душевная старушка, защитница всех свободных людей. Она стояла с маленькой иконкой, осеняла крестным знаменем большую толпу Мякиных. Мяк был среди них, и кланялся старушке, и видел, что вокруг одни Мякины, – и стало ему скучно. Так скучно, что даже глухой стон вырвался у него из груди и сон пропал. Открыл Мяк глаза – и видит, что бездомная собака строго смотрит на него. Не лает, не виляет хвостом, а просто смотрит и ждёт, когда он отдаст ей корку хлеба. Мяк роется в карманах – всё обшарил, а корки нет. Собака склонила голову набок и не понимает, почему ей не дают еды.

– Не дают еды, – шепчет сквозь сон Мяк и наконец-то крепко засыпает без сновидений.

Солнце уже два часа освещало либерторию, и мякинскую мусорку, и старую трубу у кочегарки. Длинные тени вытяну-

лись на север, изогнулись на препятствиях то от разрушенной стены, то от старых бетонных заборов. Тянутся тени по искрящемуся на солнце снегу, и кажется, что скоро весна, и потекут ручьи, и появятся сосульки, свисающие с карнизов брошенных домов, и птицы, смиренные зимой, зачирикают возле проталин. Но до весны ещё далеко...

Проснулся Мяк в полной темноте, нащупал рукой фонарь, попытался включить его, но на месте кнопки обнаружил отверстие. Тряхнул легонько фонарь за основание – появился слабый мерцающий свет. Огляделся Мяк – никого вокруг нет. Сказал сам себе: «Доброе утро» и выбрался наружу, на солнце. Зажмурился от яркого света и подумал, что день уже в самом разгаре.

– Добрый день, товарищ Мяк! – громко произнёс он.

Собственный голос ему понравился – не было в нём ни жалости к себе, ни глухой тоски от одиночества, ни испуга от ожидаемой неизвестности. Оглядел Мяк чистое небо – ни облачка, словно за ночь некто великий и могучий тщательно протёр небосвод от края и до края.

– Мусорка так мусорка, – сказал он сам себе и не спеша, аккуратно переставляя ноги по нетронутому снегу, двинулся к себе на рабочее место.

На закате, когда солнце коснулось крыш дальних строений, мусорка неожиданно для него превратилась в нечто нереальное, будто старый художник, затосковав от классики, поиграл белой краской по холсту, набросал миллионы оттен-

ков, замаскировал старый холст с непонятными предметами и возрадовался увиденному.

Мяк поставил картонный ящик с кое-какими полезными вещами у контейнера, присел на то же место, откуда его забрала старушка, и наблюдал, как солнце опускается за крыши. Сначала скрылась половина диска, но яркий свет не стал менее ярким, только в нём по сравнению с большим солнцем появились красно-оранжевые оттенки. Затем вниз ушёл почти весь диск и стало заметно темнее, а когда всё солнце спряталось за домами, на мусорке внезапно появились синие сумерки, дневные краски померкли, и картинка старого художника потускнела.

Мяк закрыл глаза и представил себя на санаторной льдине среди бескрайнего неба и льда. Мысли его, ясные и чёткие, с восторгом перебирали дальнейшие сюжеты, и его назначение вместо Герасима Ильича, и ворчание коллектива конторы, и Адмирала с его забористым напитком из фляжки.

Быстро темнело. Яркие звёзды заискрились в морозном воздухе. Мяк подумал:

«Наверное, небритый уже разжёт свой костёр, и яркие сполохи огня освещают его задумчивое лицо. Если бы я был там, то наверняка он рассказал бы мне о живом огне, а может быть, просто молчал и думал о чём-то своём».

Мысли Мяка поплыли куда-то далеко в детство. Он вспомнил мать: как она растирала снегом его обмороженные щёки и нос. Было немножко больно, но он терпел. Терпел,

как сейчас, когда холод прокрался в рукава и стали подмерзать ноги. Он мёрз и боялся пошевелиться. Он знал, что стоит только пошевелить пальцем ноги – как холод быстро разбежится по всему телу, и не будет спасения от него.

«Не будет спасения от него», – подумал Мяк и тихо задремал.

– Осторожно берите его! Вот сюда, на носилки.

Голос Мяку показался знакомым, но вспоминать, чей он, ему не хотелось. Он почти не чувствовал себя, и ему казалось, что плывёт он куда-то, и дорога ему предстоит дальняя-предальняя. Его несколько раз переносили с одного места на другое, появлялся яркий свет, а затем наступала темнота. Этот знакомый голос ещё несколько раз что-то ему говорил, называя его Мякишей, но он не хотел отвечать – он плыл всё дальше и дальше, и не надо было ему возвращаться.

– А ведь ты подлец, Мяк! – сказал ему небритый.

– Да я знаю, – не разжимая губ ответил Мяк и подумал: «Я, наверное, опять заболел. В бреду я...»

– Нет, Мякиша, ты у меня, – услышал он Раисин голос и открыл глаза.

Он долго лечился – более месяца восстанавливали мякинский организм. И сам он тоже лечил себя, вспоминал санаторию, клинику, либерторию... Мысленно перебирал все эпизоды своего стремления стать новым человеком, человеком свободным и, конечно, пытался объяснить себе: кем же он стал?

– Я сейчас другой, совсем не тот Мякин, Мякиша, Мякушка. Я... – И он не знал, никак не мог определиться: кем же он стал?

Приходили и уходили доктора, тщательно осматривали Мякина, тихонечко объясняли Раисе, что надобно делать, и однажды он услышал: «Это как же вы довели до такого состояния мужа?»

Раиса вздохнула и ответила старому доктору:

– Он поправится, обязательно поправится!

Мякин лежал и смотрел в потолок, иногда украдкой поглядывал на Раису и думал, думал, закрывал глаза и вспоминал свой дом. Воспоминания лечили его. Он представлял себе, как сидит в своём любимом кресле и домашняя тишина обволакивает его, убаюкивает, и кто-то на цыпочках, стараясь не помешать ему, подходит и накрывает Мякина тёплым пледом.

А потом он вернулся в контору, и сам Казлюк хвалил его за работу.

– Вы, Мякин, незаменимый работник! Мы без вас пропадём, – частенько говаривал он и всякий раз добавлял: – Берегите себя.

Казлюк постоянно не сидел в кабинете, где раньше начальствовал Герасим Ильич, а затем некоторое время и сам Мякин, – он постоянно передвигался по конторе и, как свой в доску парень, раздавал направо и налево ценные советы, которые конторские воспринимали несколько нервозно

и раздражительно.

В конторе Мякина сначала жалели – а как же: «Пострадал наш Мякин, чуть не замёрз среди бездомных!» А затем стали осуждать: «С чего это добропорядочный гражданин семью бросил?»»

Потом довольно быстро, дня за три, эти разговоры затихли и Мякин был возвращён в своё обычное существование тихого трудоголика. И только Раиса, при соблюдении субординации, всё-таки позволяла себе изредка ласково потрепать затылок Мякина, настойчиво показывая, что её Мякиша – Раисин и ничей больше.

В тот день Мякин работал как никогда. Казлюк накидал ему столько документов, что, казалось, их не разгрести и за неделю, однако закрыть дела предстояло сегодня, то есть в пятницу. Всё было бы ничего, если бы за неделю коллеги Мякина (наверное, от его безотказности) насовали ему свои бумаги в надежде на то, что «наш труженик» обработает их в лучшем виде.

Корпел Мякин весь день без перерыва. В положенное время сотрудники дружно удалились из конторы на отдых. Сам Казлюк несколько минут постоял у мякинского стола, одобрительно хмыкнул и произнёс:

– Раечка, вы уж тут с Мякиным завершайте, а я удалюсь. Приятных выходных!

Раиса покорно кивнула головой и проводила Казлюка до выхода.

– Мякиша, ещё долго? – спросила она Мякина.

Он ответил:

– Скоро – уже закругляюсь.

Через полчаса Мякин закруглился. Как обычно, рассортировал бумаги, не спеша привёл в порядок стол. Поднялся со стула и тихо произнёс:

– Ну, я пойду домой.

– Да-да, – засуетилась Раиса. – Я почти готова, – ответила она, собирая сумочку и приготовив конторские ключи.

– Я пойду к себе домой, – ровным тоном произнёс Мякин и направился к гардеробной вешалке.

– Что ты сказал? – растерянно спросила Раиса.

Мяк набросил зимнее пальто и, повернувшись к ней боком, ответил:

– Я пойду к себе, то есть к себе домой.

Раиса встала из-за стола и долго смотрела на Мякина, пока он просовывал руки в рукава пальто, застёгивал пуговицы и аккуратно прилаживал на голову меховую шапку.

– А там тебя ждут? – спросила она.

– Не знаю, – ответил Мякин, повернулся лицом к Раисе, взглянул на неё, опустил глаза и добавил: – Извини, я пойду к себе.

Не ожидая реакции Раисы, он повернулся и твёрдой походкой направился к двери.

«В этом сезоне, похоже, останемся без зимы», – подумал Мякин, когда вышел в переулок. Холодный, влажный ветер

мчал по тёмному небу подсвеченные городскими фонарями облака. Посыпала снежная крупа. Мякин поднял воротник, поправил меховую шапку и повернул на знакомую улицу, где метрах в ста от перекрёстка существовала его остановка, на которой он несчётное число раз садился на свой автобус и наслаждался получасовой поездкой домой, когда уже не надо думать о конторе, когда такие же, как он, горожане, усталые за день, тихонечко, почти ничего не замечая, сидят или стоят в салоне, и кажется, что собралась неведомо какая группа единомышленников, обсудившая до самых мелочей дальнейший ход событий и теперь, покорно отдавшись судьбе, молча, не глядя друг на друга, ожидала, совпадёт ли их прогноз с реальной действительностью.

Автобуса давно не было. Мякин даже подумал: не изменилось ли за время его отсутствия что-то в городском транспорте? Но, взглянув на табличку, он обнаружил там свой номер автобуса, да и стоявшие на остановке терпеливо ожидали появления транспорта.

Резкие порывы ветра заставляли ожидающих, подставляя ветру спины, поёживаться и, согнувшись с поднятыми воротниками, стойко переносить непогоду. Снег прекратился, и Мякин подумал:

«Это хорошо: небритому будет удобнее разжечь огонь, а потом он скажет: “Подлец ты, Мяк”».

– Никто теперь мне не скажет: «Мяк, ты подлец!» Да и нет теперь Мяка, – прошептал Мякин и представил себе либер-

торию и старика, сидящего у костра.

Прислонившись к столбику с табличкой, Мякин расслабился, ему показалось, что стоит он недалеко от костра и видит, как языки пламени быстро пожирают деревянные обрешетки от ящиков и прочего хлама. Порывы ветра сбивают пламя – и тогда огонь уходит внутрь, угли становятся ярче, жар от них прожигает подветренную сторону и старик поправляет костёр, перемещая длинной палкой головешки. Костёр то разгорается, то затихает до высыхания очередной порции дров. Красно-жёлтые струйки огня сначала нехотя облизывают дерево, появляется белый дым – признак сильного разогрева влажной доски, – а затем огонь наступает и властвует до тех пор, пока доска не обугливается, постепенно чернеет, трескается и превращается в яркокрасные угли.

Старик с открытыми глазами сидит у костра и зорко следит за огнём. Как только пламя угасает, разделавшись с очередной жертвой, он подбрасывает новую порцию. Через несколько минут костёр оживает, пламя разгорается и сполохами огня освещает небритого, кирпичную стену старого дома и крошечную темноту вокруг, и кажется, что там нет никого и ничего, только это небольшое пространство и есть на всём белом свете.

– Я говорил ему: не годишься ты для свободной жизни. Говорил... – ворчит небритый, поправляя головешки в костре.

– А разве он будет слушать? – продолжает он, прикрывая

ладонью глаза от сильного огня.

– Гудишь? – обращаясь к огню, хрипит небритый. – Гудишь, пока я здесь, а потом...

Он отворачивается от огня, прищурившись вглядывается в темноту и, как будто разговаривая с кем-то, произносит:

– Вернулся он. Наверное, вернулся... Точно вернулся. Он не такой как вы. Говорил же я ему, что он не годится для нашей жизни!

Небритый молчит и закрывает глаза. Свет от костра играет на его старом лице. Он просто сидит и думает о чём-то своём – может быть, об огне.

– А может, и не говорил, – шепчет небритый и на ощупь подбрасывает в огонь обрезок доски.

Подошёл автобус, ожидающие торопливо заполнили салон. Мякину повезло – ему досталось свободное место.

«Повезло мне! – подумал Мякин. – Мне теперь должно везти. Теперь я дома, и всё будет хорошо».